ФАНТАСТИКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

10'2000

ИНДЕКС ПО РОССИИ 73118. Адреса в INTERNET: WWW. RUSF. RU, WWW. DEOL. RU/ CULTURE/ ESLI

ЮЛИЙ БУРКИН, КОНСТАНТИН ФАДЕЕВ
ИСКОВЕРКАННЫЙ МИР

ДЭВИД БРИН
ДЖОДИ ЛИИН НАЙ
ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ
ЭЛИЗАБЕТ МУН

АНДРЕЙ САЛОМАТОВ:
ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

«Если», 2000 № 10

Далия Трускиновская, Сюзанна Кларк, Вл. Гаков, Леонид Кудрявцев, Рафаэль Лафферти, Джоди Линн Най, Дмитрий Караваев, Ярослав Водяной, Дмитрий Байкалов, Андрей Щербак-Жуков, Элизабет Мун, Дэвид Брин, Юлий Буркин, Константин Фадеев, Дмитрий Володихин, Евгений Харитонов, Александр Мирер, Танит Ли, Николай Ютанов, Андрей Саломатов

Аннотация
«ЕСЛИ», 2000 № 10
Далия Трускиновская. СУМОЧНЫЙ
Сюзанна Кларк. МИССИС МАББ
Вл. Гаков. ПРОБЛЕМЫ «МАЛОГО НАРОДЦА
Леонид Кудрявцев. ПОСРЕДНИК
Рафаэль Лафферти. ВСЕ ФРАГМЕНТЫ РЕЧНОГО БЕРЕГА
Джоди Линн Най. МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ СТИКС
ВИДЕОДРОМ

НОСТАЛЬГИЯ ПО СКАЗКЕ
ПРИЗРАК СЭРА АЛЬФРЕДА
РЕЦЕНЗИИ
ВОРОН 3: СПАСЕНИЕ. (THE CROW: SALVATION)
МАЛЫШ. (THE KID)
СЛОН ПРОТИВ КИТА
НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ…. Коротко-метражная фантастика
Элизабет Мун. ЛЕДИ ИЗ КЛУБА «КИРАСА»
Дэвид Брин. ЭТОТ ОГНЕННЫЙ ВЗГЛЯД
Юлий Буркин, Константин Фадеев. ИСКОВЕРКАННЫЙ МИР
Дмитрий Володихин. ПРИЗЫВАЯ КЛИО
Евгений Харитонов. ГЛАВНЕЙШИЙ ИЗ ВСЕХ ВОПРОСОВ…
Рецензии
ВЕК ОЖИДАНИЯ
Банк идей
Танит Ли. ДЖЕДЕЛЛА-ПРИЗРАК
Николай Ютанов:. «ПРЕКРАСНЫЕ ЛЮДИ И ОТЛИЧНЫЕ КНИГИ»
КУРСОР
Андрей Саломатов. ВСЕ УЖЕ ПОЗАДИ
PERSONALIA

Аннотация

ФАНТАСТИКА

Ежемесячный журнал

Содержание:

Далия Трускиновская. СУМОЧНЫЙ, рассказ
Сюзанна Кларк. МИССИС МАББ, рассказ

Вл. Гаков. ПРОБЛЕМЫ «МАЛОГО НАРОДЦА», статья

Леонид Кудрявцев. ПОСРЕДНИК, рассказ
Рафаэль Лафферти. ВСЕ ФРАГМЕНТЫ РЕЧНОГО БЕРЕГА, рассказ
Джоди Линн Най. МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ СТИКС, рассказ

Видеодром
*Экранизация
--- Дмитрий Караваев. НОСТАЛЬГИЯ ПО СКАЗКЕ, статья
*Мастера
--- Ярослав Водяной. ПРИЗРАК СЭРА АЛЬФРЕДА, статья

*Рецензии
*Хит сезона
--- Дмитрий Байкалов. СЛОН ПРОТИВ КИТА, статья
*Дебют

Андрей Щербак-Жуков. НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ...: Короткометражная фантастика, статья

Элизабет Мун. ЛЕДИ ИЗ КЛУБА «КИРАСА», рассказ
Дэвид Брин. ЭТОТ ОГНЕННЫЙ ВЗГЛЯД, рассказ
Юлий Буркин, Константин Фадеев. ИСКОВЕРКАННЫЙ МИР, повесть

Критика
*Дмитрий Володихин. ПРИЗЫВАЯ КЛИО
*Евгений Харитонов. ГЛАВНЕЙШИЙ ИЗ ВСЕХ ВОПРОСОВ...

Рецензии

Крупный план
*Александр Мирер. ВЕК ОЖИДАНИЯ, статья

Конкурс
*Банк идей

*Танит Ли. ДЖЕДЕЛЛА-ПРИЗРАК, рассказ

Николай Ютанов. ПРЕКРАСНЫЕ ЛЮДИ И ОТЛИЧНЫЕ КНИГИ, статья

Курсор

Год 2100: история будущего

*Андрей Саломатов. ВСЕ УЖЕ ПОЗАДИ, рассказ

Personalia

Обложка И. Тарачкова к повести «Исковерканный мир».

Иллюстрации А. Жабинского, О. Синявской, А. Филиппова, С. Шехова, И. Тарачкова.

EUROCON POLCON BALTCON
ЕСЛИ
2000
ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ!
Друзья, на «Евроконе-2000» ваш журнал «Если» признан лучшим фантастическим журналом в Европе!
И еще одна приятная новость: с первого номера следующего года журнал увеличится в объеме и перешагнет за 300 страниц. Мы сумеем полнее представить отечественную и зарубежную прозу — и, конечно же, проблемы, существующие в современной фантастике.
Как всегда, подписка на «Если» ведется по объединенному каталогу «Пресса России». Стоимость полугодового комплекта из шести номеров — 216 рублей (плюс цена доставки, которая различна в каждом регионе). Индекс подписки прежний — 73118.

«ЕСЛИ», 2000 № 10

СМОТРИТЕ НА ВИДЕО
Человек, венец природы,
способен творить чудеса.
Но иногда его «творения»
оборачиваются против
него самого,
и тогда не миновать беды...
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР
ЭКСПЕРИМЕНТ
«КАРНОЗАВР»
ООО «Мост-Видео»
109 456, Москва,
1-й Вешняковский пр., 1
Тел.: (095) 171-02-57– опт,
(095) 170-96-29– розница,
(095) 174-22-38– прокат.
Факс: (095) 170-57-38
Кассета с этим фильмом защищена
спецмаркой с логотипом ООО «Мост-Видео».
Кассета без такой марки является поддельной.

created by mefysto

Иллюстрация Александра ЖАБИНСКОГО

Далия Трускиновская

СУМОЧНЫЙ

— Я вот… По объявлению.

— Ах, по объявлению. Ну-ну…

— Ты здешний дед, что ли?

— Дедушка. А ты, стало быть, по объявлению. Ну, заходи…

Краткий этот разговор состоялся на антресолях прекрасной четырехкомнатной квартиры, как раз там, где имелось в стене задвинутое чемоданами отверстие для проводов от распределительного щита.

Надо сказать, что антресоли всякой обжитой квартиры немало поразили бы хозяев, ежели бы те вздумали однажды разобраться, какая такая старая рухлядь загромождает отверстие. И тут бы обнаружилось, что ненужное, казалось бы, имущество, преобразилось. Из запертого чемодана, к примеру, изъята старая декоративная наволочка, шерстяная, в фольклорном стиле, и сложена так, что стала диваном с подлокотниками. Маленькая банка с остатками краски, забытая пять лет назад, после того еще ремонта, накрыта чистой бумажкой и сделалась столом. Равным образом

брезентовая рукавица, оставшаяся от того самого ремонта, прилажена к отверстию на манер шторы, чтобы не сквозило, и стоит наготове другая банка с краской — загородиться, если вдруг пожалуют незваные гости.

Хозяин, домовой Феоктист Степаныч, впустил посетителя, но, надо сказать, без излишнего энтузиазма.

А чему тут было радоваться? Тот, кто пришел по объявлению, меньше всего походил на сумочного хозяина. Был он худ, взъерошен, неопрятен, неухожен и смотрел как-то угрюмо. Нехорошо смотрел.

— Молочка? — спросил Феоктист Степаныч. — Хозяйка добрая, наливает. Кошачий корм вот есть. Рюмочку тоже для меня держит. Я вот в скляночку перелил. Винцо знатное, кагор.

Был он упитан и мохнат, как полагается домовому дедушке в богатом хозяйстве, и угощал с некоторым хвастовством — вот, мол, сколь сытно живем, можем подкормить.

— Сыт, — отрубил гость, хотя по рожице было видно — ой, голоден…

Сел он не на хозяйский диван, а на корточки, прислонившись спиной к чемоданной стенке.

— Тебе виднее. В сумочные, стало быть?

— Ну…

— А ты уже работал сумочным?

— Ну… работал.

Феоктист Степаныч лжецов не любил. За вранье и выставить мог — единожды и навеки. Но этот растрепа вроде бы как и не врал.

— Су-моч-ным! — весомо уточнил дедушка. — В дамской деловой сумке. Служил?

— В дамской — нет. А что? Такое уж сложное дело? Сколь там добра-то поместится, в той сумке? — вопрос был одновременно риторическим и презрительным. — Вся она — с гулькин нос!

— Добро-то, братец, этакое… С одними тенями для глаз намаешься, — предупредил Феоктист Степаныч. — Коробок раскрывается, а они — как мука, в ком сбитая, рассыпаются, вся подкладка в пыли. Еще вот пилка для ногтей. Хозяйка ее, пилку, на место не кладет, прямо так бросает, и пилка подкладку рвет. Еще вот, скажем, блокнот — тут смотреть нужно, чтобы страницы не загибались.

— Смотреть могу, — согласился гость. — Так что же — место еще не занято?

— Да ты уж третий приходишь, — сообщил дедушка. — Бабушка из пятой квартиры просилась, они там с дедом не поладили, разводиться собрались. Как в ту сумку посмотрела — ой, мамочки,

говорит, тут же одной приборки не оберешься! И бумажек-то, бумажек! Начнешь выбрасывать — а вдруг дельную выбросишь? Потом еще портфельный хозяин заглядывал. У него такое горе: парнишка школу окончил, портфельчик уже без надобности, снесли на помойку. Тоже я ему сумку показал, а он чихать принялся. Аллергия у него на духи…

— А бабушка — она не вернется? — решил уточнить гость.

— Не-е, не вернется. Ей там за дедом хорошо. Только телевизор смотреть не велит. А она уж пристрастилась. И сам посуди: там она домовиха-госпожа, особа почтенная, а тут кто? Сумочная! То есть у меня в подчинении.

— Ну так берешь, что ли?

— С испытательным сроком разве взять? — сам себя спросил дедушка. — Две недели. Идет?

— Идет.

— Тогда располагайся. Прямо тебе скажу — кабы не припекло, не взял бы. Но она, хозяйка наша, уже из-за сумки в буйство впадать стала. Прямо в голос кричит: ничего, мол, сыскать невозможно! А сумка французская, отделений в ней шесть, больших и маленьких, и еще с другой стороны потайной карман, за ним тоже глаз нужен. Она

там часто деньги носит…

Феоктист Степаныч шумно вздохнул.

— Коли хозяйка буянит — весь дом вверх дном, — пожаловался он. — Впору уходить, другое место искать. А так она женщина добрая. Труженица! На дом денег не жалеет. Это у нас только хозяин неудачный выдался… Ну, сам сообразишь…

— Пьет, что ли? — догадался гость.

— Хуже. Бездельник. Дармоед. Ты его в расчет не бери. Все по-хозяйкиному делать надо. Вот еще что! Ты кота гонять не моги! Кот у нас серьезный, персидский. Она мне его с понятием препоручила! Принесла котеночком и так прямо, по старинке, сказала: вот тебе, дедушка, на богатый двор мохнатый зверь, береги его, холь да лелей!

— С котом поладим, — хмуро сказал пришелец.

— Две недели тебе сроку, стало быть. А зовут как?

— Прохором.

— Располагайся, Проша. Документ имеется? Давай сюда — впишу, что взят в сумочные с испытательным сроком…

— Незачем, — отказался новоявленный сумочный. — Обойдусь. Мне до пенсии еще далеко.

— Как знаешь…

* * *

Ночью, когда семья угомонилась, Феоктист Степаныч повел Прохора в должность вводить.

Сумка стояла в гостиной на кресле. Рядом спал большой рыжий кот.

— Вот твое место прохождения службы, — строго сообщил дедушка. — Ты запоминай! Вот этим она личико красит. Это все должно в косметичке лежать. Вот карточки — называются визитки. Их в боковой кармашек складывай. Это важно! За жевательными резиночками особо смотри! Она пакетик откроет да не глядя в сумку бросит — а ты этим белым штучкам разбежаться не давай, бумажку зажми… Во! Вот это — самое неприятное. Ну да уж ты потрудись.

— Что за дрянь такая? — удивился Прохор.

— Ну, жует она резиночку, а тут вдруг кто заявился и жевать уж неприлично, а мусорной корзины рядышком нет. Так она скоренько — в сумку! К подкладке прилипнет — зубами не отдерешь! Или дельные бумажки между собой склеятся. Ты как такое увидишь — сразу лови.

— Она выходит, плюет, а я — лови? — возмутился Прохор.

— А тебя, между прочим, сюда веником не гна-

ли, — напомнил Феоктист Степаныч. — Я знаю: внизу за батареей и другие объявления имеются. Вот сорок пятой квартире холодильный нужен.

— Дед, ты их холодильник видел? — Прохор едва не задохнулся от негодования. — Это, дед, целый город, и туда троих холодильных нужно, чтобы мало-мальский порядок держать! А они все норовят на одного навесить!

— Да, хозяин у них строгий, Поликарп Федотыч, — согласился дедушка. — Вроде меня — бездельников страсть не любит. Ну, удачи тебе, Прохор! Обживайся. Вот дырочка за подкладку ведет — тесновато, ну да привыкнешь.

— Привыкну. Спасибо, дедушка.

— То-то.

До утра Прохор знакомился с сумочным хозяйством. Порядка наводить пока не стал — разве что пыль собрал и выкинул, да еще замусоленную жевательную резинку. Посчитал деньги в потайном кармане. Отыскал завалявшийся колпачок от авторучки, самой авторучки не приметил, решил подождать — авось объявится. Мелкие монетки собрал и положил в кармашек, где визитные карточки.

Утром, услышав голоса, затаился.

Хозяева завтракали на кухне. Командовала она

— хозяйка. Мужской голос лишь бубнил. Потом цепкая ручка подхватила сумку, и начался день!

Сумка открывалась раз, пожалуй, двести. Наманикюренные пальцы так и врезались в нагромождение жизненно важных мелочей. Первым делом хозяйка сунула в самое большое отделение мобильный телефон. Прохор такую штуковину видел впервые, однако вещица была крупная, гладкая, аккуратная и, очевидно, большой заботы с его стороны не требовала. Футляр с очками тоже показался ему безопасным. Ждал Прохор ключей от квартиры, но так и не дождался. Хозяйка держала их на одной цепочке с ключом зажигания.

Должность сумочного оказалась суетливой. Только успевай в свой закуток нырять. К концу дня Прохор умаялся — словно мешки с перловкой и гречкой таскал. Одних жвачек шесть штук поймал.

Вечером, когда хозяйка, оставив сумку в гостиной на кресле, где по ночам и было ее постоянное место, пошла с мужем на кухню, нанес визит Феоктист Степаныч.

— С первым тебя деньком! — поприветствовал. — Наша-то в духе! День у нее заладился. А сам — ох, и говорить неохота…

— Что — сам? — полюбопытствовал Прохор.

— Что-что! Наказывала ему — мусорное ведро вынеси, в магазин сходи, непременно стирального порошка прикупи…

Дедушка, зажимая корявые пальцы, насчитал полторы дюжины поручений.

— А он про порошок забыл, сантехника не вызвал, сам кран чинить пытался, а кран заморский, работа тонкая, ну и сорвал резьбу, теперь уж не струйка бежит, а прямо хлещет! Не хозяин это, Прошенька, ох, не хозяин! С оглоблю вырос, а ума не вынес! На-ка, паек получай. Сыр голландский, колбаска полукопченая, еще сухарики. Заработал!

— Да ничего вроде и не делал… — смутился Прохор, последний раз видевший колбасу полтора года назад.

— Хозяйкино настроение соблюл! — строго, подняв перст, объяснил дедушка. — Это многого стоит.

И, видать, не от души похвалил.

Сглазил, нечисть антресольная!

* * *

Прохору бы исхитриться и закрыть на ночь сумку. Но там приторно пахло всякими бабьими

притираниями. Он и вздумал проветрить. А того не учел, что полуоткрытая сумка держится на мягком неустойчиво. Обнаружилось это, когда на кресло прыгнул рыжий кот Персик.

Сумка завалилась набок. Прохора мотнуло и тоже уложило.

— Ах ты, дрянь! — проворчал он, весь растопырившись, чтобы не позволить мелочевке выскочить наружу. Собирай ее потом!

Однако тюбик губной помады, который он поленился переложить из бокового тряпочного кармашка в косметичку, перелетел через его голову и шлепнулся на кресло. Прочее уцелело.

Закатить тюбик было бы несложно. Это не пузырь толстого стекла, который хозяйка называет «дезиком». У того пузыря есть углы, хотя и сглаженные, его кантовать нужно, а помада — что? Ногой пихнул — и покатилась. Однако рано Прохор радовался. Высунувшись из сумки, он увидел рыжую усатую рожу.

Персику стало скучно. Он соблаговолил проснуться и заинтересоваться. Он изволил приоткрыть медный глаз и потрогать помаду лапой. И она покатилась прочь от сумки.

Прохор решительным броском метнулся в кульбит, проскочил прямо под кошачьей мордой,

но промахнулся — патрончик с помадой неотвратимо двигался к краю кресла. Чтобы поднять его с пола, потребовалась бы помощь Феоктиста Степаныча или холодильного Ерофея. Прохор покатился следом за помадой и у самого края поймал ее в объятия. Если бы ему предложили служить домовым дедушкой в почтенном доме, где непременное условие — завести домовиху, то именно так бы он прижимал к груди молодую пригожую подругу.

Он боялся шевельнуться, чтобы не грохнуться на пол вместе с помадой. Персик смотрел на это объятие, держа наготове когтистую лапу. И очень осторожненько подтолкнул… без злого намерения, просто потрогать хотел…

На лету Прохор брыкнул помаду, чтобы хоть приземлиться безопасно. Она ударилась о ножку стола, и тут же Персик кинулся на нее, делая вид, что наконец-то домой забрела жирная мышь. И погнал, погнал! Прохору оставалось лишь следить за диковинными прыжками и выкрутасами.

Как все персы, Персик был безмерно ленив. Ему вполне хватило полутора минут игры. И он растянулся на ковре, всем видом показывая — месячная норма активности выполнена и

перевыполнена, жаль, что хозяйка не видела и не похвалила.

— Ты куда ж ее девал? — забеспокоился Прохор. Помада бесследно исчезла. Прохор заглянул под всю мебель — ну нет, хоть тресни!

* * *

По всему, наутро хозяйка должна была поднять шум. Но у нее всяких бабьих притираний было довольно и без походного боезапаса в сумочной косметичке. Шум поднялся — да по другому поводу. Хозяйка мужа школила, задания ему на день давала.

Тут Прохор и увидел хозяина впервые.

Здоровенный мужик, в плечищах — косая сажень, а на крупной физиономии — тоска. Хозяйка рядом с ним на тоненьких своих каблучках казалась вовсе невесомой. Позавтракав, она пришла в гостиную, и он за ней следом приперся. Стоял и смотрел, как она собирает в прозрачную папку какие-то бумажки.

Прохор не стал маячить из сумки, но и в убежище свое не спрятался, а присел поудобнее и стал слушать.

— Ну что же я могу сделать? — спрашивала хозяйка. — Всем уже звонила — нигде не нужны

инструментальщики восьмого разряда. Давай я тебе автослесарные курсы оплачу. В автосервисе теперь хорошая перспектива…

— Это чтобы всякая пьяная рожа надо мной измывалась? — хмуро спросил муж.

— Почему обязательно пьяная?

— Ну а какие еще в джипах ездят? Чтобы мне заблеванный «мерс» пригнали: эй, мужик, помой, вот тебе десятка сверху?!

— Ты, Лешка, ахинею несешь. Если человек достаточно богат, чтобы купить хорошую машину, значит, он уже и скотина?

— Скотина, — согласился муж.

— А если я «мерс» куплю?

— Светка! Ты на мои руки посмотри! Они же такое умеют, что всем этим купи-продаям и не снилось! — судя по отчаянию в голосе, хозяин даже потряс своими огромными, крепкими ручищами. — Так почему ты можешь своими махинациями на «мерс» заработать, а я своими руками — не могу?

— Лешка, теперь такое время, что нужно зарабатывать не руками, а головой!

Тут у Прохора под задницей зажужжало, задрожало, подбросило его и еще запищало противным голосом, причем не просто так, а песенку. Он

схватился за сердце — ну, страсти!

— Мобилка! — вскрикнула хозяйка, кинулась к сумке, вытащила мобильный телефон и заговорила торопливо: — Я! Да! Бегу! Вылетаю! Пока!

Схватив сумку, она унеслась.

Прохор вздохнул с облегчением: если она и обнаружит отсутствие помады, то хоть дедушка Феоктист Степаныч про это не услышит. А то еще, чего доброго, из жалованья вычтет.

Хозяйку в этот день мотало по всему городу. И принесло ближе к вечеру на какое-то сборище. Сумку она оставила там же, где повесила свой плащик, на деревянной приступочке, впритык к другой такой же богатой сумке из натуральной кожи со всякими штучками.

Прохор уж собрался было в ожидании вздремнуть, но в стенку сумки постучали.

— Извиняюсь, тут кто-то служит? — спросил молодой голосок.

— Служит! — обрадовался Прохор. — Сейчас выберусь!

И открыл сумку изнутри.

— Позвольте представиться, Гаврила Романович, сумочный.

— Прохор Терентьевич, — безмерно довольный, что отыскался собрат по ремеслу, отвечал

Прохор.

Собрат был в меру мохнат, гладенько причесан и даже с выложенными по шерстке завитками.

— А вы на сумочного мало похожи, — сказал Гаврила Романыч.

— Вы такой большой, плечистый, сильный! Заходите ко мне! Угощение найдется! О хозяюшках наших побеседуем!

— Охотно, — согласился Прохор. — Да что это вдруг на вы? Давай по-простому, на ты!

— Я и сам хотел предложить! — Гаврила Романыч разулыбался трогательно. — Пойдем! Посидим! Музыку послушаем!

Музыка и впрямь имелась — новый приятель умел обращаться с мобильником, где было записано штук сорок мелодий.

— Это Моцарт! — со значением говорил он. — А это Бах! Правда, мы очень мило сидим?

— Ты сам из которых будешь? — спросил Прохор. — По виду вроде из подпечников.

— Ах, какое это имеет значение! — воскликнул Гаврила Романыч. — Я ощущаю себя именно сумочным! Это мое призвание! Согласись, в хорошей дамской сумочке с дорогой косметикой, с французскими духами, со всеми этими милыми пустячками не служишь, а наслаждаешься! Когда

я попал в сумочные, то прямо ожил. И столько контактов с другими сумочными! Вот мы с тобой познакомились — а разве мы бы встретились, если бы ты служил холодильным? Выпьем за знакомство!

— Чего выпьем-то? — удивился, но и оживился Прохор.

— А вот! — Гаврила Романыч выволок сувенирную бутылочку коньяка и отвинтил пробку. — Пособи-ка! Хозяйка у меня умница, всегда с собой фуфтик имеет.

— Чего имеет? — с изумлением глядя на бутылочку, осведомился Прохор.

— Пятьдесят грамм!

Прохор пожал плечами — до сих пор самой мелкой тарой, какую ему доводилось видеть, была поллитровка.

Они налили коньяка в крышку от бутылочки и поочередно выпили.

— На брудершафт! На брудершафт! — возрадовался Гаврила Романыч. — Мы, сумочные, должны дружить! Прошенька, теперь зови меня Гаврюшей!

И положил лапку на колено Прохору.

— Да что ты ко мне жмешься? Я те не подпечница, не домовиха! — всего лишь удивляясь пока,

но еще не чуя подвоха, Прохор отпихнул захмелевшего сумочного.

— Ах, какое это имеет значение!

Гаврюша вдруг полез в косметичку своей хозяйки, что-то там нашарил и быстренько мазнул себя лапой за ушами.

— Правда, так лучше? — томно спросил он и, не успел Прохор опомниться, как и его шерстка была смочена хозяйскими духами.

— Да ты что? Ополоумел? — спросил Прохор, вскакивая.

— Прошенька, душка! Ты что? Сядь, успокойся!

Видя, что слова не действуют, Гаврюша встал, приобнял Прохора за плечи, как бы усаживая, и не удержался — весь прижался к его могучей спине.

Тут лишь до Прохора дошла подоплека происходящего.

— Ах ты сукин сын! — рявкнул он и с разворота заехал Гаврюше в ухо. Тот ахнул и повалился, а Прохор, ругаясь последними словами, кинулся прочь из гостеприимной сумки.

— Мы, сумочные!.. — ворчал он. — Ни хрена себе! Куда же это я попал? Во что же это я влип?!

И понемногу до него стало доходить, почему на объявление, повешенное Феоктистом Степаны-

чем на лестничной клетке за батареей парового отопления, было так мало откликов…

* * *

— За-яв-ка… — Прохор вывел на оборотной стороне визитки крупные буквы. — От сумочного Прохора Терентьевича…

Оказалось, что в ванной комнате Феоктист Степаныч посадил бывшего банника Фалалея. И тот даже холодильного Ерофея пускать не хочет — совсем озверел. А помыться Прохору было страх как необходимо. С этим душным бабьим запахом, Гаврюшиным подарочком, он сам себе был противен. Даже людям сгоряча позавидовал — у них волосня так запах не принимает.

Фалалей согласился пустить Прохора, только если на заявке Феоктист Степаныч пропишет «дозволяю». Но домовой дедушка увидел визитку и расшумелся.

— Дельная бумага, Прохор! — восклицал он. — Хозяйка ж ее искать будет! Ахти мне! Скажет — недосмотрел!

— Да у нее этих бумажек!.. — возмутился Прохор. — Кучей валяются! Если все пропадут — она, может, и заметит!

Тем временем хозяева в гостиную пришли,

большой телевизор смотреть. Пришлось домовому дедушке затаиться, чтобы, когда увлекутся, проскользнуть и незримо вернуться на антресоли.

Сквозь голоса Прохор явственно услышал — хрумкнуло.

— Это что такое? — спросила хозяйка. — Леш, на что это я наступила?

— Ты что-то такое под ковром раздавила, — сказал хозяин. — Погоди, я достану…

— Моя помада!

И тут Прохор понял, куда загнал патрончик зловредный Персик.

— Помада — из сумки? — зловеще прошептал Феоктист Степаныч. Догадался!

— Ну!.. — огрызнулся расстроенный Прохор.

— Говорил же: за котом следи!

— Да кто ж его, кота, разберет?!

— Прохор! — строго сказал Феоктист Степаныч. — Ежели тебе должность не по нраву — пути-дороженьки открыты!

— Да по нраву, по нраву! — Прохор немедленно опомнился. Дураком непроходимым нужно было сделаться, чтобы от такого хлебного места отказаться… с одной, то есть, стороны… А с другой — вот еще проведает Феоктист Степаныч про

разборку с образцовым сумочным Гаврюшей, черти б его драли, и окончательно уразумеет, что не того на службу принял…

При одной мысли о Гаврюше Прохору тошно делалось. И он понимал, что таких знакомцев среди сумочных встретит немало.

Мысль о Гаврюше так преобразила физиономию Прохора, что Феоктист Степаныч принял ее выражение за полное и безупречное раскаяние.

— Смотри у меня! — пригрозил домовой дедушка.

Но раз уж пошла служба наперекосяк, то должно случиться и что-то совсем дикое. Прохор не то что нюхом — задницей чуял, что главная неприятность еще впереди. И понимал, что лучше бы прямо сейчас раскланяться с Феоктистом Степанычем, честно признав, что в сумочные не годится, а тот бы ему, глядишь, и рекомендацию хорошую напишет на радостях, что от такого подарка избавился.

Но Прохор оголодал.

Он всего-навсего хотел подкормиться. Если бы ему вместо колбасы и кошачьего корма предложили работать за пшенную кашу с растительным маслом, слегка лишь приправленную лучком, он бы согласился, непривередлив! Каша — еда

мужская, капризничать нельзя.

В общем, остался он в сумочных и безнадежно старался соответствовать занимаемой должности до вечера следующего дня, когда хозяйская ручка кинула в сумку полдюжины пестрых квадратных пакетиков и исчезла. Поспешила на кухню, где ждал с горячим ужином хозяин.

Прохор, ворча, вылез и стал их складывать стопочкой.

Эх, не надо было читать, что написано на квадратиках. Но вот прочел — и уже готовую стопку яростно брыкнул ногой.

Это оказались дамские гигиенические пакеты.

Большего унижения Прохор и вообразить не мог. Прикасаться руками к этакой дряни!

Как всякий нормальный мужик, Прохор полагал, что незачем ему знать все эти бабьи секреты. Будь он человеком и смотри рекламу разнообразных интимных штучек по телевизору — может, и притерпелся бы, а так…

Прохор схватил пакетик и неожиданно легко разодрал его пополам.

Если бы хоть пришлось над ним потрудиться, Прохор взмок бы и одумался. Но на него накатило, он радостно изодрал в клочья другой пакет, схватил, что подвернулось под лапу — и вдруг

оказалось, что он дерет уже ни в чем не повинную упаковку увлажняющих салфеток. Их запах показался Прохору таким омерзительным, что он стал выкидывать ошметки из сумки, вскочил на косметичку, слабый замочек крякнул, и Прохор по колено провалился во всякую дребедень. Хрустнула прозрачная коробочка с тенями…

— Ты что это творишь?! — раздался откуда-то сверху визг Феоктиста Степаныча.

Прохор хрястнул об колено круглую щеточку для туши и опомнился. Бешенство схлынуло — разгром остался…

Феоктист Степаныч, причитая, спешил на помощь хозяйской сумочке. Прохор, понимая, что карьера кончена, вылез оттуда, утер вспотевший лоб и сел, как ему было привычно, на корточки, прислонившись спиной к черной кожаной стенке.

Все ему вдруг сделалось безразлично — в том числе и завтрашний голод.

— Ну и что же это ты тут учинил? — строго допрашивал Феоктист Степаныч, пытаясь хоть как-то уменьшить ущерб. — Отколь ты на мою голову взялся, нескладный?! Тени! Тени «Эсте Лаудер» топтал! Да как у тебя, ирода, нога-то поднялась?! Все! Сил моих нет! Убирайся!

— Да я и сам хотел! — огрызнулся Прохор. — Моих сил тоже уж не стало!

— Сумочным, говоришь, служил? — вспомнил Феоктист Степаныч.

— Ох, стар я стал, врунишку не раскусил! Ты не сумочным — ты мусорным служил! На городской свалке! Да разве у тебя есть о порядке понятие?

— О порядке — есть… — проворчал Прохор. Да что толку оправдываться…

* * *

Домовой дедушка пожалел, что не забрал у Прохора документа, куда можно было честно вписать — к работе негоден, разоритель и погубитель, а не сумочный. Велел собрать скромное имущество и подниматься на антресоли — чтобы и минутки лишней не задерживаться в приличном доме.

И тут голоса на кухне крепчать стали.

— Я не шучу и шутить не собираюсь! — звенела хозяйка. — Я тебе в последний раз предлагаю работать у меня шофером! Больше я тебя никуда пристроить не могу!

— И зарплату положишь? — глумливо поинтересовался хозяин.

— Сколько шоферам платят — столько и тебе!

— И ждать за рулем, пока ты не нагуляешься со

своими хахалями?

— Ты что? Совсем сдурел? Какие хахали? Ты еще следить за мной попробуй! Полагаешь, у меня есть время и силы на хахалей? Да я домой прихожу — с ног валюсь! Мне уже даже ты не нужен!

— Это я вижу! — прогудел хозяин.

— И что же? Я должна построить для тебя завод? Привезти станки? Обеспечить госзаказ? И тогда ты соблаговолишь надеть грязную спецовку? И вкалывать? Лешенька! Время другое! Проснись!

Хозяйка звенела почище всякого будильника, но хозяин, как Прохор уж понял, просыпаться не желал.

Он не хотел шоферить у хозяйкиных подруг, он не хотел учиться на балансоспособного бухгалтера, он не хотел сидеть охранником на складе, он не хотел даже в грузчики, а твердил о том, что руки просят работы, но хозяйке это было совершенно непонятно.

Феоктист Степаныч поспешил на кухню — ему, как домовому дедушке, получающему хорошие подарки, надлежало блюсти мир в семье. И что-то он там наколдовал — стало тихо. Через гостиную в спальню пробежала хозяйка. Сунулась в сумку за мобильным телефоном — ахнула!

— Батюшки! Крыса, что ли, завелась?..

Поняв, что иначе не получится, она перевернула сумку вверх дном и стала вытряхивать все непотребство над креслом. Прохор еле успел уцепиться.

— Лешка! Ты посмотри!

Вошел хозяин. Хмыкнул.

— Полна квартира крыс — хоть бы ты что сделал! Мужик в доме, называется!

Хозяйкина логика была Прохору непонятна. Крысы вот ни с того ни с сего размножились… Но хозяин не возражал, что-то он в этих глупых словах услышал такое, такое…

Хозяйка с мобильником поспешила в спальню и закрылась там, чтобы без помех поговорить.

А хозяин сел в низкое кресло, так тяжко сел, что кресло простонало.

— Доигрался… — сказал он сам себе.

Пасмурный Прохор, не имея возможности выбраться из сумки, сидел со своим узелком и подглядывал в щелку. Пасмурный Лешка — в кресле. И длилось это невесть сколько. Наконец хозяин поднял крупную голову, обозрел все квартирное великолепие, тягостно вздохнул.

— Тошно… — проворчал.

Ох, как Прохор его понимал!

Хозяин уставился на свои крепкие, тяжелые

ручищи. И Прохор на них уставился с уважением. Такими лапами топор держать сподручно, пни корчевать, быка за рога наземь валить…

— А!.. — литой кулак треснул по журнальному столику, по самому углу. Треснул от души. Посуда взлетела в воздух и рухнула на ковер, стол встал на дыбы, Прохор втянул голову в плечи.

Хозяин встал. Посмотрел сверху на все безобразие.

— К черту! — только и сказал. Без всякого кривого слова, коротко и вполне пристойно послал он к черту этот журнальный столик, и ковер, на котором столик стоял, и паркетный пол, покрытый этим ковром, и двадцать шесть квадратных метров гостиной, выложенные паркетом.

В воздухе явственно повеяло надеждой!

Прохор высунулся из сумки по пояс. И увидел хозяйскую спину. В прихожей началась суета. Хозяин что-то сволакивал с антресолей. Прохор съехал по крутому боку кресла и понесся на шум.

То, что он увидел, заставило его прямо-таки застонать от восторга.

— Мой… — без голоса прошептал Прохор. — Мой!.. Мой!..

А прочие слова уж и ни к чему были.

Хозяин сбросил с антресолей старый рюкзак, запустил в хлам ручищу по самое плечо и, поднатужившись, вытянул свернутый спальник.

Он уходил.

Уходил!

— Хозяин! Слышь, хозяин! — заорал Прохор. — Меня возьми!

— Это что еще за нечистая сила? — Хозяин вроде удивился, но не испугался. — Дедушка домовой, ты, что ли?

— Не домовой я! Сумочный!

— Какой?..

— Сумочный! — вдруг заново ощутив позор своей карьеры и покраснев под шерсткой до ушей, выкрикнул Прохор.

— Вот те на! По сумкам, что ли, промышляешь?

Это уже было выше всяких сил.

— Ну, промышляю! — заголосил Прохор. — Начнешь тут промышлять, когда жрать нечего! А тут в дамской сумке как раз вакантное место открылось!

— Ты, что ль, у моей там бардак устроил? — Лешка расхохотался. — Ну, силен! Так выйди, покажись! Авось поладим!

По голосу было ясно — здоровенный мужик не

против, чтобы при нем кормился еще кто-то.

— Чего на меня смотреть? На меня вам смотреть не положено! — отвечал Прохор. — Ты отвернись — я к тебе в рюкзак шмыгну. Я ж на самом-то деле рюкзачный! Я сколько при рюкзаках служил! При настоящих — при «ермаках»!

— Точно?

— Точно! И спички у меня всегда сухие были, и крупа не рассыпалась, и шнуры не путались! Рюкзачное дело я туго знаю! Ночью костер стерегу! До рассвета разбужу, если на рыбалку! Трои# хозяев мой лучший рюкзак сменил — вот последний-то меня и кинул… Другой приличный рюкзак в наше время поди найди… — Прохору вдруг показалось, что больно уж расхныкался, и это не придется Лешке по нраву, он ужаснулся собственной дури и выпалил первое, что пришло на ум, чтобы спасти положение: — А чтобы сигареты отсырели — да сам утоплюсь, а сигареты сберегу!

— Ну, ты мужик деловой, — одобрил хозяин. — Ладно, шмыгай, рюкзачный. Поладим. Есть же еще где-то заводы, там люди работают! Есть же еще стройки! Хватит с меня этих калькуляторов!

— Не пропадем! — поддержал Прохор. — Ты если тушенку брать хочешь — сейчас банки клади, хозяин. Хватит с меня этой помады! А я баночку

к баночке уставлю, ты их и не почувствуешь.

Но тушенку Лешка брать отказался. Не в лес ведь идет — поездом, скорее всего, поедет. Он набивал рюкзак не охотничьим и не туристическим припасом, от чего Прохор морщился, однако так боялся утратить долгожданную и исконную свою должность, что и словечка кривого не вымолвил, лишь через слово называл Лешку хозяином.

— На-ка, пристрой в карман, — попросил хозяин. — И запомни, где лежат.

На плечи Прохору свалилось полдюжины легоньких пестрых квадратов.

— Что-о-о?! — зарычал было он, отпихивая эту мерзость ногой.

— Не что, а в кроссовки класть. Лучше всяких стелек! — объяснил Лешка.

Ну, раз так…

— Мужики мы или не мужики? — сам себя спросил Прохор, сам же и ответил: — Мужики! Не пропадем, хозяин?

— Ну! А звать-то тебя как?

Прохор не впервые говорил с хозяином, хозяев-то у него в славные рюкзачные времена перебывало порядком. Но именно сейчас он понял, что уже нельзя отвечать по-старому: «Прошкой!»

Именно сейчас, когда со всех сторон светили одни неприятности, а былым благополучием и не пахло, следовало гордо выпрямить спину и потребовать от жизни уважения к себе.

— Прохором Терентьевичем! А тебя?

Хозяину по возрасту вполне можно было назвать себя просто Лешей. Но каким-то образом ему передалось Прохорово понимание важности момента.

— Алексеем Павловичем.

Тут бы мужикам впору друг дружке руки пожать. Но и без того было ясно: есть уважение. А прочее — приложится.

Феоктист Степаныч, глядя с антресолей на сборы, казал Прохору мохнатый кулачишко. Если по уму — ему, домовому дедушке, всеми силенками следовало удержать хозяина.

Однако мудрый Феоктист Степаныч видел и другое — в дому без Лешки больше порядка будет. Прекратится ор по ночам, не станет грязюки от кроссовок; опять же, чем хозяйке деньги на дармоеда переводить, пусть лучше давно обещанный ремонт в ванной сделает. Тогда можно будет бездельника Фалалея турнуть и толкового ванного нанять. В ванные-то после ремонта всякий охотно пойдет!

Представив, что придется снова искать сумочного, Феоктист Степаныч прямо-таки застонал и зажмурился.

А тут еще дверь хлопнула, антресоли сотряслись, с чемодана сползла стопка газет и пришлепнула дедушку.

— Ох ты… — проворчал он, выбираясь. — Ну и скатертью дорога!..

Сюзанна Кларк

МИССИС МАББ

Иллюстрация Ольги СИНЯВСКОЙ

В конце весны 18… года одна дама, живущая в деревушке Киссингленд в Д…шире, пребывала в горьком разочаровании.

Из письма миссис Фанни Хокинс, адресованного миссис Кларе Джонсон.

…И я уверена, дорогая моя Клара, когда я расскажу вам, что произошло, вы поймете мою досаду. Несколько месяцев назад моей сестре, мисс Мур, посчастливилось пленить армейского офицера. Капитан Фокс с самого начала оказывал Венише решительное предпочтение, и я питала большие надежды видеть ее прилично устроенной, но вдруг, как удар злой судьбы, она получила письмо от знакомой дамы из Манчестера, которая заболела и нуждалась в заботе. Можете вообразить, как мне не хотелось, чтобы Вениша в такой момент покидала Киссингленд, но, несмотря на все мои уговоры, она настояла на том, чтобы предпринять это дорогостоящее и затруднительное путешествие, и уехала. Но теперь, боюсь, она слишком сильно наказана за свое упрямство, поскольку в отсутствие Вениши презренный капитан Фокс совершенно забыл ее и стал уделять внимание другой даме, нашей соседке, миссис Мабб. Можете быть уверены, что

когда сестра вернется, я буду ссориться с нею по этому поводу...

Доброе намерение Фанни Хокинс поссориться с сестрой было вызвано не только желанием исправить ошибочное поведение, но и опасением, что если Вениша не выйдет замуж за капитана Фокса, ей придется жить в доме мужа Фанни, викария Киссингленда, человека, который крестил, венчал и хоронил всех его обитателей, который посещал их в болезни, утешал в печалях, читал письма тем, кто не умел этого сделать сам — и за все это получал огромную сумму, сорок фунтов в год. Соответственно, любая свободная минута, которую Фанни удавалось выкроить среди множества домашних дел, уходила на обдумывание сложного вопроса: каким образом доходов, которых недостаточно на двоих, может хватить на содержание трех человек.

Фанни поджидала возвращения сестры и по несколько раз на дню твердила мистеру Хокинсу, что выскажет упрямице все, что думает по этому поводу. «Уехать, когда дело между ними еще совсем не слажено. Что за странное существо! Не могу ее понять».

Но и у Фанни были свои странности, одна из которых — представляться сварливой и бессер-

дечной, в то время как на самом деле она была просто переутомлена и обеспокоена. Когда наконец мисс Мур вернулась в Киссингленд и когда Фанни увидела, как бедная девушка потрясена и как она побледнела, услышав о неверности своего возлюбленного, все намерения Фанни поссориться с сестрой свелись к тому, что она, покачав головой, сказала:

— Теперь ты видишь, Вениша, что получается, когда человек упрямится и предпочитает делать по-своему, не слушая, что ему советуют другие. Ну, моя дорогая, я надеюсь, ты не будешь расстраиваться. Человек, который мог так низко обмануть тебя, недостоин твоих сожалений. Как твоя подруга в Манчестере?

— Умерла, — еле слышным голосом, в котором звучали слезы, ответила Вениша.

— Ох!.. Дорогая, мне очень грустно слышать это. И мистер Хокинс скажет то же самое, когда узнает. Бедная девочка, сколько горя на тебя свалилось!

В тот вечер за ужином (немножко жареного мяса и много вареной репы) Фанни сообщила мистеру Хокинсу:

— Она пошла прилечь, сказав, что у нее ужасно разболелась голова. Очевидно, она гораздо боль-

ше привязана к нему, чем мы предполагали. Да и как ей было не полюбить капитана Фокса от всего сердца — при том внимании, что он ей оказывал. Вспомни, я всегда это говорила.

Мистер Хокинс ничего не ответил: домашние дела Хокинсов были устроены так, что на долю Фанни приходился разговор, а на его — молчание.

— Ну ладно, — продолжала Фанни, — мы должны жить так бережливо, как только сможем. Могу поручиться, что еще сумею кое на чем сэкономить.

Фанни оглядела обшарпанную гостиную в поисках какой-либо роскоши, которая до сих пор оставалась незамеченной. Не обнаружив ничего, она ограничилась тем, что сказала:

— Вещи могут служить гораздо дольше, чем полагают люди, которые стремятся иметь все новое.

На самом деле у Фанни уже давно не было ничего нового: истертый каменный пол ее гостиной не прикрывал ковер, стулья были жесткими и неудобными, а обои настолько древними и выцветшими, что, казалось, на них изображались поблекшие гирлянды засохших цветов, перевитые тусклыми коричневыми лентами.

На следующее утро Фанни только и думала, что о своих обидах на капитана Фокса, и гнев заставлял ее говорить о нем почти беспрестанно — в то же время она постоянно советовала Венише не думать о нем больше. Так прошло полчаса, и Вениша сказала со вздохом, что собирается немного пройтись по свежему воздуху.

— Ладно, — сказала Фанни, — а куда ты направишься?

— Не знаю.

— Хорошо, если бы ты пошла в сторону деревни, мне нужно кое-что купить.

И Вениша пошла по Черч-лейн в Киссингленд. Конечно, если бы она теперь воспылала ненавистью и презрением к капитану Фоксу, это только послужило бы к чести всему женскому полу, но у Вениши даже не возникло такой мысли. Вместо этого она предавалась напрасным вздохам и сожалениям и пыталась, насколько могла, утешиться тем, что лучше быть бедной и забытой в Киссингленде, с его зелеными деревьями и душистыми цветущими лугами, чем в Манчестере, где ее подруга, миссис Уитсан, умирала в холодной мрачной комнате на верхнем этаже унылого доходного дома.

Капитан Фокс был высокий ирландец тридца-

ти шести — тридцати семи лет, которого было принято считать рыжим. Действительно, на ярком солнце его волосы отливали рыжиной, но, очевидно, его «лисья» фамилия, широкая ироническая усмешка и какая-то ирландская диковатость заставляли людей думать, что он рыжеволос. У него была слава неслыханного храбреца, поскольку однажды он отважился спорить с герцогом Веллингтонским, в то время как все окружающие самым решительным образом соглашались с этой прославленной персоной.

Поводом спора были сапоги. Сапоги (десять тысяч пар) были отправлены на спинах семидесяти мулов на восток из Португалии — туда, где английская армия в совершенно изношенной обуви страстно жаждала получить их. Без новых сапог армия никак не могла начать долгий поход на север, чтобы вернуть себе Испанию, захваченную Францией. Герцог Веллингтонский ожидал прибытия сапог с нетерпением и много говорил о досадном промедлении и о том, насколько оно пагубно для англичан, а под конец заметил, что солдаты не способны ничего сделать без новых сапог. «Напротив, — воскликнул капитан Фокс, — лучше бы сапоги пропутешествовали еще немного севернее, в город С, где солдаты

смогли бы встретиться с ними по пути на север, ведь это означало бы, что они с каждым шагом приближаются к вожделенным новым сапогам, и такая обнадеживающая мысль вдохновляла бы их идти быстрее». Герцог Веллингтонский задумался. «Я полагаю, — сказал он наконец, — что капитан Фокс прав».

Повернув за угол дома Блюиттов, Вениша увидела солидный каменный дом. Это было жилище мистера Граута, преуспевающего юриста. В его саду цвели столь роскошные розы, что одна из стен дома, увитая ими, была сплошь бледно-розового цвета. Но отрадное для глаз зрелище только расстроило Венишу, ведь капитану Фоксу особенно нравились бледно-розовые розы, и он дважды говорил, многозначительно поглядывая на нее, что когда женится и заведет собственный сад, то розы там будут именно такие — и никаких других.

Вениша твердо решила думать о чем-нибудь другом, но этому решению не суждено было сбыться, так как первый же человек, встретившийся ей на Хай-стрит, оказался слугою капитана Фокса, Лукасом Барли.

— Лукас! — воскликнула она. — Как! Разве капитан Фокс здесь?

Она поспешно огляделась вокруг, и только

убедившись, что капитана Фокса поблизости не видно, внимательнее присмотрелась к Лукасу. С некоторым удивлением она заметила, что с ним произошли странные перемены. Исчез ловко сидевший коричневый мундир, исчезли блестящие высокие сапоги, исчез весь его щегольской вид — вид человека, сознающего, что его хозяин однажды победил в споре герцога Веллингтонского. Сейчас на слуге был грязный зеленый фартук, значительно большего размера, чем следовало бы, и деревянные башмаки. Он нес две огромные оловянные кружки с крышками, расплескивая пиво прямо в грязь.

— Куда ты несешь эти кружки, Лукас? Ты перестал служить у капитана?

— Не знаю, мисс.

— Не знаешь! Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, мисс, что если бы мне вновь довелось увидеть капитана Фокса, я непременно спросил бы, что он думает по этому поводу, а если бы ему захотелось узнать, что я думаю по этому поводу, я непременно сказал бы ему, что это меня мало волнует. Похоже, вы удивлены, мисс, да и я все время пребываю в изумлении. Но в этом я не одинок — капитан покинул всех своих прежних друзей.

И, поскольку руки Лукаса были заняты, он изобразил на лице некую гримасу и мотнул головой, так что Вениша обернулась и увидела чудесную вороную кобылу, которую вели в конюшни мистера Траута.

— Боже мой! — воскликнула Вениша. — Ведь это сама Прекрасная Дама!

— От миссис Мабб принесли записку, что кобылу следует продать мистеру Трауту, мисс.

— Разве капитан оставил полк?

— Не знаю, мисс. Но что такому маленькому, кругленькому человечку, как мистер Траут, делать с этой лошадью? Ему надо остерегаться, как бы она не перепутала его с репой и не съела.

В самом деле, казалось, у кобылы есть свои соображения по этому поводу; блеск отчаяния в ее диковатых карих глазах свидетельствовал, что она сознает свое падение в этом мире и считает, что кто-то должен за это поплатиться, и именно в этот момент соображает, кто это должен быть.

— Это получилось так, мисс, — сказал Лукас. — На следующее утро после вашего отъезда миссис Мабб прислала капитану записку с приглашением, не будет ли он четвертым в карточной игре; и я пошел с ним — поскольку мне когда-то говорили, что у миссис Мабб не перечесть тету-

шек, племянниц и родственниц женского пола, причем одна краше другой, — я надеялся познакомиться с кем-нибудь из них, с той, которая не окажется слишком гордой и поболтает со мной. Но когда мы добрались до дома, мне пришлось ждать в маленькой каменной прихожей, холодной, как могила, а мебели в ней не было вовсе. Я ждал, ждал и ждал, а потом подождал еще немного; мне был слышен голос капитана и женский смех, высокий и громкий. А через некоторое время, мисс, я обнаружил, что у меня отросли ногти, а подбородок весь покрылся щетиной — и я испугался, как вы можете себе представить. Ну, а поскольку входная дверь была не заперта, я выскользнул из дома и бежал весь обратный путь до Киссингленда, и выяснилось, что я пробыл в маленькой каменной прихожей у миссис Мабб три дня и три ночи.

— Боже мой! — воскликнула Вениша и задумалась. — Ладно, — со вздохом произнесла она наконец, — если человек вдруг понимает, что ошибся в своих чувствах или находит кого-то лучше… Я думаю, она очень красива?

Лукас пренебрежительно фыркнул, словно ему хотелось сказать что-то очень резкое о красоте миссис Мабб, а удерживало его только то, что он

ее никогда не видел.

— Не думаю, что миссис Мабб может идти хоть в какое-то сравнение с вами, мисс. Капитан несколько раз говорил мне, мисс, что вы поженитесь и что все мы поедем в Эксетер и будем жить в белом домике с садом и шпалерами вьющихся розовых роз; и я сам однажды утром дал торжественный обет в церкви служить вам верно и честно — ведь вы всегда были очень добры ко мне.

— Спасибо, Лукас… — произнесла Вениша и поняла, что продолжать не в силах. То, чего уже никогда не произойдет, представилось девушке так живо, что глаза ее наполнились слезами. Она была бы рада дать Лукасу какую-нибудь мелочь, но у нее в кошельке не оказалось ничего, кроме денег на хлеб, что просила ее купить Фанни.

— Не за что, мисс, — сказал Лукас. — Все мы пострадали от миссис Мабб. — Он помолчал. — Мне очень жаль, что вам пришлось из-за меня плакать, мисс.

Последняя фраза, произнесенная с такой добротой, заставила девушку поспешить к пекарне, где печальные мысли о капитане Фоксе, беспечно оставившем военную карьеру ради миссис Мабб, и о миссис Мабб, которая громко смеется при

виде этого, поглощали все ее внимание, так что она не ведала, что творит. А вернувшись домой и развернув пакеты, с удивлением обнаружила, что купила три дюжины французских булочек и пирог с абрикосовым джемом — ничего этого Фанни не заказывала.

— О чем же, ради всего святого, ты думала? — воскликнула Фанни, увидев, с чем вернулась Вениша. От такой расточительности Фанни пришла в ужас, и под губительным воздействием булочек и пирога с джемом стала раздражительной и резкой, и пребывала в таком настроении целый день, пока Вениша не вспомнила, что ее подруга, миссис Уитсан, перед самой своей смертью вручила ей в качестве свадебного подарка шторы для окон. Теперь, когда никакой свадьбы не ожидалось, Вениша сочла, что будет правильно и хорошо принести шторы вниз и подарить их Фанни. Материал был замечательный — яр-кожелтый в тонкую белую полоску. К Фанни тотчас вернулось прекрасное расположение духа, и с помощью Вениши она захлопотала, пристраивая шторы на окно гостиной, и в то самое время, как они предавались этому занятию, Вениша задала вопрос:

— Фанни, кто такая миссис Мабб?

— Это очень дурная женщина, — ответила Фанни, в упоении щелкая большими черными ножницами.

— Чем именно?

Но у Фанни не было по этому поводу точных сведений. Вот все, что удалось узнать Венише: миссис Мабб дурна тем, что чрезвычайно богата и всегда поступает так, как ей нравится.

— Как она выглядит? — спросила Вениша.

— Боже мой! Не знаю. Я никогда ее не видела.

— Значит, она поселилась здесь недавно?

— Да. Совсем недавно. Хотя, знаешь, я не уверена. Теперь мне припоминается, что она живет здесь уже довольно давно. Совершенно точно, она уже была здесь, когда мистер Хокинс приехал сюда пятнадцать лет назад.

— Где ее дом?

— Далеко. За Найтсвудом.

— Значит, неподалеку от Данчера?

— Нет, дорогая, не там. Пожалуй, ближе к Пайперу, но не так уж близко… (Все это были небольшие городки и деревни по соседству с Киссинглендом.) — Если сойти с дороги как раз за Пайпером и пройти по заросшей тропинке, которая внезапно спускается вниз, то окажешься около уединенного пруда, заросшего камышами,

который зовется Грейпул, а за ним на вершине небольшого холма увидишь расположенные кругом древние камни. За этим холмом — небольшая зеленая долина, а затем старый лес. Дом миссис Мабб стоит между камнями и лесом, но ближе к лесу.

— Ох! — только и произнесла Вениша.

На следующий день Фанни отвергла предложение Вениши снова сходить в деревню за хлебом, вместо этого послала ее с корзиной овощей и кастрюлей супа нанести благотворительный визит одному нуждающемуся семейству в Пайпере. «Поскольку, — сказала Фанни, — рассеянность при покупках обходится недешево, но если Вениша отдаст суп каким-нибудь другим беднякам, разница невелика».

Вениша отнесла корзину бедной семье в Пайпере, но на обратном пути пролезла в прореху в ограде, где узкая, извивающаяся тропка отходила от главной дороги и постепенно спускалась вниз. Мощные старые деревья росли с обеих сторон, их ветки переплетались над тропинкой, образуя тенистый навес, пробивающиеся сквозь листву лучи солнца выхватывали из тени то кустик фиалок, то несколько стебельков травы. Никакой другой английский пейзаж сейчас не мог бы быть

приятнее глазу Вениши, чем эта зеленая тропинка, потому что это была та самая тропинка, о которой Фанни говорила, что она ведет к дому миссис Мабб, и все мысли Вениши были только об этом доме и его обитателях. «Может быть, — думала она, — я просто немножко прогуляюсь по тропинке. И может быть, если это не очень далеко, я подойду и взгляну на дом. Мне хотелось бы убедиться, что он счастлив».

Как она предполагала убедиться в том, что капитан счастлив, взглянув издали на странный дом, она сама точно не представляла, но продолжала идти по тропинке, миновала заросший камышами пруд, поднялась к древним камням и пошла дальше, пока не добралась до места, где, казалось, существовали только округлые зеленые холмы и больше ничего.

Здесь было тихо и безлюдно. Трава, росшая на холмах и в долине, была нетронута, словно водная гладь — в довершение сходства под ветром по ней пробегала рябь. На противоположном холме стоял старинного вида дом из серого камня. Это был очень высокий дом, почти что башня, окруженный высокой каменной стеной, в которой не было видно ни калитки, ни ворот; ни одна тропка не вела к этому дому. Но, как бы ни был высок

дом, еще выше поднимался за ним освещенный солнцем лес. И Венише никак не удавалось отделаться от дурацкой мысли, что на самом деле она смотрит на очень маленький дом, который мог бы принадлежать полевой мыши, или пчеле, или бабочке — домик среди травы.

«Не надо здесь больше оставаться, — подумала Вениша. — Как я могла предполагать, что встречу капитана или миссис Мабб? Что за ужасная мысль!»

Она повернулась и пошла прочь очень быстро, но не успела уйти далеко, как услышала позади стук копыт.

«Не стану оборачиваться, — подумала она, — потому что, если это капитан Фокс, я уверена, он будет так добр, что позволит мне спокойно вернуться домой».

Но стук копыт приближался, теперь, казалось, что целая армия скачет среди тихих холмов. Вениша в изумлении обернулась посмотреть, что бы это могло быть.

На Венише было старинного фасона платье из тонкой синей шерсти. Лиф расшит лютиками и маргаритками, талия занижена. Юбка не очень длинная, но со множеством льняных нижних юбок. Минуту или две она раздумывала над

этим.

«Наверное, — решила она, — это костюм молочницы, или пастушки, или какой другой сельской жительницы. Как странно! Не могу припомнить, чтобы я когда-нибудь была молочницей или пастушкой. Наверное, я должна играть роль в какой-то пьесе — но боюсь, я совсем не готова, ведь я не помню ни одной своей реплики».

— Щеки немного порозовели, — послышался встревоженный голос Фанни. — Как вам кажется, мистер Хокинс?

Вениша обнаружила, что находится в гостиной Фанни. А мистер Хокинс стоит на коленях на каменных плитах пола перед ее креслом. Рядом — таз с водой, над которой поднимается пар, а за ним — пара старых шелковых бальных туфель. Мистер Хокинс мокрым полотенцем протирал ей ноги. Это тоже было странно — ей никогда прежде не приходилось видеть его за подобным занятием. Потом он начал очень сосредоточенно промокать ей лицо.

— Осторожнее, мистер Хокинс! — воскликнула его жена. — Не напустите мыла девочке в глаза! О, моя дорогая! Я в жизни не была так напугана, как когда тебя принесли домой! Думала, упаду в обморок, и мистер Хокинс того же мнения.

Фанни была серьезно встревожена, это отразилось на ее лице. У нее всегда были запавшие глаза и впалые щеки — сказывались пятнадцать лет борьбы с нуждой, — но сейчас от страха щеки впали еще глубже, глаза были, круглыми, испуганными, а нос заострился и стал похож на кончик ножниц.

Какое-то время Вениша смотрела на Фанни, пытаясь понять, что ее так встревожило. Затем, опустив взгляд на свои руки, поразилась, насколько они исцарапаны. Провела рукой по лицу и почувствовала боль.

Она вскочила. На противоположной стене было небольшое зеркало — девушка увидела, что лицо ее в синяках, а волосы всклокочены. От ужаса Вениша громко вскрикнула.

Поскольку она не помнила ничего, что с ней произошло, Фанни поведала — со множеством отступлений и восклицаний, — что ее нашел молодой человек, фермер по фамилии Первис, когда она шла по тропинке. Она была совершенно не в себе и на все вопросы Первиса бормотала что-то бессвязное о серебряных бубенцах и развевающихся в небе зеленых знаменах. Потребовалось некоторое время, чтобы выяснить, кто она и откуда. Одежда ее была разорвана, туфли исчезли.

Мистер Первис посадил Венишу на свою лошадь и отвез к себе домой, где его мать напоила ее чаем, переодела в это старинное платье и обула в бальные туфельки.

— Ох, дорогая, — спросила Фанни, — неужели ты не помнишь, что с тобой произошло?

— Нет, ровным счетом ничего, — ответила Вениша. — Я отнесла суп Пизонсам, как ты меня просила — а что же я делала потом? Кажется, я куда-то пошла. Но куда? Почему я ничего не могу вспомнить?

Мистер Хокинс, все еще стоя на коленях перед ней, приложил палец к губам в знак того, что ей не следует волноваться, и начал осторожно поглаживать ее лоб.

— Ты свалилась в канаву, дорогая, — сообщила Фанни. — Только и всего. Конечно, это весьма неприятно, и нет ничего удивительного в том, что ты не хочешь подробно об этом рассказывать. — Она принялась плакать. — Ты всегда была беспамятной, Вениша.

Мистер Хокинс приложил палец к губам в знак того, что Фанни не следует волноваться, и каким-то образом ухитрялся одновременно поглаживать лоб Вениши и похлопывать Фанни по руке.

— Фанни, — спросила Вениша, — сегодня проходили солдаты?

— Проходили солдаты? — повторила Фанни. Она оттолкнула руку мистера Хокинса и громко высморкалась. — Что ты имеешь в виду?

— Вот что я сегодня делала. Я вспомнила. Я наблюдала, как шла конница.

— Не проходили сегодня никакие солдаты, — ответила Фанни. — Думаю, они в своих казармах.

— Хорошо, что же я тогда сегодня видела? Сотни солдат в полном снаряжении, которое блестит на ярком солнце, и звук серебряных бубенчиков, когда они проезжают рядом…

— Ох, Вениша, — воскликнула Фанни в большом раздражении, — перестань говорить ерунду, не то нам с мистером Хокинсом придется послать за врачом, — а это обойдется в гинею, да еще траты на лекарства…

Фанни разразилась долгим монологом о дороговизне услуг доктора и мало-помалу пришла в такое беспокойство, что, казалось, она нездорова не меньше Вениши. Вениша поспешила успокоить ее: доктор вовсе не нужен — и пообещала больше не упоминать о скачущей мимо коннице. Затем удалилась в свою комнату и внимательно осмотрела себя.

Только царапины и синяки, тяжелых ран не было. «Наверное, — подумала она, — я упала в обморок, но это странно, ведь раньше со мной ничего подобного не случалось».

И когда домашние собрались за ужином — что в тот день произошло довольно поздно, — о странном приключении Вениши никто не упоминал, если не считать сожалений Фанни о том, что Первисы все еще не вернули платье.

На следующее утро Венише было трудно шевелиться, все тело болело. «Кажется, — подумала она, — будто я два или три раза упала с лошади». Ощущение было знакомое. Прошлой осенью капитан Фокс учил девушку ездить верхом. Они поднимались на плоскогорье над Киссинглендом, и капитан Фокс сажал спутницу на спину Прекрасной Дамы. Под ними золотистыми оттенками осени переливалась деревня, в окнах домов мерцали огоньки свечей. От костров в садах мистера Граута поднимались столбы синего дыма.

«Как мы были счастливы! Только Пен Харрингтон вечно догадывалась о том, куда мы собираемся, и настаивала на том, что поедет с нами. Ей всегда хотелось, чтобы капитан уделял ей внимание, и он — воплощенное благородство — вынужден был делать это. Она очень

утомительна. Да, а сейчас я ничуть не лучше нее или любой из тех девушек, которым нравился капитан и которыми он пренебрег ради миссис Мабб. Было бы гораздо естественнее, если бы я ненавидела капитана и чувствовала сестринскую симпатию к бедняжке Пен…» Она немного посидела, пытаясь пробудить в себе именно эти чувства, но спустя минут пять обнаружила, что не стала любить Пен больше, а капитана меньше.

«Я думаю, дело в том, что трудно испытывать сочувствие к девушке, которая носит ярко-желтое платье с сиреневой отделкой — сочетание ярко-желтого и сиреневого производит ужасающее впечатление. А что касается вчерашнего, мне кажется, самое правдоподобное объяснение, что я упала в обморок на тропинке, а мистер Первис нашел меня, подобрал и посадил на коня, а затем уронил — поэтому я вся в синяках, а платье порвалось. И, наверное, он смущен и не рассказывает об этом — что можно понять. Капитан, — подумала она и вздохнула, — ни разу не дал мне упасть с коня».

Этим же утром, трудясь на кухне (Вениша лущила горох, а Фанни делала сдобное тесто), сестры неожиданно услыхали, как подъехал экипаж.

Фанни выглянула в окно.

— Это Первисы, — сообщила она.

Миссис Первис, полная жизнерадостная женщина, увидев Венишу, тихонько вскрикнула и сердечно обняла ее. От миссис Первис сладко пахло молоком, свежим хлебом и свежевскопанной землей, словно она провела утро на маслобойне, на кухне и в огороде — да так оно и было на самом деле.

— Осмелюсь сказать, мэм, — обратилась миссис Первис к Фанни, — вас удивляет моя сердечность, но если бы вы только видели мисс Мур, когда Джон привел ее, бледную и дрожащую, думаю, вы бы извинили меня. Я знаю, что мисс Мур извинит меня, потому что мы с ней сделались большими друзьями, пока она гостила у меня на кухне.

«Действительно сделались?» — подумала Вениша.

— И вот, моя дорогая, — продолжала миссис Первис, роясь в большой холщовой сумке, — я принесла вам маленькую фарфоровую пастушку, которая вам так понравилась. Ох, не благодарите меня. У меня еще с полдюжины разных фигурок, а времени разглядывать их нет. — А вот это, мэм, — почтительно обратилась она к Фанни, — спаржа, и клубника, и шесть прекрасных гусиных яиц. Осмелюсь сказать, и вы согласитесь со мной,

неудивительно, что наши юные леди падают в обморок, когда они такие худенькие.

Фанни любила гостей, а миссис Первис была гостьей такого типа, которые были ей особенно приятны: она обращалась к Фанни, как и должна вдовствующая фермерша обращаться к жене викария, и беззлобно сплетничала. Фанни пришла в благодушное настроение и дала Первисам по маленькому бисквиту. «У меня была бутылка доброй мадеры, — сказала она им, — но, боюсь, она вся выпита». Чистая правда — мистер Хокинс докончил ее на Рождество восемь лет назад.

О платье старинного фасона миссис Первис сказала следующее: «Оно принадлежало моей сестре, мисс Мур. Она была почти такая же хорошенькая, как вы, и умерла примерно в вашем возрасте. Вы можете оставить его себе, хотя я думаю, вы предпочитаете новые фасоны, как другие юные леди».

В самом конце визита миссис Первис закивала головой и стала делать знаки сыну, чтобы он что-то сказал. Он выразил удовольствие видеть мисс Мур в гораздо лучшем состоянии и надежду, что миссис Хокинс не будет против, если он зайдет к ним снова через день-другой. Бедный Джон Первис! Румянец на его щеках красноречиво

свидетельствовал, что приключениями вчерашнего дня был нанесен ущерб не только Венише; ее спаситель, казалось, тоже получил рану — но в сердце.

Когда они ушли, Фанни заметила:

— Она кажется очень порядочной женщиной. Однако странно, что она не привезла твою одежду. Я несколько раз собиралась спросить ее об этом, но не успевала открыть рот, как она заговаривала о чем-то еще. Не могу понять, зачем она так долго держит у себя твое платье. Может быть, собирается продать? Ведь мы только с ее слов знаем, что платье порвано.

Фанни могла бы довольно долго продолжать в том же духе, но, едва начав говорить, она обнаружила, что оставила свою рабочую шкатулку в спальне, и послала Венишу за ней наверх.

На тропинке под окнами спальни Фанни миссис Первис и ее сын готовились к отъезду. Вениша видела, как Джон Первис достал из кузова старой брички большое деревянное ведро и поставил его на землю вверх дном, чтобы матери было удобнее взбираться.

Вениша слышала, как миссис Первис сказала:

— Ну, мне полегчало, когда я увидела, что она выглядит намного лучше. Великое счастье, что

она ничего не помнит.

Тут Первис ответил ей что-то, но он стоял отвернувшись, и Вениша не могла расслышать его слов.

— Это были солдаты, Джон, я совершенно уверена. Ее платье иссечено шпагами и саблями. Если бы они увидели, как было изрезано ее платье, когда ты нашел бедняжку, то, я уверена, напугались бы до смерти. Думаю, что этот капитан Фокс — тот самый, о котором я рассказывала тебе, Джон — послал своих солдат напугать ее. И как бы жесток он ни был по отношению к ней, она, может быть, все еще любит негодяя. Скорее всего, так и есть, ведь у нее такое нежное сердце…

— Боже мой! — прошептала в изумлении Вениша.

Поначалу она даже не ощутила ужаса, его затмила обида за капитана.

— Действительно, эта женщина была очень добра, приютив меня, но она очень глупа, если выдумывает такие небылицы о капитане Фоксе. Он человек чести во всем и никогда не причинил бы мне вреда — если бы ему не пришлось, разумеется, преследовать меня по долгу службы.

Но затем, когда перед ее мысленным взором возникло бедное, жестоко пострадавшее платье,

неприятное впечатление от слов миссис Первис усилилось, и Вениша в испуге задумалась: «Что же, ради всего святого, со мной приключилось?»

Но никакого удовлетворительного ответа девушка не нашла.

На следующий день после обеда Вениша почувствовала необходимость прогуляться на свежем воздухе и сказала Фанни, что ненадолго выйдет. Она прошла по Черчлейн, завернула за угол двора Блюиттов, подняла взгляд на стену вокруг огорода мистера Граута и — ох! — увидела самую ужасную вещь на свете. Страх был так велик, что ноги у нее подкосились, и она упала на землю.

— Юная леди! Юная леди! Что случилось? — послышался голос. Появились мистер Граут и его экономка, миссис Бейнс. Они были потрясены, обнаружив Венишу чуть ли не ползущей по земле. — Юная леди! Что, ради всего святого, с вами случилось?

— Мне показалось, что я вижу ряды солдат, идущих прямо на меня, — ответила Вениша, — но теперь я понимаю, что приняла верхушки берез за бледно-зеленые знамена, развевающиеся на ветру.

Казалось, мистеру Грауту было не совсем ясно, о чем она говорит.

Миссис Бейнс сказала:

— Ну, моя дорогая, что бы это ни было, стакан марсалы, безусловно, пойдет вам на пользу.

И хотя Вениша уверяла, что с ней все в порядке и что она через минуту-другую перестанет дрожать, они привели ее в дом, усадили у камина и дали ей питья.

Мистер Граут был юристом, который много лет назад обосновался в Киссингленде, где жил тихо и скромно. Он обходился с соседями по-дружески, и все считали его прекрасным человеком, пока он внезапно не разбогател и не купил две фермы в Найтсвудском округе. Это было не так давно, но с этих пор мистер Граут приобрел репутацию самого сумасбродного землевладельца, который грубо обращается с фермерами, работающими на него, и поднимает арендную плату, как ему заблагорассудится.

— Может быть, вы хотите что-нибудь съесть? — спросил у Вениши мистер Граут. — Моя превосходная миссис Бейнс пекла сегодня, если я не ошибаюсь. Я чувствую запах яблочных пирогов.

— Я ничего не хочу, сэр, спасибо, — ответила Вениша и, не зная, что еще сказать, добавила: — Думаю, я не переступала порога вашего дома с тех пор, как была девочкой.

— В самом деле? — переспросил мистер Граут. — Тогда вы заметите множество перемен к лучшему! Удивительная вещь, юная леди, но богатство не каждому на пользу. Некоторым достаточно одного упоминания о большом количестве денег, чтобы ощутить тревогу. По счастью, я могу хладнокровно думать о любом богатстве. Деньги, моя дорогая, дают больше, чем материальные удобства; они снимают с плеч бремя забот, придают силу и решительность действиям и нежность цвету лица. Они приводят в хорошее настроение и самого человека, и весь мир вокруг. Когда я был беден, на меня не стоило и смотреть.

По всей видимости, деньги, действительно, произвели какие-то странные перемены в мистере Грауте: его сутулость исчезла, а вместе с нею и все морщины; серебряные волосы сияли так, что порой казались нимбом; глаза и кожа блестели, и это не было слишком приятно. Не составляло труда заметить, что его распирает от тщеславия, и теперь он улыбался Венише, словно приглашая немедленно влюбиться в него.

— Да, сэр, — согласилась Вениша, — я уверена, что вы, как никто, заслуживаете богатства. Очевидно, вы умело вложили деньги?

— Нет, вовсе нет. Все мое богатство происходит

из благородного источника, от одной важной дамы, которой я оказывал и оказываю деловые услуги — что, могу сказать, очень хорошо вознаграждается. Эту даму зовут миссис Мабб.

— Ох! — воскликнула Вениша. — Именно ее мне так хочется увидеть.

— Не сомневаюсь в этом, юная леди, — тонко улыбнулся мистер Граут. — Ведь она заполучила вашего возлюбленного, храброго капитана Фокса, не так ли? О, не надо делать вид, что это не так, поскольку, как вы видите, я все знаю. Потерпеть поражение от такой соперницы, как миссис Мабб, не стыдно. Миссис Мабб — бесценная жемчужина, она выше всяких похвал. Душа радуется малейшему движению ее руки. Ее улыбка подобна солнцу… Нет! Она краше солнца! Можно с радостью прожить всю жизнь в темноте ради одной улыбки миссис Мабб. О юная леди! А изгиб шеи миссис Мабб! Ее бровь! Ноготок на мизинце! Само совершенство!

Вениша вздохнула.

— Хорошо, — сказала она и, не зная, что еще добавить, вздохнула снова.

— В юности, я полагаю, она трудолюбиво увеличивала собственные владения и приводила в порядок дела своих родственников и приживалов

— их много, и все они живут с нею вместе, — но со временем мирская суета стала утомлять ее, и вот уже много лет, как она предпочитает уединение. Она проводит время дома, за рукоделием. Я сам имел честь разглядывать, ярд за ярдом, самую изысканную вышивку, собственноручно выполненную миссис Мабб. И все ее незамужние сестры, и старые девы-тетки, и тому подобные родственницы занимаются вышиванием, поскольку миссис Мабб посвящает этому занятию много времени и к тому же не выносит безделья.

— Она живет близ Пайпера, правда? — спросила Вениша.

— Близ Пайпера! — воскликнул мистер Граут. — О нет! Откуда вы взяли? Дом миссис Мабб расположен гораздо ближе и совсем в другой стороне. До него можно добраться, если пойти по узенькой тройке через церковный двор и выйти в арку, увитую плющом. Тропинка, утопающая в конском щавеле и наперстянке, проходит мимо небольшого пруда, заросшего камышами, и поднимается на гладкий зеленый холм. На вершине холма следует пройти через пролом в разрушенной старой каменной стене — и окажешься в саду миссис Мабб.

— Как странно! — сказала Вениша. — Ведь я

была уверена, кто-то сказал мне, что она живет близ Пайпера. Однако, сэр, я обещала сестре, что уйду ненадолго, и она станет волноваться, если я вскоре не вернусь.

— О, — огорчился мистер Граут, — а мы только начали знакомиться! Я надеюсь, моя дорогая, вы не из тех чопорных юных леди, которые боятся остаться наедине со старым другом. Ведь я как-никак старый друг, хотя и выгляжу столь молодо.

На Черч-лейн Вениша приподнялась на цыпочки и посмотрела через церковную ограду.

— Так вот где тропинка, ведущая к дому миссис Мабб, вот где арка, увитая плющом!

Она не помнила, что видела их прежде.

Ну, я думаю, ничего плохого не случится, если я потихоньку пойду и взгляну на ее дом.

И, совсем забыв собственные слова, сказанные мистеру Грауту — о том, что Фанни станет беспокоиться, если сестра не вернется скоро, — Вениша проскользнула в церковный двор, затем под обвитую плющом арку, прошла мимо пруда и в конце концов добралась до разрушенной стены.

Удивительно, почему такая важная дама не приказала сделать парадные ворота — какая-то неудобная дыра в старой стене!

Вениша прошла сквозь пролом.

Высокие величественные старые деревья вольготно расположились вокруг бархатистого зеленого луга. Каждое дерево с аккуратно подстриженной круглой кроной было выше киссингглендской церкви, каждое хранило собственную тайну, от каждого падала длинная тень, такая же таинственная, как и само дерево. Высоко-высоко вверху, в синем небе висела крошечная луна, похожая на собственный хрупкий призрак.

«О, как тут тихо и пусто! Сейчас я совершенно уверена, что можно подождать и не возвращаться домой, ведь я никогда прежде не бывала в таком уединенном месте. В любой момент могут послышаться серебряные бубенчики и стук копыт, я знаю, что так и произойдет! Но ничего похожего на дом я не вижу».

Все-таки что-то там было; в конце лужайки стояла построенная на старинный манер круглая башня из серого камня с бойницами наверху и тремя темными щелями окон. Это была довольно высокая башня, но, несмотря на ее высоту, живая изгородь из бледно-розовых роз, что находилась за ней, была еще выше, и Вениша не могла отделаться от мысли, что на самом деле башня крошечная — башня для муравья, или пчелы, или птицы.

«Наверное, меня сбивает с толку эта высоченная изгородь. Скорее всего, это летний домик. Интересно, как попасть внутрь — я не вижу двери. О! Кто-то играет на трубе, хотя самого музыканта не видно. Теперь барабан! Странно, что я не вижу, кто играет. Интересно, что если… Два шага вперед, реверанс, поворот…»

Слова эти непроизвольно возникли в ее мозгу, и ноги сами начали двигаться. Она принялась танцевать и нисколько не удивилась, когда в нужный момент кто-то взял ее протянутую руку.

Кто-то тихонько плакал и, как и в прошлый раз, мистер Хокинс стоял на коленях перед креслом, на котором сидела Вениша, и омывал ей ноги.

«Хотя, — подумала она, — вряд ли они будут чистыми, если мыть их в крови».

Вода в тазу была ярко-красной.

— Фанни, — позвала Вениша.

Плач утих, и раздался негромкий звук — не то писк, не то фырканье, — свидетельствовавший, что Фанни рядом.

— Фанни, сейчас вечер?

— Рассвет, — ответила Фанни.

Вениша охнула.

Шторы в гостиной были раздвинуты, но в сером предутреннем свете они утратили свой

ярко-желтый цвет. И все за окном: огород Фанни, амбар Робина Толлидея, поле Джона Хакера, Господне небо, английские облака — все было видно необыкновенно отчетливо, но все без цвета, словно залитое серой водой. Фанни снова принялась плакать. «Наверное, у нее что-то болит, — подумала Вениша, — ведь ощущается какая-то боль».

— Фанни, — сказала она.

— Да, дорогая.

— Я очень устала.

Фанни что-то ответила, но Вениша не услышала, она повернула голову, а когда открыла глаза, то обнаружила, что лежит в постели, а Фанни сидит в плетеном кресле и штопает дырку на рубашке мистера Хокинса, шторы раздвинуты, и в окно светит яркое солнце.

— Ох, Вениша, — вздохнув, произнесла Фанни и безнадежно покачала головой. — Где, ради всего святого, ты была? И что, ради всего святого, ты делала?

Вопрос был из тех, что не предполагают ответа, но Вениша все же попробовала ответить:

— Я помню, что выпила стакан вина в доме у мистера Граута, но я так и сказала ему, что должна торопиться домой, потому что ты ждешь меня. Я не вернулась домой, Фанни?

— Нет, Вениша, — ответила Фанни, — не вернулась.

И Фанни рассказала Венише, как они с мистером Хокинсом и другими соседями всю ночь искали ее, а под утро Джон Хакер и Джордж Баттерли заглянули на церковный двор и увидели светлое платье Вениши, — сама она кружилась под большим деревом, кружилась и кружилась, широко раскинув руки. Чтобы остановить девушку, им обоим пришлось крепко держать ее.

— Две пары туфель, — вздохнула Фанни, — одни потерялись, другие в клочьях. Ох, Вениша, о чем ты только думала?

Очевидно, Вениша снова уснула, потому что, когда она очнулась, день клонился к вечеру. Донесся звон тарелок — наверное, Фанни накрывала на стол к ужину. Перемещаясь из гостиной в кухню и обратно, она разговаривала с мистером Хокинсом:

— …И даже если дело до того дойдет, ее не следует отправлять в сумасшедший дом. Не могу и подумать о том, что она окажется в одном из этих ужасных мест, где с больными так дурно обращаются. Нет, нет. Имейте в виду, мистер Хокинс, я против…

«Как будто он это предлагает, — подумала Ве-

ниша, — он так добр ко мне».

— …Возьму на себя смелость сказать, что сумасшедших содержать не дороже, чем здоровых — если, скажем, не считать расходов на лекарства и кресло, к которому их привязывают.

На следующее утро, когда Фанни, Вениша и мистер Хокинс завтракали в гостиной, послышался громкий стук в дверь. Фанни пошла открывать и через минуту вернулась с мистером Граутом, который не стал тратить времени на извинения или объяснения, а сразу же обратился к Венише тоном величайшего неудовольствия.

— Юная леди! Я срочно послан к вам миссис Мабб, которая просила меня передать, что не желает, чтобы вы тайком ходили вокруг ее дома.

— Ха! — воскликнула Вениша так громко, что Фанни испугалась.

— Родственники и приживалы миссис Мабб, — продолжал мистер Граут, весьма сурово глядя на злорадное выражение лица Вениши, — все были напуганы до смерти вашим странным поведением. Из-за вас ее престарелые дядюшки плохо спали, дети боялись ложиться вечером в свои постельки, а горничные переронялиа всю посуду на пол. Миссис Мабб жалуется, что во всем доме не осталось ни одного полного сервиза! Она говорит,

что в маслобойках у нее нет масла, потому что ваш зловещий вид привел в ужас ее коров. Мисс Мур, перестанете ли вы мучить эту даму?

— Пусть миссис Мабб отдаст мне капитана Фокса, — ответила Вениша, — и она больше никогда не услышит обо мне.

— Ох, Вениша! — воскликнула Фанни.

— Но юная леди! — вскричал мистер Граут. — Ведь капитан любит именно миссис Мабб. Мне казалось, я вам объяснил, что миссис Мабб хороша, как цветок яблони на ветке. Один взгляд ее глаз…

— Да-да, знаю, — нетерпеливо перебила его Вениша. — Вы мне все это говорили. Но это просто чепуха. Капитан любит меня. В противном случае он отказал бы мне сам — или, по крайней мере, прислал бы письмо, — но я не видела его и не получала от него ничего с тех пор, как вернулась из Манчестера. О! Не говорите мне, что миссис Мабб запретила ему приходить или еще какую-нибудь глупость в этом роде — капитан Фокс не тот человек, которому кто-то может помешать исполнить свой долг. Нет, судя по всему, это очередная выходка миссис Мабб.

— Юная леди! — в страшном смятении воскликнул мистер Граут. — Нехорошо, когда такая

молодая, не имеющая никакого веса особа, как вы, клевещет на важных людей, знатных и владеющих собственностью!

— Мистер Граут! — воскликнула Фанни, не в силах больше ни минуты молчать. — Не говорите с моей сестрой таким образом! Выбирайте более мягкие выражения, сэр! Разве вы не видите, что девочка нездорова? Мне, разумеется, очень жаль, что миссис Мабб столь обеспокоил визит Вениши — хотя, должна сказать, вы содействовали этому — и, чтобы быть справедливой по отношению к Венише, следует заметить, что все коровы и дядюшки этой дамы, должно быть, чрезвычайно нервные создания, если они впали в такое плачевное состояние оттого, что бедная больная девушка взглянула на них! Но я вам скажу, что собираюсь сделать. Чтобы Вениша не гуляла по округе и не причиняла беспокойства соседям, я спрячу зеленые туфельки, которые ей дали Первисы — а это единственные ее туфли, — там, где она не сможет найти их, и, — торжественно заключила Фанни, — ей придется сидеть дома!

Мистер Граут посмотрел на Венишу в надежде, что она признает свое поражение.

Но Вениша только любезно произнесла:

— Вы слышали мой ответ, сэр, советую пойти

и передать его вашей госпоже. Насколько я могу судить, миссис Мабб не терпит промедления.

Два следующих дня Вениша только и ждала возможности пойти поискать дом миссис Мабб, но все это время Фанни не оставляла ее одну и в то же время уклонялась от расспросов о миссис Мабб. Но на третий день после обеда Фанни пришлось отлучиться из дома, чтобы отнести чай из соцветий бузины, мятную наливку и прочие снадобья служанке Джона Хакера, которая сильно простудилась. Когда Фанни направилась по Черч-лейн к ферме Хакера, зеленые шелковые бальные туфельки, скорее всего, лежали у нее в корзинке, поскольку Вениша не обнаружила их, как ни искала.

Поэтому она обмотала ноги тряпками и вышла из дома.

В золотом солнечном свете, рядом с тем, что жители Киссингленда гордо именовали рекой, а менее пристрастные люди, наверное, назвали бы ручьем, в свежей зеленой долине, среди цветущих деревьев играли дети. Мальчик с жестяным свистком был герцогом Веллингтонским, другой, с барабаном — изображал целую английскую армию, а четыре маленькие девочки в светлых муслиновых платьицах, испачканных травой,

воплощали жестокость и неукротимый дух Наполеона и его генералов.

К тому времени, как Вениша в поисках миссис Мабб дошла до речки, у нее устали ноги. «Хорошо было бы остановиться и погрузить их в воду», — подумала она, но только девушка подошла поближе, как мальчики принялись с помощью свистка и барабана исполнять какой-то печальный мотив.

На Венишу напал необъяснимый страх, и она едва сознавала, что делает. Когда она пришла в себя, то обнаружила, что крепко держится за руку очень удивленной девочки лет восьми-девяти.

— Ох, прошу прощения. Это музыка так напугала меня, — сказала Вениша. А поскольку девочка глядела на нее с изумлением, продолжила: — Знаешь, я раньше любила музыку, а теперь мне от нее нехорошо. Как только я заслышу трубу или барабан, мне начинает казаться, что я обязана танцевать и танцевать без остановки. С тобой такого никогда не случалось?

Девочки глядели на Венишу с удивлением, но не отвечали. Их звали Хиби, Марджори, Джоан и Нэн, но Вениша не имела об этом понятия. Она сполоснула ноги в воде и легла отдохнуть — потому как все еще была очень слаба — на

мягкую зеленую траву. Она слышала, как Хиби, Марджори, Джоан и Нэн объясняли остальным, что мисс Мур, и это все знают, сошла с ума от любви к красавчику капитану Фоксу.

Девочки обрывали маргаритки и загадывали желания. Одна пожелала иметь небесно-голубую карету с серебряными украшениями, другая — увидеть в киссинглендской речке дельфина, третья — выйти замуж за архиепископа Кентерберийского и носить украшенную бриллиантами митру (что, как она считала, подобало бы ей как жене архиепископа, хотя остальные не были в этом уверены), четвертая — чтобы у нее на ужин были хлеб и жареное сочное мясо.

— А я бы желала знать, где найти дом миссис Мабб, — сказала Вениша.

На мгновение воцарилась тишина. Затем то ли Хиби, то ли Марджори, или Джоан, или Нэн пренебрежительно заметили, что всем известно, где он.

— Наверное, всем, кроме меня, — сказала Вениша синему небу и проплывающим облакам.

— Миссис Мабб живет в глубине сада у Билли Литтла, — произнесла одна из девочек.

— За большой кучей капустных листьев, — добавила другая.

— Мне кажется, мы говорим о разных людях, — сказала Вениша.

— Насколько я понимаю, миссис Мабб очень красива.

— Да, конечно, — согласилась первая, — самая красивая дама, какая когда-либо жила на свете. У нее есть кучер…

— …лакей…

— …учитель танцев…

— …и сто придворных дам…

— …а одной из придворных дам достается всякая невкусная еда от ужина миссис Мабб, а сама миссис Мабб ест только жареную свинину, сливовый пирог и клубничный джем…

— Понимаю, — сказала Вениша.

— …и все они вместе живут в глубине сада Билли Литтла.

— Им не кажется, что это неподходящее место? — спросила Вениша, поднимаясь с травы.

Но Хиби, Марджори, Джоан и Нэн не считали, что сад Билли Литтла неподходящее место для дома миссис Мабб. Еще они смогли сообщить Венише, что миссис Мабб по утрам пьет кофе из желудевой чашечки, что ее камергер — дрозд, а кучер — скворец, и что сама она «не больше перечницы».

— Хорошо, — сказала Вениша, — то, что вы рассказываете, очень странно, но не более странно, чем то, что случалось за мной за последнее время. Мне кажется, одно с другим сходится, и возможно, вы будете так добры и покажете мне, где я могу найти этот любопытный дом.

— Ох! — произнесла одна из девочек, в тревоге прижав руку к губам.

— Лучше бы вы этого не делали, — дружелюбно заметила другая.

— Она может превратить вас в масло, — сказала третья.

— Которое может растаять, — добавила четвертая.

— Или в пудинг.

— Который можно съесть.

— Или в ваш портрет на белой бумаге.

— Который кто-нибудь, сам того не желая, может бросить в огонь.

Но Вениша настаивала на том, чтобы ее прямо сейчас отвели к дому миссис Мабб, и в конце концов девочки согласились.

Билли Литтл, старый фермер с весьма вздорным характером, жил в ветхом разваливающемся домишке на Шиллинг-лейн. Он враждовал со всеми детьми Киссингленда, и все дети Кис-

сингленда враждовали с ним. Сад находился за домом, и Вениша, Хиби, Марджори, Джоан и Нэн должны были пригнувшись прокрасться мимо его не занавешенного окна.

Кто-то стоял на подоконнике. Дама в яркой одежде с сердитым лицом.

— А, вот вы, наконец-то! — воскликнула Вениша. Она выпрямилась и обратилась к даме со следующими словами. — Ну, мадам, если я побеспокою вас одним или двумя вопросами…

— Что вы делаете? — зашипели на нее Хиби, Марджори, Джоан и Нэн. Они схватили ее за платье и заставили снова пригнуться.

— Разве вы не видите? — спросила Вениша. — Миссис Мабб над нами, на подоконнике.

— Это не миссис Мабб! — прошептали Хиби, Марджори, Джоан и Нэн. — Это просто кружка Билли Литтла, Бетси, а рядом другая — Том.

Вениша откинула голову и увидела фарфорового кавалера фарфоровой дамы. Это действительно были кружки с большими ручками на спинах фарфоровых фигурок.

— Ну и прекрасно, — сердито сказала Вениша.

«Но я чуть не столкнула ее с подоконника, — подумала она, — ведь никогда не угадаешь, что именно связано с миссис Мабб».

За кучей капустных листьев и потемневшей, гниющей ботвы тропинка шла мимо печального пруда и вверх, по крутому берегу. На высоком берегу простиралась лужайка с йрко-зеленой травой, на одном конце которой лежала кучей дюжина или около того камней. Возможно, они предназначались для пчелиного улья, но вполне вероятно также, были развалинами какой-то старой стены. Позади них росли цветы: наперстянка, подмаренник и лютики — так что легко было вообразить, что смотришь на башню или крепость.

— Как странно, — сказала Вениша, — кажется, я видела это место прежде. Я уверена, что видела.

— Вот она! — закричала одна из девочек.

Вениша оглянулась, и ей померещилось какое-то трепетание в воздухе. Бабочка, решала она. Она подошла ближе, и тень ее платья накрыла камни. От них исходил темный, влажный холод, которого не могли разогнать солнечные лучи. Вениша протянула руки, чтобы разломать дом миссис Мабб на куски, но в то же мгновение что-то бледно-зеленое (или кто-то) вылетело из щели между камнями и поднялось в воздух, затем еще и еще, пока воздух, казалось, не наполнился странными существами, кругом все мерцало, и Венише это мерцание напомнило о блестевших

на солнце тысячах шпаг. Существа мелькали вокруг так быстро, что невозможно было уследить за ними взглядом дольше, чем секунду. А Венише показалось, что они двинулись на нее, словно солдаты, идущие на штурм.

— Ох, — закричала она. — Ох вы, мерзкие создания! Вы мерзкие, мерзкие создания! — и она принялась хватать их в сверкающем воздухе и сминать в руках. Вдруг Венише показалось, что они танцуют и что па в их танце, невероятно сложные, выдуманы затем, чтобы свести ее с ума; поэтому она с наслаждением сбивала их на землю и топтала их бледно-зеленый наряд. Но, хотя она была уверена, что некоторые существа погибли, а целые дюжины улетели, получив раны, количество их нисколько не уменьшилось. Постепенно ее порыв начал ослабевать; она почувствовала, что без сил падает на землю. Она подняла глаза, и увидела над собой сквозь сумятицу битвы бледное треугольное личико девочки, и услышала удивленный голос:

— Ведь это только бабочки, мисс Мур.

— Бабочки? — удивилась она.

— Это были только бабочки, любовь моя, — сказала Фанни и погладила Венишу по щеке.

Она была в своей комнате, в собственной по-

стели.

— Целая туча бледно-зеленых бабочек, — сказала Фанни. — Хиби, Марджори, Джоан и Нэн сказали, что ты кричала на них, и сбивала их на землю кулаками, и разрывала их на кусочки, пока не упала без чувств.

— Фанни вздохнула. — Но я могла бы поручиться, что ты совсем не помнишь этого.

— О нет, я все прекрасно помню! — ответила Вениша. — Хиби, Марджори, Джоан и Нэн привели меня к дому миссис Мабб, который, как ты, может быть, знаешь, находится в глубине сада Билли Литтла, а капитан Фокс был там, внутри — или, по крайней мере, я так думала — и если бы миссис Мабб не послала бабочек, чтобы помешать мне, я бы освободила его. И…

— Ох, Вениша! — раздраженно воскликнула Фанни.

Вениша разжала кулак и обнаружила несколько обрывков бледно-зеленого цвета, похожих на смятую бумагу, но гораздо тоньше, не весивших ровно ничего: разорванные крылья двух-трех бабочек.

— Я победила вас, миссис Мабб, — прошептала она.

Она взяла кусок бумаги и завернула клочки

крыльев. Сверху надписала: *Для миссис Мабб.*

Венише было нетрудно уговорить мистера Хокинса (который очень любил ее, а сейчас еще и беспокоился о ней) отнести сложенную бумагу мистеру Грауту.

На следующее утро она с надеждой ожидала возвращения капитана Фокса. Но он не появился, и тогда она решила снова пойти его искать — этого, судя по всему, ожидали и Фанни, и мистер Хокинс, потому что Фанни спрятала бальные туфельки Вениши в пустой кроличьей клетке в саду, а мистер Хокинс извлек их оттуда полчаса спустя. Мистер Хокинс поставил их снова под кровать Вениши, где она обнаружила их вместе со страничкой из записной книжки мистера Хокинса, на которой была начертана карта Киссингленда и окружающих его лесов, а в глубине этих лесов — дом миссис Мабб.

Судя по карте, дом миссис Мабб находился в лесах так глубоко, как Вениша никогда не заходила. Пройдя час или около того — а до дома миссис Мабб оставался еще добрый кусок пути, — она вышла на прогалину, окруженную мощными дубами, березами, бузиной и другими прекрасными английскими деревьями. На дальнем конце этой прогалины вдруг заклубилась туча бабочек,

они взмыли в пронизанный солнцем воздух, и появился человек. Но возник ли он из леса или из тучи бабочек, Венише рассмотреть не удалось. Волосы человека были каштановыми, с рыжеватым отливом, он был в синем мундире и белых рейтузах полка генерала Н.

— Вениша! — воскликнул он, едва завидев ее. — А я думал, вы уехали в Манчестер!

— Я и уезжала, мой дорогой, дорогой капитан Фокс, — сказала она, радостно подбегая к нему, — а теперь вернулась.

— Но это невозможно, — возразил капитан Фокс, — ведь мы расстались только вчера. Я еще подарил вам на память свою цепочку для часов.

Некоторое время они спорили, и Вениша несколько раз повторила, что с их последней встречи прошло почти четыре месяца, а капитан утверждал, что этого не может быть. «Как странно, — подумала Вениша, — все его достоинства я прекрасно помнила, но совершенно забыла, какой он несносный!»

— Хорошо, любовь моя, — сказала она, — я готова согласиться, что вы правы. Но может быть, вы объясните мне, почему деревья в этом лесу все в листьях и бутонах? Я помню, что они были голыми, когда я уезжала. А откуда взялись эти

розы? А эта мягкая свежая трава?

Тут капитан Фокс скрестил руки на груди и, нахмурясь, стал разглядывать деревья.

— Не могу объяснить, — произнес он наконец. — Но, Вениша, — продолжал он повеселевшим голосом, — вам ни за что не угадать, где я был все это время — у миссис Мабб! Она послала мне записку, приглашая меня быть четвертым партнером в карточной игре, но когда я приехал, выяснилось, что все, чего она хочет, это говорить со мной о любви и прочих глупостях. Я терпел, сколько мог, но, должен сказать, терпение мое начало иссякать. Право, Вениша, это очень странная женщина. У нее в доме почти нет мебели — только кресло для нее, а все остальные должны подпирать стены. И дом очень странный. Проходишь в дверь — собираясь, может быть, принести чашку из кухни или книгу из библиотеки — и вдруг оказываешься в небольшом лесу или на какой-то чертовой пустоши, или тебя вдруг обдают брызгами волны какого-то сумрачного моря. Ох! А кто-то — совершенно не представляю, кто бы это мог быть — несколько раз подходил к дому, что приводило все семейство и слуг в большое волнение, поскольку этого визитера миссис Мабб категорически не желала видеть. Поэтому они

предпринимали всевозможные усилия, чтобы избавиться от нежеланного гостя. Сколько труда они себе задали! А в последний раз некоторые из них были просто убиты. Два окровавленных тела принесли домой не более чем час назад — завернутыми в бумагу, что несколько странно, как мне кажется, — а на ней было написано: *Для миссис Мабб*. Я заметил, что миссис Мабб побледнела при виде их и объявила, что игра не стоит свеч и что хотя она терпеть не может уступать кому бы то ни было, непозволительно, чтобы по этой причине погибали благородные сердца. Я рад был услышать это от нее, поскольку, на мой взгляд, ее нелегко в чем-либо убедить. Некоторое время спустя она спросила, не хотел бы я отправиться домой.

— А что вы делали, моя любовь, когда слуги миссис Мабб прогоняли этого докучливого визитера? — ласково спросила Вениша.

— Ох! Я тихонько дремал в углу гостиной и не мешал домочадцам буйствовать, если им так этого хотелось. Солдат — как, мне кажется, я уже говорил вам, Вениша, — должен уметь спать везде. Но представьте себе: хозяйка дома руководствуется страстями, а не разумом — как в этом случае, — и неразбериха и отсутствие дис-

циплины тут же сказываются на нижних чинах. Такие вещи довольно часто можно наблюдать и в армии… — и капитан Фокс, развивая эту тему, принялся рассказывать о нескольких знакомых генералах, об их различных достоинствах и недостатках, а Вениша взяла его за руку и повела в Киссингленд.

Они довольно долго шли, и им было что сказать друг другу, а когда настали сумерки, пролился душистый дождь и птицы запели со всех сторон. Впереди показались два огня, при виде которых Вениша сначала встревожилась, но тут же обнаружилось, что это фонари, просто фонари, самая обычная вещь в мире; и почти тут же один из фонарей качнулся, осветив лицо Фанни.

— Ох, мистер Хокинс, — послышался ее радостный крик. — Вот она! Я нашла ее!

Перевела с английского Валентина КУЛАГИНА-ЯРЦЕВА

Вл. Гаков

ПРОБЛЕМЫ «МАЛОГО НАРОДЦА

«Строго научные» данные о феях, эльфах, гномах и прочих представителях так называемого «малого народца» запутанны, неполны и противоречивы.

Впрочем, если бы специалисты в мифологии, сравнительной культурологии, лингвистике и фольклоре добились в этом вопросе полной ясности — скорее всего, цена оказалась бы чересчур высока. Тогда конец сказке, легенде, веками волновавшей поэтов, фантазеров и мечтателей!

Как только разговор заходит о феях, двухтомный академический «Мифологический словарь» (в других случаях на редкость обстоятельный и информативный) почему-то теряет дар речи, ограничившись сухой отпиской: «В низшей мифологии народов Западной Европы — сверхъестественные существа, волшебницы, обитающие в лесах, источниках и т. п. Как правило, имеют вид красивых женщин, иногда с крыльями, способ-

ных к оборотничеству. Проводят время в веселии и танцах».

Не хватает только сакраментального: «Не занимаются общественно полезным трудом»… Тогда вполне сошло бы за «сигнал», посланный в школу милицейской комиссией по делам несовершеннолетних…

Кстати, представители сильного пола — эльфы — в том же томе заслужили более положительной и вдумчивой характеристики. Они — духи тех же «низших мифологий». Различают светлых эльфов и темных (речь о помыслах, а не о масти). Светлые носят на головах шляпки из цветков и в основном заняты тем, что ткут из летающей паутины, а в свободное от работы время водят хороводы при лунном свете. Их музыка зачаровывает, заставляет танцевать даже кусты и деревья, причем музыкант не может прервать выступление, пока ему не сломают скрипку…

Более разговорчив Хорхе Луис Борхес. В «Книге воображаемых существ» он старается быть академически бесстрастным, но писательскую натуру не скроешь! Вот что он пишет о феях: «С помощью магии они принимают участие в делах людских, а их родовое имя явно связано с латинским словом «фатум» (судьба, рок). Сказывают, что феи

— это самая многочисленная, самая прекрасная и самая запоминающаяся ветвь сверхъестественного «малого народца». Их среда обитания не ограничена каким-то конкретным местом или периодом времени. Древние греки, эскимосы и североамериканские индейцы — все, как один, рассказывают истории о героях, сумевших завоевать сердце одной из таких обольстительниц, созданных нашим воображением. Впрочем, за подобные удачи порой приходится платить ужасную цену: стоит только фее удовлетворить свои желания, как ее возлюбленного ждет смерть… Феи особенно любят петь, играть на музыкальных инструментах и одеваться во все зеленое… В конце XVII века шотландский церковник, преподобный Роберт Кёрк из Аберфойла написал книгу «Тайное сообщество, или Эссе о природе и деяниях подземных (и чаще всего) невидимых людей, известных под именами фавнов и фей… живущих на землях южных шотландцев. Сделано по описаниям тех, кто обладает «вторым» зрением…» Самого автора, говорят, феи увлекли в свое царство за то, что он открыл их тайну.

А в морях, омывающих берега Италии, особенно в Мессинском проливе, есть еще одна фея — Фата Моргана, насылающая миражи, которые сбивают

с курса моряков и выбрасывают их корабли на берег».

И все же стоит разобраться с основами.

Слово «феи» (fairies) пришло в английский язык из французского, где faerie означает просто очарование (в смысле — чары, зачарованность, а не шарм). И действительно, среди «родовых» названий фей встречается и слово fata, что совсем близко фатуму, року.

После норманнского завоевания Англии феи заметно потеснили «родных» англосаксонских эльфов. Хотя со временем в общественном сознании и те, и другие основательно перемешались с остальными представителями «малого народца». Это и обитатели могильных курганов — кельтские сиды (sidhe[1]), и валлийские озерные девы — гврагет аннон (gwragedd annwn); а также ирландские лесные сапожники — лепре-кауны (leprechaun), отвратительные гоблины (goblin), немецкие горные кобольды (kobolds), корнуэллльские пострелы — пикси (pixie), не говоря о более знакомых по художественной литературе гномах, троллях, русалках. Все они, плюс десятки

[1] Примечания: 1

Поскольку фонетика валлийского, ирландского и прочих малораспространенных языков сложна, названия и имена приведены и на языке оригинала. (Прим. авт.)

менее известных видов, и составляют то колоритное сказочное братство, живущее в полях, лесах, водоемах и подземельях, которое для простоты обозначают единым понятием «малый народец» (Little People).

А самыми симпатичными и привлекательными — точнее, завлекательными, поскольку там не все так просто и невинно, как в диснеевских мультиках! — являются, без сомнения, феи.

Место их обитания — Страна Фей, по-английски Faerie (отсюда, кстати, пришла в наш язык и «феерия»). В широком смысле Faerie — вообще Иной Мир, если не привносить в это название траурный оттенок. Попасть туда, как утверждают фольклорные источники, труда не составляет: достаточно просто углубиться в лесную чащу, нырнуть поглубже в пресный водоем, отдаться порыву ветра или просто погрузиться в глубокий сон. И если повезет…

Там время замедляет свой ход. Там нет наших реальных повседневных проблем, там не нужно зарабатывать на хлеб насущный. Страна Фей полна сокровищ, не случайно ее часто сравнивали со сказочным «горшком золота на краю радуги». И там, заметим, полным-полно вечно юных обольстительных красавиц — эдаких простых,

добродушных и естественных в своих желаниях селянок…

Совершенно очевидно, что это «добрая старая» альтернатива современной технологической цивилизации. А поскольку многим последняя стоит поперек горла вот уже второе столетие, грезы о феях не иссякают.

Поскольку в свое время люди верили, что феи — существа хотя и потусторонние, но реальные, концепция Страны Фей с неизбежностью стала обрастать необходимой мифографией. По смыслу Страна Фей ближе всего Подземному Миру, куда уходят умершие (в отличие от «официальной» христианской версии, в ранних мифологиях тот служил местонахождением одновременно как рая, так и ада). Управляется он духами — такими, как Гвинн-ап-Нудд кельтской мифологии, или Аравн, король Аннона, загробного мира, или даже прославленный Шекспиром Оберон. Остров Аваллон из артуровского цикла, куда отправляются мертвые, также может быть отождествлен со Страной Фей.

Еще одна литературно-мифологическая путаница — с Королевой Фей. На «трон» кто только ни претендовал, начиная с греческой Дианы-охотницы (для своего эскорта, состоявшего из нимф, она

была, несомненно, царственной особой), чье имя позже трансформировалось в Титанию — жену Оберона. И кончая Феей (или Фатой) Морганой артуровского цикла: многие ошибочно считают «Фею» именем собственным, хотя на самом деле это только прозвище…

Известно, что в литературных источниках словосочетание «Королева Фей» (Faerie Queen) использовал английский поэт Возрождения Эдмунд Спенсер — именно так и называется самая знаменитая его поэма. Зато благодаря упоминанию в «Ромео и Джульетте» более популярной Королевой Фей стала Маб — «повитуха фей, дающая рождение снам». Вероятнее всего, это трансформированное Медб (Medb или Maeve) — так звали одну королеву-воительницу в ирландской мифологии. Только вот с титулом вышла накладка: английское слово «queen» происходит от саксонского «cwen», означавшего просто «женщину». Так что правильнее было бы называть повелительницу фей просто Леди Маб.

Еще одна интригующая фигура в феерическом лексиконе — «жених феи». Смертный мужчина, влюбившийся в какую-то представительницу «малого народца», обычно обещает суженой соблюдать некое табу. Нарушение этого условия

приведет к ужасному прозрению: нарушитель увидит истинную природу маленькой обольстительницы. Например, она превратится в какое-то животное или сверхъестественное существо (царевны-лебеди русского фольклора, ламии, силки и прочие), и испытанное потрясение может оказаться для влюбленного фатальным.

Короче, странно было бы, если б мимо такого благодатного материала прошли художественная литература и изобразительное искусство.

Английская литература обратила внимание на «малый народец» в елизаветинскую эпоху, самыми известными примерами являются уже упоминавшаяся поэма Эдмунда Спенсера, вышедшая в 1596 году, а также сказочная пьеса Шекспира — «Сон в летнюю ночь» (1600). С тех пор феи и «соразмерные» им сказочные существа не покидали английскую поэзию никогда. И не только английскую: фантастические истории Шарля Перро, в которых как раз фей-то было немного, стали со временем называться в Англии «fairytales» — историями о феях. А попросту, в переводе на русский, — сказками!

С легкой руки Перро и других писателей-сказочников «малый народец» буквально заполонил европейскую литературу XVIII века. До такой

степени, что даже красавицы-пери из арабских сказок «Тысячи и одной ночи» стали восприниматься европейской читающей публикой всего лишь как восточная ветвь «родных» фей…

В Англии им отдали дань Сара Кольридж, Джон Раскин, Джон Батлер Йитс и один из предтеч современной фэнтези — Джордж Макдональд. На континенте — Шарль Нодье, Людвиг Тик, Новалис, братья Гримм, Гёте. Наконец, феи и их «родственницы», в частности, русалки, заняли прочное место в творчестве писателей и поэтов прошлого века. Достаточно назвать американца Эдгара По, а также наших Жуковского, Пушкина, Гоголя и Шевченко — все перечисленные, как помнит читатель, «согрешили» по части русалок!

Причем, каждый автор орнаментировал истории о «малом народце» в соответствии со своими литературными вкусами, модой времени, религиозными и культурными традициями. Так, почти все феи немецких романтиков слишком уж смахивают на вагнеровских тевтонских воительниц — не смотри, что маленькие…

В первой половине нашего столетия эстафету подхватили авторы фэнтези. Начиная от лорда

Дансени[2], чей роман «Король дочери эльфа» (1924) относится к классике жанра, а также романа Спрэга де Кампа и Флетчера Пратта «The Land of Unreason» (1942; название можно громоздко и весьма приблизительно перевести как «Страна, где не действуют законы рацио»); и, наконец, трилогии Дж. Р. Р. Толкина.

А если говорить о научной фантастике и фэнтези второй половины века, то список (наверняка, неполный — каждый может продолжить его сам) получается не менее впечатляющим. Это произведения Пола Андерсона — романы «Сломанный меч» и «Дети водяного», а также премированная (сделавшая дубль — «Хьюго» и «Небьюла») поэтичная повесть «Царица воздуха и тьмы», и роман «Малый народец» Джона Кристофера (в котором явно слышны отзвуки мифологических сюжетов), и кельтские фантазии Кэролин Черри — «Сонный камень» и «Фея в тени». Вспомним романы «Король утром, королева днем» Иэна Макдональда, «Маленький, большой» Джона Краули, «Корабль эльфов» Джеймса Блэйлока,

[2] Примечания: 2

Этот автор публиковался на русском языке ничтожно мало, однако упоминался часто: принята подобная транскрипция его фамилии. Издательство «Амфора», выпустившее недавно сборник его произведений (см. рецензию Л. Мирера в этом номере) предпочло более англизированный вариант Дансейни. (Прим. ред)

«Война дубов» Эммы Булл, «Сказка фей» Рэймонда Фейста, «Томас-рифмач» Эллен Кашнер, сборник рассказов Сильвии Таунсенд Уорнер «Королевства эльфов»…

И наконец то, что невозможно обойти молчанием. И что сознательно затушевано в детских сказках, картинках к ним и мультфильмах.

Феи отнюдь не бесполы. И не бесплотны.

На эротический аспект «феерической» темы первыми, кажется, обратили внимание английские художники-викторианцы. Для них прекрасная половина «малого народца» оказалась своего рода палочкой-выручалочкой: обнаженная натура в пуританской Англии конца прошлого века была не в чести, а вместе со стрекозиными крылышками, раскосыми глазками и удлиненными ушками голенькие нимфетки, резвившиеся среди цветов, вполне сходили за персонажей фольклора. Хотя, если честно, то смотрелись они еще более возбуждающе — не в пример чопорным, холодным англичанкам той поры…

И в конце нашего века не прекращаются попытки приоткрыть целомудренную словесную завесу авторов прошлого. И показать «правду» в обнаженном — во всех смыслах — виде. Такова,

например, книга «Эротический мир фей» (1972) Морин Даффи, а также альбом талантливых английских художников Брайана Фрауда и Алана Ли «Феи» (1978). Кстати, Фрауд, достойный наследник классика английской детской иллюстрации Артура Рэкхема, был также художником-постановщиком двух известных фэнтезийных фильмов — «Темный кристалл» и «Лабиринт». Последняя книга представляет собой популярную иллюстрированную энциклопедию «малого народца». А на десерт авторы приберегли для читателя… избранные страницы из фотоальбома соавторов. Они сняты на природе: в лесу, на реке, в лугах — и, разумеется, в компании обворожительных крылатых героинь.

Феи бессмертны не только в своей сказочной стране, но и в массовом сознании. Новый всплеск их популярности пришелся на начало 1980-х годов и совпал с массовым увлечением на Западе идеями и образами New Age и, как следствие, возросшим интересом к «корням», в частности, к кельтской мифологии.

От автора.

Мир неимоверно усложнился, в нем стало трудно жить и осваиваться. А феи, да еще в «поп-исполнении» New Age — это просто, мило, это утешает и отвлекает. Даже больше, чем сложные литературно-мифологические конструкции духовных наследников Толкина.

И потом — не случайно же эти маленькие красавицы веками оттачивали свой дар обольщения!

Леонид Кудрявцев

ПОСРЕДНИК

Иллюстрация Алексея ФИЛИППОВА

Форпатрил еще раз взглянул на Грызю и тяжело вздохнул. Гигантская, плотоядная летучая мышь забилась в дальний угол пыльной комнаты и, судорожно сжимая в лапках сухую корку, которая должна была составить ее ужин, злобно щерилась, обнажая острые зубы. Зубов этих, кстати, было много. Значит, сегодня ему придется поститься. А завтра… Вполне возможно — завтра тоже. И послезавтра… Если только он не заработает хоть немного денег. Правда, вероятность этого ничтожна.

Стало быть…

Маг сделал шаг в сторону Грызи.

Та противно зашипела и попыталась прикрыть корку телом.

Форпатрил еще раз вздохнул.

А ведь всего-то полгода назад эта неблагодарная летучая тварь питалась исключительно свежей телячьей печенкой. Правда, было за что: своим видом она вызывала у клиентов не очень приятные чувства и таким образом способствовала их сговорчивости. Теперь же она будила не совсем приятные чувства только у своего хозяина, поскольку последний клиент посетил его жилище как раз полгода назад. И надежда на то, что он появится в ближайшее время, была так же мала,

как совесть ростовщика.

Решив, что голыми руками наглую похитительницу драгоценной корки взять будет трудно, Форпатрил оглядел комнату. Взгляд его остановился на магическом посохе.

Вооружившись, темный маг снова шагнул к Грызе. Та испустила истошный визг.

Мстительно усмехнувшись, Форпатрил замахнулся посохом.

Ну, сейчас эта воровка получит…

— Развлекаешься?

Маг резко повернулся на голос.

В дверях стоял среднего роста лысоватый человек, в бархатном кафтане, с проницательным и слегка усталым лицом.

— Ты кто? — рявкнул Форпатрил.

— Посредник. Нахожу клиентов. Конечно, не бесплатно, а за определенный процент от гонорара.

— Гм, — сказал маг.

— Нет, если у тебя все в порядке, то я зря теряю время.

— Ну… — сказал маг. — Я бы не назвал свое положение просто великолепным.

Немного помолчав, он предложил:

— Ладно, садись.

Они уселись за большой каменный стол, на котором, как и положено, лежала целая куча непонятных, зловещего вида предметов, а также несколько внушительного размера инкунабул.

— Ты все знаешь, не так ли? — взял быка за рога Форпатрил.

Посредник пожал плечами.

— Ну конечно. А иначе зачем бы я сюда пришел?

— В таком случае, ты понимаешь, что в этом мире найти для меня клиента почти невозможно. Я ведь темный маг.

— Я попробую, — сказал посредник. — За десять процентов от твоей платы. Согласен?

Форпатрил задумался.

Собственно, чем он рискует? Десять процентов от пустого места — не такая уж большая потеря. С другой стороны, если посреднику каким-то чудом удастся найти клиента, то за такой подвиг можно и поделиться.

А виной всему был пресловутый указ Ангромайнью. Великий маг, владелец двадцати пяти миров, однажды сильно озаботился тем, что в одном из принадлежащих ему миров живет слишком много темных магов. Более того, они преуспевают. Рассудив, что если так будет про-

должаться, то рано или поздно ему придется иметь дело с достаточно сильным претендентом на свое место, и скорее всего, не с одним, Англо-майнью решил, что настала пора принять кое-какие меры.

Просто убить их он не мог, поскольку при этом нарушил бы законы, которые сам же и установил. Англо-майнью был достаточно мудр, чтобы понимать: властитель, нарушающий собственные законы, долго не продержится.

Где же выход?

Великий маг нашел его. Он издал указ, согласно которому на территории принадлежащих Англо-майнью миров запрещалось применять магию, приносящую вред другим людям, а также существам, приравниваемым к людям, за исключением случаев самообороны или во время поединков между магами.

Доходы черных магов этот указ срезал, словно нож опытного хирурга. Темные маги как раз и специализировались на причинении определенным людям всевозможных неприятностей.

Белые маги тоже пострадали, поскольку теперь не могли вышибать из клиентов деньги за охрану от козней черных магов. Впрочем, они Могли еще хоть как-то переждать суровые времена,

занимаясь лечением людей, их скота, а также изготовлением различных приворотных зелий, благо в указе не было достаточно четко оговорено, вредят ли они роду людскому.

Белые маги прекрасно знали, что ничего вечного на свете не бывает. Значит, рано или поздно Ангро-майнью отменит свой указ. Или что-то случится с самим великим магом, и тот, кто займет его место, исправит ошибку предшественника. Кроме того, они понимали, что указ этот ударил по ним лишь рикошетом, поскольку ни один из них не собирался владеть чем-то большим, нежели уютная башня, заваленная стопками магических книг и различными снадобьями. Словом, оставалось только ждать.

Темные маги пришли к выводу, что у них, собственно говоря, есть три возможности. Вообще-то их было четыре, но поскольку четвертая состояла в том, чтобы просто умереть с голоду, никто ее всерьез не рассматривал.

Итак, во-первых: черные маги могли просто проигнорировать пресловутый указ. Однако они прекрасно понимали, что дэвы — слуги Ангро-майнью, снабженные свежеизготовленными амулетами, тотчас засекут любое активизированное заклинание. Дэвы не ведали страха,

отличались гигантской силой, свирепым нравом и такдй тупостью, что воспринимали любой приказ своего господина буквально. Кроме того, их было очень много. Глупец, рискнувший оказать сопротивление одному дэву, в конечном итоге вынужден был сражаться с целым войском.

Во-вторых: кто-то из наиболее сильных темных магов мог вызвать Ангро-майнью на поединок, победить его и, став великим магом, создать благоприятные условия для деятельности остальной братии.

Желающих не нашлось. Этому немало способствовали упорно циркулирующие слухи о том, как лихо Ангро-майнью расправляется с претендентами, а также о драконнике, расположенном неподалеку от дворца великого мага, обитатели которого были большими любителями свежего мяса.

Оставалась третья возможность. Как можно скорее собрать вещички и, не тратя времени даром, переехать в другие миры, находящиеся под властью иных великих магов.

Большая часть темных магов так и поступила. За исключением тех, у кого просто не хватило денег, чтобы добраться до границ владений Ангро-майнью. Им ничего не оставалось, как от-

сиживаться в своих башнях и надеяться на чудо. К этим несчастным и принадлежал Форпатрил.

— Ну так как? — спросил посредник. — Заключим соглашение?

Форпатрил хмыкнул.

— А ты раньше посредником работал?

— Да.

— У магов?

— Нет, на бирже торговцев спелыми пьянь-плодами.

— Это такие, с дырочкой посредине и двумя синими хвостиками? — уточнил маг. — Применяются для производства королевского пива?

— Они самые.

— И что случилось?

— Ничего, — пожал плечами посредник. — Просто сезон спелых пьянь-плодов длится пять лет. Потом в течение пяти лет они поспевают. Вчера пришла последняя партия.

— Н-да… — разочарованно сказал Форпатрил.

Получалось, его гость ничего не смыслил ни в магии, ни в магах.

— А какая разница? — угадал его настроение собеседник. — Пусть я ничего не знаю о магии, зато соображаю в посредничестве. Кстати, если уж разговор зашел о том, чего я не понимаю, то

ответь мне, зачем вам, магам, нужны деньги?

— В каком смысле?

— Кто мешает тебе наколдовать себе все, что душе угодно, начиная от свежих булочек к чаю и заканчивая сундуком с бриллиантами?

Форпатрил улыбнулся.

— Невежество… Активизация каждого заклинания требует от мага больших энергетических затрат. Если я, например, надумаю сейчас создать себе свежую булочку, то потрачу на это гораздо больше энергии, чем получу, съев ее. Попросту — больше потеряю, чем приобрету. Надумай я питаться наколдованными булочками, это лишь ускорило бы смерть от истощения… Соответственно, создание золотой монеты потребует от меня больше энергии, чем я получу от купленной на нее еды. Ну и так далее… Понимаешь?

— Ага, — промолвил посредник. — Таким образом, маги пользуются заклинаниями лишь тогда, когда могут их продать с большой выгодой. Проще говоря, ты согласишься наколдовать булочку лишь при условии, что найдется кто-то, кто купит эту булочку по цене сотни обыкновенных.

— Вот именно, — сказал Форпатрил. — Правда, с годами, проведенными в упражнениях, у любого мага уходит все меньше и меньше энергии. Рано

или поздно он как бы пересекает барьер, после которого тратит энергии на заклинания так мало, что вполне может позволить себе утреннее булочки к собственному столу.

— А ты, стало быть, этот барьер еще не пересек?

— Нет. Иначе зачем бы я нуждался в клиентах?

— Понятно. А позволь спросить, какого уровня должен достигнуть такой маг?

— Как правило, для этого он должен стать равным по силе великому магу.

— Другими словами, — подытожил посредник, — торговля услугами мага чем-то сродни торговле картинами. Производство их требует от художника лишь холста, некоторого количества краски и вдохновения. Знатоки же платят за них столько, что, продав картину, художник может прожить время, достаточное для написания еще десятка полотен.

— Ну, примерно, — согласился Форпатрил. — Однако не забывай: ты собираешься стать посредником у темного мага. А наша стихия — разрушение. Причем тебе придется еще придумать, как обойти пресловутый указ Ангро-майнью.

— Ну что ж, я попробую.

— Попробуй, — развел руками Форпатрил. —

Посмотрим, что выйдет.

После того как посредник ушел, темный маг некоторое время задумчиво смотрел на дверь. Наконец очнувшись, он тряхнул головой, словно стараясь прогнать возникшую было надежду, и взглянул туда, где расположилась Грызя. Гигантская летучая мышь к этому времени уже расправилась с коркой хлеба и вылизывала шерстку на плече. В тот момент, когда Форпатрил посмотрел в ее сторону, она прервала это занятие и показала ему язык.

— И все-таки… — проворчал Форпатрил.

— В чем дело? — спросил посредник. — Тебе позарез необходим клиент. Я нашел его, причем всего за полдня.

— Вот именно — нашел, — мрачно сказал маг. — За полдня. Только учти, я нуждаюсь не во всяком клиенте.

— А я и нашел тебе не всякого. Уважаемый человек. И не задающий лишних вопросов.

— А указ Ангро-майнью?

— С этим все в порядке. Клиента совершенно не интересует, каким образом ты выполнишь задание.

— Еще бы! Очень удобно — для него.

— К тому же он сразу заплатил аванс.

Форпатрил взглянул на увесистый кошелек, который сжимал в руке, и тут же стал прикидывать, как добраться до ближайшей харчевни. Получалось, если он поторопится, то сможет вонзить зубы в свежий бифштекс не позже чем через пять минут.

Положительно, в данный момент против него ополчилось его собственное тело. И не только желудок. Откуда-то он совершенно точно знал, что если он сейчас все же надумает расторгнуть договор, его правая рука ни за что не вернет клиенту кошелек с деньгами. Ни за что!

— Ну как? — спросил посредник.

Форпатрил сдался.

— Хорошо, — сказал он. — Отправляемся на поле. Но прежде давай зайдем в ближайшую харчевню и хорошенько перекусим.

Эти слова телу Форпатрила явно понравились. Желудок издал одобрительное ворчание, а правая рука даже чуть-чуть ослабила хватку. Настолько, что маг после нескольких секунд отчаянной борьбы даже сумел положить кошелек в карман.

Огромные ворота со скрипом захлопнулись за их спинами. Форпатрил сделал еще два шага, остановился и стал осматривать открывшуюся ему панораму. Особым разнообразием она не ра-

довала. Начиная от стены и до самого горизонта тянулись ровные ряды ярко-зеленых кругляшей пьянь-плодов. Впрочем, возле самых ворот стоял еще и домик сторожа, но поскольку он был выкрашен в зеленый цвет, то почти сливался с окружающим пейзажем.

— Неплохо, — похвалил посредник. — Очень даже неплохо.

Кажется, он даже верил в свои слова.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Форпатрил.

— Стена, — пояснил посредник. — Все это огромное поле окружено стеной, и значит, праздных зевак можно не опасаться. Понимаешь, о чем я говорю?

— Еще бы, — сказал Форпатрил. — Только зря ты на это надеешься. Поверь, будь возможность как-то обойти указ Ангро-майнью, таковая немедля бы отыскалась. Дэвы…

— А если именно сейчас…

Вместо ответа маг ткнул пальцем в сторону домика сторожа.

Как раз в этот момент из него вышел дэв и неторопливо направился к ним. Здоровенный, мускулистый дэв, в стальных латах, с огромной, усеянной острыми шипами дубинкой в лапах.

— Теперь понимаешь? — поинтересовался маг.

— Понимаю, — кивнул посредник. — Впрочем, ничего страшного пока не произошло. Как ты помнишь, у нас был небольшой план. Настало время претворить его в жизнь.

Форпатрил вздохнул.

В глубине души он не верил в осуществление этого плана. Впрочем, попытаться претворить в жизнь полубезумную идею гораздо лучше, чем просто сидеть в своей башне и умирать с голоду.

Дэв внимательно осмотрел Форпатрила и изрек:

— Так я и думал. Темный маг.

— И что дальше? — буркнул Форпатрил.

— Ничего, — сказал дэв. — Я просто решил, что хозяин этой плантации пьянь-плодов наймет именно темного мага. И не ошибся. Кстати, я подумал, что устраивать слежку за несколькими оставшимися в нашем мире темными маками не имеет смыла. Сами придут. Тем более, что общение с природой, говорят, полезно. А запах! Просто прелесть!

Запах действительно был. Сильный, можно даже сказать, могучий. Форпатрилу он почему-то напомнил запах сыра, производимого в соседнем мире, — кажется, из молока драконихи, пере-

гнивших личинок каких-то местных жуков и десятка пахучих трав. Ничего прелестного в этом запахе он не находил.

— Нам что-то вменяется в вину? — вкрадчиво спросил посредник.

— Нет, — сказал дэв. — Пока.

— А где сторож?

— Как только появилось это чудо-юдо, он попытался исполнить свой долг. В результате его домик теперь пустует. Я же имею право занимать любое помещение, необходимое для эффективного исполнения своих обязанностей. В самом деле, не мог же я ждать вас на улице? А если бы пошел дождь?

— Кстати, насчет обязанностей… — коварно улыбнулся посредник.

— Не входит ли в твои обязанности следить за порядком?

— Ну да.

— А между тем существо, захватившее часть поля пьянь-плодов, является самым настоящим захватчиком. Не должен ли любой страж порядка, узнав о подобном нарушении права частной собственности, попытаться схватить преступника?

— Ни-ни! Мне так и не удалось установить, кем является это существо. Инструкции гласят, что

в подобных случаях, если нет непосредственной угрозы жизни жителей, страж порядка не должен предпринимать никаких действий.

— Нет непосредственной угрозы? — переспросил посредник. — А сторож? И наверняка были еще работники на плантации…

— Были, — согласился дэв. — Я честно предупредил их. Они меня не послушали. Ну подумайте сами: вот, к примеру, в каком-то глухом месте поселился дикий дракон. Сидит себе в пещере и никого не трогает. Однако к нему, один за другим, отправляются драконоборцы. Дракон вполне благополучно их всех приканчивает. Должны ли стражи порядка охотиться на дракона? Нет. До тех пор, пока он первым не нападет на человека, они не имеют на это права.

— А нарушение частной собственности?

— До тех пор, пока нарушитель частной собственности первым не напал на человека, выдворение его за границы этой частной собственности является делом того, кому она принадлежит.

— Понятно, — сказал Форпатрил. — Короче, на твою помощь рассчитывать нечего?

— Верно, — подтвердил дэв. — До тех пор, пока это существо не попытается первым на кого-то напасть. И официально предупреждаю: лучше бы

вам отступиться от этой затеи.

— Ладно, мы это обдумаем, — сказал маг. — Но хоть кое-какие заклинания против него я имею право применить?

— Нет, — покачал головой дэв. — До тех пор, пока не установлено, кем является это существо, применение заклинаний будет считаться нарушением указа великого Ангро-майнью. Кто знает, может, это существо по умственным способностям приравнивается к человеку?

— А оно похоже на человека?

— Нет. Но и среди людей частенько встречаются такие, которые совсем на них не похожи.

Они помолчали.

Наконец посредник осторожно сказал:

— Форпатрил, а не пора ли тебе познакомиться с этой тварью поближе?

— Всему свое время, — раздраженно буркнул маг.

Сейчас вся эта затея казалась ему совершеннейшим безумием. Каким образом он сумеет победить тварь, уже ухлопавшую уйму народа? Наверняка среди них были и профессиональные драконоборцы. А это существо разделалось с ними так же легко, как здоровенный котище разделывается с маленькими мышками. Что мо-

жет против такого монстра сделать он, обычный темный маг не очень высокого ранга и к тому же не имеющий права применять поражающие заклинания?

— Ты тянешь время, — напомнил посредник.

Форпатрил наградил его злобным взглядом.

— Кстати, могу подсказать, — промолвил дэв. — Она находится вон там.

Он махнул лапой в сторону дальнего конца поля.

Приглядевшись, Форпатрил и в самом деле разглядел крохотную серебристую точку. Словно бы кто-то воткнул булавку с серебряной головкой в ярко-зеленый ковер.

— Спасибо за подсказку, — буркнул маг.

— Все-таки любопытно, — осклабился дэв. — Разделает эта штука тебя или нет.

Через полчаса работа была закончена, и Форпатрил двинулся к серебристой точке. Для чудовища он должен был выглядеть настоящим великаном, в алмазной броне, с огромным огненным мечом в руках. В этом и состоял их с посредником план. Напугать тварь так, чтобы она просто сбежала.

Маг неторопливо шел по полю, то и дело поглядывая под ноги, стараясь не наступать на пьянь-плоды, едва не задыхаясь от их запаха,

и костерил себя последними словами. Все это предприятие было авантюрой.

Меж тем очертания загадочного существа становились уже достаточно различимыми. Цвет кожи у него был серебристый, словно у закованного в магическую броню рыцаря. Оно оказалось не очень крупным, размером с небольшого мамонта.

Форпатрила это не обескуражило; ему случалось иметь дело с существами куда более экзотическими. Сейчас его интересовало только одно — насколько существо может быть опасным. Чем оно вооружено и как быстро может двигаться?

Он оглянулся.

Дэв насмешливо улыбался. Посредник выглядел крайне озабоченным, но ободряюще помахал рукой.

Кажется, пора начинать спектакль. Зрители явно заждались.

Форпатрил двинулся дальше.

Шагов за пятьдесят от существа он остановился, ожидая, когда чудище обратит на него внимание.

Минута текла за минутой, а существо все так же неподвижно стояло посреди поля пьянь-плодов.

Его огромные глаза, расположенные на самой верхушке конусообразной головы, оставались тусклыми и неподвижными, толстые и широкие ноги не шевелились.

Может, оно уже погибло? Судя по внешнему виду, это создание, скорее всего, появилось на свет в результате эксперимента какого-то могущественного мага. И не только могущественного, но еще и безответственного. Сначала сотворил нечто странное, а потом не смог произнести заклинание дематериализации и просто зашвырнул свое создание подальше. Случайно местом приземления создания оказался именно этот мир. Чудище, конечно, славно повеселилось. Однако заложенная в него магия рано или поздно должна кончиться. Почему бы не предположить, что это случилось именно сейчас?

Форпатрил покачал головой.

Ну нет, это было бы слишком просто. Скорее всего, тварь просто затаилась и ждет, когда он подойдет поближе. А уж там его постигнет судьба всех предыдущих охотников.

Кстати, где их трупы?

На несколько десятков шагов вокруг создания виднелись только куски уничтоженных пьяньплодов да неглубокие воронки с обожженными

краями. Словно в площадку вокруг существа ударило несколько десятков молний.

Ну-ну… Похоже, ближе подходить к существу рискованно. А раз так, то не пора ли начинать?

Форпатрил сделал несколько пассов и активизировал еще парочку заготовленных заклинаний. В результате для существа он должен был превратиться совсем уж в настоящего гиганта. Кроме того, теперь у него появилась возможность изрыгать клубы дыма и огня, словно дракон. Пустив в сторону противника иллюзорную огненную струю, маг не достиг этим ничего.

Тварь по-прежнему никак на него не реагировала.

Пришлось пройти еще шагов пять. Делая последний, Форпатрил перестал следить за тем, куда ступает, и раздавил пьянь-плод. Тот лопнул с чавкающим звуком — мага обдало фонтаном липкого, кислого сока. Форпатрил отпрыгнул в сторону.

Это его и спасло. В тот момент, когда он наступил на пьянь-плод, монстр ожил.

Огромные глаза уставились на мага, из тела существа выскочило что-то похожее на узкое щупальце, и с кончика его ударила огненная стрела. Она вонзилась в землю совсем рядом с магом.

Заклинания, предусмотрительно наложенные Форпатрилом, спасли его от жара огненной стрелы. Однако маг понял: если стрела попадет прямо в него, гибели не избежать.

Форпатрил со всех ног бросился наутек…

— Голем, — уверенно заявил дэв. — Такие штучки как раз в их стиле.

Форпатрил мрачно буркнул:

— Кто угодно, только не голем. Те хоть немного смахивают на людей, а это чудовище…

— Ладно, — сказал посредник. — Думаю, все у тебя получится, но это потребует некоторого времени. А у меня кое-какие дела. Мне пора. Я еще появлюсь, чтобы узнать… гм… как продвигается мероприятие.

Он встал и не очень торопливо, но и не медленно, а спокойным, деловым шагом пошел к воротам.

— А твой напарник решил сбежать, — заключил дэв.

— Все правильно, — уныло сказал маг. — Он посредник, и не его дело сражаться с чудовищами.

— Големами, — продолжал настаивать дэв.

— Нет, — покачал головой Форпатрил. — Все эти искусственные существа обладают чудовищной силой, но чертовски медлительны. Закон

компенсации. Так быстро реагировать способно только живое существо.

— В таком случае ты влип, — сообщил дэв. — Если это живое существо, то есть вероятность, что оно мыслящее. Стало быть, является подобием человека. Так что твои заклинания противоречат указу!

— Да, положение…

Очистить поле от захватчика он не мог. Не мог и отказаться от выполнения контракта, поскольку часть денег из аванса была потрачена. Что остается? Торчать в тоске на краю поля и слушать разглагольствования стража порядка?

Для начала было бы неплохо определить, с кем он имеет дело. Конечно, это не голем, но все-таки магическое происхождение твари несомненно.

А раз так, следует выяснить, какая магия породила ее на свет.

Маг уже по-новому посмотрел на серебристую точку. Внимательно, оценивающе. Осторожно, почти бережно поднял руки для начального пасса.

— Ты ведь не будешь нарушать закон? — поинтересовался дэв.

— Нет, — рявкнул Форпатрил. — Всего лишь хочу узнать, какая это магия.

— Ну-ну, смотри…

Маг сделал несколько начальных пассов и вполголоса, привычной скороговоркой забормотал заклинание, открывающее магические течения.

— А мясо неплохо прожарилось, — сказал дэв. — Кажется, ты в этом понимаешь больше, чем в неведомых существах.

Рука Форпатрила нервно дернулась, и он едва не уронил в костер свой кусок.

— Да ладно, не обижайся, — промолвил дэв. — Я не хотел сказать ничего плохого. Передай лучше вон ту бутылочку. Вино, надо сказать, ты купил знатное.

Стараясь выглядеть спокойным, хотя это и давалось ему с трудом, поскольку дэв окончательно доконал его за этот день своими шуточками, маг подал стражу порядка бутылку с вином.

Сделав пару глотков, тот сказал:

— Только учти, если ты решил меня задобрить, ничего не выйдет.

Форпатрил забрал у дэва бутылку и глотнул из нее. Думал ли он еще сегодня утром, пытаясь отнять у Грызи сухую корку, что ужинать станет жареным мясом, а запивать его будет великолепным вином? Правда, эти деньги еще не

отработаны, но завтра он обязательно что-нибудь придумает. Выход найдется. Он есть всегда. Надо только уметь его увидеть.

— Так ты не обнаружил никаких следов магии? — в десятый раз спросил дэв.

— Никаких, — сокрушенно признал Форпатрил. — Словно при создании этого существа не было задействовано ни малейшей частицы какой-либо магической энергии.

— Но этого не может быть!

— Вот именно, — согласился Форпатрил. — Но это так.

— Ладно, — сказал дэв, вставая. — Я поужинал. Пора на боковую. Кстати, в домике сторожа есть кровать. Я привык на полу. Так что, если надумаешь, можешь располагаться.

И дэв удалился в сторону домика сторожа.

Форпатрил взял обломок ветки и кинул в огонь. Веер искр, взлетевших из костра, оставил после себя ощущение краткой сверкающей ярости. Где-то неподалеку зажужжала пятиногая земляная жаба — волан.

Маг невольно взглянул в ту сторону, где должно было находиться существо.

А что если его уже там нет? Кто знает, может, оно уже подобралось к костру и теперь готовится

метнуть в мага огненную стрелу?

Форпатрил невольно поежился.

Ну нет. Все это не более чем его слишком разыгравшееся воображение. Существо находится на своем месте. Стоит и ждет, когда он придумает, как от него избавиться.

Гм… хорошо бы это и в самом деле удалось. Вот только как? Каким образом можно избавиться от существа, при создании которого не было потрачено ни капли магической энергии? И что это может означать? Возможно, страшилище, захватившее часть поля пьянь-плодов, самым естественным образом родилось в каком-то из миров великой цепи? Может быть, оно там даже является домашним животным, чем-то вроде ручного дракона?

Гм… дракон. Серебряный дракон.

Форпатрил мысленно несколько раз повторил это словосочетание, и оно ему понравилось.

Конечно, существо совсем не походило на дракона, но все же что-то общее угадывалось. Может быть, оно выражалось в том, что любой обыкновенный дракон способен точно так же долгое время лежать у себя в пещере, почти не подавая признаков жизни, но стоит в нее войти какому-нибудь драконоборцу, дракон расправится с ним

одним точным, безжалостным ударом?

Форпатрил бросил в костер еще одну ветку. Ну хорошо, пусть будет — серебряный дракон. В конце концов, надо же это существо как-то называть?

Итак… как же его одолеть? Ну хотя бы прогнать с поля. Как это сделать магу, не имеющему права применить против чудовища ни одного серьезного заклинания?

О-хо-хо…

Форпатрил зевнул.

Кстати, почему бы не поспать? Все равно сейчас он ничего путного не придумает. А утром ему в голову могут прийти интересные мысли… если, конечно, придут…. если повезет… если проблема серебряного дракона имеет хоть какое-то решение… если…

Маг вздрогнул. Он вдруг почувствовал, как к его плечу словно прикоснулась чья-то невидимая, почти бесплотная рука. Легчайшее прикосновение, сбившее его с мыслей, вырвавшее из полусонного состояния.

Что это?

Он встрепенулся и, схватив свой посох, вскочил. Торопливо оглядевшись, маг не увидел ничего угрожающего и вдруг сообразил, что на

самом деле произошло.

Существо! Этот самый серебряный дракон.

Слишком долго сегодня пришлось его исследовать, слишком много он потратил времени, пытаясь определить, с помощью какой магии был создан серебряный дракон. И потерпел фиаско. Но магическая связь не исчезла — и вот сейчас проявилась. Ему удалось уловить исходящее от существа ощущение. Днем это не получилось, поскольку он искал только следы магии. Сейчас же…

Сейчас он знал, что с серебряным драконом что-то не в порядке. Словно тот был слегка болен… или просто занозил лапу… или о чем-то тосковал. О чем?

Возможно, это станет ясно завтра. Правда, как это поможет выполнить контракт? Вот если бы он узнал, как уничтожить серебряного дракона…

Ладно, завтра он что-нибудь придумает… Может быть…

— Между прочим, пьянь-плоды используют для приготовления самого лучшего — королевского — пива. И стоят они, как ты знаешь, очень дорого.

— Знаю, — буркнул Форпатрил.

— Так вот, хозяин интересуется, как идут дела.

За пьянь-плодами необходимо тщательно ухаживать, постоянно обрабатывать землю, на которой они растут, каждый день выпалывать сорняки…

— Не нужно прописных истин, — сухо сказал маг. — Если позволишь, я продолжу свою работу.

— Конечно-конечно. Только нельзя ли побыстрее?

Магу захотелось чертыхнуться, но он сдержался. Раньше, до указа Ангро-майнью, никому даже в голову не могло прийти отвлекать темного мага от его дел!

Ладно, хватит об этом. Пришла пора посмотреть, как серебряный дракон выглядит вблизи.

Он прошелся по краю поля, то и дело помахивая руками, словно пытаясь стряхнуть приставшую к ним невидимую паутину и поглядывая в сторону серебряного дракона. Тот за ночь, кажется, не сдвинулся ни на шаг.

Зачем он прилетел сюда? И почему не улетает? Не хочет или не может? Возможно, он появился здесь в результате козней конкурентов хозяина поля?

Остановившись, маг ловко и уверенно сделал несколько пассов и, застыв с вытянутой в сторону серебряного дракона рукой, произнес необходимое заклинание. Как только прозву-

чало последнее слово, с ладони мага сорвалось небольшое, почти невидимое облачко и медленно полетело в сторону чудища. После того как оно преодолело половину расстояния до дракона, Форпатрил закрыл глаза.

Теперь он сам был этим облачком и летел, упиваясь своей безнаказанностью, к серебряному дракону. Ближе, еще ближе, совершенно точно зная, что существо не сможет ему ничего сделать, поскольку даже не почувствует его присутствия. Маг тоже не сумеет никак повредить серебряному дракону, но это сейчас не нужно. Главное — разведка. Узнать, хорошенько рассмотреть и попытаться найти хотя бы од-но-единственное уязвимое место.

Форпатрил стоял с закрытыми глазами полчаса. За это время ему удалось очень внимательно, со всех сторон, рассмотреть серебряного дракона.

Издалека дракон выглядел полностью неподвижным, но вблизи оказалось, что это вовсе не так. Коническая голова неведомого существа время от времени слегка поворачивалась. Под серебряной кожей шевелились мускулы. На боках дракона находилось два больших, квадратной формы, выступа. Причем один из них имел вмятину, как будто кто-то саданул по нему со

страшной силой камнем.

Внимательно изучив выступы, Форпатрил решил, что они похожи на плотно прижатые к туловищу крылья.

Облачко рассеялось, и Форпатрил открыл глаза. Подобрав посох, он ковырнул его концом землю и разочарованно хмыкнул.

— Ну? — в один голос спросили посредник и дэв.

Вместо ответа Форпатрил пожал плечами.

— Понятно, — заключил посредник. — Значит, ты так и не определил, как можно уничтожить это существо?

Форпатрил молчал. Выхода не было.

Либо он должен честно признаться себе, что выполнение контракта оказалось ему не по зубам, либо выполнить его единственно возможным способом. То есть нарушить указ Ангро-майнью.

Да, конечно, наказание за невыполненный контракт менее сурово, чем за нарушение указа Ангро-майнью. Но, с другой стороны, если ему удастся прикончить серебряного дракона, потом нужно будет еще доказать, что тот был мыслящим существом. Допустим, Ангро-майнью сумеет сделать такую экспертизу. Все-таки он великий маг. Но существует вероятность, что дракон ока-

жется просто животным…

Форпатрил искоса взглянул на дэва.

— Но-но! — сейчас же встрепенулся тот. — Без шуточек. Я знаю, что ты задумал. Ничего у тебя не выйдет.

— Почему же? — ласково спросил темный маг.

На душе у него было легко. Решение принято, и значит, оставалось идти намеченным путем. А там — будь, что будет. Там, как упадут кости.

— Не позволю нарушать указ великого мага, — рявкнул дэв.

Крепко сжимая усеянную острыми шипами дубинку, он шагнул к Форпатрилу.

— Погоди! — крикнул тот. — Ты намерен меня арестовать?

— А как же!

— И тем самым преступить закон!

— Как это? — спросил дэв, останавливаясь.

— На данный момент я ведь никакого указа не нарушил, так?

— Но ты намерен это сделать.

— Да? А можно ли определить это до того, как я действительно причиню вред существу? К тому же есть ли доказательства, что это создание по уровню мышления равняется человеку?

— Все равно я тебя арестую. До выяснения об-

стоятельств.

— Твое право. Но сначала я попробую применить к нему парочку заклинаний. И кстати, не советую мешать, иначе заявлю, что нанес вред существу непреднамеренно и опасное заклинание получилось лишь благодаря твоему вмешательству.

Дэв вполголоса выругался.

— Ладно, валяй. Собственно, мне уже порядком надоело торчать на этом поле. Действуй.

Улыбнувшись, Форпатрил повернулся лицом к серебряному дракону.

Ну вот, сейчас все выяснится. Главное — не сплоховать.

Он знал, что второй попытки у него не будет. Значит, необходимо одновременно применить как можно больше самых сильных заклинаний, нанести всего один удар, но зато такой, который наверняка убьет серебряного дракона.

Что ж, магическая энергия у него копилась целых полгода, и экономить ее не имеет смысла.

Подняв вверх посох, он сконцентрировал внимание на его набалдашнике, быстро и уверенно наложил базовое заклинание, а потом принялся за кропотливый, тщательный труд.

Первым к базовому заклинанию прицепилось

«проклятие кровавой погибели». Вслед за ним лег «седьмой смертный страх». Потом пришла очередь «кривозубой смерти», за которой последовали «тысяча одна лихорадка», а также «сладкий сон вампира».

Заклинания следовали одно за другим, и длилось это до тех пор, пока Форпатрил не понял, что еще немного и базовое заклинание не выдержит. Слишком большая на него легла нагрузка. И если переборщить, то оно лопнет, и тогда вся эта сконцентрированная магия без толку разлетится во все стороны, поражая тех, кто случайно оказался на ее пути. В том числе и посредника с дэвом, а также и самого мага.

Стало быть, наступил момент нанести удар. Тот самый, единственный, который все решит.

Магу вдруг стало страшно. Так с ним бывало каждый раз, когда он готовился применить одно из своих самых сильных заклинаний. А тут даже не одно, а целую копилку. Разом.

Эх…

Он вытянул посох в сторону серебряного дракона, краем глаза успев заметить, как посредник и дэв проворно рухнули на землю, произнес последнее заклинание, очень короткое, высвобождающее скопившуюся в набалдашнике

магию…

А ведь у него был выбор…

Давным-давно, когда он еще только обнаружил у себя магические таланты, так получилось, что у него был выбор. Пожелай он тогда, и мог бы стать не темным магом, а белым.

Сидел бы сейчас в чистеньком, уютном домике, покуривал трубочку и размышлял над особенностями заклинаний от ревматизма. Вместо того, чтобы торчать на краю поля, пялиться на этого жуткого серебряного дракона и проклинать свое невезение.

— Ни одно не подействовало? — спросил его дэв.

— Сам видишь, — устало сказал Форпатрил.

— Получается, ты так и не смог причинить существу ни малейшего вреда?

— Да, — с безграничным терпением сказал маг.

— Значит, и арестовывать тебя не за что, — подытожил дэв.

Задумчиво почесав затылок, дэв спросил:

— И что ты теперь будешь делать?

— Не знаю.

Сказав это, Форпатрил несколько театральным жестом откинул посох в сторону, сел прямо на

землю и закрыл лицо руками.

Он сидел и думал о том, что все эти эффектные телодвижения и позы на самом деле служат лишь одному: дают возможность оттянуть время, приготовиться к предстоящему позору. Если бы он просто увильнул от выполнения контракта, то всего лишь прослыл бы жуликом. Теперь же его признают неумехой. А это гораздо хуже. И никто даже не подумает принять во внимание, что с такими существами, как серебряный дракон, не встречался еще ни один темный маг. Никто не поверит, что это неведомое существо попросту нельзя убить с помощью магии.

Кстати, почему? Вот вопрос, на который он хотел бы знать ответ.

— Что будем делать?

Форпатрил отнял руки от лица и искоса взглянул на усевшегося рядом посредника:

— Откуда я знаю… Не действует на него магия. Совсем.

— Ну подумай. Может, есть что-нибудь еще? А? Иной выход. Давай, напрягись. Неужели придется возвращать деньги, с каких заработков?! После такой неудачи следующих контрактов не будет.

Вот идиот! Что можно сделать против существа, неподвластного колдовству?

Стоп, а что, собственно, ему известно о серебряном драконе?

Скорее всего, тот не является живым существом, иначе хоть одно из заклинаний на него бы подействовало. Но как же тогда шкура, под которой перекатываются мускулы?.. Как же тогда подвижная голова?..

Ну ладно, допустим, он ошибся, и дракон все-таки не относится к разряду живых существ.

Чем же он является? Големом? Ну уж точно нет. Кадавром? Нет, на кадавра магия должна была подействовать. Материальной иллюзией? Тоже нет. От материальных иллюзий за версту тянет магией… Что же остается?

— Оглянись, — сказал посредник.

Форпатрил оглянулся.

Теперь дэвов стало два. Второй был чуть пониже первого, но так же широк в плечах. Да и дубинка у него была не менее увесистая.

— Его наверняка послал хозяин поля, — сказал посредник. — Если выяснится, что ты не можешь очистить участок от чудовища и не в состоянии вернуть аванс, нас тотчас арестуют.

Маг едва не застонал.

У него возникло ощущение, что он марионетка, кукла, которой осталось жить лишь до тех пор,

пока двигающая ее пружина окончательно не распрямится. Причем ждать этого момента осталось совсем недолго.

Стоп! Механическая кукла! Очень сложная, чудо механики!

Форпатрил вспомнил, как однажды видел в какой-то лавке механическую птицу. Она двигалась, как живая, махала крыльями и даже пела. Так почему бы не предположить, что серебряный дракон тоже кукла? Конечно, гораздо более сложная, созданная гениальным механиком, но все же…

— Не стоит тянуть время, — промолвил посредник. — Пойдем, пора сдаваться. Ничего у нас…

— Погоди, — резко сказал Форпатрил. — Еще немного. Кажется, я кое-что придумал.

Он еще раз взглянул на серебристую точку.

Да, верно. Это все объясняет. Темная магия на механизм не подействует, поскольку направлена против живых существ.

Кто же такое придумал? В каком мире живет умелец, который смог создать куклу, способную не только двигаться, не только летать, но и еще каким-то непостижимым образом определять, что рядом находится живое существо, и даже пытаться его убить? Как выглядит мир, в котором

могут делать такие механизмы?

— Все, дэвы идут сюда, — сказал посредник.

— Задержи их, — приказал Форпатрил. — Мне нужно еще немного времени.

Надо было прямо сейчас, не сходя с места, придумать, как убрать дракона. Каким образом можно разрушить механическую куклу, если ничего не понимаешь в механике?

Погоди, а если не разрушать? Как она попала на поле? Если бы она приползла сюда, то на рыхлой земле должны были остаться глубокие следы. Значит, серебряный дракон все-таки прилетел.

Да, он куда-то летел, а потом произошло нечто, и он опустился на поле. Что именно? Неважно. Главное — дракон получил какое-то повреждение, помешавшее ему продолжить путь. Может, столкнулся с кем-нибудь в воздухе… Надо сообразить, как его убрать с поля.

Вот именно: не уничтожить, а убрать, дать возможность улететь. Каким образом? Устранить поломку? Но он не способен это сделать, поскольку не знает, что сломалось.

Хотя… Помятое крыло! Может быть, в нем все дело? Да, на нем есть вмятина. Может, как раз из-за этой вмятины дракон не в состоянии пользоваться крылом?

— Темный маг Форпатрил, именем…

Ну да, это был дэв. Тот самый, второй. Ему, видимо, показалось, что настало его время.

— Дай ему еще пару минут, — взмолился посредник.

— Ладно, но только пару минут, не больше, — нехотя сказал дэв.

Форпатрил невесело ухмыльнулся. Такова профессия темного мага.

Рано или поздно тебе дают пару минут и требуют, чтобы ты за это время совершил невозможное.

Он встал и поспешно наложил на себя заклинание невидимости, истратив на него последние остатки магической силы. Слыша, как за спиной в два голоса возмущенно взвыли дэвы, которым его исчезновение показалось попыткой сбежать, маг поспешно подобрал посох и быстрым шагом двинулся к серебряному дракону.

Он не знал, подействует ли против серебряного дракона заклинание невидимости. Вдруг он сходу угостит мага огненной стрелой? Остается только надеяться на удачу.

Но даже если удача будет на его стороне и он сможет беспрепятственно подойти к серебряному дракону… что дальше? Попытаться выправить

вмятину с помощью посоха?

Вообще-то посох — штука с повышенным запасом прочности. И рассчитан он не только для манипуляций с заклинаниями. Им можно, например, хорошенько кого-нибудь отдубасить. Или даже отбить удар меча.

Эх, будь что будет…

Границу, за которой серебряный дракон начинал стрелять огненными стрелами, Форпатрил перемахнул одним прыжком. Он был готов к тому, что заклинание невидимости его не спасет, но дракон никак не отреагировал.

Метнувшись к крылу, на котором была вмятина, маг замахнулся посохом. И замер. До него вдруг дошло, что, как только он хотя бы раз прикоснется к дракону, заклинание невидимости перестанет действовать. И вот тут-то уж дракон в него выстрелит. А значит, у него в запасе есть не более двух-трех ударов. Потом же его попросту сожгут, поскольку сейчас его не защищает даже самое простенькое заклинание.

И если эти два-три удара не выправят крыло, или не поставят его на место, или не уберут какой-то перекос, благодаря которому это крыло утратило способность действовать… Да и крыло ли это? И вообще, с чего он решил, будто сумеет

как-то помочь этой махине?

Он опустил было посох и стал прикидывать, как побыстрее уйти от серебряного дракона, но, взглянув в сторону дэвов, увидел, что они стоят на краю поля и смотрят в его сторону. Окончательно его добила даже не мысль о том, что уйти от них не удастся, и не промелькнувшая в сознании картина будущего публичного суда, а фигура посредника. Тот стоял рядом с дэвами, ссутулившись, и на лице у него была написана полная безнадежность. Очевидно, он уже ни на грамм не верил, что Форпатрилу удастся что-то сделать. Возможно, он даже считал, будто тот просто решил сбежать.

Широко размахнувшись, Форпатрил со всей силы саданул по крылу серебряного дракона. А потом еще раз… И еще… четко зная, что вот-вот в него ударит огненное копье…

Четвертого удара не потребовалось. Внутри серебряного дракона что-то треснуло, и крыло, по которому колотил маг, вдруг резко дернулось вверх. Самый край его ударил Форпатрила в живот — маг отлетел в сторону на добрый десяток шагов.

Но он еще успел увидеть, как под каждой конечностью серебряного дракона вспыхнули

ослепительные костры, а сам он резко рванул вверх…

Грызя с урчанием доедала кусок свежей печенки.

Форпатрил отхлебнул из бокала. Вино было просто великолепное. Как раз такое и нужно пить после сытного ужина.

Гм… сытного… Долго ли это будет продолжаться?

Проклятый хозяин поля, выплачивая ему деньги, умудрился вычесть из его гонорара штраф за пьянь-плоды, которые маг попортил, шлепнувшись на поле. После того как Форпатрил выплатил посреднику гонорар, а также рассчитался по долгам, на руках у него все же осталась кое-какая сумма. Вот только для того, чтобы покинуть владения Англо-майнью, ее явно не хватало.

Рассудив, что везение не может длиться бесконечно, и стало быть, ничего не остается, как смириться с судьбой, Форпатрил неплохо прожил две недели. Теперь деньги подходили к концу. Еще через пару недель ему придется положить зубы на полку.

Снова отхлебнув из бокала, Форпатрил в который раз принялся размышлять о серебряном

драконе. Кто его сделал и зачем? Как выглядит мир, в котором научились создавать такие сложные механические игрушки? Находится ли он в цепи миров?

Вряд ли… Искусство механики могло достигнуть таких высот лишь в мире, где нет магии. Получается, где-то там, за пределами цепи миров, есть еще по крайней мере один мир, в котором и слыхом не слыхивали о магии. А может, и не один. Возможно, где-то в пространстве существует другая цепь миров, удивительных, необычных, жители которых пользуются не надежной и проверенной магией, а вот такими механическими игрушками.

Интересно, как они их используют в быту? А на войне? Может быть, в этом мире место магов заняли вот такие серебряные драконы? Или нечто более сильное, могучее, свирепое? Как оно выглядит, оружие этих лишенных магии миров?

Кстати, если серебряный дракон преодолел расстояние между двумя непохожими мирами, не значит ли это, что рано или поздно на один из миров Ангро-майнью неизвестно откуда посыплются стаи вот таких серебряных драконов? Превосходно вооруженных, нечувствительных к магии, в отличие от обычных драконов, не

способных усомниться в своих действиях, не думающих о смерти и собственной безопасности?

...Он приканчивал второй бокал, когда дверь башни распахнулась. На пороге стоял посредник.

— Рассиживаешься? — спросил он. — А у меня есть для тебя один очень выгодный контракт.

Рафаэль Лафферти

ВСЕ ФРАГМЕНТЫ РЕЧНОГО БЕРЕГА

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Когда-то существовал очень длинный, очень изрезанный, невероятно извилистый берег реки. Потом с ним случилась странная вещь. Его разорвали, разрезали на куски. Часть этих кусков сложили и связали в тюки. Часть скатали в рулоны. Часть разрезали на еще более мелкие кусочки и пользовались ими как украшениями, и индейские знахари с их помощью лечили от разных недугов. Свернутые и сложенные куски берега, в конце концов, очутились в амбарах и старых сараях, на чердаках и в кладовках.

А река продолжала существовать, как и ее берега, и можно пойти и посмотреть на них. Но берег, который вы увидите сейчас, чуть-чуть отличается от старого берега, который был разрезан на куски и свернут в рулоны, отличается от тех кусков, которые можно найти на чердаках и в кладовках.

Его звали Лео Нейшн, это был известный в округе богатый индеец. Богатство его заключалось в собранной коллекции — он был человек дотошный и добычливый. Лео владел скотом, пахотными полями, некоторым количеством нефти и тратил на коллекцию все свои доходы. Имей он больше доходов, собрание было бы еще обширнее.

Лео Нейшн собирал древние пистолеты, старинные пули, жернова, старые ветряные мельницы, молотилки на конной тяге, чесалки для льна, фургоны переселенцев, бочки с медными обручами, одежду из буйволовой кожи, мексиканские седла, ковбойские седла, наковальни, калильные лампы, шлагбаумы, печи для сжигания мусора, недоуздки, клейма для скота, походные кухни, рога лонгхорнов, расшитые бисером серапе, штаны из оленьей кожи, бусы, перья, браслеты из беличьих хвостов, наконечники стрел, замшевые куртки, паровозы, трамваи, мельничные колеса, парусные шлюпки, вагонетки, воловью упряжь, старинные фисгармонии, дамские романы, цирковые афиши, бубенчики от сбруи, мексиканские телеги, рекламных деревянных индейцев, что ставятся перед табачными лавками, очень крепкий испанский табак столетней давности, плевательницы (четыреста штук), колеса обозрения, ярмарочные фургоны, ярмарочный реквизит любого вида, в том числе зазывные вывески, написанные маслом на холсте. Теперь ему хотелось собирать кое-что еще. Он завел об этом разговор с одним своим другом, Чарлзом Лонгбэнком, который знал все.

— Чарли, — сказал он, — ты что-нибудь знаешь

о «Самых длинных картинах в мире», которые обычно показывают на ярмарках и ипподромах?

— Немножко, Лео. Это весьма интересное проявление американского стиля: увлечение пустынными районами страны, характерное для XIX века. Считается, что на них изображен берег реки Миссисипи. Их обычно рекламируют, указывая длину: одномильная картина, пятимильная, девятимильная. Одна из них, мне кажется, и вправду была более ста ярдов в длину. Они нарисованы плохо, на скверном холсте — грубо выполненные деревья, илистый берег, упрощенные фигуры. И все повторяется, словно на обоях. Любой крепкий человек, если ему дать толстую кисть и в достатке самой скверной краски трех цветов, намалюет за день несколько ярдов такой мазни. Тем не менее это настоящий американский стиль… А ты собираешься их коллекционировать, Лео?

— Да. Только настоящие картины совсем не такие, как ты говоришь.

— Лео, я видел образчик подобной живописи. Просто грубая мазня.

— У меня двадцать холстов таких, про которые ты рассказывал. А три — совершенно другие. Вот старая ярмарочная афиша, в которой упоминает-

ся один из них.

Лео Нейшн умел быть красноречивым; вот и сейчас, рассказывая, он помогал себе жестами. А потом развернул старую пожелтевшую бумагу и любовно разгладил ее. Там было написано:

Арканзасский Путешественник, Лучшая Ярмарка в Мире, Восемь Фургонов, Колесо Обозрения, Звери, Танцующие Девушки, Удивительные Фокусы, Чудовища, Азартные Игры. Имеется также Самая Длинная Картина в Мире, четыре мили Превосходной Живописи. Это Живопись из Подлинной Панорамы, а не дешевая имитация.

— Видишь, Чарли, полотна бывают разными: часть из них — подлинные, часть — грубая подделка.

— Возможно, некоторые сделаны немного лучше остальных; сделать хуже было бы затруднительно. Разумеется, коллекционируй их, если хочешь. Ты уже насобирал кучу менее интересных вещей.

— Чарли, у меня есть фрагмент панорамной картины, когда-то принадлежавший арканзасской ярмарке. Я ее тебе покажу. Смотри, вот другая афиша.

Королевская ярмарка. Истинно королевская.

Четырнадцать фургонов. Десять тысяч чудес. Смотрите Резинового Человека. Смотрите Пятерых Акробатов. Смотрите Самую Длинную Картину в Мире, смотрите Слонов на Реке Миссисипи. Это Подлинное Изображение Берега, а не мазня, которую показывают другие.

— Говоришь, у тебя двадцать обыкновенных картин и три совсем другие?

— Да, Чарли. Я надеюсь раздобыть еще настоящих. Надеюсь собрать ВСЮ РЕКУ.

— Давай посмотрим, Лео, чем они отличаются.

Они пошли в один из сенных сараев. Лео Нейшн хранил свои коллекции в сараях для сена, поставленных в ряд. «А что мне делать? — сказал он как-то. — Позвать плотника и велеть ему построить для меня музей? Он скажет: «Лео, я не построю музея без чертежей и без помощников. Дай мне план». А где мне взять план? Поэтому я всегда предлагаю построить еще один сарай для сена размером сто на шестьдесят футов и высотой в пятьдесят футов. Потом сам делаю четыре или пять полок, и настилаю пол, и оставляю место для высоких предметов. Кроме того, думаю, что сарай для сена обходится дешевле, чем музей».

— Это будет серьезная задача, Чарли, — говорил Лео Нейшн, входя в один из сараев-музеев. — Тебе

понадобится вся твоя наука во всех областях, чтобы ее разрешить. Каждая из трех подлинных картин, что у меня есть, около ста восьмидесяти ярдов длиной. Думается, это какая-то стандартная длина, хотя могут встретиться и картины, которые во много раз длиннее. Они считались живописью в те годы, когда их показывали, Чарли, но ведь это не живопись?

— А что тогда?

— Я нанимаю тебя, чтобы это выяснить. Ты человек, который знает все.

В сарае стояли два ворота с барабанами высотой в рост человека, поодаль было еще несколько таких же.

— Старинный приводной механизм; похоже, он гораздо ценнее картины, — заметил Чарлз Лонгбэнк. — Такие штуки на мельницах крутили мулы, ходили по кругу и тянули за дышла. Возможно даже, это восемнадцатый век.

— Да, но я поставил электрический мотор, — сказал Лео. — Единственный мул, который у меня есть — мой личный друг. И я не заставляю его работать больше, чем он предлагал бы мне, будь я мулом. Я намотал картину так, что на полной катушке вроде бы оказался северный конец, а на пустой — южный. Сейчас мы это запустим. И

прогоним, и рассмотрим с юга на север, как бы следуя против течения лицом к западу.

— Интересный холст и интересная живопись, намного лучше всего, что я видел, — заметил Чарлз Лонгбэнк. — И кажется, совсем не пострадала за все эти годы.

— Это не холст и не живопись, — вставила Джинджер Нейшн, жена Лео, внезапно появившаяся в сарае. — Это картина.

Лео Нейшн включил мотор, картина начала перематываться. На ней был изображен лесистый берег реки. Известняковый и песчаный берег, местами илистый. Близко, на самой кромке, росли мощные деревья.

— Действительно, отлично сделано, — признал Чарлз Лонгбэнк. — Судя по тому, что я видел и читал, трудно даже предположить, что может быть так здорово.

На перематывавшейся картине не повторялось ничего; казалось, что перед глазами настоящий речной берег.

— Это девственный лес, по большей части лиственный, — сказал Чарлз Лонгбэнк, — не думаю, что сейчас в умеренном климате мог бы существовать такой прибрежный лес. Должно быть, его давно уже вырубили. Не думаю, чтобы много

таких участков могло сохраниться хотя бы до девятнадцатого века. И все же у меня ощущение, что это написано с натуры, а не выдумано.

Берег двигался мимо них: трехгранный тополь, ежовая сосна, сикаморы, ржавый вяз, дерево каркас, снова сосна.

— Когда я соберу много таких картин, Чарли, ты их все сфотографируешь и проанализируешь, или воспользуешься для этого компьютером. По углу падения солнечных лучей ты сможешь понять, в каком порядке должны идти картины и как велики между ними пробелы.

— Нет, Лео, на них на всех будет одно и то же время и день.

— Но это и был один и тот же час того же самого дня, — вмешалась Джинджер. — Как можно сделать одну картину в разное время и в разные дни?

— Она права, Чарли, — подтвердил Лео Нейшн. — Все подлинные картины — куски одной и той же. Я это давно понял.

Берег разматывался дальше: сосны, дуб лавролистный, серый калифорнийский орех, хурма, снова сосны.

— Потрясающее воспроизведение, что ни говори, — похвалил Чарлз Лонгбэнк. — Но боюсь,

какое-то время спустя оно начнет так же повторяться, как рисунок на обоях.

— Ха! — воскликнул Лео. — Такой умник, как ты, должен подмечать детали. Ни одно дерево не похоже на другое, каждый лист другой. К тому же это молодая листва. Наверное, изображена последняя неделя марта. Хотя все зависит от того, какая часть реки перед нами. Может, конец марта, а может, начало апреля. Птицы, старый мудрый

Чарли, почему мы почти не видим птиц на этом фрагменте? И какие птицы нарисованы?

— Странствующие голуби, Лео, а они исчезли несколько десятилетий назад. Почему не видно других птиц? У меня есть на это ответ, но только если мы предположим, что эта вещь очень давняя и подлинная. Мы не видим других птиц потому, что у них великолепная защитная окраска. В Северной Америке сейчас рай для орнитологов, потому что из Европы относительно недавно было завезено множество ярких птиц, которые заменили ряд местных. Они еще не приспособились к окружающей среде, и поэтому заметны. Да-да, Лео, это так. Птицам требуется всего четыреста — пятьсот лет, чтобы приспособиться. А здесь все-таки есть птицы, если присмотреться

как следует.

— Я уже давно присмотрелся, Чарли, и теперь хочу, чтобы это сделан ты.

— Это лента холста или какого-то другого материала высотой шесть футов, Лео, и я думаю, масштаб примерно один к десяти, исходя из высоты взрослых деревьев и тому подобного.

— Да, Чарли, я согласен. Думаю, на каждой из моих *подлинных* картин изображено около мили речного берега. Но в этих картинах есть еще кое-что, о чем я просто боюсь тебе сказать. Я не совсем уверен в твоих нервах. Но ты и сам увидишь, когда рассмотришь подробней.

— Скажи, в чем дело, Лео, — я должен знать, что искать.

— Да во всем, Чарли. В каждом листе, в каждом куске коры, в каждой пряди мха. Я рассматривал части картины под микроскопом, увеличивая в десять, в пятьдесят, в четыреста раз. Так подробно невооруженным глазом ничего нельзя увидеть, хоть засунь нос в самую середину картины. Под микроскопом можно даже разглядеть клетки листа или мха. Если при таком увеличении рассматривать обычную картину, видны частички краски, видны горы и пропасти, оставленные мазками кисти. А здесь, Чарли, не найти никаких

следов кисти, ни одного мазка!

Весьма приятное занятие — путешествовать вверх по течению реки, лениво, со скоростью, соответствующей четырем милям в час, в масштабе один к десяти. На самом деле картина перематывалась со скоростью около мили в час. Мимо проплывали берег, деревья, дуб болотный, американский ильм, сосна, черная ива, лоснящаяся ива.

— Кстати, откуда здесь лоснящаяся ива, Чарли, и почему нет ветлы, ты можешь сказать? — спросил Лео.

— Если это Миссисипи, Лео, а картина подлинная, то изображен какой-то самый северный ее участок.

— Не-ет. Это Арканзас, Чарли. Я-то узнаю Арканзас в любом виде. Откуда там взялась лоснящаяся ива?

— Если это Арканзас, а картина подлинная, значит там было холоднее.

— А почему нет ветлы?

— Ветлу завезли из Европы, хотя очень давно, и распространилась она очень быстро. На этой картине есть слишком уж убедительные свидетельства. Твои три остальные картины похожи на эту?

— Да, но на них немного другой участок реки. Солнце падает под иным углом, там другая почва, травы, цветы.

— Думаешь, сможешь достать еще таких картин?

— Смогу. По-моему, на всей картине было изображено больше тысячи миль реки. Наверное, добуду больше тысячи фрагментов, если стану искать, где надо.

— Может, большинство из них давно пропало, Лео, а осталась дюжина или около того, их-то и показывают на ярмарках. К тому же, возможно, в этой дюжине тоже есть повторы. На ярмарках часто меняют оформление, и возможно, остались только три твои картины. Картины могли демонстрировать на нескольких ярмарках и ипподромах в разное время.

— Нет, Чарли, их больше. У меня еще нет картины со слонами. Мне сдается, по разным местам их можно найти около тысячи. Я дам объявление — относительно подлинных картин, а не дешевой мазни — и начну получать ответы.

— Сколько их было, столько и осталось, — вдруг заявила Джинджер Нейшн. — С ними ничего не делается. У одной из наших катушка обгорела, а сама картина целехонька. Они не горят.

— Лео, ты можешь истратить уйму денег на кучу старых холстов, — сказал Чарлз Лонгбэнк. — Но я изучу их для тебя сейчас или когда решишь, что с тебя довольно.

— Погоди, пока не соберется побольше, Чарли, — отозвался Лео Нейшн. — Я уже придумал, как составить объявление. «Я освобожу вас от этих вещей» — напишу я, и, наверное, люди будут рады избавиться от старья, которое не горит и не ветшает, а весит больше тонны вместе с катушкой. Не ветшают только подлинные. Посмотри на эту большую зубатку вот здесь, под водой, Чарли! Посмотри, какой у нее злобный глаз! Река не была такой мутной, как сейчас, хотя изображена весна и вода стоит высоко.

Берег раскручивался дальше: сосна, кизил, можжевельник виргинский, дуб крупноплодный, орех-пекан, снова сосна, гикори. Тут картина докрутилась до конца.

— Чуть больше двадцати минут, я заметил время, — сообщил Чарлз Лонгбэнк. — Конечно, всякая деревенщина в прошлом веке могла верить, что картины по миле в длину, а то и по пять или девять миль.

— Не-а, они были умнее, Чарли, они были умнее. Скорее всего, они вовсе не считали, что

картина такая уж длинная, хотя она им нравилась. К тому же могли быть куски и пятимильные, и девятимильные. Зачем бы иначе их рекламировали именно так? Думаю, что сумею разнюхать и разыскать эти картины. А иногда буду звонить, и Джинджер расскажет, кто откликнулся на объявления. Возвращайся через полгода, Чарли. У меня к тому времени будет достаточно фрагментов реки, чтобы ты мог начать работу. Ты не заскучаешь без меня в эти полгода, Джинджер?

— Да нет. Здесь будут косари, и народ с аукциона скота, и те, кто добывает нефть, и Чарли Лонгбэнк приедет, и еще есть люди в городе и в баре «Вершина холма». Не заскучаю.

— Она шутит, Чарли, — посчитал нужным объяснить Лео. — На самом-то деле она за парнями не бегает.

— Нисколько не шучу, — возразила Джинджер. — Уезжай хоть на семь месяцев, мне-то что.

Лео Нейшн пропутешествовал около пяти месяцев и за это время объездил множество мест. Скупил больше пятидесяти подлинных фрагментов реки, потратив не одну тысячу долларов. Эти деньги он добывал несколько лет. Лео мог бы потратить и больше, если бы некоторые не от-

давали ему картины даром, а многие — за очень низкую цену. Но попадались и упрямые люди, которые требовали больших денег. При коллекционировании всегда существует риск — едва ли не самое привлекательное во всем процессе. Все эти предложенные по высокой цене фрагменты были действительно первоклассными, и Лео не мог от них отказаться.

Как Лео Нейшн разыскал столько фрагментов, осталось тайной, но у него и вправду был нюх на такие вещи — он просто чуял их. Все коллекционеры, что бы они ни собирали, должны обладать подобным нюхом.

В городке Ролла, штат Миссури, Лео нашел профессора, дом которого был весь застелен и завешен «коврами» из подлинных картин.

— Это очень прочный материал, Нейшн, — сказал профессор. — Ковры лежат у меня вот уже сорок лет и ничуть не истерлись. Посмотрите, какие яркие деревья! Мне пришлось разрезать холст цепной пилой, и должен вам сказать, он оказался тверже любого дерева, несмотря на гибкость.

— Сколько вы хотите за все ковры, за куски кусков, которые у вас есть? — спросил Лео с чувством неловкости. Ему казалось, что использовать

фрагменты картины в качестве ковров дурно, но этот человек вроде казался вполне приличным.

— Ну нет. Я не стану продавать свои ковры, но дам вам оставшиеся кусочки картины, поскольку вы этим интересуетесь, а также пожалую большой фрагмент, которым совсем не пользовался. Вообразите, ни разу не удалось никого заинтересовать этой живописью. Мы в колледже подвергли анализу материал «холста». Это оказался очень сложный пластик. Странное дело, ведь этот пластик изготовлен по крайней мере на несколько десятилетий раньше, чем в мире начали производить пластические материалы. Большая загадка — для человека достаточно любознательного, чтобы начать в этом разбираться.

— Я достаточно любознателен и уже начал разбираться, — заявил Лео Нейшн. — Вот кусок, что у вас на стене… Похоже на… если бы можно было взглянуть под микроскопом…

— Разумеется, Нейшн. Похоже на пчелиный рой, да это он и есть. У меня имеется слайд части этого куска. Пойдемте посмотрим. Я его показывал многим умным людям, но они твердили: «Ну и что?». Не могу понять такого отношения.

Лео Нейшн с наслаждением рассматривал слайд под микроскопом.

— Да-а… — сказал он. — Вижу волоски на ножках пчел. А в одном месте заметны даже луковицы волосков. — Он долго то уменьшал, то усиливал увеличение и вдруг заметил: — Но пчелы какие-то странные. Отец мне рассказывал про таких пчел, но я думал, это выдумки.

— Современные медоносные пчелы довольно позднего европейского происхождения, Нейшн, — объяснил профессор. — Местные американские пчелы действительно были странными и малопроизводительными на европейский взгляд. Но они еще не совсем вымерли. На некоторых картинах видны насекомые, кажется, очень древние.

— А что это за смешные звери на куске, который устилает пол в кухне? — спросил Лео. — Такие большущие?

— Земляные ленивцы, Нейшн. Судя по ним, вещь действительно старинная. Если это мистификация, то самая грандиозная из всех известных. Художник должен был обладать богатым воображением, чтобы наделить именно таким мехом вымершее животное — мехом, которого нет у ныне живущих в тропиках ленивцев, но который, возможно, был у ленивцев в более холодном климате. Но сколько потребовалось бы человеческих

жизней, чтобы написать хоть один квадратный фут такой картины со столь микроскопическими деталями? Здесь нигде нет обмана, Нейшн: каждый квадратный сантиметр холста насыщен изумительными подробностями.

— Почему лошади такие маленькие, а бизоны огромные?

— Не знаю. Чтобы во всем разобраться, нужен специалист, изучивший сотню наук — если, конечно, перед нами не мистификация, совершенная человеком, познавшим сотню наук. Но мог ли такой человек существовать триста лет назад?

— Вы отсылаете свой фрагмент к столь давним временам?

— Да. Но такой пейзаж мог существовать и пятнадцать тысяч лет назад. Говорю вам, здесь какая-то тайна. Хорошо, забирайте с собой эти лоскуты, а большой рулон я перешлю вам домой.

В Арканзасе Лео отыскал человека, который хранил фрагмент картины в пещере. Пещера была оборудована для туристических экскурсий, но картина, изображавшая берег реки, оказалась не слишком привлекательной.

— Люди думают, я установил здесь, в пещере, какой-то кинопроектор, — объяснил этот чело-

век. — «Кому надо забираться так глубоко, чтобы смотреть кино? — говорят туристы. — А если нам захочется полюбоваться берегом реки, мы за этим не полезем в пещеру». Я-то думал, что это будет хорошая приманка, но ошибся.

— Как вам удалось затащить сюда картину? — спросил Лео Нейшн. — Проход явно маловат.

— Да она уже была тут пятнадцать лет назад, когда я пробил лаз и пробрался в пещеру.

— Значит, картина здесь с незапамятных времен. За это время сформировались породы, образовавшие стену.

— Известняковые занавесы нарастают очень быстро оттого, что отовсюду струится влага. Эту штуку притащили сюда, наверное, лет пятьсот назад. Конечно, я ее продам. Даже обвалю еще кусок стены, чтобы ее вытащить. Мне все равно надо пробивать широкий коридор для свободного прохода туристов. Им не нравится ползать на животе по пещерам. Не знаю, почему. Мне всегда было по душе такое занятие.

Это был один из самых дорогих фрагментов, что приобрел Нейшн. А мог бы оказаться еще дороже, если бы Лео обнаружил интерес к тому, что виднелось между деревьями. Сердце у коллекционера подпрыгнуло до горла и едва не выскочило.

С трудом удалось сохранить невозмутимый вид. На картине были изображены слоны у берега реки Миссисипи.

Слон (Mammut americanum) на самом деле был мастодонтом. Это Лео узнал от Чарлза Лонгбэнка. Да, вот теперь у него были слоны; в его руках оказался один из ключевых фрагментов головоломки.

Множество картин можно было обнаружить в Мексике. Все перемещается в Мексику, как только немного устареет. Лео Нейшн вел беседу с богатым мексиканцем — индейцем, как и он сам.

— Нет, я не знаю, откуда появилась Длинная Картина, — сказал собеседник, — но она была привезена с севера, откуда-то из тех мест, где течет эта река. Во времена де Сото[3] существовала индейская легенда о Длинных Картинах, которой он не понял. Вы, северяне, как дети. Даже племена, отличающиеся памятливостью, наподобие

[3] Примечания: 3

Эрнандо де Сото (1496–1542) — испанский конкистадор, участник захвата столицы инков в Куско. Возглавлял военную экспедицию, которая в течение 1539–1542 гг. совершила поход по территории современных штатов Джорджия, западной части Южной Каролины, в Северную Каролину, на юг Теннесси и далее на юго-запад в Алабаму. В мае 1541 г. достиг реки Миссисипи. (Здесь и далее прим. перев.)

кэддо[4], помнят о событиях, которые произошли пятьсот лет назад.

Мы помним дольше. Что касается твоих дел, мы знаем, что каждый известный род привез с собой фрагмент Длинной Картины, когда мы перебрались на юг, в Мексику. Это было, наверное, лет восемьсот назад — мы пришли на юг как завоеватели. Сейчас эти картины для старинных индейских родов, как сокровища, как тайные сокровища, как память об одном из наших прежних домов. Ни один член старинного рода не станет говорить о них с пришельцем и не признается, что у него есть картина. Я с тобой разговариваю о картине, я даже отдал ее тебе — потому что разочарован в жизни, потому что я отступник, не такой, как все остальные.

— Скажите, дон Каэтано, не говорилось ли в древних индейских легендах, откуда взялась первая Длинная Картина или кто ее нарисовал?

— Говорилось. Картина — дело рук странного огромного существа, а имя его было Великий Живописец Речного Берега. Думаю, это знание тебе пригодится. И не надо презирать поддельные картины — дешевые имитации, как ты их назы-

---

[4] Примечания: 4

Кэддо — группа из пяти индейских племен в Техасе, Оклахоме, Арканзасе и Луизиане.

ваешь. Они не то, что тебе кажется, они написаны не ради денег. Их сделали для новых богатых родов, которые пытаются подражать старым и знатным в надежде сравняться с ними. К сожалению, эти работы сделаны довольно поздно, когда искусство пришло в упадок, но в любом случае разница огромна: всякая живопись покажется жалкой рядом с искусством Великого Живописца Речного Берега.

Дешевые имитации были захвачены как трофеи солдатами-гринго армии Соединенных Штатов во время мексиканской войны, так как их высоко ценили в некоторых семьях Мексики. От солдат они попали на ярмарки середины века в Штатах.

— Дон Каэтано, вы знаете, что, рассматривая при большом увеличении фрагменты картины, можно заметить детали, не видимые невооруженным глазом?

— Рад, что ты это сказал. Я всегда думал, что это так, но опасался проверять. Да, мы всегда верили, что глубина этих картин неизмерима.

— Почему здесь изображены мексиканские дикие свиньи, дон Каэтано? Словно у этой части картины какая-то особая мексиканская направленность.

— Нет. Пекари водились по всей Америке, до самого севера. Потом их вытеснили европейские свиньи — везде, кроме наших диких мест. Тебе нужна эта картина? Сейчас велю своим людям погрузить ее на корабль и отправить в твой дом.

— Но, разумеется, я вам заплачу…

— Нет, Лео, тебе я отдам ее даром. Мне нравятся такие люди, как ты. Бери ее, и Господь с тобой! Да, Лео, при расставании — и потому что ты собираешь всякие странные вещи — я хотел бы показать тебе коробочку с блестящими штучками, которые, думаю, могут тебе понравиться. Мне кажется, это всего-навсего ничего не стоящие гранаты, но разве они не хороши?

Гранаты? Нет, не гранаты. Ничего не стоящие? Тогда почему взгляд Лео ослеплен их великолепием, а сердце едва не выскакивает из груди? Дрожащими руками он поворачивает камни и восхищается ими. А потом, когда дон Каэтано отдает камни за символическую сумму в тысячу долларов, сердце Лео трепещет от радости.

И вы знаете, это действительно были дешевые гранаты. Но почему же Лео Нейшн думал иначе в тот роковой момент? Какое заклятие наложил на него дон Каэтано, чтобы он принял их за другие камни?

Ну что ж, в одном месте приобретаешь, в другом теряешь. А дон Каэтано действительно отправил ему драгоценную картину даром.

Лео Нейшн вернулся домой после долгого путешествия.

— Я выдержала без тебя пять месяцев, — заявила Джинджер. — Я бы не выдержала полугода и уж точно не выдержала бы семи месяцев. Шучу. Я не бегала за парнями. Наняла плотника, и он построил еще один сарай, чтобы хранить там куски картины, которые ты присылал. Сейчас их больше пятидесяти.

Лео Нейшн и его друг Чарлз Лонгбэнк вели беседу.

— Пятьдесят семь новых фрагментов, Чарли, — сообщил Лео. — С теми тремя, что уже были, получается шестьдесят. Думаю, у меня теперь есть шестьдесят миль речного берега. Изучи их, Чарли. Выкачай из них знание и засунь в свои компьютеры. Прежде всего я хочу понять, в каком порядке они идут с юга на север и как велики пробелы между ними.

— Лео, я уже пытался тебе объяснить: для этого нужно принять (помимо того, чтобы посчитать их подлинными), что все они сделаны в один и тот же час одного дня.

— Допусти все это, Чарли. Они все были сделаны в одно и то же время — или мы должны предполагать, что были. С такой мыслью мы и должны работать.

— Ах, Лео… я надеялся, что тебе не повезет с этим коллекционированием. Я все еще думаю: лучше бы это оставить.

— А я надеялся, что мне повезет, Чарли, и вышло, что я надеялся сильнее, чем ты. Почему ты боишься непонятных вещей? Мне они попадаются на каждом шагу. От них воздух делается свежее.

— Я действительно боюсь, Лео. Ладно, привезу завтра кое-какое оборудование, но я боюсь. Черт возьми, Лео, кто здесь был?

— Никого здесь не было, — вмешалась Джинджер. — Говорю тебе, как говорила Лео, я просто шутила, не крутила я ни с какими парнями.

На следующий день Чарлз Лонгбэнк привез оборудование. Он выглядел неважно — может быть, выпил виски больше нормы, а кроме того, двигался Чарли странно, резко и время от времени оглядывался через плечо, словно у него на загривке сидела сова. Но несколько дней он исправно работал, прокручивая фрагменты картины и сканируя их. Затем запрограммировал

компьютер и ввел в его память отснятый фильм.

— На нескольких фрагментах присутствует какая-то тень, что-то вроде легкого облачка, — сказал Лео Нейшн. — Не представляешь себе, что бы это могло быть, Чарли?

— Лео, вчера ночью я вылез из постели и пробежал две мили туда и обратно по вашей каменистой проселочной дороге, чтобы встряхнуться. Боюсь, я начинаю представлять себе, что такое эти легкие облачка. Господи, Лео, кто же здесь был?

Чарлз Лонгбэнк снял всю информацию, поехал в город и ввел ее в свои компьютеры.

Через несколько дней вернулся с ответами.

— Лео, все это пугает меня еще больше, чем прежде, — сказал он и выглядел при этом так, словно умирал от страха. — Давай бросим эту затею. Я даже верну тебе аванс.

— Нет, старина, нет. Ты взял аванс, я тебя нанял. Ты понял, в каком порядке они идут с юга на север, Чарли?

— Да, вот список. Но не делай этого, Лео, прошу тебя, не делай.

— Чарли, я только разложу их по номерам, приведу в порядок. Мне понадобится не больше часа.

Через час все было готово.

— Теперь давай посмотрим сначала один южный фрагмент, затем один северный.

— Нет-нет, Лео, нет! Не делай этого.

— Почему?

— Мне страшно. Они действительно идут по порядку. Они действительно могли быть сделаны в один и тот же час в один и тот же день. Кто здесь был, Лео? Кто тот великан, что выглядывает из-за моего плеча?

— Да, он действительно великан, ты прав, Чарли. Но он был хорошим художником, а художники имеют право на странности. Он часто смотрит и из-за моего плеча.

Лео Нейшн поставил перематываться самый южный фрагмент Длинной Картины. Это была вперемешку суша и вода, остров, рукав дельты и болото, устье реки и воды океана, смешанные с мутной водой реки.

— Красиво, но это не Миссисипи, — бормотал Лео, пока картина перематывалась. — Другая река. И я узнаю ее, хотя с тех пор прошло столько лет.

— Да, — Чарлз Лонгбэнк сглотнул. — Это река Этчафалайя. Сравнивая угол падения солнечных лучей на хорошо идентифицированных фрагмен-

тах, компьютер смог показать местоположение всех фрагментов. Это устье реки Этчафалайя, которое в геологическом прошлом несколько раз служило устьем Миссисипи. Но откуда он мог узнать, если его здесь не было? Ох, этот великан снова смотрит через мое плечо. Я боюсь, Лео.

— Послушай, Чарли, мне кажется, что человек должен испугаться хоть раз в день, тогда он будет хорошо спать ночью. Я боюсь уже целую неделю, но мне нравится этот здоровенный малый… Ну что ж, это один конец — или близко к концу. А теперь посмотрим северный конец. Да, Чарли… Тебя пугает, что все это настоящее. Хотя я не понимаю, зачем ему было смотреть нам через плечо, когда мы перематывали картину. Если он тот, о ком я думаю, он уже все это видел.

Лео Нейшн начал прокручивать самый северный фрагмент реки.

— Как далеко на севере мы оказываемся, Чарли? — спросил он.

— Примерно там, где теперь реки Сидар и Айова.

— Это самый северный кусок? Значит, у меня нет ни одного фрагмента северной трети реки?

— Да, это самый северный кусок, Лео. О Господи, это последний.

— На этом фрагменте тоже есть облако, Чарли? Кстати, что оно собой представляет? Смотри, какой прекрасный весенний пейзаж.

— Ты плохо выглядишь, Лонг-Чарли-бэнк, — объявила Джинджер Нейшн. — Как ты считаешь, глоток виски с кровью опоссума тебе не повредит?

— А можно просто виски? Ладно, давай свою смесь, может, это то, что надо. И поскорей, Джинджер!

— Меня не перестает изумлять, что живопись может быть настолько хороша, — не сводя глаз с картины, говорил Лео.

— Разве ты еще не понял, Лео? — Чарли била дрожь. — Это не живопись.

— Я вам с самого начала говорила, только вы меня не слушали, — заявила Джинджер Нейшн. — Я говорила, что это не холст и не живопись, а просто картина. И Лео однажды со мной согласился, а потом забыл. Выпей, старина Чарли.

Чарлз Лонгбэнк выпил целебную смесь из доброго виски и крови опоссума. Картина продолжала крутиться.

— Еще одно облако на картине, Чарли, — заметил Лео. — Похоже на большое пятно в воздухе между нами и берегом.

— Да, и сейчас появится еще одно, — со вздохом сказал Чарли. — Значит, мы приближаемся к концу. Кто они были, Лео? Как давно это произошло? Ах, боюсь, что довольно хорошо знаю эту часть — значит, они еще не могли быть людьми, верно? Лео, если это пустяковые явления, почему они до сих пор висят в воздухе?

— Спокойно, старина Чарли, спокойно. Река становится мутной и пенной. Чарли, ты не мог бы снять со всего этого микрофильм и ввести в компьютер, чтобы получить ответы на все вопросы?

— О Господи, Лео, уже!

— Что — уже? Эй, а что это за туман, что за дымка? А эта голубая гора за туманом?

— Это ледник, тупица, ледник, — простонал Чарли, и в этот момент самый северный фрагмент картины закончился.

— Смешай-ка еще виски с кровью опоссума, Джинджер, — сказал Лео Нейшн. — Похоже, это всем пойдет на пользу.

— Отлично, правда? — спросил Лео Нейшн немного спустя, когда х>ни втроем прикончили крепчайшую смесь.

— Отлично, — подтвердил Чарли Лонгбэнк, хотя его била дрожь.

— Но кто здесь побывал, Лео?

— Да, Чарли, ты недавно сказал — «уже». Что ты имел в виду?

— Это уже микрофильм, Лео, их микрофильм. Бракованный кусок, как я думаю.

— Ну-ну, теперь я понимаю, почему виски с кровью опоссума никак не войдет в моду, — заметил Лео. — Скажи-ка, а тогда старина опоссум уже был здесь?

— Старина опоссум-то был, а нас не было. — Чарлз Лонгбэнк дрожал, не переставая. — Но мне кажется, что кто-то постарше, чем опоссум, снова тут что-то вынюхивает, а нос у него гораздо длиннее.

Чарлз Лонгбэнк отчаянно трясся. Еще одно слово, и он сломается.

— А эти облака на… ну, на пленке, Чарли, что это? — допытывался Лео Нейшн.

И Чарли сломался.

— Господи Боже мой! — крикнул он, и лицо его исказилось. — Хотел бы я, чтобы это действительно были облака! Ах, Лео, Лео, кто был здесь, кто они такие?

— Мне холодно, Чарли, — отозвался Лео Нейшн. — Откуда-то дует, просто до костей пробирает.

Следы на пленке… они казались очень знакомыми, но слишком большими: завитки и петли были не меньше восемнадцати футов длиной…

Перевела с английского Валентина КУЛАГИНА-ЯРЦЕВА

Джоди Линн Най

МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ СТИКС

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Полковник Джон Перкинс выпрямился по стойке «смирно», как на параде, и охнул. Одно блаженное мгновение, пока он слышал, как рыдает его жена, повторяя его имя, у него ничего не болело. А теперь ныло все: ревматические суставы, грудь, даже чертова рана, полученная на войне пятьдесят лет назад. Ну, это не помешает ему разорвать в клочья того, кто утащил его с обеда. Гнусная шуточка!

— Э-эй! — разнесся его крик над серой плоской равниной. — Э-эй! Я требую встречи со здешним командующим!

Ответом было лишь тихое стенание, подобное вздоху ветра. Он прищурился, вглядываясь в туман, заволакивавший широкую реку у него за спиной. Кажется, он приметил лодочника, но тот внезапно исчез. Что же, в этом непотребном месте больше никого нет?

И тут он различил человеческие фигуры. И решительно направился к ним.

Стенание зазвучало громче, а когда туман поредел, фигуры обрели очертания.

В разнообразных одеяниях, в лохмотьях и вообще без одежды мужчины и женщины самого юного и всех последующих возрастов бесцельно бродили по берегу. Когда двое сходились, они на

миг поднимали головы и равнодушно сворачивали в сторону. Многие были без рук. и ног или поражали фантастическим уродством. Какой-то фантасмагорический танец в замедленном темпе. Перкинс содрогнулся.

— Какого черта я здесь делаю? — спросил он громко.

У его ног вспыхнула молния, и он отпрыгнул, хотя ноги сводила судорога боли. Из молнии возник гигантский демон с пылающими глазами.

— Ты здесь, чтобы понести заслуженную кару, — произнес Сатана.

— Это какая-то ошибка, — сказал Перкинс, мысленно вгоняя себе в позвоночник железный прут, чтобы не согнуться. — Я требую вторичного рассмотрения документов. Я хороший человек. Мне нечего тут Делать. Если я умер, вы обязаны отправить меня в Другое Место,

— он указал на реку, почувствовав, что рука дрожит. Черт бы ее побрал! — Туда.

Хлыст Сатаны опустился — будто теннисист отбил простую подачу. Перкинс отлетел и хлопнулся навзничь у ног одной из серых фигур. Он закричал: все туловище обожгло огнем. Его руки, ноги, даже лицо пожирали танцующие языки пламени, которые словно смеялись, насыщаясь.

Эта мука неизмеримо превосходила любую боль, какую ему довелось испытать при жизни.

— Ты здесь, — прогремел голос. — И подчиняешься моим законам.

Перкинс поднял рассыпающуюся руку, беззвучно моля о пощаде, не в силах спросить, каковы эти законы.

Жаркое пламя взметнулось ввысь, потом сузилось в булавочную головку и исчезло. Больше Перкинс ничего не видел.

Мгновение или вечность спустя он ощутил, как его тело восстанавливается из рассыпавшихся угольков. Вскоре вернулось зрение, так что он мог наблюдать за происходящим. Неужели ему остается только смириться? А процедура подачи апелляции? Он отказывался верить, что божественное правосудие могло настолько произвольно обречь его на вечное пребывание в этом пакостном месте. Он вполне приличный человек. Служил своей стране всю вторую мировую войну. И за годы своего не такого уж легкого брака ни разу не изменил жене, даже среди соблазнов Парижа и Рима. Кажется, он был хорошим отцом и хорошим дедом, так с какой же стати его запихнули в Ад?

Дьявол сослался на какие-то законы, и, сле-

довательно, случившееся не просто произвол. Ад, конечно, сплошной бюрократизм, но раз его просьба о пересмотре отклонена столь болезненным образом, не приходится сомневаться, что повторные обращения встретят такой же прием. К этому моменту мышцы его шеи уже достаточно регенерировали, и, повернув голову, он посмотрел на реку. И увидел за нею проблески сияющей белизны. Там находился Рай. Он прижал щеку к серому песку, впивая смутный свет. Да, это была поистине кара: созерцать вечную награду, ставшую недостижимой.

Благословляя сохранившиеся в памяти обрывки классического образования, он припомнил, что Ад вроде бы состоит из концентрических кругов. Если так, значит, он находится во внешнем, из чего следовало, что проклят он самую малость. Перкинс был убежден, что не тянет на полноценного грешника, как и в том, что все еще обладает душой. А из этого следовало, что Сатана (всего лишь падший ангел, как ни верти) занят по горло и не может гоняться за повинными в незначительных отступлениях от заповедей, поскольку должен карать убийц и тиранов. Значит, отсюда можно бежать.

Но в одиночку у него ничего не получится.

Кое-как он поднялся на ноги. И устоял на них. Ошметки плоти продолжали срастаться, но его лучший костюм уже никогда не будет прежним.

Вокруг него бродили тысячи серых людей, иногда едва не сталкиваясь с ним, но продолжая свое бесцельное кружение. Перкинс уворачивался, пытаясь перехватить чей-нибудь взгляд. Но никто не поднимал головы.

«Никогда еще я не чувствовал себя таким одиноким», — мрачно подумал он, но разочарование только укрепило его решимость.

Его командир в дни войны, генерал Хартли, всегда говорил: «Чем безнадежнее положение, тем лучше держится Перкинс».

Перкинс заглянул в себя поглубже, стараясь пробраться через пятьдесят лет привольной жизни до того времени, когда немцы угрожали всему, что было ему дорого. Он был среди тех офицеров британской армии, которые ратовали за скорейшее создание Второго фронта. Теперь он может помочь этим людям, а они могут помочь ему… но не хватает организованности. Перкинс глубоко вздохнул, рывком расправил плечи и заложил руки за спину.

— Ну ладно, все! — прогремел он. — Смир-р-р-р-на!

Раскаты его голоса эхом замерли над головами проклятых. Никто не обратил на них внимания. Они были слишком поглощены собственным отчаянием. Он набрал побольше воздуха в легкие и испустил рев, способный повернуть на сто восемьдесят градусов целую дивизию.

— Сми-и-и-р-р-р-на!!!

Несколько смутных голов неуверенно обернулись к нему.

— Подтянитесь, слабаки! Немцы у ворот, а поглядеть на вас… Построиться! Ну-ка ты, шире плечи! — приказал Перкинс бледному духу, который подковылял к нему на одной ноге и культе. Мало-помалу от толпы отделились десять — двенадцать духов и направились к нему.

— Так-то лучше, — ободряюще заметил он. И, правду сказать, сам почувствовал себя лучше.

Собравшиеся вокруг жалкие души напомнили ему ополченцев, которые патрулировали его деревню, когда он был мальчишкой. У них не было другого оружия, кроме вил и дробовиков, но, Бог свидетель, они вкладывали в это всю душу. Вот чего здесь не хватает: воли к победе. Ну а там, где нет энтузиазма, придется обходиться приказами, пока не воскреснет инициатива. А он подаст пример.

— Ты! — Перкинс ткнул пальцем в туманную, колышущуюся перед ним фигуру. Паренек почти утратил плотность. Обрывки его одежды походили на форму американской пехоты времен первой мировой войны.

«Хорошие ребята, — подумал Перкинс, и сердце у него екнуло, — молодцы мальчики!»

Этому было не больше шестнадцати, когда он погиб. Перкинс указал на камень возле своей ноги:

— Ну-ка малый, подними этот камень!

Смутные глаза мальчика с трудом сфокусировались. Перкинс нетерпеливо махал рукой, пока мальчик не увидел камень и не поднял его, с трудом распрямившись.

— Да не топчись на месте, малый, — сказал Перкинс, жалея, что у него нет стека, чтобы сгибать его в руках. — Положи его… вон туда.

— Он наугад ткнул пальцем в место поблизости. — А вы все помогите ему!

Он выбрал троих и показал им, какие камни подбирать. Куча камней была совершенно бесполезной, но благодаря ей у его новых подчиненных возникало ощущение единства.

Сотни потерянных душ начали собираться вокруг, привлеченные видом какой-то деятель-

ности. Перкинс кричал на них, совсем охрип-нув, но они не помогали и, к сожалению, не уходили. Те, в ком едва вспыхнула искра, начали терять интерес.

Перкинс совсем приуныл.

— Сэр!

Полковник резко обернулся и увидел позади себя щуплого человечка с острым крысиным лицом, одетого в полевую форму, которую Перкинс узнал бы с первого взгляда. Он снова заложил руки за спину, чувствуя, как теплеет сердце.

— Сержант!

— Сэр, прошу разрешения продолжать! — Коротышка указал на людей, таскающих камни.

— Разумеется, сержант, — сказал Перкинс и подумал с восторгом: «Живой! В нем еще не умер разум!» — Ваше имя?

— Дэнби, сэр, — сказал коротышка, чуть задумавшись. Ведь ему никто не задавал вопросов неизвестно сколько времени. — Боб Дэнби.

— Итак, сержант Дэнби, перед вами полковник Перкинс. Принимайте команду!

— Есть, сэр! — Дэнби лихо отдал честь, потом стремительно повернулся и направился к тем, кто переминался с ноги на ногу у кучи камней.

— А ну-ка беритесь за дело, ребята! С огоньком!

Ну, живо! Эй ты, возьми ту каменюку. Давай, давай! Руки ведь не отвалятся, а?

Он придвинул свою остренькую физиономию к широкому плоскому лицу темнокожего мужчины в современной американской форме. Перкинс с ужасом увидел, что в спине у сержанта зияет дыра, будто ее выжгло. Он был сапером и, несомненно, один раз ошибся. Перкинсу стало жаль Дэнби. Он выполнял приказы и все-таки кончил здесь. Ну, если есть хоть какая-то надежда на обретение Рая, он вытащит Дэнби отсюда. Вытащит всех, кого сумеет. Нельзя допустить, чтобы дьявол держал в Аду англичан или их союзников. Необходимо завербовать еще солдат из проклятых, в которых пробудилось любопытство. Чтобы спастись, потребуется много рук.

— Сэр, — сказал Дэнби, когда собрал новобранцев обоего пола и построил их. — Может, вы проведете смотр?

С простительной гордостью коротышка указал на груду камней. Проклятые соорудили для своего командира трехфутовое возвышение со ступеньками. Кто-то нашел длинную палку, воткнул в землю и привязал к ней тряпку. На поверхности земли тряпка эта вызвала бы у Перкинса брезгливость, но тут она была полковым знаменем. Он

кое-как справился с комком в горле.

— Отлично постарались, ребята, — сказал он, судорожно сглатывая. — Превосходная работа!

Первые двенадцать новобранцев чуть-чуть расправили плечи. Перкинс скривил губы, не давая им расплыться в улыбке. Чтобы отдать дань их стараниям, он направился к возвышению, чеканя шаг. Поворот влево, поворот вправо, еще раз вправо, и он поднялся на возвышение, словно ежедневно совершал подобное восхождение на протяжении многих лет. Он встал «вольно», и Дэнби скомандовал «вольно!» своей «спецкоманде». Но те лишь слегка расслабились.

— Я скажу вам, почему мы сегодня здесь, — начал Перкинс, подняв голос настолько, что даже духи в задних рядах бессмысленной толпы могли его расслышать. — Мы находимся в состоянии войны, и только от нас зависит, вернемся ли мы на дружескую территорию… Вы со мной?

— Да, сэр! — завопил Дэнби. К нему присоединились несколько проклятых.

— Вы со мной?

— Да-да! — выкрикнули чужие голоса из рядов. Затем прибавились еще голоса — и еще, и еще, а затем раздался глухой, но достаточно внушительный рев.

— Приблизься, — произнес грозный голос Сатаны. Младший демон распростерся ниц на пылающих камнях у ног своего владыки.

— Попытка бегства во внешнем круге, ваша вечность, — промямлил демон.

— Что?! — загремел голос, и демон съежился. Сатана сконцентрировал внимание на дальнем крае своих владений. Крохотная душа, посмевшая потребовать у него аудиенции, сплотила проклятых и — обзовите его ангелом Господним, если они не пытаются построить мост!

— Чума на него! У них даже что-то получается. Отправляйся, останови его. Примени средства, какие сочтешь нужными. Но не отвлекай меня от более важных дел. Нам надо карать истинно злые души. А это так, маргинал.

— Слушаюсь, — сказал демон, кое-как приподнявшись и встав на колени.

Он умчался, прежде чем владыка успел причинить ему боль за то, что он сам до этого не додумался.

Сонмы проклятых толпились вокруг мужчин и женщин, которые таскали камни. Перкинс вновь и вновь прогонял зевак, но они всякий раз возвращались.

— Так куда же им идти, сэр? — спросил Дэн-

би. — Лучше отгородимся от них, чтобы они к нам не лезли.

— Молодец! — сказал Перкинс, лишь с трудом сдержавшись и не похлопав сержанта по выпотрошенной спине. — Займитесь этим.

Строительство продвигалось вполне удовлетворительно. Хотя души не могли влезать в воду, упоры можно было устанавливать с края уже построенного пролета, а потом класть на них настил. Перекрученные стволы засохщих деревьев, усеивавших внешний круг, служили идеальным материалом, так как были, казалось, тверже железа и тяжелее свинца. Потребовалось очень долгое время, чтобы спилить первые четыре с помощью таких инструментов, как расколотые кости и острые обломки камней. Искалеченный швейцарский дровосек, которого придавило деревом на исходе XIX века, присоединился к непрерывно растущей армии и научил остальных, как правильно валить деревья. Лучшими учениками были души, которые находились тут недавно и еще не утратили надежды, однако попадались и нежданные алмазы, вроде Дэнби, которые являлись помогать из куда более давнего прошлого. С каждым камнем их оптимизм возрастал. Они стали разговорчивее, зыбкие серые

очертания наполнялись плотью, даже обретали краски. Мост удлинился на три пролета.

Перкинс понятия не имел, как долго они трудятся. Дни и ночи казались абсолютно одинаковыми — серый сумрак ни светлее, ни темнее. Перкинсу не хватало привычных звуков — птичьего щебета, позвякивания проволочной корзины молочника, голосов соседей. Если не считать нескончаемого горестного стенания, в Аду царило безмолвие. Полковник отдал бы половину сердца, лишь бы увидеть облачко в голубом небе.

И тут внезапно раздался оглушающий звук, будто удар грома. Строители бросились с моста, рассеченного молнией. На пролетах плясали три пылающие фигурки, поджигая все вокруг себя и хохоча, визгливо и безумно. Несколько человеческих душ кинулись на них, но были вынуждены отступить перед жаром адского огня. Другим пришла блестящая мысль плескать воду на горящие балки. Но пламя было таким жарким, что вода превращалась в пар еще в воздухе. Перкинс в ярости грозил демонам кулаками.

Завершив разрушение, демоны спрыгнули с дымящихся развалин, заскользили по парам над водой и быстро скрылись из виду. Отчаявшиеся души все, как одна, повернулись к Перкинсу.

— Придется начать все сначала, ребята, — сказал он.

Как ни странно, разрушение моста лишь укрепило решимость многих проклятых. Теперь, когда они знали, что необходимо одолеть врага, а не только свою нескончаемую тоску, строители увидели цель. Некоторые мужчины и горстка женщин организовали собственные части под общим командованием Перкинса. Вопреки давнему предубеждению Перкинс проникся глубоким уважением к капитану Робин Дейл из ВВС Соединенных Штатов, которая находилась в Аду с 1976 года, погибнув при взрыве на военном складе в Калифорнии. Не всякий закаленный мужчина захотел бы постоянно иметь дело с боеприпасами. Она стала надежной помощницей, да и Дэнби она нравилась, хотя его чувство оказалось застенчивым и робким. Перкинс догадывался, что на земле у его сержанта не было своей девушки.

Полковник сидел в стороне на камнях вместе с Дэнби и наблюдал, как рабочие бригады под командованием Дейл пытаются вытащить поврежденные сваи и расчистить место для работы.

— Черт бы их побрал, у нас все так хорошо шло! — сказал Перкинс, оглядывая разрушенные пролеты.

Дэнби покачал головой.

— Ну так они же не могут позволить, чтобы мы добились своего, верно, сэр?

Перкинс поглядел на небо. Оно, как всегда, было безлико серым, хотя в отдалении что-то горело.

— Сейчас, по-моему, как раз время чая. Знаете, мне иногда не хватает возможности перекусить. Конечно, ни пища, ни сон здесь не требуются, но обеды и ужины разнообразят день, верно?

— И еще как! Я бы все отдал, сэр, лишь бы покурить еще разок.

— Вредная привычка, сынок. Она подсократила мне жизнь.

Было странно говорить о своей жизни так, будто она кончилась.

Голова у него была такой же ясной, как за секунду до рокового сердечного приступа.

Его не оставляло ощущение, что он словно вернулся в свои военные дни. Между «тогда» и «теперь» особой разницы не было. Они преодолевали всякие трудности, мужчины и женщины, сплотившиеся против общего врага. Есть только одно существенное отличие: им неизвестно, что их ждет на том берегу реки. Знают они лишь одно: им необходимо добраться туда. И эта цель позволяла ему сохранить рассудок.

— Могу я спросить, почему вы здесь, сержант? — внезапно спросил Перкинс. Дэнби заколебался, и тут Перкинс осознал, насколько нетактичным был его вопрос. Спросить человека, по каким причинам он проклят! — Извините. Не надр отвечать. Мой вопрос непростителен.

Однако Дэнби просто собирался с мыслями.

— Не знаю, сэр, — сказал он, почесывая затылок культей правой руки. — Думал, что заслужил свою вечную награду, да вот не вышло… То есть заползаю я под ту стену в сорок втором со взрывчаткой, и тут весь мир проваливается в ад. — Он ухмыльнулся. — А может, я один. Уж не знаю. Всю жизнь я ходил в церковь, старался поступать хорошо, но вот я здесь… Может, слишком много людей прихватил с собой, а убийство — слишком серьезная штука, пусть и во время войны. Ничего другого вроде бы и не вспомню… Ну а вы, сэр?

Перкинс покопался в своей душе.

— Понятия не имею. Думаю, когда мое дырявое сердце лопнуло, произошла какая-то накладка с документами. И я твердо решил обратиться с моим делом к Престолу, если смогу. И с вашим тоже, — добавил Перкинс. — Я уверен, здесь, по внешнему кругу бродят тысячи жертв подобных ошибок. Если эта апелляция не приведет к мо-

ему оправданию, что ж, я приму свою кару, как подобает солдату. Но че… прах меня побери, если я останусь здесь, пока существует возможность, что меня сунули не в ту папку, будто дурацкую бумажку. Я думал, можно искупить свои грехи и подняться, но субъект, который как-то заглянул сюда, ничего об этом не сказал.

— Вы уже сделали доброе дело, сэр, — сказал Дэнби. — Я тут давно торчу. И думал, больше никогда дружеского голоса не услышу. Тут они все вроде как собой заняты. Поворчат-поворчат себе под нос, а потом начинают нести всякую чушь. Я-то думал, что дьяволы так и будут тебя терзать, но в твои тайные мысли им не влезть. Меня жгли бе-сенята, а я все время старался думать: «А я, видите ли, прямо обожаю, когда меня жгут. Хоть весь день этим занимайтесь!» Но они знай свое! Значит, не могут в голову влезть, не то перестали бы, если б решили, что все это мне нравится. Вот за что я держусь.

Перкинс откинулся.

— Так они не догадываются, о чем мы думаем? — Дэнби мотнул головой. — Мой Б… здесь имя произносить нельзя, так ведь?

— Да, сэр.

— Ну, во всяком случае, полагаю, мы только

что обнаружили одно наше преимущество. Они и дальше будут мешать нам, как сумеют, уничтожая то, что мы успеем сделать. Но в наши мысли они влезть не смогут. Вы меня понимаете?

— Как дважды два, сэр.

— Молодец, — похвалил Перкинс. — И вот что у меня на уме…

С каменного возвышения Перкинс обратился к своей армии:

— Солдаты и дамы! — С маленьким поклоном в сторону капитана Дейл, которая нахмурилась: надо будет спросить у нее, какое обращение принято в американской армии. — Враг нарушил наши планы, но мы не допустим, чтобы это помешало достижению нашей цели. Мы должны вбивать сваи глубже, а пролеты делать шире. И когда мы завершим нашу миссию, между Раем и Адом будет мост, по которому каждый сможет пройти в полной безопасности и попросить пересмотра дела. Я горжусь вашими достижениями, ребята… Продолжайте! Сержант Дэнби и я дадим задания каждой рабочей бригаде. После работы явитесь к одному из нас. Вот и все.

Дэнби и несколько инженеров-строителей из разных эпох осматривали балки, извлеченные из развалин моста. Перкинс подобрал гибкий

прут, решил, что он вполне может заменить стэк и сунул его под мышку.

— Бесполезно, сэр. Они ни для чего не пригодны, — сказал чернокожий инженер из Зимбабве, показывая на обуглившиеся сваи.

— Ну, все деревья в этой части круга мы срубили, — сказал Перкинс, указывая прутом. — Пошлите отряд на поиски. Старший — капитан Дейл.

Дейл отдала честь, и задача вытеснила обиду. Она, несомненно, выжидала удобного случая, чтобы отчитать его за промашку с «дамами», но приняла невысказанное извинение.

— Есть, сэр! Сколько свай нам понадобится?

Перкинс откинулся на каблуках, прикидывая, но сразу выпрямился — ревматическое колено тотчас дало о себе знать.

— Начнем с пятидесяти. Присылайте их партиями, а дальше посмотрим.

— Слушаю, сэр! — Она снова щегольски отдала честь. Перкинс прикоснулся ко лбу прутом и отвернулся.

Толпы продолжали тесниться вокруг них, а вечное стенание начало действовать Перкинсу на нервы. Управление, видимо, взяло на заметку раздражение, которое у него вызывал неумолч-

ный шум, и какофония усилилась. Когда он начал отдавать распоряжения, касающиеся постройки, голоса в вышине над ними разразились визгливыми руладами, в которых Перкинс с отчаянием распознал оперное пение. Оно становилось все громче, пока уже никто не мог расслышать даже самое могучее его рявканье.

«Чтоб им!» — подумал Перкинс. Он всегда презирал оперу. Жена заставляла сопровождать ее в театр, но он всегда засыпал еще до окончания первого действия. Может, это кара за его скверное поведение? Если так, то он платит сполна, коли считать визг частью его кары, значит, он трудится во имя небесного покоя, и оно того стоит.

Он поглядел на небо и улыбнулся. Визг оборвался.

— А-а, попались, сукины дети! — сказал он.

Перед ним возник Дэнби и с обычной энергией отдал честь.

— Под коркой все кипит, сэр, но сама она достаточно тверда.

— Хорошо, — сказал Перкинс. — Делайте свое дело, а я буду делать свое.

Некоторые помехи, с которыми они сталкивались, вовсе не насылались Сатаной. Тощий безумец в рваном одеянии околачивался возле

строительной площадки до конца очередной смены, пронзительно пророчествуя:

— Вам не преуспеть! Никогда! Обречены! Обречены!

Перкинс старался не слушать его, но некоторые из его команды переставали работать. Перкинс направился к безумцу.

— Старина, я посоветовал бы вам провалиться в преисподнюю, но вы уже в ней, и, видимо, она пришлась вам по вкусу.

— Вы обречены!

Один из саперов Дэнби, брезгливо гримасничая, смял в комок дымящуюся глину из кучи и метко запустил в злорадствующего пророка, угодив тому прямо в грудь.

— Ты сам обречен, сатанинское отродье! — произнес сапер звучно.

— Сгинь!

— Верно, стервец, катись отсюда! — Дэнби с восторгом присоединился к упражнению. Его первый комок не долетел, но другой шмякнулся в плечо проклятого. При всем своем безумии старец догадался, что здесь его не поймут, и заковылял прочь.

— Карвер! — крикнул Перкинс, обращаясь к широкоплечему саперу, который бросил первый

комок.

— Сэр?

— Назначаю тебя ответственным за моральный дух, — сказал полковник Перкинс. — Так держать!

Великан улыбнулся еще шире, показав нехватку нескольких зубов.

— Рад стараться, ваша милость. — Он обвел взглядом остальных рабочих, выжидательно смотревших на него. — Ладно, приятели, споем-ка духовную песню. Если не знаете, в первый раз просто послушайте. Мы дадим этим злыдням жару!

Перкинс пробыл с ними еще некоторое время, получая большое наслаждение от духовного гимна, из которого были изъяты все Божественные Имена. Вероятно, остальные разделяли его озорное настроение: они же практически кощунствовали по адресу Ада. Припев дружно подхватили все.

Время от времени некоторые его подчиненные просто исчезали. Перкинс потерял своего лучшего инженера и еще двоих, почти незаменимых, включая немецкого офицера, которому он на земле не подал бы руки.

— Куда он девался? — спрашивал Дэнби. — Я

сам за ним следил, да и вы тоже! Бац! И нет его.

— Понятия не имею, — печально произнес Перкинс. — Наверное, их утаскивают демоны. Можно лишь надеяться, что они сумеют вернуться к нам, сержант. А нам нужно думать об оставшихся.

— Есть, сэр! — сказал Дэнби, склонив голову.

— Ладно, ребятки, еще песню, — прервал Карвер тягостное молчание. — «Всемогущий Он спаситель, никогда не оста-а-вляет…»

Другие голоса подхватили напев, сперва нерешительно, но потом более энергично, *м* в них зазвенела надежда.

Вернулась Дейл во главе отряда, торжествующе волокущего тридцать грубо обтесанных свай. Шестьдесят, которые она прислала раньше, были использованы или уничтожены подручными Сатаны, но теперь материала, несомненно, должно было хватить, чтобы закончить мост.

— Отлично, капитан! — похвалил Перкинс, щеголевато прикладывая ладонь ко лбу, когда она отдала ему честь. — Ваши усилия выше всех похвал. Я просто поражен!

— Благодарю вас, сэр. На границе со следующим кругом есть окаменевший лес с большим количеством… — Женщина покачнулась, и голос ее замер…

— Вам плохо? — тревожно спросил Перкинс. Она выглядела прозрачнее обычного.

Дейл прижала ладонь ко лбу.

— Не знаю, сэр.

Перкинс хотел схватить боевую подругу за плечи, чтобы поддержать, но ее плоть под пальцами развеялась, точно дым.

— Еще одна гнусность! — воскликнул полковник. — Нам нужно чер… чрезвычайно поторопиться!

Заместитель Дейл, плотный японец в комбинезоне гражданского летчика, шагнул вперед и лихо отдал честь Перкинсу.

— С вашего разрешения, сэр, я возьму на себя ее команду, — заявил он.

— Валяйте, — сказал Перкинс. Исчезновение Дейл его очень огорчило, и он уже прикидывал, нельзя ли будет спасти ее от демонов.

— Мы встретимся снова, сэр, — печально проговорил Дэнби, но надежды в его голосе не чувствовалось. — Это как в песне поется. Надо все время думать об этом, сэр.

— Верно, сержант, — устало произнес Перкинс. Против обыкновения он не сумел преодолеть ревматическую боль и одышку. — Последнее усилие. Либо мы добьемся своего, либо нет. Вот так.

Был завершен пятидесятый пролет моста, и вернувшиеся строители с восторгом сообщили, что видели сияющий город среди белизны на том берегу. Это подняло общий дух гораздо больше, чем все остальное в прошлом. Работая, они теперь пели, кто во весь голос, кто себе под нос.

— Что-то последнее время слишком уж спокойно, — сказал Перкинс сержанту. Они избегали записывать задания, и все планы Перкинс держал в голове, если не считать того, чем делился с Дэнби. — Последний их удар будет нанесен, когда мы почти завершим работу, чтобы окончательно убить в нас надежду.

— Мы будем готовы, сэр, — заверил его Дэнби. — Им с нами теперь не совладать.

Крохотный бесенок, величиной с ноготок, услышал их слова и помчался докладывать младшему демону.

— Пора, — сказал демон, сплетая когтистые пальцы. О, его владыка будет доволен! — Пора!

Крылатая нечисть тучей опустилась на строительство, утаскивая сваи и людей. Перкинс и остальные швыряли в них камнями и комками глины.

На пролетах из дерева, глины и камней заплясали огненные демоны. Казалось, они просто

захлебывались от злорадства, когда натыкались на большие ведра с водой, расставленные тут и там для борьбы с огнем. Они окружали одно ведро за другим и водили хоровод, пока от их жара вода не поднималась шипящим облаком пара.

— В атаку! — прогремел Перкинс. Строители похватали ведра с водой, стоявшие на берегу Стикса, и ринулись на врага. Демоны радостно хохотали, выписывая зигзаги огня по тщательно обтесанным балкам. Устав от этой игры, они замерли на тридцать шестом пролете и выбросили вверх два огненных столба, будто косяки ужасной двери. Люди остановились. Погоня возобновилась, но сейчас преследователями были демоны. Младший демон летел впереди на крылатом ящере, науськивая своих бесенят и чудищ на отступающих.

— Только не сюда! — закричал Перкинс строителям, бегущим по пылающему мосту. Он стоял перед настоящим терриконом из деревянных обломков, опилок, углей, глины и прочих всевозможных остатков, накопившихся за века постройки моста. — Куча запылает, как китайский Новый год.

Именно это и хотел услышать младший демон — страх в голосе Перкинса. И он приказал всем

своим подручным сосредоточиться на колоссальной груде горючих материалов.

— Мы им покажем настоящую геенну! — прошипел он злорадно. Люди метнулись в сторону от огненных демонов, которые летели прямо на Перкинса. Полковник еле-еле успел отпрянуть, когда они нанесли удар.

Террикон заполыхал со всех сторон. Огненные демоны упивались зрелищем. Некоторые ныряли в вихри огня и зачерпывали его голыми когтистыми руками. Они подбрасывали языки огня в воздух, натирались им, катались по нему, вопя от злобного восторга. Колышущиеся полотнища пламени достигли моста, с таким трудом вытесанные сваи заполыхали, точно гигантские смоляные факелы. От жара каменные устои начали плавиться и стекать в Стикс, поднимая слепящие облака пара, которые соперничали с клубами дыма над горящим терриконом. Проклятые, не принимавшие участия в работе, толпились вблизи, чтобы лучше видеть, и сотнями превращались в горстки пепла.

«Перкинс сходит с ума», — подумал младший демон и повернул своего ящера в поисках полковника. Ему не терпелось увидеть отчаяние и муки Перкинса.

Он принудил заартачившегося ящера спуститься пониже и пролететь сквозь дым. Обнаружив, что проклятых душ вокруг довольно мало, он судорожно сглотнул…

— Ваша вечность, — доложил другой младший демон, наслаждаясь промашкой своего соперника, — они сбежали.

— Что? — грозно вопросил Сатана. — Но мой Глаз следит за этим мостом уже многие годы.

— А с ним еще сорок с лишним. Мост был отвлекающим маневром, владыка, — сказал демон. — Они ушли через туннель под Стиксом. Похоже, они рыли его с самого начала.

— Но ведь нижние слои расплавлены! — воскликнул Сатана и справился с инвентарным списком погибших душ. — Этот английский сапер тоже ушел с ним. Он предоставил в распоряжение полковника Перкинса весь свой опыт. Невероятно. Я думал, его разум угас. Ну да с сержантами разобраться невозможно. Мне бы следовало использовать его для устройства ловушек.

— Мы вытащили полдесятка душ из входа в туннель. Послать за остальными огненных змей?

Сатана покачал головой.

— Они прошли половину пути и больше мне не принадлежат, — сказал Дьявол задумчиво. — Да

и не хочу я, чтобы этот тип и дальше тут околачивался, какую бы часть кары ему ни осталось отбывать.

Демон нервно сцепил когти рук.

— Да, ваша вечность.

— Поторопитесь, — произнес в темноте голос Дейл. — Сюда! Вы почти добрались!

— Богом клянусь, она права! — сказал Перкинс, увидев впереди яркий свет и продолжая ползти вперед на четвереньках по горячей грязи. Ревматическая боль куда-то исчезла, как и весь недавний жуткий кошмар.

— Слышите, сержант? Я же говорил! Давайте, ребята! Богом клянусь, мы добились своего! Есть и другие мосты, соединяющие берега рек.

— Что так, то так, сэр, — восторженно сказал Дэнби, ползя следом за ним.

Перевела с английского Ирина ГУРОВА

ВИДЕОДРОМ

экранизация

НОСТАЛЬГИЯ ПО СКАЗКЕ

...Не верю смешным я басням
И волшебным сказкам:

Безумные, любовники, поэты -
Все из фантазий созданы одних.
У. Шекспир. «Сон в летнюю ночь»

Живи Шекспир в наше время, он получал бы за экранизации своих творений не меньше, чем Майкл Крайтон или Стивен Кинг. Только во второй половине 90-х по его пьесам поставили без малого десяток всемирно известных картин, не считая «байопика» «Влюбленный Шекспир» — фильма по мотивам его собственной биографии.

Как известно, Шекспира любят не только экранизировать, но и модернизировать. Кино 90-х не стало в этом смысле исключением. Бэз Дурман в своей версии «Ромео и Джульетты» перенес Верону на юг сегодняшних Соединенных Штатов, где в жестокой «разборке» сошлись моторизованные и огнестрельные Монтекки и Капулетти. Гамлет Кеннета Бранаха стал датским принцем второй половины XIX века, а Ричард III Ричарда Лонкрейна возглавил фашистский путч на Британских островах накануне второй мировой войны.

В плену этой традиции оказался и голливудский режиссер Майкл Хоффман, поставивший в прошлом году фильм по знаменитой шекспировской комедии-фэнтези «Сон в летнюю

ночь», пришедший сейчас на наш видеорынок. К удивлению почтенной публики, средневековые Афины превратились в живописный итальянский городок конца минувшего столетия. Герои сели на велосипеды, оделись во фраки и платья с рюшами, в фонограмме зазвучал Верди и Мендельсон; при этом в диалогах сохранился первозданный шекспировский текст.

Дешевый эпатаж, китч, кабаре, смешение «французского с нижегородским», в смысле, «англо-греческого с итало-голливудским»? Впрочем, прежде чем выносить приговор Хоффману, заметим, что сама по себе модернизация Шекспира не есть благо или зло. Известно, что сам великий классик был неистощимым «выдумщиком», без тени смущения «тасовавшим» эпохи, географические области и исторических персонажей. В том же «Сне в летнюю ночь» он с удивительной легкостью свел героев Овидия, Плутарха, Чосера и французских рыцарских романов.

У модернизации есть, однако, еще одно важное свойство. Наполняя старый сказочный сюжет современной «начинкой» (все те же велосипеды, грампластинки, пенсне и костюмы с жилетками у Хоффмана), она, по идее, должна разрушать

саму атмосферу и стилистику фэнтези, где все замешано на волшебном таинстве. Но интересно, что и здесь Хоффман пошел по стопам Шекспира! «Сон в летнюю ночь» — это «заказная» пьеса, писавшаяся к свадьбе знатного английского вельможи, на представлении которой, возможно, присутствовала сама королева Елизавета. Отсюда — постоянные намеки и прямые упоминания о нравах, событиях, людях и даже особенностях погоды того времени (в частности, о необычайно дождливом лете). Говоря современным языком, это был сценарий для большого придворного «капустника».

На пользу ли это сказке? Прямолинейно рассуждая, нет. Кстати, Шекспир отнесся к фантастической канве своей комедии со свойственной ему иронической легмысленностью: вся эта история с супружеской ссорой Оберона и Титании, с волшебным снадобьем, которым кропят Царицу Фей и влюбленных, скорее водевильна и смешна, чем сказочна и таинственна. Другое дело, что в столкновении с заземленным бытом образы сказочного мира могут стать еще ярче и рельефнее, именно на этом сплошь и рядом играет современная фэнтези. Этого не произошло у Хоффмана, но, говоря откровенно, к этому особенно не стремил-

ся и сам Шекспир.

Так что категорически утверждать, что фильм Хоффмана не имеет ничего общего с шекспировской традицией, по-видимому, не стоит. А если сделать беглый экскурс в историю постановок «Сна в летнюю ночь», то станет ясно, что и в этом смысле голливудская экранизация стоит на весьма прочном фундаменте.

Уже в ранних постшекспировских постановках «Сна…» важнейшее значение приобрели внутренне присущие ему эротизм и музыкальность. Не мудрено, что по причине первого пьеса запрещалась пуританами, а благодаря второй в 60-х годах XVI века на ее основе Генри Перселлом была написана опера. Двумя столетиями позже музыку оперы по этому сюжету написал и Мендельсон, в том числе и свой знаменитый «Свадебный марш» (так что ничего странного, что он звучит в финале фильма).

Первой экранизацией «Сна в летнюю ночь» стал фильм Чарльза Кента, поставленный в 1909 г. на американской студии «Вайтаграф», о котором известно, пожалуй, только то, что часть его эпизодов снималась на натуре, в лесу и парке. За ним последовали французская, итальянская, немецкая версии. Немцы (1925 г.)

трактовали шекспировскую комедию в духе экспрессионистического «черного фильма»: на экране возникали двойные изображения, в действие вторгались явные анахронизмы (телефон, джаз-банд), а слуга Оберона — Пэк — представал в образе сладострастной соблазнительницы.

Самой известной (и, пожалуй, самой близкой по стилю для Хоффмана) стала поставленная в 1935 г. на студии «Уорнер Бразерс» картина немецкого театрального режиссера Макса Рейнхардта, где главная ставка делалась на «звездный» актерский состав (Д. Кэгни, М. Руни, О. Де Хэвиленд) и сочетание маскарадной условности с естественной натурой. Именно здесь впервые зазвучал Мендельсон. Много лет спустя те же торжественные аккорды стали элементом эксцентрической пародии в фильме Вуди Аллена «Секс в летнюю ночь».

Пародийно-эксцентрическую «мину» заложил в сюжет «Сна…» сам Шекспир. Это связано прежде всего с героями-мастеровыми и их спектаклем в спектакле — представлением в античном стиле «Пирам и Фисба». Главного из этих горе-актеров — ткача по прозвищу Моток, или Основа, в фильме Хоффмана с блеском сыграл Кевин Клайн, но и до него у этой роли были не менее яркие

исполнители. Например, в 1958 году в этой роли выступал корифей британского кино и театра Чарльз Лоутон, а в 1964 году пародию на «Пирама и Фисбу» исполнил в телепрограмме Би-Би-Си легендарный ансамбль «Битлз».

Вершиной бурлеска и эксцентрики в постановке «Сна в летнюю ночь» стал все же не фильм, а спектакль Роберта Лепажа в Лондонском королевском театре в 1992 году. Сцена представляла собой большой круглый бассейн, окаймленный полосой жидкой грязи, где и выясняли свои отношения герои. Как ни странно, голливудский режиссер посчитал необходимым ввести в свой фильм буквальную цитату и из этого представления. В его фильме мы тоже видим «драку в грязи», в которой участвуют влюбленные пары, причем активнее всего здесь проявляет себя дуэт героинь — Гермия и Елена.

Получив некоторое представление, что же и у кого почерпнул Хоффман в своей экранизации «Сна…», надо, наверное, ответить еще на два вопроса.

Первый — в чем же оригинальные находки и достоинства новой экранизации?

Фильм снимался в Италии (в Тоскане, Риме и т. д.), в копродукции с итальянской компа-

нией «Панорамика». И у авторов этого проекта (прежде всего, у Хоффмана, успешно поставившего в 1995 г. костюмно-историческую драму «Реставрация») хватило такта и вкуса, чтобы доминирующим в фильме оказался итальянский, или, точнее, старо-европейский колорит — с его пейзажами, архитектурой, костюмами, а не голливудские спецэффекты, которыми было так соблазнительно «наперчить» всю линию волшебных похождений и превращений Мотка. Естественно, без них тоже не обошлось, но все же Кевину Клайну оказалось вполне достаточно нехитрого грима и актерского мастерства, чтобы изобразить героя с ослиной головой. «Слава Богу, Клайна не заменили компьютерным ослом!» — с удовлетворением отмечали критики, добавляя, что в противном случае для фильма были бы потеряны едва ли не лучшие эпизоды, когда Моток на короткое время становится возлюбленным Царицы Фей. Более сложная техника «перевоплощений» применяется только при создании облика эльфов и фей, парочка из которых вполне могла составить компанию обитателям планеты Тэтуин из «Звездных войн».

Именитая актерская команда Хоффмана играет в едином ключе, поэтому у нас не возникает

ощущения болезненных разрывов действия при переходе от «сказки» к «реальности». Царица Фей (Мишель Пфайффер) по-земному обольстительна, земные девицы Гермия и Елена ангельски прекрасны, даже когда возятся в грязи, плутоватый дух Пэк вполне органично смотрится и верхом на велосипеде.

Вопрос второй — чего в фильме нет?

Экстремальных, неожиданных, агрессивных решений. Сказочный лес красив и уютен, как оранжерея в богатом поместье. Сцены, претендующие на сексуальность, целомудренны, нагота героинь щепетильно прикрывается легким флером одежды или лепестками цветов. Как тут не вспомнить вакханалию наготы у Питера Гринуэя в его дерзкой и своевольной экранизации другой шекспировской фэнтези — «Бури», где в одном эпизоде прохода волшебника Просперо по залам своей библиотеки камера проплывает мимо доброй сотни обнаженных актеров! Гринуэй, экранизируя далеко не самый значительный из шедевров Шекспира, смог создать свой фантастический микрокосм, населенный диковинными, порой головоломно-непонятными персонажами всемирной мифологии — от Тезея и Ахиллеса до Семирамиды и жены Лота. Его образы рождают

любопытство и ощущение тревожного «вселенского» катаклизма. В фильме Хоффмана Тезей — это галантный аристократ, любитель балов и охотничьих выездов, а весь фантастический мир сведен до границ живописного итальянского местечка, расставаясь с которым, зритель испытывает чувство приятной ностальгии, но не больше…

Дмитрий Караваев

мастера

ПРИЗРАК СЭРА АЛЬФРЕДА

Есть режиссеры, любой новый фильм которых неизбежно привлекает внимание как публики, так и кинокритиков, и одного только упоминания в титрах имени создателя картины достаточно для аншлаговых первых недель проката. К таким режиссерам относится и Роберт Земекис[5], недавно выпустивший очередной блокбастер.

Перевести название этого фильма довольно трудно. «What Lies Beneath» — буквально: «То, что лежит под». На русских пиратских кассетах — самые разнообразные варианты: «Под покровом

[5] Примечания: 5

О творчестве Роберта Земекиса см. статью Дмитрия Караваева «Покоритель времени» в «Если» № 10, 1996 г. (Здесь и далее прим ред.)

тайны», «Что скрывает ложь» и даже «Тайна могилы». Последнее весьма странно — единственная могила появляется на экране в последнем кадре и тайны уже никакой не представляет. Однако какой из этих переводов в конце концов приживется, предугадать сложно. Практика показывает: не обязательно это будет самый удачный.

Если когда-либо в отдаленном будущем этот фильм покажут по телевидению, радоваться и бросаться к экранам не стоит. Смотреть его надо иди в кинотеатре, иди на лицензионной кассете. И желательно не прерываясь. Потому что любой перерыв разорвет ткань повествования. И когда на фоне сложных отношений героев, постепенно перетекающих в настоящую драму, возникнут жизнерадостные младенческие задницы, взалкавшие памперсов, или глазированные улыбки домохозяек, жаждущих помыть посуду прокладками, можно заканчивать просмотр. Ибо выпестованный режиссером эффект «втягивания» зрителя в ритм фильма неизбежно пропадет.

На экране благополучная американская семья. Он — профессор и известный генетик, она — в прошлом талантливый музыкант, отказавшаяся от карьеры ради воспитания дочери. Но вот

дочь отправляется в колледж, и наша героиня остается в доме одна. И начинает происходить что-то странное. Слышатся какие-то звуки, падают вещи, подозрительно ведут себя новые соседи. Натуральный полтергейст. И поначалу это выглядит как обычная паранойя женщины, впервые вынужденной проводить долгие дни в одиночестве. Психоаналитик не помогает, попытки изгнать злой дух из дома — тоже. Все оказывается не так просто. И становится «все страньше и страньше». Отношения с любимым мужем постепенно начинают меняться — ученый в сверхъестественное не верит. И в убийство соседки тоже не верит. А верит в психологию. В результате зритель получает мистико-психологическую драму, в которой рациональное сталкивается с ирреальным.

Стоит отметить, что в последнее время в американском кино у зрителей, а следовательно, и у продюсеров с режиссерами, значительно возрос интерес к подобного рода фильмам. Мистический триллер, снятый по классическим заповедям дедушки Хичкока, где ставка делается не столько на спецэффекты, сколько на неторопливое затягивающее действие, изрядно приправленное сложной и тонкой игрой высококлассных акте-

ров, начинает возрождаться. Оглушительный кассовый успех «Шестого чувства» в прошлом году только подтвердил эту тенденцию. С чем это связано — сказать трудно. То ли зритель устал от непрерывных дорогих боевиков и соскучился по настоящему саспенсу, то ли багаж знаний современной кинопублики и впрямь откровенно невелик и она воспринимает хорошо забытый старый триллер или чиллер как нечто свежее и необычное. В данном случае, скорее, стоит порассуждать, что побудило режиссера уровня Земекиса обратиться к столь избитой кинотеме. Страсть к экспериментаторству? Жажда занять место «настоящего наследника Хичкока», давно и прочно удерживаемое Брайаном де Пальмой (которому, кстати, явно не сидится на этом месте — его попытка снять космическую фантастику откровенно провалилась)?

Роберт Земекис, пожалуй, первым из современной звездной когорты голливудских режиссеров прорвался на советский киноэкран. Его ранний фильм «Роман с камнем» (1984) с большим успехом шел в нашем прокате в конце восьмидесятых годов. Поэтому мы всегда с особенным интересом следили за успехами этого режиссера. А успехи были — и немалые. Протеже Спилберга очень

тонко чувствовал запросы американской публики, выдавая бестселлеры один за другим. Почти каждый его фильм становился событием. «Кто подставил кролика Роджера» (1988), трилогия «Назад в будущее» (1985–1990), «Смерть ей к лицу» (1992), «Форест Гамп» (1994), «Контакт» (1997) уже вошли в сокровищницу мирового кино, сделав при этом грандиозные кассовые сборы.

Основными отличительными чертами фильмов Земекиса доселе считались мягкая ирония и использование новаторских спецэффектов. В последней его работе — ни того, ни другого! Земекис явно стремился расширить свое творческое амплуа. И сотворил фильм в манере самого Хичкока, умноженной на современную технику съемок. Практически каждый кадр в этом фильме имеет ссылку но какую-либо из работ сэра Альфреда. Например, сам сюжет с подглядыванием за соседским домом, в котором, по мнению героини, произошло убийство молодой женщины; сцены в ванной — откровенно калькируют картину Хичкока «Окно во двор» (1954). А финал однозначно ассоциируется со знаменитым «Психо» (1960). О хичкоковской традиции напоминает и операторская работа. Наполняет картину тревожная музыка Алана Сильвестри, созданная в

духе Бернарда Херманна, любимого композитора Альфреда Хичкока.

Земекис пригласил на главные роли актеров высшей категории. Видимо, этим и обусловлен высокий бюджет фильма — около ста миллионов. Роли супружеской пары исполнили Гаррисон Форд[6] и Мишель Пфайфер. Гаррисон Форд, любимец поклонников кинофантастики, со времен Индианы Джонса никак не может избавиться от имиджа интеллектуала-профессора, имеющего симптоматичную склонность на досуге находить на свою голову приключения и махать кулаками. Подобная привязка актера к образу довольно часто случается в мире кино и, безусловно, не способствует творческому росту. Если актер талантлив, он старается вырваться из подобной ситуации. Форд — талантлив. В фильме Земекиса он предпринимает такую попытку. Перед нами по-прежнему моложавый профессор, поначалу весьма положительный персонаж, однако впервые за долгое время Форду приходится мобилизовать весь свой актерский талант, чтобы сыграть постепенное преображение добропорядочного главы семьи в настоящего убийцу.

---

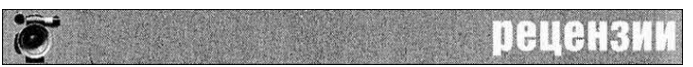
[6] Примечания: 6

О Гаррисоне Форде см. статью С. Ростоцкого в «Если» № 12, 1996 г.

Причем, не в классического монстра, а человека, действующего лишь в силу своего понимания необходимости.

Однако центральной фигурой фильма все же является несравненная Мишель Пфайфер. Ее героиня практически все время в кадре, эмоции мощной волной выплескиваются на зрителя, заставляя полностью отдаваться тягучему действию. Фактически, это женский фильм. Что не удивительно, ведь один из сценаристов — Сара Керночан, автор «Девяти с половиной недель». Но несмотря на восклицание одного из американских кинокритиков: «Сколько можно снимать фильмы, где мужчины — плохие!», эту картину стоит посмотреть всем поклонникам хорошего триллера.

Ярослав Водяной



РЕЦЕНЗИИ
ВОРОН 3: СПАСЕНИЕ

(THE CROW: SALVATION)

Производство компаний Edward R. Pressman Film (США) и IMF Internationale Medien und Film GmbH & Co. (Германия), 2000.

Режиссер Бхарат Наллури.

В ролях: Кирстен Данст, Эрик Мабиус, Джоди Линн О'Киф,

Вильям Атертон.

1 ч. 42 мин.

Вот и вышло очередное продолжение печально знаменитого фильма «Ворон», на съемках которого трагически и загадочно погиб сын Брюса Ли Брендон. Как и две первые, третья картина снята по мотивам серии комиксов Джеймса О'Барра. В оригинале фильмы цикла не имеют нумерации в названии. Второй, например, назывался «Ворон: город Ангелов». Но если предыдущие ленты еще хоть как-то были связаны между собой (герою второго фильма помогает подросшая девочка из первого), то этот фильм не имеет никакой сюжетной связи со своими предшественниками — разве что вороном и нечеловеческими возмож-

ностями героя.

Алекс Корвис (Эрик Мабиус — «Жестокие Игры», «Черное Братство») на 21-й день рождения приговорен к казни на электрическом стуле по обвинению в жестоком убийстве. Но Алекс возвращается — естественно, при помощи ворона. Выбравшись из тюремного морга, он направляется в полицию, где похищает нож, которым была убита девушка, и список свидетелей. По списку он начинает искать человека со шрамом на руке… И, как всегда, месть, стрельба, взрывы. А также, по традиции, музыка в течение всего фильма: на этот раз таких групп, как «Dunzig», «Monster Magnet», и других.

Надо признать, что сюжет фильма еще слабее, чем непритязательные коллизии предыдущих частей, еще бессмысленнее и бессвязнее (хотя о каком сюжете может идти речь в фильме, снятом по комиксам?). Да и главный герой в исполнении Мабиуса выглядит бледнее двух предыдущих зомби-мстителей. Мабиус не так стремителен, как Брендон Ли, и не так артистичен, как Венсен Перес. И вообще, по мнению некоторых критиков, наиболее подходит для этой роли Марк Дакаскос («Драйв», «Американский самурай»), в 1998 году снявшийся в достаточно популярном телесериале по мотивам первого фильма: «Ворон: лестница в небо». Кстати, первая из двадцати двух серий уже вышла у нас на лицензионном видео.

Макс РЫЖОВ

МАЛЫШ
(THE KID)

Производство компании Walt Disney, 2000.
Режиссер Джон Тартельтауб.
В ролях: Брюс Уиллис, Спенсер Бреслин.
1 ч. 44 мин.

После премьеры фильма один из американских критиков напомнил зрителям, что Брюс Уиллис уже в третий раз пренебрег «золотым правилом» не играть в одной картине с детьми и животными, но на этот раз снялся в комедии… Это утверждение неверно по всем позициям.

Во-первых, правило говорит о том, что дети невероятно трудные партнеры в силу своей естественности (если режиссер дает им возможность «играть себя»). А значит, взрослый актер рядом с ними должен быть воистину блистателен. Но какому же из крупных исполнителей не хочется проявить всю меру своего таланта?

Во-вторых, «Малыш» имеет такое же отношение к комедии, как «Отелло» — к дамскому роману.

Вне зависимости от задач, которые ставил перед собой режиссер, фильм получился отнюдь не веселым — иногда грустным, временами задумчивым, местами трогательным. Много ли веселья в том, чтобы в сорок лет встретить себя восьмилетнего? Куда как смешно, когда твое собственное детство предъявляет счет… Очень

забавно внезапно обнаружить, что, по сути, ты совершенно одинок и останешься один до конца своих унылых дней, если…

Если не рискнешь воспользоваться помощью ребенка — и если не поможешь самому себе, отыскав в прошлом те поворотные пункты, которые могли бы изменить судьбу. Изменить весь мир вокруг тебя.

Хуже, что этот фильм неизбежно будут сравнивать с «Шестым чувством». И сравнение, естественно, окажется не в пользу «Малыша». При всей кажущейся несопоставимости этих работ — разные задачи, стилистика, сюжет — есть в фильмах общий момент: мастерство актера. И здесь Уиллис явно проигрывает самому себе. Он повторяется, он недорабатывает мизансцены, он недотягивает диалоги, словно ему постоянно что-то мешает. То ли материал, то ли режиссер, а может, собственное детство…

Валентин ШАХОВ

СЛОН ПРОТИВ КИТА

Будущее наступает неумолимо, и человечество, уставшее от собственной неизменности, начинает эволюционировать.

Появляются первые представители новой генерации, обладающие невероятными способностями. Один из мутантов умудряется даже построить машину, воздействующую на геном и в сотни раз ускоряющую метаморфозы… Нет, это не пересказ повести Стругацких «Волны гасят ветер» или романа «Хризалиды» Уиндема. Это тема популярнейшей в Северной Америке серии

комиксов «Люди икс» («X-men»).

А ведь здорово, правда? Двигать взглядом вещи, читать мысли, проходить сквозь стены, летать!.. Ну, если не самому, то хоть вместе с главным героем. Американским подросткам повезло гораздо больше, чем их сверстникам советских времен: там фантазии реализовывал, даже овеществлял комикс. Мы же были знакомы с комиксами лишь по французскому сериалу о Пифе.

Сначала герои комиксов попадали на экраны благодаря мультипликаторам. Если позволяли технические возможности, то снимались дешевые сериалы. Если спрос не падал, появлялись видеоигры. Ну а наиболее удачливые превращались в крупнобюджетный фильм.

Так и произошло с «Людьми икс». В 1989 году был снят тридцатиминутный мультфильм «Прайд людей икс», затем появился телесериал «Люди икс» (1992), позже — три видеоигры «Люди икс: дети атома» (1994), «Люди икс против Уличного бойца» (1996), «Люди икс: академия мутантов» (2000). И вот, наконец, в июле 2000 года состоялась шумная премьера полнометражного фильма Брайана Сингера все с тем же названием — «Люди икс».

Голливудские продюсеры, как правило, легко

идут на финансирование экранизаций популярных комиксов. Ведь предварительная раскрутка в виде сериалов и игр уже есть, рекламная кампания будущего фильма, считай, началась десятилетия назад. Это практически гарантирует быструю окупаемость фильма и возможность выпускать все новые продолжения, ибо сюжет любого подобного комикса просто обязан развиваться в пространстве и во времени. Особенно хорошо принимаются киновоплощения комиксов, ставших популярными не одно десятилетие назад: аудитория таких картин состоит не только из подростков, но и их ностальгирующих родителей.

Режиссер Брайан Сингер стал заметной фигурой на голливудском небосклоне после фильма «Обычные подозреваемые» (1995). Полный страстей и неожиданных поворотов боевик был снят явно под влиянием тарантиновского «Криминального чтива». Позже Сингер обратился к экранизации повести Стивена Кинга «Прилежный ученик» (1998). И вот, наконец, снял блокбастер с бюджетом в семьдесят пять миллионов долларов, повествующий о начале новой фазы развития человечества — Поколении X.

Мутации у нового поколения происходят по-

разному. Авторы комикса порезвились вовсю, собирая по сусекам фантастики всевозможные «сверхфункции». Одни из Х-людей владеют телекинезом, другие — телепаты, третьи — метаморфы и могут принимать любой облик, четвертые проходят сквозь стены и т. д. Вся интрига фильма — в противостоянии самых первых мутантов: парализованного телепата Чарлза Хавьера, профессора Х (его сыграл хорошо знакомый зрителям по сериалу «Star Trek» Патрик Стюарт, и это единственный из известных актеров в фильме) и Эрика Магнуса Ленсхерра, получившего прозвище Магнето за уникальную способность повелевать мощными магнитными полями.

Магнето — классический голливудский злой гений — считает, что человечество обязательно начнет проводить против мутантов политику геноцида, а попытки ввести регистрацию мутантов — это начало войны. Профессор, напротив, выступает за мирное решение конфликта поколений. Каждый набирает себе боевую команду из мутантов разного профиля, которые, подобно горцам, преследуют друг друга и постоянно дерутся. Режиссер изо всех сил пытается сгладить полярность добра и зла в стандартном квестовом сюжете. Например, непримиримость главного

злодея объясняется в прологе фильма: оказывается, в детстве Эрик был жертвой Холокоста и потому ненавидит весь свет. Линия главного героя фильма Логана Росомахи, обладающего способностями к регенерации и выдвигающимися из рук лезвиями имени Фредди Крюгера, явно не заканчивается, что оставляет намек на будущие сиквелы.

Пожалуй, нашему зрителю, не втянутому в субкультуру комикса и посему не испытывающему никаких ностальгических чувств, этот хит сезона, почти окупивший бюджет в первый же уик-энд проката, будет малоинтересен. Хотя как знать... Забавно понаблюдать за противостояниями типа: «Повелительница ветра против Длинного языка» или «Мечущий молнии против Метаморфа», и вспомнить известный детский вопрос: «Если слон на кита налезет, то кто кого сборет?»

Дмитрий БАЙКАЛОВ

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ...

Короткометражная фантастика

В процессе обучения во ВГИКе или на Высших курсах режиссеров и сценаристов каждый будущий режиссер снимает несколько учебных картин.

Они заменяют студентам-кинематографистам курсовые и дипломные работы. Обычно это короткометражные ленты, продолжительностью от десяти минут до получаса. Именно короткая форма в кино наиболее соответствует жанру рассказа, поэтому среди учебных работ всегда много экранизаций новелл, в том числе и фантастических. Молодые кинематографисты часто обращаются к творчеству Рэя Брэдбери, Кобо Абэ, Кира Булычева, Виктора Пелевина и многих других.

Такие фильмы обычно существуют в одной-единственной копии и редко выходят за пределы мастерской. Исключение составляют фестивали студенческих фильмов. Так, например, Александр Котт со своей лирической фантазией «фотограф» о человеке, который пытался остановить время, объехал не одну страну; ставшая уже весьма известной, картина была показана по телевидению.

Прелесть этих лент в том, что, работая над ними, молодой кинематографист не испытывает никакого давления. Разве что прислушивается к советам своего мастера да к собственным мыслям. Такая ситуация весьма способствует раскрепощению фантазии и позволяет создавать художе-

ственные произведения, не ориентированные на конъюнктуру. Очень часто студенческие учебные работы оказываются интереснее, чем те фильмы, которые были впоследствии сняты теми же режиссерами уже во «взрослой» жизни. Юрий Мороз — автор крепких приключенческих фильмов «Подземелье ведьм», «Черный квадрат» и сериала «Каменская» — в конце 80-х годов защищал свой диплом выразительной и очень необычной тридцатиминуткой «Эксперимент-2000», снятой по мотивам рассказа Кира Булычева «Юбилей-2000». Однако нередко случается, что авторы очень удачных учебных работ потом пропадают из поля зрения, уходят на телевидение, в рекламу или еще куда-нибудь. Анна Викторова, дочь знаменитого режиссера Ричарда Викторова, когда-то сняла отличный двадцатиминутный фильм «Альтернатива» по рассказу все того же Кира Булычева «Выбор», но больше ни одной ее работы зрители не увидели — по разному складываются судьбы кинематографистов…

Иногда работы, сделанные студентами в процессе обучения, выходили на большой экран. Когда-то была такая форма проката — киноальманах. Короткометражки собирались по три и запускались по клубам, но случалось и нечто

уникальное. Так студент Высших курсов Олег Тепцов умудрился вместо трех коротких фильмов снять по сценарию Юрия Арабова одну сорокаминутную картину «Господин оформитель». Как это ни удивительно, чиновникам из Госкино эта стильная и эстетская работа понравилась. Возможно, потому, что в основу сценария лег мотив рассказа Александра Грина. Решено было доснять ее до общепринятого прокатного стандарта, назвать «первым советским фильмом ужасов» и выпустить на экраны.

Недавно на официальных видеокассетах вышли два сборника студенческих работ, показанных на прошлогоднем Московском фестивале учебных картин имени Св. Анны. Проект был назван «Новый век кино». Есть на этих кассетах и фантастика.

И все-таки информации об этих картинах до сих пор очень мало, особенно, если говорить о жанре, — так позвольте же чуть-чуть заполнить эту пустоту… Когда-то на телевидении была передача «Знакомьтесь: молодые кинематографисты», где режиссер Савва Кулиш демонстрировал широкой зрительской аудитории студенческие работы. Разрешите мне разыграть из себя маститого режиссера с усами и баками и рассказать вам,

читатель, какие интересные фантастические фильмы малой формы были сняты во ВГИКе за последние несколько лет. Как жаль, что у меня нет возможности показать вам хотя бы отрывки из них. Итак, начинаем передачу…

Евгений Звездаков в своем фильме «Close Up» не только соединил традиции прозы Стивена Кинга и кинематографии Микеланджело Антониони (на поверхности лежит перекличка названия фильма с антониониевским «Blow Up»), но и провел непрямую рекламу фотоаппарата «Polaroid», который и оказался главным героем этой мистической ленты… Молодой человек ходит по городу и фотографирует на моментальную камеру архитектуру, но на каждом отпечатке почему-то появляется силуэт девушки на велосипеде. Если сложить все фотографии последовательно, то они предстанут историей в картинках, в результате которой девушка попадает под троллейбус. Молодой человек, пытаясь спасти девушку, замечает на одном из снимков часы, высчитывает время, и оказывается в нужном месте в нужное время… И сам попадает под колеса! Девушка же проезжает сквозь троллейбус, а фотокамера остается искать другую жертву… Сейчас Е. Звездаков активно работает в рекламе и снимает музыкальное видео

— вероятно, многим знакомы его клипы на песни Найка Борзова «Три слова» и группы «Браво» «XXI век».

С некоторой натяжкой к жанру фантастики может быть отнесен фильм Анастаса Харалампидиса «Не упустите убийцу», хотя вплоть до самого финала картина выстроена, как сугубо реалистическое, если не сказать натуралистическое произведение. Этот фильм стал одним из самых масштабных проектов сегодняшнего ВГИКа, он полон сложнопостановочных кадров и массовых сцен… Убита крупная криминальная личность, осуществлявшая связь между двумя преступными группировками; нарушена стабильность в их отношениях; возникла ситуация, чреватая многими конфликтами и жертвами. Убийца — никому не известный невзрачный молодой человек. Кто он? На кого работает? Что ему надо? Чтобы ответить на эти вопросы, за преступником устанавливают слежку; зритель наблюдает за ним вместе с «хвостом», идет следом по улицам Москвы, заходит в ночные клубы и прочие злачные места. Финал неожиданный — в одном из клубов убийца переступает порог туалета и… возносится! Камера поднимается под потолок и вылетает в окно. Кем был незнакомец?

Демоном, посланцем сил зла, питающихся чужой болью, или духом города, хранящим агрессию и нестабильность в самой своей сути? Это остается загадкой.

Еще один странный мистический фильм снял С. Стеблов, учащийся мастерской Александра Митты на Высших курсах режиссеров и сценаристов. Эта фантастическая притча носит название «Оборотень». Герой фильма, прельстившись деньгами, решился на преступление, и ему начало казаться, что его стала покрывать шерсть. Фантастические образы достаточно просты и легко узнаваемы.

Любопытный эксперимент в области фантастических спецэффектов представили в своем восьмиминутном видеофильме «Черные дары — дети Вселенной» режиссер Аль-Ах-мет Ибрагимов и оператор Марат Адельшин. В фильме с трудом угадывается сюжет, зато во всех красках предстает причудливый фантастический мир, вызывающий в памяти мрачные образы «Кабинета доктора Калигари» и прочих лент немецкого экспрессионизма. Удивительно, как просто можно добиться замечательного фантастического эффекта, купив в переходе метро игрушечную заводную собачку и содрав с нее меховую оболочку

— такой получается монстр!..

Не могу обойти вниманием фильм «Против неизвестного», снятый палестинским режиссером и оператором Халедом Эльдерра по моему сценарию. Главный герой картины — фотограф, он постоянно лжет, он с равным лицемерием снимает как свадьбы, так и похороны. В какой-то момент у него появляется двойник, который делает все, что наобещал оригинал: ходит в театр с его женой, навещает его любовницу… Двойник, созданный ложью героя, вытесняет его из жизни, фотограф пытается убить двойника, но убивает себя. Приходя очередной раз на кладбище, чтобы подзаработать фотосъемкой, он попадает на собственные похороны… Несмотря на многие проколы, связанные с отсутствием должного финансирования и технической поддержки, в фильме есть целый ряд режиссерских и операторских находок.

Несколько лет назад во ВГИКе режиссер Елена Саканян, известная своими документальными картинами о поэте Велимире Хлебникове и ученом Тимофееве-Рессовском, набрала специализированную мастерскую научно-популярного и научно-фантастического кино. Однако быстрого успеха это мероприятие не принесло: на ранних

курсах большинство студентов не приблизилось к фантастике — в основном их интересовало исключительно самовыражение, далекое от жанровых признаков. Однако один фильм этой мастерской удивил и умилил всех зрителей. Картина режиссера А. Красновского называется «16 000 иголок» — оказывается, примерно столько игл у обыкновенного ежика… Это милая фантастическая сказка о том, как Ежик и Белочка летали в космос на ракете. В соответствии с традицией фильмов-сказок зверей играют актеры в нарочитых костюмах, их приключения комментирует автор-сказочник. Очень забавно смотреть на Белку с огромным пенопластовым хвостом и Ежика с картонными иголками и черным нарисованным носиком. Эта картина о дружбе и взаимовыручке в равной степени интересна как детям, так и взрослым.

Еще один фильм не столько для детей, сколько о детях может быть отнесен к жанру фантастики. Это картина Нурбека Эгена по сценарию С. Бейсеу и А. Аносовой «Закрытый космос». Фильм продолжает «детскую» тему, начатую режиссером в его предыдущей картине «На день старше». Герой нового фильма — тоже мальчик, он мечтает стать космонавтом. И его мечта осуществляется.

Предметы вокруг него начинают плавать, словно в невесомости. Он играет в космос, и космос сам приходит к нему… Романтические мечты о космосе, так свойственные хорошей фантастической литературе, нашли в фильме очень точные образные визуальные выражения.

Соученица Н. Эгена по мастерской Владимира Хотиненко — Ульяна Шил-кина — осуществила первую экранизацию Виктора Пелевина. В основу ее картины «Ничего страшного» легла новелла «Синий фонарь». Действие происходит в необычной круглой комнате, похожей одновременно на палату пионерлагеря и на интерьер ночного кошмара. Герои картины — мальчики, которые рассказывают друг другу перед сном страшные истории про мертвецов, да так заводят друг друга, что теряют чувство реальности и уже готовы поверить, что сами давно мертвы. В этом, достаточно раннем рассказе, уже четко звучит основная тема автора: где грань между жизнью и смертью, между настоящим и иллюзорным, между человеком, который действительно жив, и мертвецом, который живым только прикидывается? Молодые кинематографисты нашли этому весьма адекватное визуальное отображение. Для «экранизации» трех «страшилок», которые

зритель видит глазами мальчиков, применены оригинальные выразительные средства, включая различные виды анимации. Необычен и звуковой ряд фильма — звукорежиссеры впервые в практике учебного кино применили так называемую «чистовую фонограмму», то есть голоса записывали не в студии, а на самой площадке прямо в процессе съемки. Все эти формальные ухищрения возымели самое удивительное действие: зритель проникается атмосферой фильма и в процессе короткого просмотра то заливается смехом, то замирает в неожиданном раздумье. В общем, все, как во время чтения Пелевина…

Несомненно, страсть ко всему необычному и таинственному, а также вкус к яркому, выразительному видеоряду Н. Эген и У. Шилкина переняли у своего учителя Владимира Хотиненко, автора таких замечательных фантастических кинолент, как «Зеркало для героя», «СВ», «Патриотическая комедия».

Как видите, если в «большом» кино успешных фантастических проектов не очень много, то учебному кинематографу есть чем порадовать зрителя. Молодые кинематографисты задаются серьезными философскими вопросами и при этом стремятся к максимальной свободе формы и

раскрепощению авторской фантазии. Наверное, поэтому они так часто прибегают к фантастике. Они не осознанно приходят к этому жанру, а просто находят в нем наиболее удачное выражение своих мыслей и чувств. Новое поколение кинематографистов выбирает фантастику! А ведь это первая генерация режиссеров и операторов нового века и нового тысячелетия. Сейчас они еще студенты и выпускники, но через несколько лет они уже смогут применить свои навыки и свою фантазию в производстве полнометражного фильма. Запомните имена, упомянутые в статье, возможно, через несколько лет об этих людях уже можно будет писать в рубрике «Адепты жанра». В любом случае, я надеюсь, они еще порадуют любителей фантастики своими киноработами. Потому что будущее за фантастическим кинематографом — наблюдение за нынешними студентами ВГИКа наглядно доказывает это смелое утверждение. Давайте будем ждать.

На этой оптимистической ноте позвольте завершить передачу «Знакомьтесь: молодые кинематографисты».

Андрей ЩЕРБАК-ЖУКОВ

Элизабет Мун

ЛЕДИ ИЗ КЛУБА «КИРАСА»

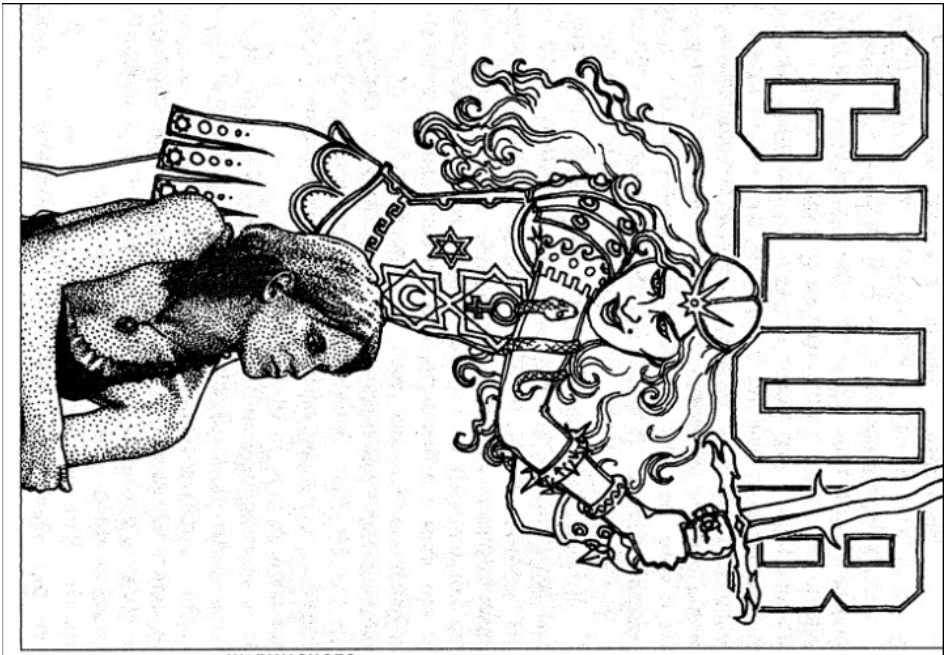


Иллюстрация Александра ЖАБИНСКОГО

- Но ведь бандажи не облагаются налогом! — возмутилась Мирабель Железный Кулак.

— Нет, — ответил король. — Но для воина бандаж — это необходимость.

— Для мужчин — да, но не для нас! Бандажи нам ни к чему, а вот без кирас нам не обойтись.

— Некоторые мужчины сражаются вовсе без доспехов, — сухо сказал король. — И вообще, нанимать мужчин гораздо выгоднее. Интересно, хоть кто-нибудь из вас представляет, во что обходятся казне специальные кирасы для женщин? Я приказал выяснить, как можно сократить расходы на оборону, и знаешь, что обнаружил?! Больше всего денег уходит на женское обмундирование и доспехи! — Король деланно улыбнулся королеве, сидевшей на троне рядом, и та ухмыльнулась в ответ. — Я всегда говорил, что обществу только вредит, когда женщины забывают о своих обязанностях жены и матери…

— Ну с этим мы как-нибудь разберемся, — сказала Мирабель. Она лично могла бы разобраться с этим здесь и сейчас, но королевские телохранители — все мужчины, как она машинально отметила — держались настороже, а Мирабель вовсе не хотела, чтобы ей снова сломали нос ни за что, ни про что. Кроме того, идея с налогом

исходила, скорее всего, от королевы, которую не слишком почтительно уронили на землю во время недавнего турнира. Интересно, на что рассчитывала Ее Величество, когда выходила на бой с Сиреной Яростной? Неужели она надеялась, что прямая и бескомпромиссная воительница уступит из одного лишь уважения к ее королевскому достоинству?

Королева презрительно поджала губы, и Мирабель мысленно дала ей хорошую оплеуху. Как полномочная представительница Дамского клуба взаимной поддержки она должна была хранить достоинство, но сдерживать свое воображение ее никто не обязывал.

— Шесть серебряных монет в год с человека, — напомнил король. — Вы должны уплатить этот налог не позднее Дня весеннего равноденствия. А сейчас я тебя больше не задерживаю.

Мирабель недовольно фыркнула и, повернувшись, вышла из тронного зала, сбив по пути с ног нескольких мелких баронов. Во внутреннем дворе замка ее тотчас обступили воительницы.

— Ну что?! Что он сказал?..

— Никакой ошибки нет, все верно, — промолвила Мирабель мрачно. — Король действительно ввел налог на бронзовые нагрудники.

Бойкая блондиночка с очаровательным вздернутым носиком (еще не сломанным) громко присвистнула.

— Только бронзовые? А как насчет медных? Или железных? А может, мы могли бы…

— Помолчи, Кристел. Медные, бронзовые, серебряные, позолоченные… «Любые металлические украшения, используемые солдатами женского пола»… — процитировала она.

— «Солдатами женского пола»?.. — Полногрудая, рослая женщина угрожающе качнулась вперед, сурово сдвинув брови. Малейший намек на неуважение способен был вывести Большую Берту из себя.

— Заткнись, Берта! — Кристел шлепнула Берту по руке, но та даже не поморщилась. И более сильные удары были для нее не чувствительнее комариных укусов.

— Так написано в указе, — сердито объяснила Мирабель. — Так нас назвали.

— А как насчет кожи? — не унималась Кристел. — Или плетеных кольчужных рубашек? Или полотна, обшитого перламутром и морскими раковинами?

— Кристел!!! — завопили сразу несколько женщин, и блондинка тут же увяла.

— Я просто подумала… — виновато начала она.

— Ничего ты не думала, — сурово оборвала ее Мирабель. — Ты вообще не думаешь — только грезишь о всяких новомодных тряпках из «Большого рыцарского каталога», а ведь дело серьезное. Придется созвать общее собрание членов клуба!..

— …И теперь король утверждает, — тем же вечером объясняла Мирабель женщинам, собравшимся в Большом зале Клуба взаимной поддержки, — что нагрудники, которыми мы пользуемся, являются предметами роскоши, потому что для их изготовления требуется металла больше, чем для мужских. А в нашем королевстве все предметы роскоши облагаются налогом. Но если хотите знать мое личное мнение, Его Величеству, по-моему, очень хочется, чтобы мы, женщины, вернулись назад к домашним очагам — кастрюлям и сковородкам…

Воительницы возмущенно загомонили.

— Тише, леди, тише!.. — Приятное сопрано прорезало поднявшийся глухой ропот, как нож режет масло.

Раздался лязг металла и скрип кожи — обладательница приятного голоса вставала… и вставала, и вставала. Высокая, как дуб (так говорилось в песнях), крепкая, как буйволова кожа

(так утверждали легенды), облаченная в такое количество доспехов, что их хватило бы на целую роту обычных наемников, Софора Сегундифлора на добрых две головы возвышалась над своими товарками. Только сегодня утром она вернулась в столицу после удачного похода.

— Он, в конце концов, король!

— Совершенно верно, мэм.

— Хотя налог, конечно, идиотский.

— Так точно, мэм.

Последовала продолжительная пауза, пока Софора, безмятежно улыбаясь, поочередно разглядывала собравшихся. Каждая из женщин, на кого падал ее взгляд, тоже начинала непроизвольно улыбаться, хотя и несколько натянуто. Ничего удивительного: Софора была слишком большой и сильной, и на ней было надето доспехов больше, чем на любой другой воительнице. Кроме того, те, кто видел ее в бою, прекрасно знали, что Софора улыбается всегда — даже когда разрубает врага на две, пять или двадцать пять частей.

— У тебя есть какие-нибудь предложения? — осторожно осведомилась Мирабель. Тон ее голоса был негромким и уважительным; с королем она разговаривала совсем не так.

— Я думаю, для начала нам нужно сесть и успокоиться, — сказала Софора и первая подала пример. Выждав, пока лязг и скрип затихнут, остальные тоже уселись, терпеливо ожидая, что скажет могучая воительница. Поторопить ее никто не осмеливался, поскольку с извинениями можно не успеть — Софора Сегундифлора славилась своим крутым нравом.

— Как насчет нагрудников из другого материала? — спросила она наконец.

Мирабель снова разъяснила содержание указа.

— Там говорится: «любые металлические украшения», что включает и доспехи. Для «солдат женского пола», — добавила она едко. — По-моему, королю нравится называть нас именно так.

— Он может называть нас как ему угодно, пока платит за службу и пока мы не платим этот глупый налог. Все остальное — несущественные детали. Значит, если нагрудник не металлический, он не будет облагаться налогом?

— Нет, но ткань не защитит ни от стрелы, ни от меча.

— Я же говорю: кожаный доспех, обшитый перламутровыми пластинками, мог бы послужить не хуже бронзового, — снова вставила Кристел.

Софора звонко рассмеялась; ее серебристый

Смех напоминал журчание горного ручья.

— Леди, леди, минуточку!.. Ведь латы бывают разные. Вот, например, моя кольчуга… Она тоже облагается налогом?

— Король вовсе не глуп, Софора. Он знает, что может остаться без армии, если введет налог и на мужские доспехи, так как многие мужчины носят бронзовые кирасы или кольчужные рубашки. В указе специально оговорено, что налогом облагаются все модификации стандартных доспехов. Там были даже пояснительные рисунки, и я очень внимательно их рассмотрела: любые вставки, чашки, вытачки, клинья считаются украшениями и попадают под действие указа.

— Какая чушь! — фыркнула Софора. Потом снова послышался скрип и скрежет железа о железо — воительница пыталась рассмотреть свою кольчугу.

— Ты имеешь в виду вот эти клинья вверху? — спросила она наконец.

— Да. — Мирабель угрюмо кивнула. — Мы, разумеется, можем взять мужские нагрудники размером больше, а пустое пространство на животе заполнить войлоком или ватой, но боюсь, что в таких доспехах очень неудобно сражаться. К тому же летом в них сваришься заживо. Конечно,

можно попробовать перевязать грудь, но…

— Терпеть не могу перевязывать грудь! — подала голос из задних рядов пышнотелая воительница. — Это вам, девчонкам с птичьими грудками, легко утянуться, но некоторые из нас, к счастью, сложены, как полагается настоящим женщинам…

— Самое простое — это вовсе избавиться от груди, — сказала Софора таким тоном, словно речь шла о чем-то самом обыкновенном. В ответ раздалось дружное «Ах!», и Софора окинула собравшихся быстрым взглядом.

— Нет, я не это имела в виду, — сказала она. — Я, во всяком случае, не собираюсь отрезать грудь. Нет нужды прибегать к ампутации, если в городе есть хоть один пластический маг.

— Ну конечно!.. — Мирабель хлопнула себя по лбу. — Я же сама видела его рекламу и даже подумывала о том, чтобы подправить себе нос, но как-то руки не дошли.

— Это, наверное, тот самый, который ставит временные коронки и мосты! — сообщила Большая Берта. — Когда Дезире устраивала свою свадьбу, он построил для нее хрустальный мост через канал Синкбет и соорудил очаровательные короны для невесты и ее подружки. Правда, когда

с первыми лучами солнца мост пропал, от него осталось довольно много липкой зеленой дряни, но ее быстро унесло течением.

— Временные, говоришь? Так это же просто отлично! Значит, мы сможем по мере надобности либо ликвидировать грудь, либо возвращать ее на место.

— Отлично, — вмещалась Софора. — Но сначала нужно прикинуть, сколько придется заплатить. Мне кажется, я знаю способ существенно снизить расходы.

— Какой способ?

— Тронемся в библиотеку, и я вам все объясню. — Софора поднялась и вышла в смежную с Большим залом комнату, служившую библиотекой и офисом. Там она принялась снимать с полок пергаментные свитки и переплетенные в кожу фолианты, а Мирабель и три другие воительницы присели в кресла у очага.

Когда небольшой огарок и две целых свечи сгорели до основания, Софора, которая все это время сосредоточенно водила пальцем по строкам документов и что-то тихо бормотала, наконец подняла глаза:

— Думаю, каждой из нас придется внести в общую кассу по две монеты серебром.

— По две монеты? Но зачем?!

— Не волнуйтесь, они к нам вернутся. Таков размер взноса в фонд возмещаемых затрат, предусмотренных сто пятьдесят восьмым разделом нашего контракта, подпункты «ц» и «д», — объяснила Софора, рассеянно постукивая костяшками пальцев по столу, на котором лежало полтора десятка свитков и замусоленный Налоговый кодекс. — Эта сумма покрывает как затраты на лечение небоевых травм, так и необходимые профессиональные издержки.

— Объясни подробней, — попросила Мирабель, для которой раздел контракта, касавшийся медицинских льгот, оставался тайной за семью печатями. Она честно пыталась в нем разобраться и даже, кажется, начинала что-то понимать, но когда ей сломали нос и Мирабель обратилась за компенсацией, бюрократы из королевской бухгалтерии заявили, что, коль скоро она оказалась пленницей, данная травма не может быть квалифицирована как ранение, полученное в бою. С другой стороны, поскольку она была в доспехах, это нельзя расценивать как небоевую травму.

Софора улыбнулась и положила ладонь на раскрытый Налоговый кодекс.

— Согласно новому налоговому уложению,

казна выплачивает каждой из нас две монеты на медицину и профиздержки. Это важно, потому что королевский канцлер-казначей может заявить, что необходимыми профессиональными издержками, связанными с исполнением служебных обязанностей, является только операция по удалению груди. Что касается ее восстановления, нам легко будет доказать: данная процедура является медицинской необходимостью. В Налоговом кодексе так и записано: «В полном объеме оплачиваются все виды лечения, связанные с восстановлением нормальных функций организма после утраты оных».

— И все же, в чем тут фокус? — спросила Мирабель. — Ведь эти две монеты серебром полагаются нам в любом случае!

— Фокус, как ты выражаешься, в том, что вместо того, чтобы платить по шесть монет с человека, мы не будем платить ничего, — терпеливо разъяснила Софора. — Кроме того, если раньше король платил по две монеты только тем из нас, кто был болен или получил небоевую травму, то теперь ему придется платить всем. Надеюсь, это заставит его задуматься. Вот только я не уверена, уложимся ли мы в две серебряных монеты. Впрочем, маг должен сделать нам скидку — ведь мы

обеспечиваем его работой на год вперед. Берта, кстати, утверждает, что за свадьбу Дезире — хрустальный мост и все остальное — маг взял всего десять монет.

Мирабель восхищенно присвистнула.

— Отлично, Софора, просто отлично. Тебе бы адвокатом быть!

— Я им и стану — после того, как уйду на покой. — Софора Сегун-дифлора безмятежно улыбнулась. — Я уже занимаюсь на заочных юридических курсах в рамках Программы пропаганды основ налогообложения, указ о которой наш король издал три года назад. А теперь не мешайте — я должна набросать проект договора…

С этими словами она воткнула в подсвечник новую свечу и принялась что-то писать на чистом листе пергамента. Когда свеча догорела, Мирабель зажгла еще одну. Наконец Софора выпрямилась и протянула Мирабель объемистый свиток.

— Ну вот, кажется, я ничего не упустила. А ты проследи, чтобы маг это подписал.

Мирабель озадаченно смотрела на первые строки документа.

— «Мы, члены Дамского клуба взаимной поддержки, именуемые в дальнейшем Клиент»… —

прочла она. — А это зачем? А это?.. Слушай, Софора, неужели все эти условия и оговорки действительно обязательны? Ведь речь идет о самом обыкновенном обратимом заклинании!

— Существует стандартная форма, где предусмотрены почти все возможные ситуации, и отступать от нее было бы неразумно. Что касается пунктов, которые я добавила от себя, то без них нам не обойтись. Ведь ты, наверное, не хотела бы проснуться с чужой грудью?

— С чужой?.. Гм-м… Признаться, об этом я не подумала. Впрочем, некоторые из наших, наверное, были бы совсем не против, если бы имели возможность выбирать.

— Если кому-то захочется изменить форму или размер груди — пусть платят дополнительно, — жестко сказала Софора. — Что касается меня, то я не допущу, чтобы мои дети сосали чужую грудь, даже если она будет на моем теле.

— Значит, вам нужна обратимая редукционная маммопластика? — переспросил маг. Его сдвинутые к переносице брови неуверенно вздрагивали, словно он никак не мог решить, то ли приподнять их в знак удивления, то ли неодобрительно нахмуриться. Судя по всему, магу очень не нравилось, что Мирабель так свободно оперирует

специальными терминами. Он предпочитал иметь дело с профанами — те были послушны и никогда не предъявляли претензий.

— Да, — подтвердила Мирабель. Недовольная гримаса на лице мага не произвела на нее никакого впечатления. — Дело в том, — добавила она, — что король ввел новый налог на женские боевые нагрудники. Именно поэтому мы бы хотели, чтобы у нас была возможность избавляться от груди перед битвой и возвращать ее на место, если нам понадобится вскармливать детей или… или делать что-нибудь еще.

В ее случае это «что-нибудь еще» было особенно актуально, поскольку заводить детей она пока не собиралась.

— Я… понимаю. — Глядя на свои сплетенные пальцы, маг лицемерно вздохнул, и Мирабель едва удержалась, чтобы не сказать резкость. — Боюсь… боюсь это будет стоить довольно дорого.

— Не понимаю, почему… — Мирабель пожала плечами. — Ведь речь идет о самом обыкновенном обратимом заклинании; перманентные изменения нам ни к чему. Обратимые заклинания почти не нарушают Мировое Равновесие, да и от тебя потребуется куда меньше усилий… Разумеется, мы можем обратиться к кому-нибудь

другому, но…

— Хотел бы я знать, откуда у вас подобные представления о магии? — надменно спросил специалист, выпрямляясь во весь свой небольшой рост.

Мирабель показала ему последний номер журнала «Наши волшебники, наше волшебство», который они выписывали на адрес клуба.

Маг вспыхнул.

— Это популярное издание для… для идиотов!

— Я прочла фундаментальный труд Фишбоуна и Пибла «Изменение реальности: заклинания обратимые и необратимые, расчет стоимости и влияния на Мировой Баланс».

— А вот это, наоборот, слишком сложная книга! Ее невозможно понять без специальной подготовки. Я не верю, что вы сумели в ней разобраться!

Увы, он был прав, но Мирабель не собиралась в этом признаваться.

Вместо ответа она столь многозначительно посмотрела на тощую шею мага, что он несколько раз нервно сглотнул и откашлялся.

— Ну хорошо… — пробормотал он слегка заплетающимся языком. — Думаю, вы, солдаты, должны пользоваться некоторыми льготами…

— Я знала, что мы сумеем договориться, — про-

сияла Мирабель. — Ведь ты будешь пользовать не одну-двух женщин, а всех воительниц королевства. Это очень выгодно. Если хочешь, мы могли бы подписать договор об эксклюзивном обслуживании…

— Ладно, там видно будет. — Маг пришел в себя. — Этот новый налог… Сколько, вы сказали, вам придется платить?

— Это к делу не относится, — твердо ответила Мирабель, тщательно проинструктированная Софорой. — Мы готовы платить по две монеты с человека в год.

— В год? — пальцы мага непроизвольно зашевелились, и Мирабель поняла, что он что-то подсчитывает.

— Количество редукционно-восстановительных операций не ограничено, — быстро добавила она. — Но можешь не беспокоиться — мы не станем прибегать к твоей помощи слишком часто, разве только король решит воевать со всеми соседями разом.

— Гм-м… Сколько вас?

— В настоящее время пятьдесят. Впоследствии, возможно, число женщин на королевской службе возрастет.

Маг покачал головой.

— Все равно это очень непростая задача. Придется создавать специальное внепространственное хранилище для… для плоти, которая в данный момент не нужна. В противном случае, затраты энергии, необходимой для уничтожения и создания пятидесяти пар молочных желез, будут чрезмерно высоки. К тому же хранилище должно быть достаточно сложным, чтобы… Ведь вы, наверное, не захотите, чтобы произошла какая-нибудь путаница?

Но на самом деле маг думал о ста монетах серебром, которых должно было с избытком хватить на новенький внепространственный банк материи с произвольным порядком обращения. Именно такой он видел прошлым летом на выставке магических устройств в Технолалии.

Все же маг оказался достаточно умным, чтобы внимательно прочесть контракт, который вручила ему Мирабель. Как она и ожидала, он закатил глаза, воздел руки к небу и пригрозил проклясть того крючкотвора, который составил «этот неслыханный документ». Женщине не оставалось ничего другого, как бросить еще один красноречивый взгляд на дряблую шею мага. Это возымело действие.

— Ладно, так уж и быть, согласен… — пробор-

мотал он. — Значит, по две монеты серебром с человека за обратимое заклинание маммопластики…

Он снова вздохнул, расписался на пунктирной линии в конце документа и, как и предупреждала Софора, приложил к пергаменту нагретый конец своего магического посоха, на котором была вырезана его личная печать. Увидев это, Мирабель улыбнулась и протянула магу две серебряных монеты.

— Можешь начать с меня, — сказала она. — Я приду завтра утром, а ты пока все приготовь. Наши девушки хотят точно знать, что заклинание действительно обратимо.

Операция заняла всего несколько мгновений; магу не понадобилось даже прикасаться к Мирабель. Только что ее грудь была на месте, и вот она исчезла, словно растаяла. Обратное действие заняло чуть больше времени, однако все прошло без неожиданностей, и грудь вернулась к своей обладательнице. Все побочные эффекты свелись к легкому покалыванию, которое прекратилось через минуту. Еще несколько пассов, и Мирабель, одетая в обычную легкую тунику, которую носила вне службы, вышла к ожидавшим снаружи подругам.

Увидев плоскогрудую Мирабель, остальные воительницы довольно заухмылялись. Все было в порядке, и они решили немедленно подвергнуться той же операции.

Переодеваясь для ежедневной фехтовальной тренировки, Мирабель чувствовала себя несколько непривычно, однако ощущение неловкости тотчас исчезло, стоило ей взглянуть на выражение лица Его Величества. Все женщины во дворце стали обладательницами совершенно плоских — хотя и мускулистых — торсов. Когда, облаченные в одни лишь уставные бронзовые набедренники, они вышли на тренировочную площадку, их не сразу узнали даже сержанты. Лишь по прошествии некоторого времени мужчины начали замечать очевидное: расплющенный нос Мирабель, задорно вздернутый носик Кристел, а главное — острия клинков, которые чувствительно царапали их всякий раз, когда им случалось зазеваться.

Только король ничего не замечал, пока ему не подсказали.

— Эти новые солдаты… Они неплохо фехтуют, — заметил он, обращаясь к одному из сержантов дворцовой стражи.

— Прошу прощения, сир, но это вовсе не новые

солдаты, — возразил тот.

— Но я что-то…

— Это наши леди, сир, — сказал сержант. — Просто у них больше нет этих штук… — И он показал руками, что имеется в виду. Сержант, разумеется, не только знал, но и частенько употреблял соответствующее слово, однако ему казалось, что в разговоре с королем лучше избегать вульгаризмов.

— Так это мои женщины! — Король вытаращил глаза, и Мирабель, стоявшая в первом ряду, одарила его зубастой улыбкой. — А где же их титьки?

— Они, сир… В общем, их нет. — Уже не в первый раз сержант замечал, что в минуты крайнего удивления Его Величество частенько употребляет слова, не совместимые с королевским достоинством.

— И налога тоже нет! — с ухмылкой заметила Мирабель, когда король сумел наконец оторвать взгляд от ее плоской груди.

— О боги!.. — выдохнул король и поспешно покинул внутренний двор замка. Спустя несколько минут в одном из высоких стрельчатых окон появилось лицо королевы, и Мирабель, которая ожидала чего-то в этом роде, приветливо помахала Ее Величеству рукой. Королева вспыхнула

и отвернулась.

Угрюмо сдвинув брови, принц уставился на свое отражение в зеркале. Заклятие явно теряло силу. Маг утверждал, что Его Высочество просто вырос из него, как вырастают из старой одежды, но принц не особенно в это верил. Даже если так, то какая разница, что у него красивая шея? Ведь главное не шея, а лицо!

Что касалось лица, то принц просто не находил слов. Нет, как и у всех людей у него были два глаза, нос и рот, которые находились более или менее на своих местах, однако общее впечатление оставляло желать много лучшего. Близко поставленные глаза смотрели из-под низкого, сильно покатого лба; крупный нос выдавался вперед, словно корабельный бушприт; короткая верхняя губа едва прикрывала крупные кроличьи зубы, а нижняя челюсть была так сильно скошена, что казалось, у принца вовсе нет подбородка. И как будто этого мало, лоб, щеки и подбородок были сплошь покрыты ярко-красными юношескими прыщами.

Похоже, от косметического заклинания вообще ничего не осталось. Еще на прошлой неделе у него была нормальная шея, теперь же кадык выпирал, словно узел на веревке. Чары следовало

подновить еще месяц назад, но король оказался отчаянным скрягой и крохобором. Свои личные заклинания он регулярно возобновлял каждые три месяца, а зачем они ему в его возрасте? Ведь всем известно, что самая важная пора жизни — это молодость, когда юный принц должен искать свою суженую!

Принцессу, кстати, ждали на будущей неделе. Ее родители побывали во дворце на Праздник урожая; дядья и тетки нанесли визит на святки, и вот теперь, в День весеннего равноденствия, она приезжала сама. Мерилиз действительно была прекрасна; он видел ее изображения, а она, разумеется, получила его портрет — чудесную миниатюру на слоновой кости, выполненную лучшим придворным художником. Правда, когда принц позировал, заклинание было еще достаточно сильным, и подбородок юноши выглядел мужественным.

Что ж, иного выхода нет — необходимо как можно скорее возобновить пластические заклинания. Правда, король сказал, что торопиться некуда, но ведь корабль Мерилиз может прибыть в столичную гавань раньше объявленного срока…

— Мне кажется, ко Дню весеннего равноден-

ствия мы должны вернуть себе, гм-м… нормальный вид, — заявила Большая Берта. — Ведь это праздник, а значит, будут танцы, вечеринки и все такое… Кроме того, во дворце наверняка состоится прием в честь помолвки принца. Или в честь свадьбы, если все сложится удачно.

— Но ведь именно в День весеннего равноденствия мы должны заплатить налог, — напомнила Мирабель.

— Только если нас увидят в нагрудниках, — возразила Софора. — Но я надеюсь, наш король сможет обойтись без войны хотя бы неделю — тогда ничто не помешает надеть самые открытые платья. Правда, некоторых, вероятно, заставят нести службу во дворце — вот им придется оставаться плоскими по крайней мере до тех пор, пока не закончится дежурство. Зато остальные смогут наслаждаться жизнью.

— Да, — сказала Кристел. — Мне нравится эта идея. — Она чувственно потянулась, и Мирабель с неодобрением посмотрела на нее.

— У тебя одни развлечения на уме, Крис. Впрочем, почему бы нам действительно не повеселиться как следует?

И они отправились к магу.

— Вы хотите, чтобы я проделал восстанови-

тельную операцию всем сразу? — озадаченно спросил волшебник, качая головой. — Боюсь, это займет полдня, ведь обратный процесс идет значительно медленнее — особенно теперь, когда в хранилище находится так много, гм-м… К тому же я занят — меня ждут другие клиенты.

— Нет, ваше могущество, — кротко сказала Софора. — У нас есть преимущественное право. Загляните в свой контракт.

Разумеется, такое право у них было. Софора ловко спрятала соответствующий параграф среди вороха пустых фраз. На случай, если маг его проглядел, воительница громко прочла вслух:

— «В связи с тем, что благополучие Клиента напрямую связано с благополучием и процветанием королевства и Его Величества короля, Подрядчик обязуется произвести указанные выше магические манипуляции по первому требованию Клиента. При этом Клиент пользуется преимуществом перед любыми другими заказчиками, будь то простолюдины или особы королевской крови. Данный пункт Договора Подрядчик обязуется исполнять неукоснительно. В случае его нарушения размер штрафных санкций устанавливается решением членов Дамского клуба взаимной поддержки».

Последнюю фразу Софора прочла таким тоном, что маг стал белым, как стена.

— Но послушайте, леди, другие мои клиенты — это придворные дамы, жена канцлер-казначея и даже…

Софора бестрепетно указала на слова: «…будь то простолюдины или особы королевской крови».

— Ты подписался под этими словами, маг. Любой суд примет нашу сторону.

Маг провел примерно половину необходимых операций, когда к нему в лабораторию явился королевский гонец.

— Сейчас не могу. Занят, — коротко сказал маг. Он только что обнаружил сбой в программе хранилища. Пытаясь затребовать обратно грудь Большой Берты, маг пять раз подряд получил сообщение об ошибке и был близок к панике. Особенно его нервировали сурово сдвинутые брови воительницы.

— Но король велел… — растерялся гонец.

— Мне плевать, пусть это будет даже его персональное заклинание от запаха подмышек! — взъярился маг. — Сказано — не могу!

Вытолкав посланника за дверь, он с грохотом ее захлопнул, и попытался взять себя в руки.

— Извините за задержку, — сказал маг Берте,

которая выглядела значительно спокойнее. Правда, у нее был меч…

— Ничего страшного, — откликнулась Большая Берта. — Я не тороплюсь. Ведь все идет нормально, правда?

— Разумеется, все идет по плану, — подтвердил маг и предпринял еще одну, шестую, попытку вернуть грудь законной владелице. Вот прочитана почти половина заклинания, пока никакой ошибки… Потом в голове мага раздался щелчок, означавший конец операции, и он бросил взгляд на Большую Берту. Та как раз опустила глаза, чтобы посмотреть на себя… и тут же подняла их снова.

Рот у мага открылся сам собой, но он так и не смог произнести ни слова. Берта смогла.

— Это не моя, — сказала она без всякого выражения. — Кажется, это Жильены.

Маг успел только удивиться, как Берта догадалась, что это не ее грудь. В следующую секунду крепкая рука сомкнулась на его шее, и маг почувствовал, что задыхается.

С тех пор как ослабевшее заклинание перестало скрывать его уродство, принц старался появляться на людях как можно реже. Но сегодня отец велел ему явиться в тронный зал, чтобы с

эскортом солдат отправить к магу для возобновления заклинаний.

Сгорбившись и шаркая ногами, принц подошел к трону. На нем был бархатный камзол с капюшоном, надвинутым на самые глаза. Длинные рукава скрывали шишковатые кисти рук и пальцы с потрескавшимися ногтями.

— Ну-ка выпрямись! — приказал отец.

— И не смей ходить по дворцу в капюшоне! — добавила мать. — Воспитанные принцы так себя не ведут.

— Маг говорит, что ничем не сможет помочь, — объявил гонец, входя в зал с другой стороны и с поклоном приближаясь к трону.

— Не сможет?! — в один голос воскликнули король и королева, удивленно уставившись на посланника. Потом Его Величество сделал супруге знак молчать и продолжал уже один:

— Как это — не сможет? Разве он не наш подданный?

— С вашего позволения, сир, маг занят, — объяснил посланец. — Во всяком случае, он так сказал. И еще он сообщил, что не станет ничего делать, даже если речь идет о персональном заклинании Вашего Величества от…

— Молчать! — рявкнул король и покраснел, как

свекла. На королеву он старался не смотреть. — Эй, стража! — обратился он к солдатам из эскорта принца. — Ступайте, арестуйте этого наглого колдуна и доставьте сюда.

Когда стражники прибыли к дому мага, тот был пуст. Войдя в незапертую дверь, солдаты оказались в лаборатории, где в беспорядке были разбросаны магические приспособления. На столе стояла таинственная черная коробочка, она негромко и монотонно гудела в тональности ми-минор. Один из солдат осторожно ткнул ее пальцем. Коробочка пронзительно взвизгнула и снова загудела, как лидийский рожок.

— Неисправимая ошибка, — услышали они чей-то злорадный голос прямо у себя над головами и поспешили покинуть лабораторию.

— Если вы ищете мага, — сказала проходившая по улице беззубая старуха, — то его увели наши воинственные леди.

Солдаты тревожно переглянулись. О том, чтобы ворваться в Дамский клуб и захватить мага силой, не могло быть и речи…

В особенности сейчас, потому что на пороге, небрежно опираясь плечом о косяк и безмятежно улыбаясь, стояла сама Софора Сегундифлора.

— Привет, ребята, — сказала Софора. — У вас к

нам какое-то дело?

— Вообще-то, нет… То есть да… Вернее, не совсем, — замялся сержант, но тут же взял себя в руки и добавил более внятно: — Нам сообщили, что пластический маг может быть здесь. Его зовет король.

— Боюсь, ничего не выйдет. Во всяком случае — сейчас. — Софора слегка пожала плечами и бросила многозначительный взгляд на дверь позади. Из клуба не доносилось ни звука, и сержанта прошиб холодный пот. По какой-то причине тишина казалась ему куда более зловещей, чем самые громкие крики и стоны.

— Гм-м… — сказал сержант и почесал в затылке.

Никто не спрашивал его мнения о новом налоге, и тем не менее оно у него имелось. Сержант считал, что любая вещь, способная разозлить Софору Сегундифлору и Мирабель Железный Кулак — плохая вещь. Лично он предпочитал не раздражать воительниц без нужды. С другой стороны, сегодня король тоже был не в духе, и сержанту очень не хотелось объяснять Его Величеству, почему маг не может немедленно явиться во дворец.

— Что-нибудь еще? — осведомилась Софора

официальным тоном.

Она выглядела слишком спокойной, чтобы сержант мог чувствовать себя уверенно: он-то видел ее в битве. Все его старые раны внезапно заныли, и вояка пожалел, что не ушел в отставку год назад. Какого же он свалял дурака, когда, прельстившись земельным наделом и коровой, подписал контракт еще на пять лет!

— Хотелось бы поговорить, — миролюбиво предложил сержант.

— Конечно, — кивнула воительница. — Разумеется.

Сержант знал, что Софора далеко не глупа. В казармах уже давно поговаривали о том, что она занимается на юридических курсах по переписке, а юрист, что ни говори, профессия почти цивилизованная. Сейчас сержант надеялся, что ее зловещее спокойствие объясняется желанием поупражняться в светских манерах.

— Только это не для чужих ушей, — предупредил он. — Дело в том, что наш наследный принц…

— Найджел? Этот уродец?

— Лицо у него, конечно, страшноватое, — согласился сержант.

Лояльному подданному Его Величества не

пристало, разумеется, говорить подобные вещи, однако не он один замечал, что внешностью принц пошел в дядю — королевского канцлер-казначея.

— Но вообще-то, Найдж неплохой парнишка, надо только узнать его получше, — поспешно добавил он.

— Допустим, — насмешливо согласилась Софора. — Ну и что дальше?

— Ты ведь знаешь, что на будущей неделе приезжает принцесса…

— Да, я что-то такое слышала.

— Так вот, к ее приезду принцу необходимо навести красоту, иначе помолвка расстроится.

— Хотела бы я знать, почему Его Величество тянул до последнего момента, — проговорила Софора, без особого, впрочем, интереса.

— Король считает, что некрасивое лицо способствует воспитанию характера, — сообщил сержант, понизив голос до конфиденциального шепота. — То есть если у принца будет достаточно сильная воля, то он сумеет как-нибудь перекантоваться, пока не станет по-настоящему взрослым. Ну а когда он сядет на престол вместо папаши, тогда его и заколдуют по-настоящему…

— Но сейчас, в связи с приездом принцессы,

Его Высочество срочно нуждается во временных косметических заклятьях, — закончила Софора. — Увы, мы бессильны ему помочь…

Не оборачиваясь, она пинком отворила дверь, и сержант увидел мага, слабо барахтавшегося в могучих руках Берты.

— Дело в том, сержант, — объяснила Софора, — что маг заключил с нами договор, согласно которому у нас есть право на первоочередное обслуживание. И, как видишь, этот ученик фокусника до сих пор не исполнил свои обязательства перед нами. Опять у него что-то не получается…

Прежде чем сержант нашел, что ответить, к дверям клуба подбежала молодая стройная девушка. Остановившись перед Софорой, она перевела дух и сказала:

— Я вернулась так быстро, как только смогла. Что случилось?

— Ты как раз вовремя, Жильена. У Берты возникли проблемы с нашим магом и с твоей…

Не договорив, Софора бросила на сержанта такой взгляд, от которого у него сразу заболела шея:

— Я вас не задерживаю, сержант, — добавила она. — Поверьте, я передам ваше сообщение магу, как только он освободится. Если освободится…

Сержант удалился от клуба на расстояние выстрела из пращи. Однако он никуда не ушел, предпочитая вернуться во дворец с какой-нибудь частью растерзанного мага (если до этого дойдет), нежели без мага вообще.

Он и его солдаты все еще торчали на перекрестке, когда из дверей клуба появилась группа воительниц. Они вели на аркане пленного мага, и лица их были суровы. Некоторые надели плоские мужские кирасы, остальные были в обычных платьях или туниках.

Сержант перестал грызть ногти и двинулся воительницам наперерез, сохраняя, впрочем, безопасную дистанцию.

— Эй, леди! — крикнул он. — Король приказал доставить мага! Он срочно нужен Его Величеству.

— Нам тоже, — откликнулась Софора. Ее улыбка заставила сержанта похолодеть, но воительница тотчас оскалилась, — очевидно, чтобы сбросить напряжение, — и сержант почувствовал себя значительно лучше.

— Можете пойти с нами, — милостиво разрешила Софора. — Мы хотим проверить, сумеет ли этот недоучка исправить свои ошибки. Ну а вы потом расскажете обо всем королю.

В лаборатории все оставалось по-прежнему. Тут и там были разбросаны какие-то непонятные предметы, о назначении которых сержант мог только гадать, а в воздухе витал запах сушеных трав.

— Кто-то трогал эту штуку! — воскликнул маг, указывая пальцем на небольшую черную коробочку в центре стола.

— Откуда ты знаешь? И кто бы это мог быть? — спросила Софора спокойно, но все воительницы дружно, как по команде, повернулись и посмотрели на злосчастных стражников.

— Нам потребовался маг, — попытался объяснить сержант. — Но его не было, и мы искали…

— Неисправимая ошибка, — снова сказал уже знакомый сержанту бесплотный голос.

— Нельзя ли сделать так, чтобы он заткнулся? — раздраженно бросила Софора.

— Нет. Во всяком случае, не теперь — не после того, как какой-то тупоголовый стражник хватал мое устройство своими медвежьими лапами! — огрызнулся маг, сдирая с шеи грубую волосяную петлю. В эти минуты он выглядел, как настоящий волшебник: брови встопорщены, волосы стоят дыбом. Вот маг потянулся посохом к аппарату. Раздался треск, посыпались голубые искры… и

Мирабель почувствовала, что ее волосы зашевелились.

— Система перегружена. На этот раз — действительно неисправимая ошибка.

— Пароль, — потребовал маг грозно.

— А-а… — медленно начал голос.

— Пароль пользователя. Ну?!

Не успела Мирабель спросить себя, что здесь происходит, как снова раздался треск, и из пустоты в подставленную ладонь мага посыпались крошечные блестящие буквы.

— Нет записи, — ехидно прокомментировал голос. Маг уставился на символы.

— Мне нужен «снимок» памяти, — сказал он наконец и добавил что-то, чего никто из присутствующих не понял. Слово, которое он произнес, звучало как самая настоящая абракадабра, но черный ящик на столе пронзительно завизжал.

— Не-е-е-е-е-е-т!

И снова прямо из воздуха на пол хлынул целый поток носов, ушей, пальцев рук и ног. Последней появилась пара ярко-алых чувственных губ.

— Ага! — выкрикнул маг с плохо скрываемым торжеством и добавил еще одно магическое заклинание. Тотчас же на столе рядом с черным ящиком появился ящичек поменьше. Не глядя ни

на кого, маг схватил его и поднес ко рту.

— Соедините меня с линией технической поддержки, — приказал он.

— Срочно!

Небольшой демон, поселившийся в черной коробочке, наслаждался, результатами выгодной сделки, которую он заключил с обитателями других секторов внепространственной Вселенной. Этот мир квантовой магии был непонятен большинству магов-практиков, что вполне устраивало демонов. Здесь ничего не портилось и не пропадало, а законы преобразовательной геометрии действовали подобно законам свободного рынка. Разумеется, было гораздо проще стянуть где-нибудь пару молочных желез, чем создавать новые из случайного материала. Будучи хорошо знакомы с законами вероятности, демоны давно подсчитали, что для удовлетворения всех запросов, поступающих в единицу времени, достаточно держать под рукой около одной пятой части находящихся на хранении органов. Сдавая остальные в аренду, демоны получали очень и очень неплохой доход.

— Я же ничего такого не сделал, честное слово! — взвыл демон, когда его неожиданно схватила возникшая из пустоты огромная чешуйчатая

лапа.

В окружавшем его тумане появилась пара глаз, горевших багровым огнем.

— Халтурщики!.. — раздалось презрительное ворчание, и маленький демон почувствовал, что окончательно и бесповоротно растворяется во вселенском неодобрении.

— Но устройство находится на гарантии! — настаивал маг.

— Хорошо. Высылаем новое хранилище, — отозвался голос.

— Но моя информация…

— Восстановлена полностью, — сказал голос. — Восстановлена и загружена. Пожалуйста, не кладите трубку и сообщите нам номер вашей кредитной карточки… Простите, ошибка в рабочей инструкции. Пожалуйста, не прерывайте коммуникативное заклинание и сообщите нам ваше подлинное имя.

Наклонившись вперед, маг что-то пробормотал, прикрывая рот рукой.

— Принято.

Груда пальцев и носов на полу пропала, а черный аппарат на столе загудел в ля-мажоре. Красный огонек на крышке сменился зеленым.

— Я первая, — сказала Берта, делая шаг впе-

ред. — Я хочу получить свою грудь обратно, а Жильена пусть забирает свою.

— Но принц… — заикнулся было сержант.

— Может подождать, — твердо закончила Берта.

Королевский бухгалтер нехотя брел по коридорам дворца вслед за канцлер-казначеем и жалел, что не может оказаться где-нибудь подальше отсюда. Канцлер уже высказал свое мнение, и в голове бухгалтера звенело от оплеух. Правда, бухгалтер был ни в чем не виноват. Контракт есть контракт. И все же ему было ясно, что коль скоро дело дошло до рукоприкладства, козлом отпущения будет отнюдь не канцлер, приходившийся родным братом Ее Величеству.

— Ну что там еще? — раздраженно буркнул король. Пожалуй, даже слишком раздраженно, и у несчастного бухгалтера сердце ушло в пятки.

— Небольшая проблема с бюджетом, сир. Обнаружен значительный перерасход по статье «Медицинское обслуживание военнослужащих».

— Перерасход? Но откуда? Ведь мы, кажется, ни с кем не воюем!

Король, несомненно, был вне себя, и бухгалтер со страхом поглядел на его большие, костлявые кулаки. Ну зачем, зачем он поддался на уговоры

родственников и пошел по финансовой части…

— Речь идет о пластической магии, которая оплачивается за счет средств фонда необходимых профиздержек. Налицо лавинообразный рост количества обращений с требованием о компенсации затрат.

Король наклонился вперед и впился взглядом в балансовый отчет, который развернул перед ним канцлер-казначей.

— О пластической магии? Но какое отношение это имеет к медицинскому обслуживанию моих солдат? И почему я должен что-то им компенсировать?

— Позвольте объяснить, сир. В царствование вашего высокочтимого отца был издан указ, согласно которому пластическая магия была включена в перечень бесплатных медицинских услуг, оказываемых воинам, получившим увечья на службе короне. Позднее некоторая сумма была выделена также на лечение заболеваний и травм небоевого происхождения.

Король оторвался от отчета и озадаченно посмотрел на канцлера.

— Что такое «обратимая редукционная маммопластика»? — неуверенно спросил он.

Канцлер, с видом человека, который при любых

обстоятельствах предпочитает называть женскую грудь «бюстом», пустился в пространные объяснения.

— Опять они!.. — Король приподнялся на троне и заорал во все горло: — Стража! Доставить сюда этих чертовых баб!..

Объяснять, кого хочет видеть король, ни бухгалтеру, ни кому-либо другому было не нужно.

— Ваше Величество, вы, несомненно, хотите, чтобы женщины королевства могли сами вскармливать собственных детей, — спокойно сказала Мирабель Железный Кулак, которая выглядела на редкость соблазнительно в тонкой праздничной тунике, выгодно подчеркивавшей высоту и упругость ее груди.

— Да, разумеется, но…

— Но вы не хотите платить лишние деньги за специальные женские доспехи, которые защищали бы эти нежные символы материнства от грубой стали, так?

Последние слова, неискренние и отдающие слащавой сентиментальностью, Мирабель взяла из проповеди личного духовника королевы, который не одобрял присутствия женщин в королевской армии. Поговаривали, что свою мирную профессию он избрал после инцидента с одной

воительницей, которая заставила его целый месяц говорить дискантом и грозила сделать заклинание перманентным.

— Да… То есть нет… Однако…

— Тогда, сир, боюсь, что вы не оставили нам никакой альтернативы. Только с помощью магии мы способны оставаться матерями и одновременно оберегать ваше королевство.

— Вы всегда можете уйти в отставку, — сварливо заметила королева.

Мирабель безмятежно улыбнулась:

— Простите, Ваше Величество, но если Его Величество вместо бухгалтерской отчетности заглянет в доклад своего главнокомандующего, то увидит, что армия вряд ли сможет обойтись без нас. — Она сделала небольшую, точно рассчитанную паузу и добавила: — А мы не сможем обойтись без нормальных доспехов.

— Но они стоят чересчур дорого! — вскричал король. — На ваших доспехах можно разориться, а ведь существуют и другие расходные статьи, которые… Кстати, кто составлял этот контракт? — строго спросил он.

— Позвольте, я попробую объяснить, — вмешалась Софора Сегундифлора, делая шаг вперед. Даже в платье она выглядела весьма и весьма

внушительно. — Покорные слуги Вашего Величества, мы вовсе не хотели огорчать вас, однако, как уже сказала Мирабель, выбора у нас не оставалось…

Король смерил ее мрачным взглядом, но перебить не решился.

— Мы только хотели исполнить наш долг, сир, — продолжала тем временем Софора Сегундифлора. — И не только долг по защите королевства, но и наш материнский долг. Откровенно говоря, если бы не новый налог, мы бы, наверное, еще долго оставались в неведении относительно преимуществ магического метода. Даже в нагрудниках мы часто получали болезненные и даже опасные раны, не говоря уже о неудобствах, которые мы испытывали, переодеваясь на глазах у мужчин во время очередной кампании. К счастью, теперь все это в прошлом и нашей способности самим вскармливать собственных детей ничто не угрожает. Мы можем оставить нашу грудь в безопасном месте и посвятить все свои силы и умение службе Вашему Величеству. Разве не приятно сознавать, что с твоим имуществом ничего не случится и что во внеслужебные часы ты легко можешь получить его назад в целости и сохранности?

— Так-то оно так, но… Кстати, как часто вы собираетесь, гм-м… проводить подобные нелепые операции?

— Только по мере необходимости, сир, — Софора Сегундифлора слегка улыбнулась. — Уверяю вас, мы все относимся к нашим обязанностям чрезвычайно серьезно. Ко всем обязанностям, сир.

— Вы сказали, все дело в налоге? — с надеждой спросил король и, вспомнив о родстве королевы с канцлер-казначеем, покосился в сторону Ее Величества.

— Если бы не он, нам бы и в голову не пришло, что это может быть так удобно, — подтвердила Софора. — Наверное, нам следовало бы поблагодарить вас за этот налог, сир. Правда, без закона о медицинском обеспечении военнослужащих проделывать подобные вещи было бы слишком накладно, однако…

— Так дальше продолжаться не может! — завопил король. — Вы слышали: не может!!! Вы не платите налог и тратите мои деньги на никому не нужные магические трюки. Если я буду расходовать на вас все, что есть в казне, система государственных финансов рухнет. Быть может, вам это неизвестно, но Его Высочество тоже нуж-

дается в услугах пластического мага, а ведь кроме этого существуют еще расходы на представительство, на финансирование государственных визитов…

— Гм-м… — Софора поглядела на Мирабель, ловко разыгрывая нерешительность. — Правда, этого нет ни в нашем договоре и вообще нигде, но… Мы, разумеется, весьма сочувствуем Его Высочеству и сожалеем, что он…

— Короче, женщина! — перебила королева. — Что ты хочешь сказать?

Софора удостоила Ее Величество одной из своих улыбок, и Мирабель не без злорадства отметила, как сильно побледнела королева.

— Я хочу сказать, что, покуда новый налог действует, мы ничего не можем изменить, — сказала Софора и слегка расправила могучие плечи, глядя куда-то за спину Его Величества. — Если он будет отменен, члены нашего клуба, возможно, согласятся вернуться к доспехам особой конструкции, хотя это не только неудобно, но и небезопасно. Однако в качестве услуги стране мы готовы на это пойти. — Она улыбнулась еще более сладкой улыбкой. — Впрочем, последнее слово, разумеется, останется за вами, сир.

— Ты хочешь сказать, что, если я отменю налог,

вы снова начнете носить доспехи, закрывающие ваши, гм-м…

— Бюсты, — подсказал канцлер-казначей, и король свирепо посмотрел на него, радуясь, что хоть на кого-то он может смотреть, как ему хочется, и при этом не опасаться за свою жизнь.

— Между прочим, новый налог был введен по рекомендации твоего казначейства, — сказал король и снова повернулся к Софоре: — Итак, если я отменю налог, вы перестанете прибегать к этим дорогостоящим магическим манипуляциям?

— Мы поставим этот вопрос на голосование, сир, но я почти уверена, что лояльность Вашему Величеству восторжествует над любыми эгоистическими мотивами.

— Вот и отлично! — воскликнул король и бросил предостерегающий взгляд в сторону королевы, которая недовольно заерзала на троне. — Ни слова! — предупредил он. — Я больше не желаю следовать советам твоих родственничков и терять на этом деньги. Все! Налог на доспехи для моих воительниц отменяется!

— Я соберу членов клуба немедленно, — пообещала Софора. — Думаю, вы можете не беспокоиться.

— Насчет этого — возможно, — проворчал ко-

роль. — Но дефицит бюджета остается.

— Ваше могущество! — Софора мотнула головой, и маг поспешно выступил вперед. — Сир, леди — члены клуба — изъявили желание помочь вам в осуществлении этого проекта. Говори… — Она махнула магу.

— Говори, — повторил король.

— Мои последние исследования, сир, позволили мне овладеть новыми магическими силами, которые могут принести немалую пользу стране. Речь идет о мультизадачном магическом интерфейсе, позволяющем управлять латеральными внепространственными…

— В комплекте с новым черным ящиком ему прислали несколько новых заклинаний. Бесплатно, — пояснила Софора, прежде чем терпение короля истощилось.

— Ну, не совсем бесплатно, — поспешно уточнил маг. — Однако новое магическое обеспечение…

— Новые заклинания, — поправила Софора.

— Я был бы рад, если бы мне позволили употребить их на благо государства в качестве доказательства моей преданности короне и лично Вашему Величеству…

— Найджел! — взревел король, и принц, пону-

рив голову, вышел на середину тронного зала.

— Действуй, маг, — сказал король. — Сейчас посмотрим, что он умеет…

Принцесса, ожидавшая в розовом саду, была так же прелестна, как на портрете, и Найджел едва мог поверить своему счастью. Ее красота, благородное изящество черт… при одном только взгляде на них его рука непроизвольно тянулась вверх, чтобы подкрутить густые черные усы. То, что сделал с ним маг, было настоящим чудом, и принца словно магнитом тянуло к любым отполированным или блестящим предметам, способным отражать его волевое и мужественное лицо.

В данный момент таким предметом были большие темные глаза принцессы.

— Даже не верится, что до сегодняшнего дня мы ни разу не встречались, — сказала Мерилиз. — Ваше лицо…

Ее тонкий белый палец легко коснулся его усов, и Найджелу показалось, что он сейчас упадет в обморок.

Софора Сегундифлора, внимательно наблюдавшая за влюбленными из угла сада, улыбнулась и подтолкнула локтем Мирабель, чье внимание то и дело возвращалось к ее собственному,

недавно выправленному носу. Мирабель откровенно скучала, но Софоре даже нравилось быть компаньонкой юной пары. Особенно теперь, когда ее грудь украшала толстая золотая цепь королевского канцлер-казначея. Предыдущий казначей сделал свое последнее признание как раз в тот день, когда маг пробовал свои новые заклинания на Его Высочестве. В результате на свет Божий выплыл некий секретный список, в котором были зафиксированы все сомнительные сделки, а также несколько случаев незаконного изъятия средств из государственной казны. Что ж, поделом вору и мука! Надо же было оказаться таким дураком, чтобы, присвоив государственные деньги, пытаться ^возместить недостачу за счет женщин-воительниц!..

Софора Сегундифлора тихонько вздохнула. Она очень надеялась, что маг не только улучшил внешность наследника престола, но и сделал что-то с его мозгами, поскольку родственники принца со стороны матери явно не отличались умом.

Но главным все же было то, что Клуб взаимной поддержки процветал и намерен был процветать и дальше. Многие старшие воительницы последовали примеру Софоры и активно изу-

чали право. Самые юные девочки-придворные, которые прежде не отходили от королевы, делая вид, будто прилежно вышивают, все чаще появлялись на плацу, где шли тренировочные бои. Даже Кристел взялась за ум и работала теперь не только языком.

Во всяком случае, именно она предложила присвоить дамскому Клубу взаимной поддержки название «Кираса».

Перевел с английского Владимир ГРИШЕЧКИН

Дэвид Брин

ЭТОТ ОГНЕННЫЙ ВЗГЛЯД

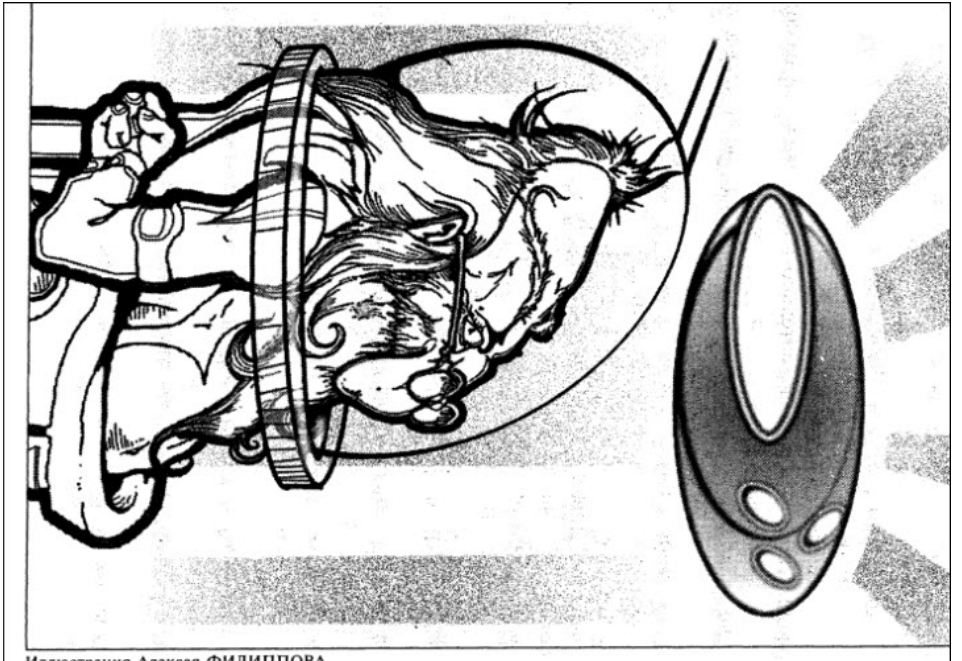


Иллюстрация Алексея ФИЛИППОВА

Так вы хотите поговорить о «летающих тарелках»? Этого-то я и боялся.

Черт возьми, и ведь такое случается всякий раз, когда мне выкручивают руки и заставляют нянчиться с вами, полуночниками. А Языкастый Ларри тем временем прохлаждается в Бимини, потому что ему, видите ли, очень нужно отдохнуть. По идее, я должен в течение двух недель отвечать на звонки по поводу астрономии и дальнего космоса. Знаете, кометы там разные, черные дыры? Но, похоже, в первую ночь нам просто необходимо поговорить об этих НЛО.

…Не стоит так волноваться, сэр… Да, я тот самый ученый сухарь, который сидит в башне из слоновой кости. Да, собираюсь душить все проявления нетрадиционного мышления. Как скажешь, приятель.

Если честно, я тоже мечтал о контакте с инопланетной формой жизни. Да я и сейчас участвую в программе… Вот именно, «Поиск внеземного разума», «СЕТИ»… Нет, это совсем не то же самое, что гоняться за НЛО! Лично я не верю, что Землю посещали хоть сколько-нибудь разумные существа…

Да, сэр. Полагаю, у вас целая гора подлинных случаев да парочка личных встреч. Угадал?

Наслушался я таких историй несколько лет назад, когда некоторые из нас пытались изучать данный «феномен». На каждый случай уходили недели, и всегда оказывалось, что это либо метеозонд, либо самолет, либо шаровая молния…

…Ах, вот как?! Нет уж, парень, я-то видел шаровую молнию. Очень хорошо рассмотрел. Шрам на носу и расплавленный бинокль могу предъявить в качестве доказательства. Так что не говори мне, что это миф, вроде твоих дурацких «летающих тарелок»!

Нынешней ночью мы начали свой труд в Англии, неподалеку от Эйвбери, с того, что принялись сплетать стебли желтой пшеницы в красивые, ровные кольца. Это приятная работа — играть с лассо из света над морем зерна. Круги получатся на славу. Люди увидят фотографии в утренних газетах и удивятся.

Наша ослепительная эфирная лодка парит над нами, купаясь в добром сиянии Матери Луны. На гладкую поверхность корабля нанесено сверкающее покрытие, которое не позволяет глазу смертного задержаться на нем.

Если нас увидят — это хорошо. Но не слишком.

— Каждое кольцо должно быть безупречным! — объявляет Фирфалькон. — Пусть ученые болтают

о «естественном феномене». После этой работы у нас прибавится верующих!

В старину его титуловали бы «королем». Но мы стремимся не отстать от меняющегося времени.

— Да, капитан! — кричим мы и спешим продолжить начатое.

Наш Слушатель взывает к нам со своего насеста:

— О нас говорят в земной радиопрограмме. Хотите послушать?

Мы выражаем согласие веселыми возгласами. Хотя мы ненавидим земную технологию, она нередко работает на нас.

Теперь по поводу вашего второго вопроса, мистер. Так ли уж сильно энтузиасты НЛО отличаются от нас, астрономов, которые при помощи телескопов ищут во Вселенной признаки жизни? И те, и другие стараются обнаружить нечеловеческий разум, нечеловеческие идеи, что-то странное и удивительное.

Но в вопросе о доказательствах мы расходимся. Наука учит, что нужно ожидать — и даже требовать — чего-то большего, чем «страшные тайны». Какой прок в головоломке, если ее нельзя решить?

Терпение — это замечательно, но я и впредь бу-

ду просить Вселенную, чтобы она имела смысл.

Юноша гонит машину быстрей, чем ему хотелось бы. Очертя голову проскакивает крутые повороты, чтобы произвести впечатление на девушку рядом с ним.

Ему не нужно так спешить: она готова. Она уже все решила, когда вечер только начинался. Сейчас она смеется, изображая беспечность, в то время как дорожные столбы проносятся мимо, а ее сердце учащенно бьется.

Автомобиль с откидным верхом карабкается в гору в опаловом свете Луны. Голое колено девушки трется о руку парня, отвлекая его от механизмов управления. Он кашляет, борясь с импульсом, который куда древней, чем его раса, и поворачивает руль. Как раз вовремя: у него были все шансы сверзиться с обрыва.

Я чувствую их возбуждение. Он наполовину ослеплен желанием. Она сгорает от нетерпения.

Они не замечают нашего приближения.

В уединенном местечке за скалой он жмет на тормоза и оборачивается к ней. Она игриво отстраняет его, стремясь разжечь пламя страсти. Ее замысел понятен.

Мы кружимся сзади, наслаждаясь образчиком столь простого и честного вожделения. Затем

наша лодка перелетает через скалу, делает круг и оказывается прямо под ними.

Мы включаем «мигалки», чтобы корабль предстал во всей своей красе.

И начинаем взлетать.

Никто не поверит их рассказу. Но этой ночью будет засеяно не только человеческое семя.

Вот высказывание, которое нам подойдет. «Отсутствие доказательств не есть доказательство отсутствия». То, что проект «СЕТИ» не зарегистрировал ни одного устойчивого сигнала с тех немногих звезд, на которые мы смотрим, не доказывает, что во Вселенной никто не живет.

…Да, конечно. То же самое относится и к НЛО, если вы настаиваете.

Но «СЕТИ» пытается найти источники радиоволн в обширной области космоса — поистине ищет иголку в стоге сена. Гораздо труднее объяснить, почему нет убедительных свидетельств присутствия на Земле «летающих тарелок». В конце концов, это маленькая планета. Если «чужие» гадят здесь столько времени, как говорят некоторые, не смешно ли, что они до сих пор не потеряли ни одного бесспорного инопланетного артефакта, который мы могли бы исследовать? Скажем, какой-нибудь марсианский эквивалент

бутылки из-под «Кока-колы»?

Мы летим над восточной Канадой, осуществляя основное патрулирование. Создаем в случайно выбранных зданиях краткосрочные, микроскопические сингулярности, которые проглатывают кошельки, ключи от машин, выполненные домашние задания. Тем временем некоторые из нас пробуют вторгаться в сны мужчин и женщин — кстати, последние более восприимчивы.

Гриффинлок слушает ток-шоу в качестве звукового фона для своей работы. Когда этот ученый тупица говорит об «инопланетных артефактах», мы смеемся.

Какая глупая мысль! Мы не делаем вещей ни из твердых, ни из упругих материалов! Бутылку из-под «Кока-колы» я и в руках не держал. Даже те человеческие детеныши, которых мы похищаем, чтобы воспитать как своих собственных, чувствуют боль от скрытого тепла в стекле и металле — субстанциях, рожденных в огне.

Люди построили свою гордую цивилизацию на подобных вещах. Но зачем, если у них есть мы? Может ли железо быть столь же заботливым? Мы имеем дело с другим теплом. Наше — воспламеняет сердца.

Да, да… Для тех из вас, кто не читает «Инкуай-

ер», поясняю: этот мистер интересуется моим мнением по поводу одной из самых знаменитых историй, связанных с НЛО, — о корабле, который, как предполагают, потерпел катастрофу в Нью-Мексико сразу после второй мировой. Вот уже сорок лет, как его обломки тайно исследуются на базе ВВС в Дейтоне, так?

И то сказать, разве от этой новости не забурлит кровь у честных граждан? Опять гадкое правительство скрывает от нас секреты!

Ну, допустим, у нас они есть — остатки этого супер-пупер-инопланетного разведчика с деформационным двигателем, корабля с Белибердана Одиннадцать. Почему же тогда из Огайо не валят валом технологии, о которых можно сказать, что они из дальнего космоса? Я не имею в виду сканеры в супермаркетах — их инопланетное происхождение вполне вероятно.

Да ладно, разве наш платежный баланс был бы в таком состоянии, как сейчас, если бы…

…Ах, вот как?! Все это было совершенно секретным? Хорошо, но возникает второй вопрос. Кто же, по-вашему, аккуратно возился с обломками целых четыре десятилетия?

…Правительственные инженеры? Угу. Ты вообще-то инженеров видел, приятель? Они не такие

безликие зануды, как в идиотских фильмах про секретных агентов. По крайней мере, в большинстве своем. Они нормальные американцы, вроде нас с вами. У них есть жены, мужья, дети.

Сколько же тысяч человек должно было работать с тем инопланетным кораблем с 1948-го? Представьте этих дуралеев на пенсии — как они играют в гольф, копаются в гараже, тратят деньги в Ротари-клубе… и все это время подавляют в себе стремление выболтать сенсацию века?

Бросьте, дружище. Лучше оставим эту хреновину об Ангаре 18 и вернемся к НЛО: здесь, по крайней мере, есть о чем поспорить!

Я страстно хочу спуститься вниз и продемонстрировать этому ученому из ток-шоу «доказательство». Я заставлю свернуться молоко на его пороге и нашлю на него ночные кошмары. Я перекрою доступ к коммунальным услугам. Я…

Я ничего этого не сделаю. Не хотелось бы увидеть, как золотой корабль испарится, точно роса летним утром. Нас слишком мало, и Фирфалькон велел, чтобы мы показывались только самым впечатлительным, чьи мозги все еще можно перестроить в старом духе.

Я поднимаю взгляд на бесплодную, покрытую кратерами поверхность Луны. Наше убежище,

приют изгнанников. Даже там они нашли нас, эти «новые люди». Облачко эктоплазмы — вот все, что осталось от наших братьев, которые попробовали напугать настырных исследователей. Тогда мы получили жестокий урок — убедились в том, что астронавты совсем не похожи на аргонавтов древности.

Их глаза горят безумным огнем скептицизма, и никто не может предстать перед ними.

Это профессор Джо Перес, сижу здесь вместо Языкастого Ларри. Вы в эфире.

Да? Вот как?.. Ну, друзья, похоже, наш следующий собеседник хочет поговорить о так называемых палеоконтактах. Согласен. Промоем косточки этим «богам» и их чудесным колесницам.

Говорят, они научили египтян строить пирамиды! И этого мало, черт побери! С их подачи мои собственные предки нацарапали на каменистом плато в Перу гигантские фигуры! Чтобы космические корабли могли отыскать посадочные площадки, верно? Да, все это вполне правдоподобно — пока не спросишь: зачем?

Ну зачем кому-то понадобились столь несуразные «посадочные площадки», если была возможность получить кое-что получше? Откры-

ли бы небольшой колледж да объяснили нашим предкам, как использовать цемент. Пара-тройка электронных классов — и мы смогли бы производить лампы накаливания и радары, чтобы сопровождать их «тарелки» через все препятствия — от дождя до стаи саранчи!

…Что-что? Они прилетали сюда, чтобы помочь нам? Ах, спасибо вам огромное, инопланетные боги! Спасибо, что не удосужились рассказать о смывных туалетах, о печатных станках, о демократии, о микробной природе болезней! Спасибо, что не вспомнили об экологии и позволили нам разрушить полпланеты, прежде чем мы наконец сообразили, куда катимся! Черт, да если бы нам хоть кто-то показал, как делать обычные стеклянные линзы, мы справились бы с остальным. Скольких бед, какого вопиющего невежества избежали бы мы!

Вы относите такие человеческие изобретения, как архитектура и поэзия, физика и милосердие, на счет инопланетян?.. Серьезно?.. Что ж, полагаю, вы оскорбляете наших несчастных праматерей и праотцев, которые ползали в грязи, преодолевая суеверия и дикость, чтобы много веков спустя их потомки сумели очистить свои помыслы и взглянуть Вселенной в глаза. Нет уж,

дружище. Если к нам и впрямь прилетали древние астронавты, мы ни черта им не должны!

…Куда? И тебя туда же, приятель… Да нет, забудь. С тобой я больше разговаривать не желаю. Можешь молиться на своих дурацких звездных богов, если хочешь. Следующий звонок, пожалуйста.

Хотя мы с трудом понимаем, как оно работает, это их изобретение пришлось нам по душе. Радио похоже на походный костер, возле которого так хорошо слушать невероятные истории.

Но сегодняшняя программа очень неприятна. Голос этого парня рассекает воздушные потоки — он острей стекла, а жжется сильнее, чем железо. Голос спрашивает, почему мы не научили их ничему полезному, когда человечество пребывало во младенчестве! Неблагодарный паршивец. Что значат какие-то линзы по сравнению с тем, что мы когда-то дали людям? По сравнению с яркостью впечатлений! Тайной! Ужасом! Если внушить простому сельскому бедняку, что ночь продлится сотню лет, будет ли ему дело до обычной чумы и мора?

Мы должны бороться с этим безумием, иначе «новое мышление» не позволит нам влиять на людей.

И они научатся полностью обходиться без нас.

Наш капитан чрезмерно осторожен. Я лечу в небольшой шлюпке и вижу одинокого путника на пустынной дороге. Мои огни ослепляют его, я принимаюсь плести узор из воображаемых путешествий в далекие миры. Он жадно впивается в «звездную карту», которую я ему показываю, и запоминает несколько банальностей, считая их секретами Вселенной. Необходимости в чем-то новом нет. Мы начали кормить своих верующих одной и той же пищей задолго до того, как появились эзотерические журналы, помогающие нам ее распространять.

Когда я улетаю, в его глазах отражается поклонение. Сегодня хорошая ночь: она полна старой магии. Как и всегда, я бросаю зеленому миру едва ли нужные ему загадки.

Мы справимся с этой чумой, которая отнимает у людей их прирожденные права. Мы утолим их тайный голод.

И наш тоже.

…Нет, мэм, все хорошо. Можно говорить об НЛО и дальше. Вечер все равно пропал.

Позвольте мне, однако, удивить вас. Как ученый я не отвергаю принципиальную возможность существования НЛО. Есть призрачный шанс, что

нечто странное все же имеет место. Может быть, и впрямь живут где-то непонятные создания, которые спускаются к нам, чтобы погрохотать дорожными указателями и вызвать падение напряжения в сети. Может быть, они похищают людей и катают их по космосу.

Но тогда почему ни один из тех, кто клянется, что встречался с пришельцами, — почему ни один из них до сих пор не предъявил нам ничего такого, что было бы безусловно истинным и чего земная наука пока еще не ведает?

Я присоединяюсь к главному кораблю, когда тот скользит по серебряной дорожке над планетой, которую мы когда-то называли Домом. Теперь она принадлежит шумному, бойкому, стремящемуся к какой-то цели человечеству. Если бы они знали, что эту цель давали их предкам мы! И дадим опять, если они позволят.

Позволят? Я стыжусь собственных мыслей. У червяков нет права позволять или не позволять!

Были времена, когда люди не смели поднять свой взор и дрожали от страха. Теперь поверхность ночной планеты сияет городскими огнями. Леса кишат туристами и натуралистами. Кажется, прошли века с тех пор, как мы получали весточки от наших кузенов из потаенных мест

Земли — с гор и из глубоких озер. Возможно, они прячутся от современного человеческого взгляда — или уже исчезли.

Это заставляет меня задуматься: найдется ли причина для того, чтобы люди снова стали нуждаться в нас?

Но есть и второе соображение касательно всех этих дел с НЛО; оно даже лучше первого.

Предположим, что некоторые из историй о контакте правдивы и являются «пробным шаром» маленьких серебряных человечков из космических кораблей. Мое мнение? Мы все еще можем управлять нашими отношениями с инопланетным разумом!

Посмотрите, что они творят! Пикируют на грузовики, пугают скот на фермах, вытаптывают посевы, похищают людей, чтобы втыкать им в мозг иголки… да разве разумные существа так поступают?

Я никогда еще не слышал такой трактовки.

Возможно, кто-то из них на подсознательном уровне недоволен нашей работой.

Но мы-то делаем ее ради собственного блага.

Хуже всего то, что если эти ребята из НЛО действительно существуют, они на контакт не пойдут!

…Что-что? Вы говорите, они боятся нас? Нас, едва добравшихся до нашей жалкой Луны и уже не пытающихся повторить это? По-вашему, именно мы наводим страх на звездных пришельцев?! Ну, конечно. А я, например, просто в ужасе от черепашек в зоопарке!

Но мы и вправду боимся вас, ученая ты голова. Ваши представления искажены. Я научил бы тебя. Однако стоит мне только попытаться, как ты сожжешь меня там, где увидишь.

Давайте рассуждать, мистер. Проведем эксперимент. Вы ведь считаете, что инопланетяне — большие умницы, верно?.. Если так, можно допустить, что они сейчас слышат мои слова. И не просто слышат, но и понимают их, поскольку подобные ловкачи наверняка уже в совершенстве владеют нашим языком, не правда ли?

Прекрасно. Тогда я ненадолго забуду о земной аудитории и обращусь к небесным слушателям.

Привет вам, маленькие зеленые человечки, ловящие мой голос в своих диковинных кораблях! Я собираюсь бросить вам вызов. Вылезайте из «летающих тарелок», потому что я намерен рассказать, где найти наиболее квалифицированных людей на планете по части первого контакта со звездными пришельцами. Это люди, у кото-

рых есть все нужные знания, репутация, связи в правительстве и которые вдобавок всю жизнь мечтали пообщаться с другими формами жизни.

Готовы? Хорошо. Прежде всего я хочу, чтобы вы позвонили во Всемирный космический фонд, Пасадена, штат Калифорния. Вы узнаете их номер в справочной, с которой можно связаться при помощи любого из наших спутников… вы ведь достаточно образованы, чтобы с этим справиться? Наши технологии — просто детская игрушка, верно? Но я подскажу: код 1-818, а номер справочной — 555-1212. Этот фонд — наряду с Планетным обществом — финансирует наиболее перспективные исследования в рамках программы «СЕТИ», и именно тогда, когда по милости нескольких сенаторов-популистов все федеральное финансирование программы прекращено. Исследователи «слушают» небо в ожидании сигнала от далекой инопланетной цивилизации. Кстати, обычно им не нравится, когда их работа ассоциируется с НЛО… Впрочем, они немедленно бросят все дела, если вы докажете, что действительно существуете.

Это очень важно — доказать. Так что тем землянам, которые меня сейчас слышат, не стоит беспокоить этих добрых людей… если только вы

не хотите присоединиться к фонду и помочь ему. К сожалению, наверняка найдутся придурки, которые все равно будут звонить, поскольку им кажется, что это очень умно и оригинально — выдавать себя за инопланетянина. А раз так — вот вам вторая часть моего плана. Я хочу, чтобы вы, серебряные человечки, позвонив, назвали себя, а потом кратко описали сотрудникам фонда, что именно вы продемонстрируете в небе. Завтра.

Ваши штучки должны быть видны из Пасадены, штат Калифорния, в десять утра и иметь явно инопланетное происхождение. К примеру, вы можете сделать один из лунных кратеров пурпурным или придумать что-нибудь столь же безвкусное.

Если вы сумеете выдать нечто воистину «чуждое», можете не сомневаться, что на следующий день мы будем с нетерпением ждать вашего второго звонка!

Какая наглость! Еще ни один из этих безумных людишек не обращался к нам с подобной развязностью!.. Наш гнев сказывается на работе. Половина стада гибнет, а другая половина в страшной панике. Наконец Фирфалькон приказывает остановиться. Мы смотрим вниз на результат наших усилий. Фермер, которому при-

надлежало стадо, не испугается, но разъярится.

Будь ты проклят, человек логики, человек науки! Случись это, когда мы были в силе, мы снесли бы башни, откуда идет твой голос. Твои спутники полетели бы вниз, как падающие звезды! И, конечно, мы заставили бы тебя умолкнуть.

Но такова уж наша природа — слушать, что о нас говорят другие. Такой она была всегда. Такой она и останется, пока существует наш вид.

Вот вам мой вызов, человечки с платиновым покрытием. Покажите что-нибудь убедительное в небе, а мои Друзья сделают остальное! «СЕТИ» организует посадочные поля, охрану, освещение в прессе, визы... Хотите встретиться с Папой Римским? С Далай-ламой? С Мадонной? Все, что пожелаете. Все, что угодно, для того, чтобы первый контакт стал приятным, необременительным опытом для вас.

Мы хотим быть гостеприимными хозяевами. Хотим стать друзьями. Показать вам город. Это самое щедрое предложение, на какое может рассчитывать честный гость.

Но что если никто не откликнется на мой вызов? Что это будет значить, коллеги?.. Э-хе-хе. Это означает одно: НЛО — миф!

С другой стороны, не исключено, что они су-

ществуют, но решили отклонить мое искреннее предложение.

В таком случае мы по меньшей мере можем утверждать, что они гнусные сукины дети, которым нравится устраивать беспорядок в наших головах. И все, что я могу сказать… Убирайтесь вон из нашего неба, мерзавцы! Оставьте нас в покое, а мы продолжим искать тех, с кем стоит вступить в контакт!

…Гм. И в эту минуту наш инженер Тед сигналит мне, что нужно сделать перерыв для проверки несущей частоты. Извини, Тед. Наверное, я должен убраться отсюда. Но в три часа ночи нас скорее слушают мозгляки из «летающих тарелок», чем Федеральная комиссия связи…

Наш Повелитель Снов, Сильфшанк, проинспектировал головы спящих. Он сообщает о женщине, которая задремала во время этой радиопрограммы. Пока ее разум открыт, Сильфшанк проецирует туда образ своего лица. И вот она уже просыпается, пораженная нежданной мыслью, и в волнении звонит на станцию.

Чудесно! Это должно сразить самоуверенного ученого. Возможно, когда она закончит, мы повторим попытку, снова и снова, до тех пор, пока он не сдастся.

Мы движемся в сторону Калифорнии: там живут наши лучшие друзья и злейшие враги. Один из «подменышей» (тех, кто родился человеком) использует похищенный ацетиленовый факел, чтобы выжечь отметины от «ракетных приземлений» на плато близ Сан-Диего. Наши преданные поклонники освятили это место своей верой. Мы часто вознаграждаем их при помощи подобных знаков.

Наша невесомая, как мысль, лодка плывет над густым кустарником. В старину ее сверкающий корпус не ведал преград, а сегодня мы вынуждены охранять его от испепеляющих глаз.

Итак, мы снова в строю. Это профессор Джо Перес, работаю вместо Языкастого Ларри, которому очень нужно отдохнуть от вас, полуночников. Хотите поговорить об астрономии? О «черных дырах»? О Вселенной? Тогда я ваш. Послушаем следующий звонок.

Да, мэм?.. О, черт, я думал, мы исчерпали эту тему…

Как?.. Гм. Теперь, после ваших слов, вещи предстают несколько в ином свете. Действительно странно, что внешний облик пришельцев так часто описывается вполне определенным образом. Гладкие, изогнутые лбы.

Большие глаза. Длинные переплетающиеся пальцы.

Одно это должно было показаться знакомым. И не забудем об их поведении: бесконечные шуточки, навязчивая мистика, неспособность честно посмотреть человеку в глаза…

Да, мэм. По-моему, вы на что-то наткнулись. В «тарелках» сидят эльфы!

Наша эфирная лодка сотрясается. Голос звучит сильнее, чем прежде; он мешает сосредоточиться.

Четверо подростков подняли лица к небу и моргают, завороженные светом. Мы поймали их в ловушку, но безумие этого проклятого голоса ослабило нашу хватку. Гриффинлок обеспокоен:

— Мы не справимся со столькими сразу!

— Нас смутил голос, — отвечает Фирфалькон, — позаботься о…

— Один просыпается! — кричу я.

На трех лицах все еще отражается экстаз, они горят готовностью поверить. Но четвертое — лицо долговязой девушки — светится по-другому. Она пробует проснуться, ее глаза сужены, а губы шевелятся. Проникнув в ее разум, я чувствую, что она старается стряхнуть с себя наваждение.

«Что я разглядываю?.. Почему эта штука кажет-

ся прозрачной, как будто на самом деле ее нет?..»

— Бежим! — вопит Фирфалькон, но смертоносный взгляд девушки ослепляет нас.

Уже поздно, но давайте все же обсудим слова дамы и поглядим, что получится.

Давным-давно, если верить легендам, в нашем мире жили эльфы, гномы и тролли… все эти колоритные создания, которыми наши предки пугали своих детей, чтобы те не ходили в лес.

Моя жена — антрополог, и она собрала по всему миру массу таких историй. Большинство из них увлекательны, динамичны, даже вдохновляют. Но через некоторое время вы начинаете замечать: очень немногих из этих волшебных персонажей, разных там пикси и духов, вы хотели бы видеть своими соседями! Существа из сказок редко бывают прекрасными, обычно они мелочны, вздорны, таинственны и вовсе не горят желанием поделиться знаниями с несчастными людьми. И всегда-то о них говорят, что живут они в глуши, на рубеже неведомого. В старые времена это означало: там, куда не падает свет от огня.

Затем начались перемены. Человечество раздвигало световой круг, а диковинные твари отступали. Йети, эльфы и чудовища из озер. Они неизменно были там, где кончался свет факелов.

Потом — ламп. Теперь они — за пределами досягаемости сонаров и аэрофотосъемки…

Может, причина в том, что это всегда был лишь плод нашей буйной фантазии? Или бред, который спасал нас от осознания того, насколько ужасны реальные звери, населявшие планету?

Хотя есть и более приятная версия.

Представим, что такие создания некогда действительно существовали и вели себя подобно пресловутым эльфам. Но в какой-то момент мы начали освобождаться от них, побеждая невежество, завоевывая право самостоятельно распоряжаться своей жизнью…

Частицы разбитой лодки, мы летим в разные стороны и окликаем друг друга через пространство.

Мы, выжившие.

Теперь те подростки протирают глаза; они уже убеждены, что мы были галлюцинацией. Так обычно и случается после того, как люди посмотрят на нас со скептицизмом. И вот мы летим, как осенние листья, как клочки чьих-то мыслей.

Возможно, ветры мира соберут кого-то из нас вместе, и это станет новым началом. Я же могу лишь вспоминать.

Какое-то время назад мы решили покончить

с чумой рациональности. Мы выкрали человеческих детей и отвезли их на южный остров. Затем вернулись и создали немало «инцидентов» и фальшивых тревог на экранах радаров: мы пытались развязать ту, последнюю войну. «Пусть их безумный гений сгорит в собственном огне!» — думали мы. Ведь раньше спровоцировать войну между людьми было так легко.

Однако на сей раз все вышло по-другому. Может, из-за нового мышления, а может, они почувствовали бездонную пропасть. Но война не разгорелась. Мы были раздавлены.

Нам пришлось так тяжело, что мы забыли об острове. А когда вспомнили, все дети уже были мертвы.

Какие хилые существа — люди.

Как они смогли стать такими сильными?

Темнота рассеивается, и поднялся ветер. Пусть наша история с привидениями дойдет до своего естественного финала.

Мы говорили о том, что волшебные существа всегда мелькали где-то за границей света, куда уже не проникал человеческий взгляд. Сегодня Земля исследована довольно хорошо, а в тех немногих легендах, что пока еще не утратили смысл, упоминаются арктические пустыни, мор-

ские глубины и… космос.

Словно бы этих вымирающих созданий влечет к нам, и в то же время они нас боятся.

Не могу поверить, что их пугает наше оружие… видели вы когда-нибудь охотника, который принес домой эльфа в качестве добычи?

Хотя есть одна мысль… а вдруг причина в том, что изменились мы сами? А что если современные люди способны убивать этих существ одним своим приближением?

…Вы смеетесь? Хорошо. Но вспомним о бойскаутах, которые заглядывают в самые темные уголки леса, куда их суеверные предки боялись и сунуться. Задумаемся, зачем им это нужно?

Не исключено, что тут простое любопытство.

Или же… или же они преследуют естественных врагов нашего вида! Вот почему мы рыщем по всей планете в поисках йети и Несси. Вот почему мы словно вытолкнуты в космос!

Может, какая-то часть нашего сознания помнит, как с нами обращались эти сказочные персонажи. И на самом-то деле мы просто желаем отомстить!

Чудовища. Нас выгнали с собственной планеты гадкие чудовища со скучными глазами.

Эксперимент вышел из-под контроля.

Как жаль, что мы когда-то их создали!

Однако хорошего понемножку, девочки и мальчики. Как вы их ни называйте — эльфами или инопланетянами, существуют они или это еще один удивительный сон, который нам приснился, лично я больше не вижу смысла тратить на них наше время.

Завтра мы поговорим о более интересных вещах. О Большом Взрыве, о нейтронных звездах, о нашем месте во Вселенной и поисках реального инопланетного разума.

А пока всем спокойной ночи. И с добрым утром!

Перевел с английского Александр РОЙФЕ

Юлий Буркин, Константин Фадеев

ИСКОВЕРКАННЫЙ МИР

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

1.

Проклятые комары! Их тоненькое зудение стирает сон с твоего сознания, как резинка — рисунок карандаша, оставляя лишь грязноватый след — неглубокую душную дрему… Переворачиваясь с боку на бок, Дмитрий подивился, что у него еще хватает сил на художественные образы.

Он откинул волглое — то ли от пота, то ли от сырости в воздухе — одеяло и свесил ноги с кровати. Откуда эти насекомые берутся в таком большом городе? Положительно, до большевиков комары в Питере не водились.

Прошлепал к окну. Свежее дуновение приятно лизнуло влажную кожу. Однако форточку, несмотря на духоту в комнате, придется закрыть. Затем перебить комаров.

Он сделал несколько глотков ночного невского воздуха. Затем захлопнул форточку, чуть не уронив с подоконника горшочек с алоэ, и улегся. «З-з-з», — сказала полутьма. А еще через мгновение Дмитрий почувствовал легкий укол в плечо и шлепнул по этому месту ладонью. Внезапно Дмитрий осознал, что ненавидит комаров не только и не столько за то, что они его кусают, а за то, что у них есть выбор: умереть или насы-

титься. У него такого выбора нет. Черт возьми, он голоден! Он хочет съесть хоть что-нибудь! Он готов, как комар, добывать себе пищу с риском для жизни… но у него нет такой возможности. И ему придется терпеть до утра, когда в столовой музея ему в обмен на продовольственные карточки дадут кусок хлеба, пару картофелин и тарелку щей или супа из конины… А сейчас у него нет ни единой крошечки съестного. Он это точно знает. Он все обшарил еще с вечера. Раньше этим занимались тараканы, но вот уже полгода, как они, изголодавшись, сами покинули квартиру.

Дмитрий прикрыл глаза и, ведя равномерный усыпляющий счет, постарался внушить себе, что голод… раз… на самом деле… два… чувство приятное. Три. Многие нынешние медики… четыре… утверждают… пять… что именно голодание… шесть… очищает организм… семь… от различных ненужных ему веществ… восемь… рассасывает жиры… девять… приносит свежесть и здоровье. Десять. Чревоугодие же… одиннадцать… напротив… двенадцать… приводит к болезням, одряхлению и ожирению. Тринадцать…

Голый, неимоверно тучный человек сидит на табурете. Его живот отвис уже почти до пола. Он ест, точнее, жрет, и крошки, а то и целые куски

пищи падают у него изо рта. Он уже давно сыт, но два человека, облаченные в черные одеяния, силком продолжают пичкать его кусками индейки, сыра, хлеба, овощами, сластями, поить вином… На лице бедняги поблескивают дорожки от высохшего пота, он затравленно поглядывает на монахов…

Его тошнит. Он отрыгивает съеденное прямо перед собой, надеясь, что больше ему есть не придется. Но тут же один из монахов колет его в ягодицу ножом, и толстяк с воем принимается за очередную порцию…

«Пора!» — произносит кто-то.

Дмитрий вздрагивает и просыпается.

Какое удивительно реалистичное сновидение. Как омерзителен толстяк, и как жестоки его мучители… Голод несколько притупился. А вот сон пропал. Плохо: завтра предстоит нелегкий день.

Дмитрий встал и, чиркнув спичкой, зажег свечу. Пошарив рукой под кроватью, вытащил потрепанную книгу… Еще бы не потрепанную. Именно этого «Дон Кихота» читала ему гувернантка… Он открыл том наугад и погрузился в чтение… Испытанный способ… Через пять страниц Дмитрий прилег, положил книгу на пол, подсвечник — рядом с ней и читал, положив

подбородок на край постели… Еще через две страницы он поймал себя на том, что уже не читает, а грезит. Дмитрий задул свечу.

Он окунулся во тьму, но глаза сразу привыкли к ней, и взгляд его полз сначала по срезу дощатых перекрытий, затем по кирпичной кладке фундамента… Потом долго, очень долго он двигался вниз, через почвенные слои… И вдруг вынырнул в каком-то подземном помещении — коридоре, освещенном тусклыми факелами.

Но даже огонь факелов здесь был мертвен, словно имел разум и понимал, что истинная власть тут, что бы ни случилось, навечно и безраздельно принадлежит Тьме.

Шаги! Некротическая атмосфера коридора не угнетала человека, облаченного в мантию из черного бархата. На голове его красовалась небольшая лиловая шапочка-феска. Человек этот двигался по коридору во главе небольшой, но зловещей процессии, и на его бледном, не лишенном обаяния лице блуждала усмешка. И она становилась шире, когда за его спиной раздавались всхлипывания, повизгивания и причитания.

Это вскрикивал тот самый, неимоверно толстый и насмерть перепуганный, человек, которого Дмитрий видел в прошлом сне. Только на

сей раз он был одет в белоснежную рубаху до колен. А монахи силой волокли его вперед, держа под руки.

В глазах толстяка застыл ужас, лица же монахов были скрыты капюшонами. Третий монах завершал процессию, то и дело подгоняя толстяка легкими тычками кинжала в раскормленную задницу.

Только сейчас Дмитрий обнаружил, что не имеет тела. Он лишь видит и слышит, но ему нечем прикоснуться к чему-либо. Странно: Дмитрий ничуть не испугался своего открытия…

Толстяк и его конвоиры поравнялись с массивной распахнутой настежь дверью, переступили невысокий порог, и взору Дмитрия открылся просторный полутемный зал, оглашаемый звуками ударов и чьими-то стонами.

Заслышав их, толстяк покрылся потом, задрожал и суетливо огляделся.

— О, синьор Перуцци! — воскликнул он при виде расставленных по залу уродливых и устрашающих орудий пыток. — Зачем вы привели меня сюда?! Что вы собираетесь делать?! Я всегда был набожен, никогда не жульничал, никогда не обманывал служителей Ордена! Колбасы, рулеты, окорока… я продавал их вам по самым

умеренным ценам!..

Шагавший впереди остановился и обернулся.

— Набожен? — переспросил он, опалив несчастного свирепым голубым огнем. — Что ж, помолись своему Богу и на этот раз. Уж тут-то он тебе обязательно поможет.

Слова его были полны сарказма, и монахи не преминули откликнуться язвительным хохотом. После чего под аккомпанемент жалобных подвываний толстяка процессия двинулась вниз по лестнице.

И вот уже стал виден тот, кто испытывал сейчас не только страх, но и физические муки.

Двое палачей-монахов размеренно опускали свои плети на мускулистую спину человека, привязанного к распятию.

Дмитрий обнаружил, что не только видит и слышит, но и знает откуда-то, что зовут этого несчастного Ладжози, и что эта экзекуция не первая, которую он выдержал. Хотя об этом можно было и догадаться — по тому, что вперемежку со свежими кровоподтеками его белесая, давно не знавшая солнца спина была испещрена паутиной старых, посиневших рубцов…

Палач взмахнул плетью в очередной раз, но тот, кого перепуганный жирный мясник назвал

«синьор Перуцци», поднял руку, и удара не последовало. Рефлекторно напрягшийся и втянувший было голову в плечи узник расслабился. Повиснув на руках, он попытался оглянуться.

— Ну? — лаконично спросил Перуцци.

— Это вы… — прохрипел несчастный. — Чего ж вам еще?.. Я ведь дал свое неправедное согласие!.. Я предал свое слово! Вы не добились бы этого пытками, но ваша угроза расправиться с Бьянкой и ее бедным отцом… — голос Ладжози сорвался, и он замолчал. Затем продолжил спокойнее: — Я согласился. Отчего же эти исчадия ада снова бьют меня?!

— Чтобы укрепить вас в этом решении. — Перуцци опустил руку.

— Отвяжите его.

Минуту спустя несчастный рухнул на пол у его ног.

— Встаньте, — приказал Перуцци.

Узник, мужчина средних лет, пошатываясь, поднялся на ноги.

— Синьор Ладжози!.. — выпучив глаза, прошептал толстяк, узнав пленника. — Так вы живы?! А говорили…

Но очередной болезненный укол кинжала в седалище заставил его охнуть и замолкнуть. С

трудом ворочая руками, узник убрал с глаз прядь давно не стриженных, спутанных волос и смерил своего мучителя почти дерзким взглядом.

— Итак, маэстро Ладжози, вы готовы? — скорее утверждающе, чем вопросительно произнес Перуцци.

— Да. Да, дьявол бы вас побрал!

— Спасибо за хлопоты, — криво усмехнулся Перуцци. — Дьявол обязательно прислушается и последует вашему совету.

Монахи вновь загоготали, а синьор Перуцци, поправив на голове феску, приказал палачам:

— Поставьте мольберт сюда. А ты, — кивнул он одному из монахов, — достань ошейник и посади досточтимого синьора Ладжози на цепь, подобно псу. Но смотри, чтобы он не издох от удушья. Ты же, — обернулся Перуцци к толстяку, — готовь свою душу. Скоро она отправится в преисподнюю, чтобы встретиться там с господином нашим. Передай ему наше почтение…

Мясник жалобно хлопал глазами и кусал губы, все еще надеясь на пощаду. Но монах с кинжалом вышел из-за его спины, и толстяк, узрев устрашающих размеров лезвие, сипло взвизгнул…

Ладжози без сил опустился на колени. Дмитрий увидел, как монах, в руке которого был кинжал,

быстрым движением вспорол тонкий белый шелк рубахи толстяка и обнаружил бледное, непомерных размеров уродливое брюхо. Толстяк побелел, поперхнулся и перестал визжать. Глаза его округлились, напряженно следя за тем, как кинжал переходит из рук монаха к Перуцци.

Те двое, что минуту назад водворили перед художником мольберт с холстом, теперь затянули мрачную песнь, точнее — заклинание, на странном, словно бы лающем языке. Перуцци поднял нож высоко над головой и обрушил его на лоснящийся бурдюк живота. Заунывная песня перешла в истерические выкрики. Толстяк дернулся и с удивленным выражением лица повис на руках своих мучителей. Перуцци вытащил кинжал. Брызнула кровь и багряными пятнами расплылась по белоснежным лохмотьям.

Перуцци вернул кинжал монаху и повелительно кивнул Ладжози:

— Приступайте.

Тот не шелохнулся. Один из монахов рванул цепь ошейника. Звеня металлом, художник шагнул к холодеющему трупу.

Дмитрий будто слился с Ладжози, он чувствовал, как в душе того борются жалость и презрение, сострадание и брезгливость. Но у него не было

выбора.

В правой руке он сжимал кисть, левая была занята палитрой. Отведя взгляд от стекленеющих глаз толстяка, он макнул кисть в его рану, смешал кровь с красками на палитре и сделал первый мазок на холсте.

Проснувшись от собственного испуганного вскрика, Дмитрий сел на кровати и перевел дыхание. Что за отвратительный сон! Он потер ладонями помятое лицо. Эта ночь не принесла ему отдыха. Но на работу идти все-таки надо. Кроме того, поесть можно только там.

Он выбрал из своего небогатого гардероба почти свежую рубашку, обулся и осмотрел отражение в зеркале. Волосы торчали в разные стороны, помыть бы голову… Но котельная не работала уже полгода, кочегары боролись с мировой буржуазией, и Дмитрий, лишь смочив волосы и кое-как расчесав их, вышел из квартиры.

Середина апреля не самое подходящее время для прогулок в одной рубашке, но вчера днем было уже достаточно тепло, и от канала Грибоедова до Эрмитажа он решил добежать, надеясь, что прохлада придаст ему свежести.

У служебного входа стояли два красноармейца.

— Здравствуйте, товарищ, — обратился к Дмит-

рию невысокий круглолицый солдат, голова которого была острижена так неровно, будто волосы объели мыши. — Папироской не богаты?

— Не курю, — развел руками Дмитрий.

— Вот и правильно, — разочарованно крякнув, сказал солдат. — Курить вредно. Однако без табаку-то нашему брату и вовсе хана, — добавил он, подмигнув.

Его перебил второй красноармеец:

— А вы, товарищ, не знаете ли, где нам товарища Кутепова найти? — говорил он таким тоном, словно за что-то извинялся. Был солдат предельно худ, лицо его было рябым и имело болезненный цвет. А глаза… Дмитрий пригляделся. Где-то совсем недавно он уже видел такие затравленные глаза… Во сне?

— Кутепова? — повторил Дмитрий, силясь сообразить, о чем идет речь. — Ах да, — отогнал он от себя видение, — это же наш завхоз. Пойдемте, я провожу вас.

— Ой, спасибо, — затараторил первый красноармеец, семеня за Дмитрием. — А вы сами-то кем будете?

— Я реставратор.

— А-а, — многозначительно протянул солдат. — Слыхали. А занимаетесь чем? Случаем, не вожак

комсомольской ячейки?

— Чего пристал к человеку? — одернул товарища худой. — Может, не до нас ему?

— Нет, отчего же? — возразил Дмитрий из вежливости. Они в этот момент как раз подошли к двери с табличкой *Тов. Кутепов. Зав. ХЧ.*

— Вы, кстати, по какому вопросу к нам?

— По вопросу культуры. Открыли у нас в части клуб, а культуры никакой и нету. Да и какая без баб культура? Мужику-то она, культура эта, плохо дается… А ежели бы в клубе картин понавесить, то и без баб можно.

— Но это очень дорогие картины, — машинально произнес Дмитрий, думая как раз о том, что с новой власти все может статься: отдадут в солдатские клубы подлинники Рембрандта и не почешутся.

— А хоть бы и дорогие, — встрял худощавый неожиданно воинственно. — Мы для того, что ли, кровь проливали, чтобы для нас буржуйские картины жалели?

Сознавая бессмысленность назревающей дискуссии, Дмитрий подбирал слова, которые помогли бы ему спокойно распрощаться с непрошеными спутниками, но как раз в этот момент дверь завхоза отворилась, из кабинета пахнуло

густым махорочным дымом, и раздался голос Кутепова:

— Верно гуторите, товарищи солдаты. Не пожалеем. Приходите, смотрите.

Бывший боевой комиссар, завхоз Кутепов заржал, довольный своей шуткой, а Дмитрий, ретировавшись, направился в подвал, где располагалась его мастерская и, что его радовало сейчас куда сильнее, небольшая, но уютная столовая. Настроение от сознания этого факта поднялось до игривости.

— Слыхали? — заявил он с порога, чувствуя аппетитный запах кислых щей. — Эрмитаж закрывают! Кутепову поручено поделить экспонаты между красноармейскими клубами.

Народ в столовой загалдел, а Дмитрий, довольный произведенным эффектом, встал в очередь и полез в задний карман брюк за продовольственными карточками.

Покончив с завтраком, он направился в мастерскую. Тут царил так называемый «рабочий беспорядок», но Дмитрий точно знал, где что лежит. Он склонился над испещренной мелкими трещинками старославянской иконой и вскоре, забыв обо всем на свете, целиком ушел в кропотливую работу.

Заглянула Аннушка:

— Здравствуй, Полянов.

— Здравствуй, — вздрогнув, ответил он. — Ты меня напугала… Я вообще сегодня какой-то дерганый. И ночью снился кошмар…

— А мне снился, — не дослушав, присела на стул рядом Аннушка, — очень хороший сон. Но потом я поняла, что сон этот очень грустный. Мне снилось, что все у нас по-старому. Так, как было… Будто бы жива мама, а папа здоров и весел. Мы пьем чай с пирожными. Дуняша, как юла, носится из гостиной на кухню и обратно, и всем нам тепло и уютно. Но самое главное, я посмотрела в окно, а там, на веранде — фиалки. Ты помнишь наши фиалки?

— Еще бы. Семена твой отец привозил…

— Кстати, Полянов, — прервала она, — что за глупость ты сморозил в столовой?

— А почему так официально — «Полянов»?

— Чтобы привыкал. Если ты не будешь помнить об осторожности, скоро тебя будут называть именно так. И еще добавлять «гражданин». Не «товарищ», заметь…

Когда Аннушка появилась в мастерской вновь, в конце дня, она была так встревожена, что голос ее срывался:

— Митя, я так и знала… — и она протянула ему сложенный вдвое листок бумаги.

С недоумением взяв его, Дмитрий пробежал глазами по строчкам текста, выполненного на ундервудовской печатной машинке, и поднял удивленный взгляд:

— В ОГПУ?.. — голос его прозвучал предательски глухо, словно он действительно знает за собой какое-то преступление.

Аннушка взволнованно зашептала:

— Все уже знают… Они все боялись нести его тебе… Елисеев собрался даже устраивать партийное собрание… Что же ты все-таки сморозил в столовой?

— Я думаю, это недоразумение, — неуверенно сказал Дмитрий, поднимаясь, — все обойдется… Возможно, я вызван как свидетель.

— Свидетель чего?

— Ну, мало ли… — протянул он неубедительно, и Аннушка не удержалась от горькой улыбки. — Всякое бывает…

Как ни пытался Дмитрий отговорить Аннушку, она проводила его до самого здания ОГПУ и осталась ждать возле крыльца. Показав на входе повестку дежурному, Дмитрий двинулся в указанном ему направлении к широкой лестнице,

по которой исконно хаживали, главным образом, «хозяева жизни». Прежде — графы и князья, нынче — те, «кто был ничем, а стал совсем»…

«Виновен… виновен», — нарушая грозную тишину помещения, противно скрипнули перила, когда Дмитрий, в один миг обессилев, тяжело на них оперся и сделал первые шаги вверх по ступеням. Услышав этот звук, он отдернул руку.

Постучав и войдя в скупо обставленный кабинет комиссара ОГПУ, он осторожно огляделся. Над сейфом с крашеными облупившимися боками он увидел портрет Дзержинского и, встретившись с ним взглядом, невольно отвел глаза. Взгляд Дзержинского был таким, словно он мог моментально определить, сколько тебе нужно всыпать плетей, чтобы ты стал мил и послушен.

Комиссар, человек без возраста и с внешностью, ускользающей от внимания, сидел за столом, заваленным пухлыми папками и отдельными пожелтевшими бумагами. Посмотрев сквозь Дмитрия, он взял со стола одну из папок и положил перед собой. Затем, продув папиросу «Герцеговина флор» и скорбно покачав головой, произнес так, будто бы ни к кому конкретно не обращался, а готовился к выступлению на сцене:

— Полянов, значит… — закурив, комиссар при-

нялся перелистывать страницы папки. — Ну-ну. Излагайте.

— Что излагать? — растерялся Дмитрий, чувствуя, как страх в его душе сменяется раздражением.

— Вам виднее, — заметил комиссар, так и не оторвав взгляда от записей.

«Да что он, в самом деле?! — разозлился Дмитрий. — В кошки-мышки играет?»

Комиссар молчал. И тогда Дмитрий, не выдержав затянувшейся паузы, выпалил:

— Я не понимаю, в чем, собственно, дело. Да, мой отец — дворянин, но я даже не помню его. С родственниками в Германии я никаких контактов не имею! Я честно работаю на своем месте, и мое отношение к нынешнему режиму не мешает мне выполнять свой долг.

Комиссар наконец-то поднял на Дмитрия бесцветные глаза и посмотрел на него с нескрываемым интересом…

— Складно говорите… — пуская дым носом, произнес он. — Вы-то нам и нужны…

— Наконец-то! — все более распалялся Дмитрий. — Впервые кому-то нужен! Что, не привыкли?! А мне скрывать нечего! Да, я имел неосторожность публично высказаться, якобы Эрмитаж

закроют, а картины раздадут солдатне. — (Комиссар поднял брови так, словно услышанное явилось для него приятным сюрпризом.) — Но это шутка! Понимаете, шутка?!

Дмитрий осекся. Сердце бешено колотилось, в висках стучало, и колени подрагивали. Комиссар сплюнул в мусорную корзину подле стола и туда же стряхнул g папиросы столбик пепла.

— Да-а… — протянул он. — А мы-то собирались отправить вас в заграничную командировку… Но с таким-то гонором вас дальше Соловков не пропустят.

Дмитрий ошеломленно молчал. Услышав слово «Соловки», он вздрогнул и хотел что-то сказать, но только обреченно махнул рукой и наконец все-таки сел: ноги окончательно отказались держать тело в вертикальном положении. Комиссар то ли откашлялся, то ли просмеялся, прикрывая ладонью рот, а затем, пустив струю табачного дыма прямо в лицо Дмитрию, продолжил:

— Но не все так трагично, товарищ… Если бы вы были, к примеру, членом ВКПб… — Он затушил сигарету. — Я настоятельно рекомендую вам стать членом ВКПб. Без этого сегодня трудно выехать ТУДА. — Сказав это, он почему-то махнул рукой в сторону сейфа. — На вас пришел запрос

из Румынии. В поместье некоего графа Влады найдена древняя картина, и именно вас, как ведущего специалиста в своей области, рекомендовали хозяину европейские эксперты. За ваш труд буржуи готовы платить золотом, а деньги нашему молодому государству, сами знаете, как необходимы… — Скрипя кожаными ремнями, он поднялся из кресла. — Однако в контексте Бессарабского конфликта мы можем отправить туда только по-настоящему надежного товарища…

— А я, значит, ненадежный? — вырвалось у Дмитрия. Он тоже встал.

— Думали — надежный, а оказалось — ненадежный, — неожиданно хохотнул комиссар. — Идите. Пока. Но подумайте, подумайте… — Он уселся обратно в кресло. — И мы подумаем… Вот это не забудьте, а то, не ровен час, тут и останетесь… — протянул он Дмитрию пропуск.

Вопреки ожиданиям, на пути к выходу его не схватили и не препроводили в камеру… Он беспрепятственно добрался до вестибюля, оставил пропуск у дежурного и вышел наружу. На вечереющей мокрой улице его ждала взволнованная Аннушка. При виде Дмитрия лицо ее осветилось радостью и тревогой.

— Ну?! — коротко спросила она.

— Все хорошо, милая, все хорошо, — рассеянно ответил Дмитрий.

— Я провожу тебя домой.

Она качнула головой:

— Сегодня мы идем к тебе. Я еще утром предупредила об этом папу.

Дмитрий подумал о том, как еще вчера был бы счастлив, услышав такое. Но сегодня страх и разочарование не позволяли ему радоваться по-настоящему. Он явственно чувствовал, как давит на него нечто, исходящее от здания позади. Может быть, кто-то смотрит на него из окна? Дмитрий не обернулся.

— Пойдем отсюда скорее, — взял он Аннушку под локоть. — Я все расскажу тебе дома.

А в «красном уголке» Эрмитажа уже проходило экстренное собрание.

«Красным уголком» являлась одна из наиболее просторных комнат хранилища. Помещение было переоборудовано наспех. В центре стояли лавки и стулья, перед ними —* застеленный красным кумачом стол президиума с букетиком гвоздик в древнекитайской фарфоровой вазочке, графином с водой и стаканом. А вдоль стен штабелями лежали покрытые пылью бесценные картины.

— Слово для доклада предоставляется товарищу Елисееву.

Елисеев встал и, пережидая аплодисменты, одернул китель, пригладил волосы и прокашлялся. Когда овации смолкли, Елисеев принялся тщательно поправлять кобуру. Минуты две зал с напряжением наблюдал за этой процедурой. Наконец парторг заговорил:

— Товарищи! Не все еще у нас хотят жить так, как жил и умер великий Ленин, как учит нас вождь мирового пролетариата товарищ Сталин.

Кто-то в зале захлопал вновь, и остальным пришлось поддержать. Елисеев плеснул из графина в стакан, залпом осушил его, утер губы и продолжал:

— Уже десятилетие наш народ широко и смело шагает к своей победе. Вот. Но еще не все шагают в ногу. Как сочинил пролетарский поэт товарищ Маяковский: «Кто там шагает правой? Левой!» Понимаете ли, товарищи? «Левой». Вот. Возьмем, к примеру, сына царского офицера Полянова. Куда сейчас шагает он? Сейчас он уже не шагает, а находится в колете… конпити, в общем, в Органах. И там, надеюсь, разберутся, кто и где. Но мы ждать не будем, да и не станем!

По залу пробежал легкий шелест. Елисеев

прокашлялся вновь и сменил тон на более доверительный:

— Я почему так говорю? А потому, что я все давно уже понял. Когда весь мировой пролетариат все глубже сплачивает свои ряды, когда крестьянство строит новый быт, а научная интеллигенция кует, понимаете ли, знания, да!.. Такие, как Полянов, отказываются от вступления в ряды ВКПб. О чем это говорит? А? Вот. — Елисеев еще раз налил себе воды и выпил ее. — Да и вообще, — продолжил он. — Чем занимался тут Полянов? Кто-нибудь видел? — Он внимательно оглядел присутствующих.

Зал безмолвствовал, но напряженная тишина уже свидетельствовала о том, что на вопрос Елисеева: «Кто за?» — он откликнется единогласным взлетом рук, независимо от того, о чем пойдет речь. Неожиданно ход мыслей парторга принял иной оборот:

— А вы помните, работал у нас некий Ребров? Так вот, мне недавно доложили, что этот самый Ребров арестован на Сестрорецком рынке за торговлю срамными картинками. Вот так. Повязали родимого. А мы Реброва проглядели. Проглядели и Полянова. А его длинные руки, между прочим, уже дотянулись и до наших женщин. Софья Ль-

вовна, — обратился Елисеев к пожилой женщине, сидящей в конце зала. — Что это у вас на шее?

— Это? — вставая и краснея пролепетала женщина. — Бусы.

— И кто же вам эту гадость подарил?

— Полянов, — упавшим голосом призналась женщина. Но тут же приободрилась: — На Международный женский день Восьмое Марта.

— Видали?! — поднял палец Елисеев и внимательно посмотрел на него. — И это, заметьте, в то время, когда вся страна, как один, собирает в свои закрома последний колосок!

Однако зал как будто бы опомнился и еле слышно загудел. Порывисто вскочил комсорг Боровко:

— Ребята! Тише! Дайте товарищу Елисееву закончить!

— Спасибо, — благосклонно кивнул ему парторг. — Так вот. Я и говорю. Что тут делает Полянов? Реставрирует. В том-то и дело. Я лично, мягко говоря, не понимаю: зачем нашей молодой стране нужны старые буржуазные картины? Надо рисовать новые — пролетарские! Вот, Сергей Боровко, например, у нас рисует, и скоро мы пошлем его на слет достижений народного хозяйства… Искусство, товарищи, должно толкать массы на новые подвиги. Я ясно выражаюсь?

— Ясно… — крякнул завхоз Кутепов и подергал себя за усы. Сейчас бы шашку в руку, да на коня, да в поле, навстречу белым конникам… А все эти словеса ему не очень-то нравились. Изумленный гул интеллигенции в зале между тем усиливался. Боровко жестами умолял присутствующих успокоиться.

— И это еще не все, — продолжал парторг, повышая голос. — Давайте резать правду-матку до конца. Полянов у нас такой не один. Возьмем его так называемых коллег Грушинского и Райхмана. Куда устремлен их взгляд? В будущее? Нет, товарищи, не тут-то было! Их взгляд устремлен взад.

В зале засмеялись. Сидевшие в первом ряду Грушинский и Райхман, очнувшись от дремоты, удивленно посмотрели друг на друга, а затем синхронно обернулись назад, на остальных, чем вызвали новую волну хохота. Откуда-то из зала прозвучал тоненький истерический смешок, и тут уже все начали буквально корчиться и валиться от смеха со стульев.

Комсорг Боровко, вскочив снова, застучал карандашом по стакану:

— Тише! Ребята! Давайте тише! Товарищ Елисеев не может говорить, когда вы хохочете!

Смех постепенно стих, а Елисеев, воспользо-

вавшись паузой, глотнул воды прямо из графина, пригладил чуб, поправил кобуру и сказал в наступившей уже тишине:

— Вот. Я закончил. Предлагаю голосовать. Кто за?

Грушинский и Райхман первыми торопливо подняли руки.

Они лежали.

— И все-таки ты должен был согласиться, — сказала Аннушка тихо. Они разговаривали уже больше часа.

— Да зачем?! Мне хорошо и тут.

— Нет. Ты мог хотя бы на время убежать от того кошмара, который вокруг нас. А ведь можно там и остаться.

— Я никуда не собираюсь бежать. И как я могу остаться? Как же тогда ты?..

— Если бы мы действительно решились на это, ты, я думаю, придумал бы, как перевезти и меня. Но, вообще-то, это я так сказала — в качестве темы для размышления. В конце концов, если бы ты поехал за границу, то смог бы найти там лекарство для папы.

Дмитрий, подумав, смущенно кивнул:

— Ты права. Я страшный эгоист.

Она отвернулась, чтобы он не заметил ни тор-

жествующего выражения ее лица, ни слез на ресницах: единственная возможность заставить его спасти себя — сделать так, чтобы он думал, что спасает других.

— Еще не поздно, — сказала она, боясь, что голос выдаст ее. — Они предложили тебе подумать. Иди завтра же в ЧК и скажи им, что горишь нетерпением выполнить поручение их партии и правительства. А все, что ты нагородил там раньше — полный вздор.

— Ни за что! Да и кто мне теперь поверит?

— А ты покайся, скажи, что ненавидишь свое прошлое, что мечтаешь вступить в их партию и строить коммунизм…

— Да как же это возможно?! — от возмущения Дмитрий даже приподнялся на локтях. — И это говоришь мне ты? Ты?!

— Да, я, — с вызовом ответила она. — Потому что этой маленькой ложью ты можешь спасти себя и близких тебе людей. А твоя гордыня погубит всех нас.

— Может быть, ты и права, но ведь есть что-то святое…

— Гордыня, — устало повторила она и перевернулась на бок. — Знаешь, Митя, давай-ка спать. Утро вечера мудренее.

…На этот раз сон не застал его врасплох. Выходило так, что Дмитрий как будто жил сразу двумя жизнями: одной — наяву, и тогда он не помнил ничего ни о Ладжози и его страшных картинах, ни о Перуцци, ни о красавице Бьянке; другой — во сне, и тогда уже не существовало ни Эрмитажа, ни ОГПУ. И все-таки какая-то странная неуловимая ниточка крепко связывала эти два мира.

Вновь превратившись в бесплотный дух, Дмитрий мчался над пустынной ночной равниной. Луна в эту ночь была, конечно же, желтой и нездоровой, собаки, конечно же, выли заупокойную песнь. И повсюду — на кладбищах, на болотах, в каждом темном и опасном закутке — разные нечистые твари перемигивались и злорадно перешептывались друг с другом: «…последняя!.. Он начнет последнюю!..» Но слышали их только те, кого называют «невменяемыми».

Уже почти привычно пройдя сквозь почву, Дмитрий проник в подземную мастерскую, огляделся и увидел, что на стене ее красуется целых шесть готовых картин. Дни не отличались тут от ночей, художник давно уже потерял счет времени. Время — величина сугубо субъективная. Секунды с иглами под ногтями длятся вечность, а сутки в беспамятстве — не более мига. Порою

он ощущал себя древним стариком, а иногда ему казалось, что там, на воле, прошло не более недели…

Тридцать лет… Знал ли художник, мог ли он хотя бы предположить, что с того мига, когда он согласился выполнить эти холсты, до того, когда на последний из семи ляжет завершающий штрих, пройдет такая бездна времени?.. Не нашел бы он тогда способ лишить себя жизни?

Но мгновение переливалось в мгновение, и все они сливались в реки лет… Время от времени в подземелье вершились очередные богопротивные безжалостные жертвоприношения, и художник принимался за очередной холст… «Похоть», «Алчность», «Праздность», «Зависть»… Иногда художник, забывая о конечной цели заказчиков, даже увлекался процессом творения. А еще… Какая-то мысль, какое-то открытие, какая-то возможность… Художник, слив воедино весь свой талант, все свои знания и мистические откровения, которые не раз посещали его в этом подземелье, надеялся на что-то особенное… Связанное с последним полотном…

— Итак, синьор Ладжози, вы почти закончили свою работу, — голос Перуцци помешал Дмитрию разобраться в своих догадках. С удивлением он

отметил, что, в отличие от сильно постаревшего художника, Перуцци ни капельки не изменился. — Сегодня вы начнете седьмую картину. На ее создание вам отпущено три года и ни дня сверх того. И когда вы закончите ее, ваши мучения прекратятся навсегда. Ведь вы не боитесь смерти, не так ли, любезнейший?

— Мучения?! — вместо ответа ернически удивился Ладжози и взъерошил пятерней седую шевелюру. — Да разве же это мучения? Я еще никогда не был так захвачен любимым делом, как сейчас.

И Дмитрий чувствовал, что это правда.

— Браво! — Перуцци похлопал в ладоши. — Я не перестаю восхищаться вами. Годы не сломили вас, мой друг. И вы что же, довольны своей судьбой?

— Не нам судить о путях Господа, — ответил Ладжози серьезно.

— Ну хватит! — злобно сверкнул голубыми глазами Перуцци. — Я, кажется, запретил вам произносить это слово в этих стенах! И довольно разговоров. Сейчас перед вами предстанет очередная жертва. Картина, которую вы начнете нынче же, будет называться «Гнев».

Перуцци трижды щелкнул пальцами, и двое

монахов свели по ступеням в зал немолодого, роскошно одетого человека со связанными за спиной руками и надменно поднятой головой.

— Как он нас ненавидит, — с усмешкой сказал Перуцци художнику, — в какой безумной, слепой ярости находится сейчас. Его не страшит даже то, что эта ярость будет стоить ему жизни. — Он обернулся к пленнику: — Вы и дальше намерены молчать, синьор Винченцо? Учтите: стоит вам сейчас произнести хоть слово, и мы отпустим вас. А промолчите, умрете через несколько минут. Ваш выбор?

Вельможа презрительно глянул на Перуцци и поднял голову еще выше.

— Хорошая шея, — сказал тот, принимая из рук прислужника кинжал. — Да и весь он целиком прекрасен в своем гневе, не правда ли? Представьте, Ладжози, этот упрямец дал обет вашему Господу, — произнося это, он брезгливо скривил рот, — что никогда не вымолвит ни слова в присутствии слуг дьявола. Для нас это просто находка. Пока он молчит, мы знаем точно, что ярость его не остыла. Ну?.. — неопределенно спросил он и пощекотал острием лезвия горло вельможи.

Тот вздрогнул и закусил губу. Монахи затянули

заунывную и мрачную песнь.

— Прелестно, — сказал Перуцци и наотмашь перерубил пленнику кадык. — Приступайте, маэстро.

— С удовольствием, — цинично ответил Ладжози, наблюдая безумным взглядом, как вельможа опускается на колени, левой рукой держась за горло, а правой зажимая рот руками, чтобы не вымолвить ни звука даже сейчас. Между пальцами левой руки бил пульсирующий фонтанчик крови. Ладжози добавил: — Да, прекрасный экземпляр.

Дмитрия передернуло от такого непотребного поведения художника, к которому он уже успел проникнуться симпатией. Но что-то подсказало ему, что Ладжози лицемерит. Что своим нарочитым цинизмом он лишь усыпляет бдительность Перуцци. И еще Дмитрию показалось, что незримая ниточка, связывающая его и художника, стала как будто прочнее и ощутимее…

А тот тем временем окунул кисть в рану уже лежащего на полу вельможи и ловкими движениями принялся смешивать краски на палитре. Он сделал мазок на холсте, а затем искоса глянул на лиловоголовых монахов, словно ему очень нужно было, чтобы они поскорее покинули его.

Но те, скрестив на груди руки, бесстрастно взирали на его работу.

Ладжози вздохнул, нанес еще один штрих и вдруг остановился. Он медленно оглянулся вокруг, словно что-то искал. Взгляд его блуждал, пока не встретился со взглядом Дмитрия. «Какие усталые, мудрые… и хитрые глаза, — подумал Дмитрий. — Кажется, они могут видеть через стены и через годы… — И внезапно понял: — Да он действительно меня видит!»

Ладжози еле заметно махнул ему рукой и произнес загадочно-бессмысленную фразу:

— Для кого-то минует трехлетие, а для кого-то — всего-навсего декада… — и перевел взгляд на полотно.

Дмитрий хотел крикнуть, позвать художника, но, как он ни старался, у него ничего не получалось…

— Что с тобой, Митя?! — Дмитрий открыл глаза и обнаружил, что Аннушка тормошит его за плечо. — Тебе опять приснился кошмар?

— Да… То есть нет. — Дмитрий понял, что от нынешнего сна не сохранилось в его душе того неприятного осадка, который оставляли два предыдущих. — Я что, кричал?

— Да. Ужасно. Перепугал меня насмерть. А что

тебе снилось?

— Мне снилось… — Тут Дмитрий почти физически почувствовал, как содержание только что виденного сна ускользает в пучины его подсознания… — Э-э-э… Мне снилась гордыня! — вспомнил он.

— Какой ты впечатлительный, — улыбнулась Аннушка и откинулась на подушку. — Больше никогда не буду спорить с тобой перед сном.

— Да-да, не спорь, милая, — сказал он, обнимая ее. — Тем более, что всегда права только ты, а я не признаю этого только из упрямства. Я пойду сегодня в ОГПУ и сделаю все так, как ты сказала. — Он и сам не понимал, откуда пришло к нему это решение, однако твердо знал: он должен так поступить. Хотя бы для того, чтобы помочь Николаю Андреевичу.

На этот раз у него не было повестки, и, назвав свою фамилию дежурному, он минут пятнадцать прождал, пока его пропустят. Ему вдруг подумалось, что он напоминает сейчас мотылька, упорно стремящегося к погибели в огоньке свечи. Метафора банальная, но отвратительно точная.

Наконец ему позволили выйти из проходной в вестибюль, и на подкашивающихся от волнения ногах он двинулся вверх по лестнице. «Какая

низость!» — ругал он себя за это малодушие. Постучал в дверь уже знакомого кабинета.

— Да?! — отозвались изнутри.

Дмитрий вошел и с удивлением обнаружил, что на этот раз за столом сидит совсем другой, смуглый и чернобровый, человек. Прежней была только форма комиссара.

— Простите, где?.. Э-э… — Дмитрий судорожно попытался припомнить фамилию, но вспомнил лишь то, что в прошлый раз он и не удосужился ее узнать.

— Переведен, — отрезал новый комиссар. — А вы, собственно, кто такой?

— Моя фамилия Полянов… — промямлил Дмитрий и беспомощно развел руками.

— А-а! — новый комиссар грозно прищурился и поднялся из кресла, потрясая в руках папкой досье. — Тот самый Полянов! Сам явился!

— Да, — оторопел Дмитрий. — Вчера я разговаривал с вашим товарищем…

— Он мне не товарищ… — комиссар с размаху хлопнул папкой о стол. — Это вам он товарищ! — сказав это, он выжидательно вперился в Дмитрия угольками глаз.

Тот, поежившись, попытался перевести разговор в нормальное русло:

— Я хотел сказать, что в Румынию я ехать готов…

— Крысы бегут с корабля! — нехорошо усмехнулся гэпэушник, снова садясь. — Не-ет, господин Полянов, этот трюк у вас не пройдет! Ваш «товарищ» нам все рассказал. Раскололся, что называется. Не таких раскалывали.

Дмитрий попятился:

— Простите, я, пожалуй, пойду…

— Сидеть, контра! — рявкнул гэпэушник, и Дмитрий тут же безвольно опустился на стул.

А чернобровый принялся монотонно, но угрожающе перечислять все прегрешения Дмитрия, после каждого легонько ударяя ладонью по обложке досье:

— Итак, вы сын царского офицера, — комиссар шлепнул по папке, — вступив в преступный сговор с бессарабскими оккупантами, — шлеп, — протаскивали в массы буржуазную идеологию, — шлеп, — путем так называемой «реставрации», — шлеп…

Дмитрий сделал руками протестующий жест и попытался было что-то сказать, но не успел, суровый комиссар, неожиданно подавшись вперед, гаркнул:

— Имена?! Клички?! Адреса явок?!

Хватая ртом воздух и ненавидя себя за трусость, Дмитрий не мог произнести ни слова. Но тут внезапно распахнулась дверь, и на пороге кабинета в сопровождении солдат с винтовками возник еще один, на этот раз рыжий и краснолицый, комиссар с маузером в руке:

— Вы арестованы! — с порога просипел он.

Дмитрий, обреченно вставая, поднял руки. Но рыжий комиссар, не обращая на него ни малейшего внимания, прошел мимо, прямо к столу и склонился к сидящему за ним чернобровому:

— Сдайте оружие.

— Серега, ты чего?.. — густые брови того изумленно поползли вверх.

— А ну, не разговаривать, контра! — сиплый голос рыжего не предвещал ничего хорошего. — Давай наган. И без глупостей.

Ствол его маузера и штыки солдатских винтовок были направлены на чернобрового. Тот медленно поднялся, вынул из кобуры пистолет и положил на стол. Рыжий стремительно сдернул его оттуда и сунул себе за ремень. Затем обернулся к солдатам:

— Уведите гада!

Прежде чем выйти из-за стола, чернобровый неуверенно затянул: «Врагу не сдается наш гор-

дый «Варяг»… Но, получив по зубам рукояткой пистолета, замолк. Утирая кровь с разбитых губ, подталкиваемый солдатами, он понуро поплелся к двери. А рыжий уселся в кресло и тут, наконец заметив Дмитрия, уставился на него зелеными, как ягоды крыжовника, глазами:

— По какому вопросу, товарищ? — просипел он.

— Я по поводу командировки в Румынию… — еле слышно вымолвил Дмитрий, понимая всю бессмысленность своего заявления.

— И что вам сказал *этот*? — рыжий сделал брезгливый жест в сторону двери.

— Не отпускает…

— Вот гад!.. — крыжовниковые глаза превратились в узкие щелочки. — Контра…

Что-то черкнув на официальном бланке, он протянул бумагу:

— Зайдите в шестой кабинет, поставьте печать. Счастливого пути, товарищ.

Больше не глядя на Дмитрия, он достал папиросу из пачки «Герцеговины флор» и принялся разбирать документы на столе. На негнущихся ногах Дмитрий вышел в коридор, нашел шестой кабинет с окошечком в двери и протянул бумагу.

Из окошечка на него глянула миловидная озор-

ная девичья физиономия.

— Везет же людям, — сказала девушка-секретарь, принимая документ и лукаво улыбаясь Дмитрию. — По заграницам разъезжают, как по собственной коммунальной квартире. Привезете тушь для глаз, поставлю печать, не привезете, не поставлю.

— Привезу, — пробормотал он, чувствуя, что ему не поверят, что его мимолетное везение закончилось…

Но девушка, весело рассмеявшись, ударила штампом по мандату и, возвращая его вместе с разрешением на выход из здания, погрозила пальчиком с пурпурным ноготком:

— Смотрите, товарищ, не забудьте! Обманете, больше не выпущу.

Дмитрий не заметил, как промчались три дня, в течение которых он оформил все бумаги на выезд. Каких-то три дня! Он никогда не поверил бы, что такое возможно. Он знал, что время от времени разражаются скандалы, связанные с тем, что из-за невозможности быстрого выезда срывались заграничные гастроли даже у какой-нибудь русской знаменитости. А уж с простыми людьми церемонились и того меньше. Дмитрий много раз слышал истории и про то, как люди,

которым нужно было ехать за рубеж, месяцами обивали пороги наркоматов и ведомств, но так и не получали визу. А если и уезжали, то куда-то совсем в другие места, да и то — на казенном транспорте. Но мандат, выписанный ему рыжим чекистом, буквально творил чудеса.

И уж натурально обалдел, когда выяснилось, что выданная ему в комиссариате финансов кругленькая сумма, на которую он мог бы безбедно прожить в России полгода — не более чем командировочные, в то время как срок поездки предполагался всего лишь месяц. Что же касается билетов, то сотрудник комиссариата разъяснил ему: «И на пути «Ленинград — Москва», и на пути «Москва — Бухарест» вам, товарищ, нужно только перед отправлением подойти с вашим мандатом к начальнику поезда, и он поместит вас на лучшее из имеющихся у него мест. — И добавил еще: — К сожалению, купе-люкс имеются только в зарубежных поездах, до Москвы придется ехать в четырехместном…»

Половицу полученной суммы Дмитрий, не обращая внимания на все ее отговорки, тут же всучил Аннушке: «Ничего не хочу даже слышать, вам тут нужнее…» А еще некоторую часть он потратил на прощальное застолье, где присут-

ствовали он, Аннушка и Николай Андреевич, который, несмотря на дурное самочувствие, впервые за много дней покинул свой дом.

Давненько не знавала такого изобилия эта холостяцкая квартира. А может быть, и никогда вовсе. Аннушка приготовила фаршированного гуся и несколько изысканных салатов, Николай Андреевич, рассказывая обо всем, что он знал о вековых феодальных устоях Румынии и ее кровавых правителях древности, пил не водку, а французский коньяк, и даже Дмитрий, вопреки своим принципам, пригубил бокал хорошего сухого вина, не какого-нибудь, а молдавского: не удержавшись, он купил эту бутылку, как только увидел ее (особенно его вдохновили изображенные на этикетке развалины замка). А под завязку было решено считать эту вечеринку их с Аннушкой официальной помолвкой.

Несмотря на радостные события, не обошлось и без грусти.

— Я все думаю, папа, — сказала Аннушка. — Почему именно нам досталось жить в это странное и страшное время.

— Я тоже порой задаю себе этот вопрос, — кивнул Николай Андреевич. — И самое неприятное для меня состоит в том, что я сознаю: не ваше,

а именно наше поколение виновно в том, что произошло. Недоглядели. Проявили преступную мягкость… Керенский крови испугался, а они — нет. А отдуваться вам приходится…

— Время — загадочная штука, — невпопад заметил Дмитрий.

— Да уж, — подтвердил Николай Андреевич. — Иногда я думаю: не случись какой-нибудь мелочи… А знаете ли вы, что с Сашей Ульяновым мы учились в одной гимназии?

Дмитрий удивленно отставил чашку с чаем, а Николай Андреевич продолжал:

— Добрейший был юноша, начитанный, дисциплинированный. Если бы свои способности и пытливый ум он направил на созидание, кто знает, как сложилась бы жизнь его младшего брата… И наша жизнь. А тот, знаете ли, рыженький такой. Насмешливый. Но глаза-другие, чем у Саши. У того — мечтательные, а у этого — злые, упорные… Такие, как он, и хоронят прежние эпохи… Китайцы сменой эпох врагов проклинают, а мы, русские, приветствуем… Кстати, Дмитрий, — добавил Николай Андреевич, — вы с этими румынами-то поосторожнее. Лихой народец. Тем паче в нынешние времена…

— Время и жизнь, — кивнул Дмитрий задум-

чиво. — Маятник качается от добра ко злу, от зла — к добру, но не равномерно, а так, как ему заблагорассудится… И никто не знает, что его ждет впереди…

Перрон встретил их с Аннушкой гудками, клубами пара и разухабистыми переливами гармошки. Глядя на толкущуюся вокруг публику, Дмитрий уловил некую пугающую деталь: складывалось впечатление, что на поездах сейчас ездят только солдаты и крестьяне. Он — в шляпе и с чемоданчиком-кофром в руке — выглядел тут вороной-альбиносом. Единственное, что хоть как-то роднило его с этим вокзалом, был собранный Аннушкой и привязанный к ручке кофра узелок.

Первым делом они нашли поезд, в котором Дмитрию предстояло ехать до Москвы. Затем Дмитрий выяснил у одного из проводников, где искать начальника этого поезда. Оказалось, в специальном штабном купе. Оставив Аннушку на перроне, он предъявил свой документ начальнику — человеку с помятым, заспанным лицом и в синей фуражке. Тот козырнул и, озабоченно нахмурившись, покопался в бумагах. Затем написал на листке бумаги номер вагона и места, добавив: *Тов. проводник. Немедленно определите*

тов. Полянова. Тов. Вощинин. Расписался. Зевнул. И вручил листок Дмитрию.

Посмеиваясь с Аннушкой над количеством «товов» на душу населения, Дмитрий отыскал свой вагон и отдал эту бумажку пожилому полнолицему проводнику. «Выходит, важная у нас птица едет? — радушно улыбнулся тот, но тут же добавил: — А порядки у нас для всех одинаковые. Так что залазьте быстрее, чего стоять! Скоро уж трогаемся». «Я еще немного тут побуду…» — попросил Дмитрий, но проводник был непреклонен: «Нечего тут торчать! Давай, давай!»

Прощание и ласковые слова они с Аннушкой, не сговариваясь, откладывали на последний момент. Но под суровым взглядом проводника ничего интимного говорить не хотелось. Они только коротко обнялись, и Дмитрий, поцеловав ее, кивнул:

— До свидания. Я буду скоро. Ты и не заметишь.

Он уже полез по ступенькам, когда Аннушка крикнула:

— Ключ!

Действительно. Они договорились, что Аннушка будет периодически наведываться в его квартиру, проветривать ее, вытирать пыль и по-

ливать чахлое алоэ. А главное, проконтролирует, чтобы в его отсутствие домкому не вздумалось кого-нибудь туда вселить. Дмитрий слышал о таких случаях, когда человек после долгого отсутствия возвращался к себе и вдруг выяснялось, что он там уже не живет. Конечно, следовало бы заглянуть в домком самому и помахать у начальника перед носом чудотворным мандатом, но на это в круговерти сборов Дмитрий времени не нашел.

Нашарив ключ в кармане, он отдал его Аннушке и хотел сказать что-то еще, но проводник подтолкнул его в бок и скомандовал:

— Давай, давай!

В купе уже находились его будущие соседи, они что-то кричали в толстое стекло окна кучке столпившихся возле него провожающих, а те мотали головами и показывали на свои уши: «Не слышно…» Аннушка стояла неподалеку и искала его глазами. Перегнувшись через купейный столик, Дмитрий постучал в стекло и помахал рукой. Она заметила его и замахала в ответ…

— Эй, товарищ, подъезжаем! — разбудил Дмитрия голос проводника.

Поезд уже шел по Москве. За окном мелькали люди, кони, автомобили и коптящие небо трубы. В купе Дмитрий был один. Он проверил содер-

жимое своего кофра и карманов. Инструменты, документы и деньги были на месте.

…Вместе с потоком других пассажиров его вынесло к площади трех вокзалов. Солдат тут было еще больше, чем в Ленинграде, а стены и заборы были обклеены газетами. Прохожие, останавливаясь, читали их.

Беспокоясь о том, что на заграничном поезде дело с местом может обстоять не так просто, Дмитрий прошел к дежурному по вокзалу. Но тот, лишь взглянув на его волшебную бумагу, заверил:

— Подойдете в двадцать ноль-ноль прямо к составу, и не сомневайтесь: начальник вас определит.

Хотелось есть, и Дмитрий, зная по опыту, что столовые бывают в больших учреждениях, отыскал поблизости солидное здание с привычно невразумительной вывеской «Моссельтяжпром». И действительно, сытно там пообедал. Затем отправился на закованную в каменную броню Москву-реку, где собирался провести остаток времени до вечернего поезда.

Забравшись в глубь прибрежного парка, чтобы какой-нибудь милиционер не принял его за тунеядствующий «несознательный элемент», он

уселся на деревянную с чугунными креплениями скамейку. В его кофре, кроме инструментов, хранилась пара любимых книжек — «Воскресение» и «Повести Белкина». Но читать не хотелось. Впервые он в полную силу ощутил разлуку с домом. И всей душой впитывал в себя это щемящее и волнующее чувство.

С беспокойством и любовью думал он об Аннушке, думал о том, что ОБЯЗАТЕЛЬНО найдет в Бухаресте лекарство для Николая Андреевича… Он гадал: что за картину ему предстоит реставрировать там, кто ее владельцы, и как они его примут…

Подложив кофр под голову, он прилег на скамейку и уставился в чарующее лазоревое небо. Уснуть он не боялся: было достаточно прохладно, да и жестко. Он усмехнулся сам себе, подумав: «Скоро… всего через несколько часов я с полным на то моральным правом смогу произнести: «Прощай, немытая Россия»…

2.

Поезд «Москва — Бухарест». Сидеть в купе одному Дмитрию было скучно, и он отправился в вагон-ресторан. Заказав чашечку кофе, он, ссутулясь, разглядывал движение пейзажа в

окне. Ему вспомнилось, что когда-то давно он вот также ехал с родителями на море. И тогда они тоже могли просто посидеть в ресторане, чтобы пообщаться со спутниками за чашечкой кофе. Но сейчас он чувствовал себя несколько неуютно. Находиться в «заведении общепита» и не есть при этом щи или второе теперь было непривычно. Ему хотелось, конечно, заказать какое-нибудь дымящееся мясное блюдо, но он боялся, что тут это слишком дорого. Неожиданно Дмитрий услышал:

— Good evening, mister Polianoff.

Обернувшись, он увидел стройную и миловидную, коротко стриженную брюнетку лет двадцати пяти. Непринужденно присев напротив него, она положила на столик пачку сигарет, один вид которой вызвал в его душе все то же ностальгическое чувство: в России уже давно не курили ничего, кроме отечественных папирос. Он непроизвольно перешел на, казалось, давно уже забытый английский:

— Добрый вечер. Простите, мисс, а откуда вы меня знаете?

— У вас хорошее произношение, — отметила иностранка, уходя от ответа. Ее глаза лучились лукавством и еще чем-то неуловимым, но выда-

ющим, что Дмитрий ей симпатичен.

— У меня была английская гувернантка, — пояснил Дмитрий, осознав вдруг, что говорит фразами из русско-английского разговорника.

— И она, конечно же, была хороша собой? — прищурилась незнакомка.

— О, да. Но у нас была слишком большая разница в возрасте, — подхватил игру Дмитрий, — в пятьдесят шесть лет.

— Ваш отец был мудрым человеком.

Незнакомка, нисколько не стесняясь, оценивающе разглядывала его.

— Так чем я обязан вашему прелестному обществу? — не выдержав, спросил Дмитрий.

— О-о, — улыбнулась иностранка, — это вопрос непростой. Тут, как говорят русские, «без спиртного не разберешься!» — и, обернувшись к официанту, заказала: — Шампанского. — Вновь вернувшись к беседе, она представилась: — Элизабет Влада.

— Так вот в чем дело! — воскликнул Дмитрий. — Вы хозяйка того самого поместья, в котором найдена уникальная картина!

— Ну, насколько она уникальна, это предстоит решить вам.

— Позвольте, — недоуменно нахмурился Дмит-

рий, — но почему вы здесь, в России?

— Я уже давно мечтала побывать в стране эмансипированных женщин. — Она наигранно улыбнулась. — К тому же мне сказали, что в «красной» России с ее раздутым чиновничьим аппаратом может затеряться любой запрос. Каково же было мое удивление, когда, едва приехав, я узнала, что вы отбываете в Румынию сегодняшним поездом… Я специально не стала выяснять, в каком купе вы едете. Решила проверить свою интуицию и «вычислить» вас. Реставратор! — почти пропела она. — Как это романтично! Человек, возвращающий из небытия великие творения… Я сразу представила себе одухотворенное лицо художника и философа… И, как видите, не ошиблась.

Дмитрий смущенно поинтересовался:

— Неужели вы узнали меня сразу?

— Ну-у… — Элизабет вновь использовала свое беспроигрышное оружие — улыбку. — Если не считать десяток господ, к которым я обращалась до вас: «Добрый вечер, господин Полянов…»

Поймав взгляд Элизабет, Дмитрий улыбнулся, осознав, что все ее предыдущие комплименты — не более чем дань вежливости. Официант принес шампанское и, небрежно поставив на стол

бутылку и бокалы, удалился.

— А открыть! — крикнула Элизабет ему вслед, но тот даже не оглянулся.

Дмитрий махнул рукой (мол, не связывайтесь), отвинтил проволоку, с хлопком открыл бутылку и налил шампанское в один бокал.

— Я не пью, — пояснил он.

— Ну, конечно! Еще бы! — возмутилась его собеседница. — Я давно уже пришла к печальному выводу, что мужчины вырождаются, как вид. Женщины делают научные открытия, играют на бирже, курят сигары и пьют шампанское. Может, тогда вы будете хотя бы рожать детей? — Она подняла бокал: — Ну?! Наливайте же!

— Что ж, я вынужден уступить вам, — Дмитрий налил себе. — За прекрасную половину человечества!

Залпом выпив, он несколько секунд прислушивался к своим ощущениям.

…Вслед за первой бутылкой последовала вторая. Во время третьей Дмитрий почувствовал себя значительно раскрепощеннее. Элизабет приходилось то и дело пресекать его попытки надерзить недостаточно внимательному официанту и переводить все в шутку.

— И как?! — вдруг спросил ее Дмитрий, опер-

шись подбородком о ладони.

— Что как? — удивилась Элизабет.

— Вот вы и побывали в стране эмансипированных женщин. Это то, о чем вы мечтаете в своей Африке?

— Я не мечтаю в Африке, — невозмутимо ответила Элизабет. — Я мечтаю в Америке.

— А замок-то в Румынии! — воскликнул Дмитрий так, словно уличил ее во лжи.

— Замок, в котором нашли картину, принадлежал моему родственнику по папиной линии, и я оказалась его наследницей. Наследство буквально свалилось мне на голову.

— Ага! На голову! Бомм!.. — Дмитрий сделал попытку изобразить рухнувшее счастье, но едва не свалился сам. После довольно долгого молчания и напряженного взгляда в стол он невпопад повторил прежний вопрос: — Так о таком равенстве мужчин и женщин вы мечтаете в своей Америке?

— О, нет! — энергично помотала головой Элизабет. — Я видела, как советские женщины прокладывают пути, таская рельсы на своих руках. Это чудовищно! Вы уравняли женщин с мужчинами только в области тяжелого труда, а страной у вас правят исключительно мужчины!

— Так что там с этой картиной? — вновь поменял тему Дмитрий, неумело пытаясь курить сигарету, выдернутую из пачки Элизабет. Он морщился и чихал в сторону соседних столиков. Никто не возмущался. Как это повелось в последнее время в России, люди с безразличием, а часто даже и с особым уважением относились к пьяным.

— Ничего особенного, — в голосе Элизабет прозвучали нотки недовольства. — Хотя я мало что смыслю в живописи. Я училась экономике и праву, оставив искусство нашим нежным мужчинам. Я приехала в Румынию, единственно чтобы продать унаследованное имение. И вдруг во время ремонтных работ нашлась эта картина. И представьте себе, на следующий же день явились покупатели!

— Да?! — с несуразной интонацией спросил Дмитрий, осушив очередной бокал.

— Да-да! И они предложили мне за этот холст такую сумму, что я поняла: это — главная ценность в наследстве графа. Вот я и решила отреставрировать ее, чтобы продать за свою цену.

— А вы практичная женщина, — погрозил ей пальцем Дмитрий. — И где вы ее повесили? В спальне?

— Нет, в мансарде, — словно не заметив пикантности вопроса, отозвалась Элизабет. Но тут же лукаво добавила: — Однако если так вам будет удобнее работать, я могу повесить ее и там… — Она краем салфетки утерла уголки рта и решительно поднялась из-за стола. — А сейчас вам нужно хорошенько поспать.

Дмитрий плыл по трясущемуся вагону с недопитой бутылкой шампанского в руке, случайно вваливаясь в чужие купе и бормоча при этом: «В спальню, в спальню, непременно в спальню…»

— Лучшее место работы — спальня, — доверительно сообщил он полной фигуристой даме, протискиваясь мимо нее, на что та, покосившись на мужа, томно воскликнула:

— Никогда!

Дмитрию повезло — с третьей попытки проводники нашли его купе, и он отблагодарил их признанием:

— Вы настоящие проводники!

Шумно входя и падая на нижнюю полку, он сказал сам себе:

— Тс-с…

Но заснул он далеко не сразу. Полки, стол и дверь кружились перед глазами. Его болтало из стороны в сторону, в сознании вспыхивали и

гасли огни, стук колес превратился в отчетливое: «Никогда, никогда, никогда…»

Уснуть удалось только после того, как он отхлебнул из бутылки довольно большой глоток.

Поезд остановился, заскрипев всем своим железным скелетом. Закончился и беспокойный сон Дмитрия. За окном — голоса и топот множества обутых ног. В дверь купе резко и настойчиво постучали. Дмитрий медленно поднялся, ошалело потер ладонями лицо, открыл дверь и снова сел. На пороге появились русские таможенники в сопровождении красноармейцев.

— Предъявите документы, приготовьте к досмотру багаж, — распорядился старший.

Дмитрий долго смотрел на них непонимающим взглядом. Нащупав на столике бутылку шампанского и сделав быстрый глоток, он завалился обратно. Красноармейцы, как это уже повелось в России, с пониманием и уважением отнеслись к его состоянию. Они не стали его обыскивать, а только заглянули в паспорт, лежащий на столике неподалеку от бутылки.

Вновь остановка. На этот раз на пути состава была Бессарабская таможня. Разглядывая усатых румын, Дмитрий глупо хихикал. Постоянные остановки, шум, плохой сон и жара довели его до

сомнамбулического состояния. Румыны, не обращая на него внимания (очевидно, уже привыкли к дорвавшимся до свободы русским), осмотрели его документы и багаж.

Поезд тронулся. Дмитрий поднялся, из последних сил открыл окно, и в купе ворвались ночной воздух и грохот колес.

Тряска из стороны в сторону и выпитое спиртное с непривычки привели к тошноте. Проснувшись от этого, Дмитрий издал нечленораздельный звук, прикрыл рот рукой и, резко сев, открыл глаза… и увидел перед собой человека.

— Не понял, — пробормотал Дмитрий и моментально пришел в себя, разглядев, что его непрошеный гость держит в руке огромный тесак. На голове мужчины красовалась лиловая феска. Румын! И припомнил Дмитрий предостережение Николая Андреевича: «Вы с этими румынами-то поосторожнее. Лихой народец…»

Выкрикнув, словно заклинание, какие-то слова, человек сделал шаг вперед и замахнулся. Но именно в этот миг тошнота стала нестерпимой. Содержимое желудка Дмитрия выплеснулось на пол и на штаны румына.

От неожиданности и брезгливости тот отшатнулся назад и, стукнувшись ногами о спальную

полку, грузно сел. Попытался встать, но Дмитрий, схватив первое, что попалось под руку — пустую бутыль из-под шампанского, — бросил ее прямо в лицо нападавшему.

На мгновение румын потерял контроль над ситуацией: выставив руки, чтобы защититься, он вновь осел на полку и уронил нож прямо к ногам Дмитрия. Тот быстро поднял его. Румын с ревом бросился вперед… и напоролся на неумело, двумя руками выставленный вперед тесак.

Поднявшись, Дмитрий с удесятеренной от шока силой завалил румына на столик, а затем выпихнул бьющееся тело в открытое окно. Бутыль отправилась следом за незнакомцем. Свесившись из окна, он еще раз опорожнил желудок, а затем без сил рухнул на постель.

Утром Дмитрий то ли проснулся, то ли вышел из обморока от легкого стука в дверь его купе. Из-за двери был слышен голос Элизабет:

— Мистер Полянов!.. Мы подъезжаем!

Держась за больную голову, Дмитрий сделал попытку ответить, но из горла вырвался только хриплый стон. Сев, он непонимающим взглядом окинул купе… И все вспомнил. В ужасе наклонился, отыскивая на полу лужу крови, но разглядел лишь следы рвоты.

— Одну минуту, мисс Влада, я только оденусь! — крикнул Дмитрий и принялся лихорадочно вытирать пол собственной майкой. Элизабет за дверью кокетливо спросила:

— Может быть, вы не один?

— Я? — переспросил Дмитрий и недоуменно огляделся вокруг. — Я совершенно один.

Запихав испачканную майку под полку и наспех приведя себя в порядок, он приоткрыл дверь.

— Простите, Элизабет… Я что-то дурно себя чувствую, — извинился он. — Потерпите еще немного, я сейчас.

Достав из-под столика кофр с инструментами и узелок, он с облегчением выскользнул из купе, быстро прикрыв за собой дверь, и пообещал:

— Никогда больше не буду пить. Мне приснился сегодня совершенно кошмарный сон. Будто бы я, представьте себе, зарезал какого-то румына. И все было так реалистично!..

Элизабет рассмеялась и, коснувшись лба Дмитрия, заключила:

— А я посоветовала бы вам пить почаще. Тогда вам начнут сниться по-настоящему мужские сны…

За окном медленно проплывали здания и бе-

тонные стены ограждений. Через несколько минут поезд остановился. Дмитрий, увешанный баулами Элизабет, пробирался следом за ней по коридору вагона.

Из тамбура открылся вид на переполненный шумный перрон. Но отличие от пасмурного московского вокзала было разительное. Яркое солнце слепило глаза, уши глохли от криков облаченных в разноцветное тряпье цыган и безумных носильщиков с тележками…

— Туда! — тыча пальцем в сторону стоящего в отдалении кабриолета, указала Элизабет, и они начали протискиваться сквозь толпу. Внезапно Дмитрий заметил возле их вагона группку людей… в лиловых фесках. Один из этих людей что-то рявкнул проводнику и полез в вагон, из которого они только что вышли. Дмитрию стало не по себе, и он остановился. Элизабет, проследив за его взглядом, воскликнула:

— Ну надо же! Это те самые люди, которые хотят купить у меня картину! Похоже, они прознали, что я возвращаюсь сегодня, вот и явились сюда. Ну нет! Пока вы не приведете полотно в порядок и не оцените его, я с ними даже разговаривать не буду! — и она энергично повлекла Дмитрия за собой.

Сначала кабриолет двигался через город, отсутствием видимого порядка напоминающий огромный базар. Всюду сновали неопрятные солдаты малолетнего короля Михая. И лишь отъехав приличное расстояние от города, Дмитрий смог увидеть настоящую Румынию — страну, где роскошные виноградники и сады, изобилующие цветами и фруктами, резко контрастировали с нищенской одеждой крестьян и их убогими глинобитными хибарами. Крестьяне мотыгами терзали плодородный чернозем и песен не пели.

Перебравшись по мостику через небольшую речушку, кабриолет подкатил к расположенному на холме старинному мрачноватому замку.

— Добро пожаловать в имение графа Влады, замок Бренд! — воскликнула Элизабет, легко соскочив на землю. Из открытых ворот к ней, прихрамывая, спешил седой старик. — А вот и Мирча, — обрадовалась она. — Прелестный старикан! Говорят, он был очень предан старому графу. Одно лишь плохо: он совершенно не знает английского. Не займетесь ли его обучением? Я заплачу.

Мирча отобрал у застенчиво сопротивляющегося Дмитрия вещи и поспешил в замок. Навстречу спускался рыжеусый, загорелый, улыбающийся

мужчина лет тридцати пяти — сорока в клетчатых бриджах и короткой курточке, с сигарой в зубах. Элизабет порывисто обняла его и поцеловала в гладко выбритую щеку. Тот, приобняв ее, по-домашнему похлопал по спине рукой.

Дмитрий смущенно отвел глаза.

Не вынимая сигары изо рта, рыжеусый протянул ему свободную руку:

— Уолтер.

— Мой старый друг, — словно оправдываясь, сказала Элизабет. — Он приехал в Румынию, чтобы помочь мне разобраться с наследством.

— Не надо так прозаично, детка, — загадочно произнес Уолтер и обернулся к Дмитрию: — А вы, как я понимаю, тот самый русский реставратор Полянов, которого нам отрекомендовали с наилучшей стороны?

Дмитрий сдержанно кивнул.

— А Уолтер, — сообщила Элизабет с нескрываемой гордостью, — путешественник, историк, естествоиспытатель и прославленный охотник на львов.

— De mortius aut bene aut nihil, — усмехнулся Уолтер.

— Да! — вспомнила Элизабет. — Он еще и знаток латыни! Наверное, он изрек какую-то

мудрость.

— Нет, он пошутил, — пояснил Дмитрий и перевел: — «О мертвых — или хорошо, или ничего».

— Однако, — озадаченно заметил Уолтер, приподняв бровь, — оказывается, Россия — не такая уж отсталая страна.

— In potentia et partialiter in praxi[7], — бросил Дмитрий.

Уолтер понимающе кивнул, а Элизабет, недоуменно глядя на них, заключила:

— Типичный заговор мужчин! Хотя именно знание языков — одно из главных достоинств Уолтера. Если бы он не владел румынским, я бы, наверное, не потерпела его тут.

Тот, довольно усмехаясь и попыхивая сигарой, подмигнул Дмитрию, и они втроем стали подниматься наверх.

— Что произошло в мое отсутствие? — опершись о руку Уолтера, спросила Элизабет.

— Во-первых, я чуть не умер, — сообщил Уолтер.

Элизабет, пораженная его сообщением, остановилась:

— Отчего?!

---

[7] Примечания: 7
В потенции, а частично и на деле, (лат.)

— Конечно же, от одиночества, моя дорогая, — ответил рыжеусый и самодовольно захохотал.

— Ты невыносим! — топнула ногой Элизабет. — Так что, ничего не произошло?

Они уже вошли внутрь, и Дмитрию бросилось в глаза, что молодая американка привнесла некоторую живость в мрачный антураж замка. Рядом с портретами угрюмых вельмож красовались яркие полотна импрессионистов, а вдоль покрытой легкомысленной дорожкой лестницы стояли горшки с экзотическими растениями.

— Ничего, моя дорогая, — отозвался Уолтер, — кроме того, что наши назойливые покупатели приходили еще несколько раз. В конце концов, я был вынужден продемонстрировать им вот это. — Уолтер взмахнул рукой, и Дмитрий, проследив за его жестом, увидел на верхней площадке лестницы станковый пулемет Томпсона.

— В действии? — воскликнула Элизабет.

— Пока нет, — ухмыльнулся Уолтер.

— Ты распугаешь мне клиентов!

— Но теперь они будут не столь бесцеремонны. Представьте, они имели наглость потребовать, чтобы я в ваше отсутствие дал им картину на экспертизу, намекая при этом на «вознаграждение»…

Элизабет возмущенно фыркнула, а Уолтер обратился к заинтригованному Дмитрию:

— Вы предпочитаете отдохнуть с дороги или сразу посмотрите картину?

— Хотелось бы взглянуть, — отозвался Дмитрий, хотя на самом деле предпочел бы все-таки поваляться на диване или побродить по окрестностям замка с его хозяйкой под руку… Но ему следовало поддерживать образ профессионала, а не повесы. Хватит уже того, что он так надрался в поезде.

Уолтер одобрительно ухмыльнулся, вытащил из кармана внушительную связку ключей и вручил ее Дмитрию:

— Я провожу вас до лестницы на мансарду. Но только прошу вас, недолго. Нас ожидает роскошный ужин. Угодья замка буквально кишат великолепными вальдшнепами, а у меня сегодня была масса свободного времени. — Он обернулся к Элизабет: — А пока наш гость будет утолять свое профессиональное любопытство, вы, детка, — ухмыльнулся он в усы, — расскажете мне о том, как женщины России помыкают своими мужчинами…

— Я, между прочим, набралась там кое-какого опыта, — парировала его выпад Элизабет. — Вы у

меня еще попляшете!

Расположившись в мансарде и разложив инструменты перед мольбертом, Дмитрий стал внимательно разглядывать картину. Изображено на ней было туповатое самодовольное лицо некоего средневекового вельможи. Прежде чем начать работу, Дмитрий, вооружившись лупой, квадрат за квадратом визуально изучал обширное полотно, стараясь сохранить в памяти мельчайшие детали.

Вначале картина показалась ему интересной, но вскоре он разочаровался. Заурядный портрет, выполненный самоучкой. Правда, судя по всему, это действительно шестнадцатый век.

Но, как бы то ни было, Дмитрий надел перчатки, взял инструменты и приступил к работе. Начал он с самого неблагополучного участка, буквально заляпанного, возможно, века назад, грязью. Он ожидал, что пятно отчистится легко, но вместе с грязью с полотна сошел и слой краски размером с монету. Дмитрий досадливо выругался. Не хватало еще испортить и без того не самую прекрасную в мире картину. Как минимум, этот кусочек уже придется дорисовывать самому… Он пригляделся… И вдруг обнаружил, что под облупившимся верхним слоем краски есть еще один.

Такие случаи известны: чтобы скрыть редкую картину, ее прячут под куда менее ценным изображением. Придя в легкое возбуждение, Дмитрий расчистил квадрат величиной со спичечный коробок. Этот маленький участочек буквально сиял золотом из-под серо-коричневого масла… Отложив в сторону инструменты, Дмитрий поспешно спустился в гостиную. Едва переступив ее порог, он выпалил:

— Итак, мисс Влада, у меня уже есть для вас кое-какие новости. Полотно, несомненно, датируется началом шестнадцатого века. Эпоха Возрождения. Это так. Однако сама по себе эта картина не представляет никакой ценности…

— Как же так, — Элизабет разочарованно переглянулась с Уолтером. Тот собрался было возразить, но Дмитрий остановил его, подняв палец вверх.

— Но под слоем краски, который, по всей видимости, нанесен единственно с целью маскировки, есть и нечто иное. И одного взгляда достаточно, чтобы понять: спрятанная кем-то картина принадлежит кисти настоящего мастера!

Заражаясь его возбуждением, Уолтер воскликнул:

— Вот как?! А наши покупатели явно знают

об этом!

— И сколько же эта картина может стоить? — взволнованно спросила Элизабет.

— Трудно сказать, — пожал плечами Дмитрий. — Пока что трудно. Я хочу попросить вашего разрешения продолжить очистку верхнего слоя. Тем более, что это не составит большого труда: он нанесен слабой, нестойкой краской, а вот картина под ним — удивительно прочна. Но предупреждаю: то изображение, которое вы видели, пропадет раз и навсегда.

— Может быть, стоит сперва хотя бы запечатлеть то, что есть, на фотографическую карточку? — предложил Уолтер. Но Элизабет, бросив на него недовольный взгляд, решительно заявила:

— Не надо! Конечно же, я разрешаю! — ответила она Дмитрию. — Мне с самого начала не понравилась эта рожа!

— Я готов приступить прямо сейчас.

— А ужин? — развел руками Уолтер.

— Право, я совсем не голоден и горю нетерпением.

— Я тоже, — поддержала его Элизабет, вставая.

— Но позвольте, — возмутился Уолтер. — Эти вальдшнепы просто восхитительны!.. Впрочем, — добавил он, видя, что Элизабет и Дмитрий

уже поднимаются по ступенькам, — они еще и не готовы.

Пока Дмитрий работал, Уолтер и Элизабет нервно курили, изредка заглядывая ему через плечо. Спустя полчаса их жаждущим взорам наконец предстала большая часть скрытого полотна. Это был рыцарь с мечом в руках, облаченный в боевые доспехи. Но лик его был изуродован гримасой такого неуемного бешенства, что его даже трудно было назвать человеческим… Позади него пылали мрачные строения, а ноги по щиколотку вязли в кровавом месиве и тряпье.

— Сколько в нем ярости! — воскликнула Элизабет. — Отвратительно.

— Не могу согласиться с вами, — возразил Уолтер. — Думаю, это праведный гнев. Мне приходилось видеть подобные выражения лиц у воинов на поле боя.

— Поразительная техника… — не слушая их, вымолвил Дмитрий, отступая.

— Эта картина должна стоить безумных денег! — заявила Элизабет. — Что бы ни было на ней изображено. — И она победно оглядела мужчин, так, словно сама была ее автором.

— Лично у меня это возбуждает аппетит, — продолжал гнуть свою линию Уолтер. — Сколько раз

приходилось участвовать в сражениях, и всегда после этого я был готов сожрать быка.

— Обойдетесь вальдшнепами, — изрекла Элизабет и первой двинулась по лестнице вниз.

…Ели с аппетитом, Уолтер то и дело отсылал Мирчу за новыми порциями.

— Ну, а теперь, Дмитрий, вы можете все-таки сказать, хотя бы предположительно, сколько я могу получить за это полотно? — отставляя тарелку в сторону, спросила Элизабет. — Вы обещали. Кстати, от этого зависит и ваш гонорар.

— Вынужден признаться, я в затруднении. Картина слишком необычна и принадлежит перу не известного мне мастера. Не знаю, что и думать. Художника такого уровня я должен был бы знать, но манера чересчур своеобразна и ни на кого не похожа… Единственное, что могу сказать уверенно: ценность картины чрезвычайно высока. Думаю, вам стоит обратиться в крупный музей или к антиквару, которому можно доверять.

— Ха! — поднял палец Уолтер. — Между прочим, один из наших покупателей представился нам как раз антикваром.

— Может быть, стоит обратиться к нему? — нетерпеливо предложила Элизабет.

— Ну уж нет, — возразил Уолтер. — Только не к

этому проходимцу.

Дмитрий согласился:

— Здесь нужен серьезный специалист. А техника исполнения этого холста, я вам скажу, просто дьявольская.

В этот миг гостиная огласилась грохотом и звоном. Это Мирча выронил поднос с посудой. Все обернулись. Мирча что-то сказал Уолтеру и, виновато кланяясь, стал собирать осколки.

— Что это с ним? — нахмурилась Элизабет.

— У него горе, — вступился за слугу Уолтер. — Он сказал, что у него тяжело больна сестра… Мы можем отпустить его в город?

— Конечно же, можем, — легко согласилась Элизабет. — Тем более, завтра он не понадобится нам до самого обеда, ты ведь обещал устроить нам прогулку верхом. Да и посуды у нас осталось не так много.

Пока Уолтер что-то на ломаном румынском втолковывал Мирче, Дмитрий поднялся из-за стола:

— Продолжу работу?

— Нет, — остановила его Элизабет. — Не хочу выглядеть… как это у вас называют в России… эксплуататором. Вы еще не отдыхали с дороги. Закончите завтра.

— Завтра? — откликнулся, отпустивший Мирчу, Уолтер. — А прогулка?

— Сперва прогулка, потом работа, — безапелляционно изрекла Элизабет. — Несколько часов ничего не решают. Мне безумно хочется покататься верхом. А вам в России, — вновь обратилась она к Дмитрию, — думаю, нечасто большевики предлагают подобные развлечения… Или вы не умеете держаться в седле?

— Отчего же? — слегка обиделся Дмитрий. — До революции у моего отца была отличная конюшня, и в юности я отдал дань этому увлечению…

Утро встретило Дмитрия и его спутников прекрасным рассветом и пением птиц. Прогулка получилась на удивление веселой. Подзуживая друг друга, Дмитрий и Уолтер то и дело мчались наперегонки, бахвалясь своим искусством перед Элизабет. А та, как и полагалось новоиспеченной владелице замка, снисходительно наблюдала за их мальчишеством и любовалась красотами здешних мест.

Во время небольшой передышки, когда «ковбои» устали и двинулись шагом, отпустив поводья, Элизабет нагнала их.

— Мистер Полянов, а почему бы вам не уехать из России навсегда? Такой специалист, как вы, в

Америке был бы богат и уважаем. Или вас что-то держит? Семья?

— Я холост. — Дмитрий как можно честнее посмотрел ей в глаза.

— А родителей я потерял еще в гражданскую войну.

— Сожалею, — искренне посочувствовала Элизабет, а затем кокетливо спросила: — Так что же вас держит? Возлюбленная?

Дмитрий не счел нужным переходить на эту интимную тему, заме^ тив вместо этого:

— Вряд ли вы поймете меня. Америка — страна эмигрантов. А Россия — моя родина…

— Ubi'bene, ibi patria, — бросив эту фразу, Уолтер пришпорил коня и помчался через поляну в лес.

— Что он сказал? — глядя ему вслед, спросила Элизабет.

— «Где хорошо, там и отечество»… — с явным нежеланием перевел Дмитрий.

— А вы, я вижу, не согласны с этим? Вот Уолтер, например, подолгу жил и в Индии, и в Африке… Да если бы мои предки не считали именно так, в Америке до сих пор жили бы только дикие индейцы.

— А вы спросите у индейцев, рады ли они тому, что так рассуждали ваши предки? — усмехнув-

шись, ответил Дмитрий и двинулся вслед за Уолтером.

Элизабет попыталась его догнать. Ей почти это удалось, но неожиданно ее лошадь встала на дыбы, и женщина едва удержалась в седле. Элизабет испуганно вскрикнула, но тут же поняла причину такого поведения лошади: ее напугали крики егерей, звуки рожков и лай собак. Вокруг уже кипела и бурлила масштабная псовая охота. Элизабет, соскочив на землю, взяла лошадь под уздцы и попыталась успокоить ее. Двигаться верхом, пока этот клокочущий поток людей и собак не пройдет мимо, не было ни малейшей возможности.

Лошадь Дмитрия перепугалась не меньше, но он не сумел удержать ее на месте, и она понесла, почти сразу вырвавшись за пределы территории, ставшей ареной охоты. Но попытки остановить животное закончились неудачей, и дважды Дмитрий чуть было не вылетел из седла, рискуя сломать себе шею. В конце концов, он, плотно прижавшись к лошадиной холке, доверился судьбе.

Проскакав с милю, лошадь наконец устала и сбавила темп. Дмитрий собрался было соскочить с нее, но тут прямо перед ним из кустов

вынырнул егерь в живописном одеянии. Схватив лошадь Дмитрия под уздцы, он поспешно отвел ее в сторону от тропы.

— Что все это значит?! — возмутился Дмитрий, но егерь, войдя в кусты, уже остановился и сделал знак чужестранцу, чтобы тот не беспокоился. Затем, покопавшись в поясной сумке, протянул ему конверт.

Дмитрий спешился, взял конверт и повертел его в руках. Ни адреса, ни имени адресата на нем не значилось. Оторвав от конверта глаза, он хотел хоть что-то разузнать у егеря, но того и след простыл.

Дмитрий пожал плечами, вскрыл конверт и прочитал:

Товарищ Полянов! Государственное Политическое Управление при НКВД РСФСР настоятельно рекомендует вам незамедлительно передать картину, над которой вы в данный момент работаете, в наше представительство по адресу: Бухарест, ул. Иона Попеску, 16. Выполнение вашего рабоче-крестьянского долга перед Родиной обеспечит вам ее благодарность, вознаграждение, а также полную безопасность вам и вашим близким.

Старший оперуполномоченный Маклаев.

…Все падало у Дмитрия из рук, когда, вернувшись с прогулки, он принялся за работу. Письмо не давало покоя. Все было в нем — и подкуп, и шантаж. То и дело перечитывая бумагу, Дмитрий почти не обращал внимания на столь поражавшее его ранее полотно. Все затмевала встающая перед его мысленным взором картина ареста Аннушки и Николая Андреевича, которую то так, то сяк рисовало ему разыгравшееся воображение…

— Кхе-кхе, — услышал он покашливание Элизабет у себя над ухом и вздрогнул, пряча письмо.

— Простите, я, кажется, замечтался, — нашел он нелепое оправдание своему замешательству.

— Шедевр, просто шедевр! — указывая на полотно, заявил Уолтер, который, оказывается, тоже был здесь. Глянув на часы, он добавил: — Через полчаса спускайтесь к обеду, мой друг…

— Хорошо. Я уже почти закончил. Реставрировать тут нечего, картина сохранилась на редкость хорошо.

Он отошел от полотна, открывая полный обзор. Теперь было еще яснее, сколь оно ужасно и прекрасно одновременно. Некоторое время они стояли молча.

— У меня мурашки идут по коже, — прошептала Элизабет. — И появляются какие-то недобрые

предчувствия… Однако… — Она тряхнула головой и воскликнула: — Решено! Здесь я ее продавать не буду! В Америке, с аукциона, мне дадут за нее в сто раз больше! Завтра же… нет, завтра собираемся, а послезавтра, Уолтер, отправляемся в Штаты.

Дмитрий нервно почесал подбородок:

— Мисс Влада, я закончил свою работу, вы собрались домой, а значит, мое пребывание в Румынии будет значительно менее продолжительным, нежели я рассчитывал. Я хотел бы сегодня отправиться на прогулку по городу.

— Вы можете оставаться тут столько, сколько вам понадобится! — воскликнула Элизабет. — И замок, и Мирча будут в полном вашем распоряжении.

— Крайне признателен. Я подумаю над вашим предложением, хотя вряд ли смогу воспользоваться им. Но сегодня мне все-таки хотелось бы прогуляться.

— И вам не нужна очаровательная спутница? — кокетливо прищурилась Элизабет.

Уолтер бросил на них ревнивый взгляд.

— По правде говоря, мне хотелось бы побродить в одиночестве, — отозвался Дмитрий, чувствуя себя ужасно неловко. — Так более полно проникаешься духом незнакомой местности.

— Совершенно согласен с мнением господина Полянова, — кивнул Уолтер обрадовано.

— Ну, как хотите, — обиженно пожав плечиками, бросила Элизабет, но тут же сменила гнев на милость и даже пошутила: — Счастливо вам пропитаться духами незнакомых женщин!

Вечерело. Дмитрий въехал в город в кабриолете Элизабет. Картину Дмитрий брать с собой не стал. Во-первых, сделать это незаметно было бы затруднительно. Во-вторых, он не мог поступить бесчестно с этими милыми и гостеприимными людьми. Он хотел попытаться решить проблему более приемлемым и цивилизованным образом, а для этого сперва побеседовать с теми, кто прислал ему письмо. В конце концов, здесь, в чужой стране, они не могут вести себя столь же бесцеремонно, как в России.

Остановившись перед незаметным особнячком, он вытащил письмо и сверил адрес. С удивлением он убедился, что это именно тот дом. Никаких помет, относящихся к посольству России, на нем не было, а вывеска на румынском выглядела вовсе не официально. И более того, по выставленным в витрине картинам нетрудно было догадаться, что это — антикварная лавка. Войдя в помещение, он обнаружил за прилавком

пожилого мужчину невзрачной наружности.

— Я Дмитрий Полянов, — представился Дмитрий неуверенно.

— Димитрий Польянофф?! — обрадовано переспросил хозяин.

Дмитрий согласно кивнул. Выйдя из-за прилавка, хозяин торопливо вывесил на парадной двери табличку, очевидно, «Закрыто», и, запершись изнутри, повел Дмитрия в глубь лавки. Пройдя через пару дверей, они двинулись по крутой лестнице вниз. И оказались в просторном кабинете, резко контрастировавшим роскошью с тем, что Дмитрий видел наверху.

На стенах кабинета висело шесть укрытых полотнищами холстов. За столом, в кресле, сидел худощавый человек с глубоко посаженными глазами. Он был одет в черную мантию.

— Димитрий Польянофф! — представил ему гостя антиквар.

Тот поднялся и пренебрежительным жестом удалил антиквара из комнаты. Затем, окинув Дмитрия быстрым взглядом, произнес по-английски:

— Насколько я осведомлен, вы владеете английским…

— Да, — подтвердил Дмитрий.

— Вот и прекрасно. А где же картина?

— Я не вор, — ответил Дмитрий с напором, уже чувствуя, что разговор предстоит не из приятных. — Полотно принадлежит не мне, и при всем желании я не могу выполнить ваше распоряжение. Между прочим, хочу напомнить, что, уезжая из России, я не давал никаких обязательств ОГПУ о сотрудничестве. Если бы я знал, что меня отправляют сюда не как специалиста, а как вора, я бы не поехал ни за какие блага.

— Вы еще не поняли? — усмехнулся его собеседник. — Российские власти тут совершенно ни при чем. Но по-другому вас было бы невозможно заставить прийти сюда. Я, конечно, разочарован, что вы явились без полотна, но я должен был вспомнить, что русских считают бесстрашными до дикости. Что ж, давайте проясним ситуацию. Меня зовут Перуцци. Я глава древней организации, Ордена Дракона, зародившегося в Италии. Когда-то главной нашей целью было противостояние христиан мусульманскому миру… Но начнем с другого, — он поднялся и, выйдя из-за стола, двинулся вдоль стен кабинета, срывая с картин покровы.

— Не может быть! — вырвалось у Дмитрия. Эти картины явно принадлежали кисти того

же художника, что и полотно Элизабет. И все они были не менее прекрасны и отвратительны одновременно, чем та. Дмитрий ошеломленно приблизился к холстам.

— Перед вами — полотна художника Фабио Да Ладжози. Шестнадцатый век.

Внезапно, вынув из кармана нож, Перуцци нанес несколько режущих ударов по ближайшему полотну. Дмитрий подался вперед, чтобы пресечь эту дикую выходку, но остановился, видя, что с картиной происходит что-то странное. Поверхность ее сраталась так, словно это была живая плоть, только значительно быстрее: вскоре никаких следов на холсте не осталось.

Дмитрий заворожено смотрел на это чудо.

— Их невозможно уничтожить, — промолвил Перуцци торжественно. — Они наделены мощной магической силой. И каждая из них — квинтэссенция людского грехопадения. Семь картин Ладжози — «Семь смертных грехов» — созданы при помощи сатанинских чар для того, чтобы зло в этом мире процветало и побеждало. Уничтожить их можно только одновременно, окропив святой водой и произнеся известные нам древние заклинания. Зная эту страшную тайну, Орден Дракона уже более четырех сотен

лет собирает картины по всему свету. По преданию, последняя, седьмая, много лет назад была спрятана где-то поблизости, потому-то наш Орден и перебрался сюда. Шесть картин хранятся у нас, седьмая — в ваших руках, а вместе с ней в ваших руках и судьба мира. — Перуцци закончил свою речь и остановился в позе смиренного просителя.

— Все это похоже на сказку, — наконец обрел дар речи Дмитрий.

— На сказку? Нет, это не сказка… — Перуцци подал нож Дмитрию. — Попробуйте сами.

Реставратор несмело подошел к одному из полотен и неуверенно коснулся его острием. У Дмитрия создалось впечатление, что выражение лица изображенной на полотне уродливой похотливой женщины чуть изменилось. Она словно бы с некоей противоестественной радостью приняла этот укол… Но на полотне не осталось никакого следа, а у Дмитрия возникло острое ощущение нереальности происходящего… В порыве возбуждения Дмитрий, как и Перуцци, нанес несколько размашистых ударов. Полотно осталось целым и невредимым. Дмитрий испуганно отступил и брезгливо отбросил нож в сторону.

— Пока картины существуют, — заговорил

Перуцци, скрестив пальцы в каком-то замысловатом знаке, — на земле будут продолжаться войны и революции, голод и насилие, эпидемии и стихийные бедствия. Вы можете помочь нам остановить все это. Орден Дракона — могущественная организация. Мы сотрудничаем с правительством Румынии, и оно оказывает нам посильное содействие. Если вы выполните наше поручение, то без проблем покинете страну, заработав к тому же определенную сумму. Если же нет… местные спецслужбы уже сбились с ног, разыскивая убийцу одного из своих агентов. Он ехал в том же поезде, что и вы…

Дмитрии вздрогнул:

— Так это был не сон?.. Но он хотел убить меня!

— Это будет очень трудно доказать. Ведь это вы его убили, а не он вас… — Внезапно Перуцци поменял тон: — Но сказанное мной — не угроза. Поверьте, мы приглашаем вас к сотрудничеству во имя блага людей… Итак, завтра мы ждем вас с полотном.

— Это не моя картина, — упрямо напомнил Дмитрий, уже понимая, что на чаши весов легли судьба мира и его собственная репутация, и чересчур дорожить последней в подобной ситуации

не только бессмысленно, но и преступно.

— Госпожа Влада тоже получит свое. Главное, чтобы она не вывезла свою находку в Соединенные Штаты. На счету каждая минута. А если картину спрячут вновь, и мы потеряем ее, людские беды не иссякнут никогда.

— Я сделаю это, — сдался Дмитрий. — Я принесу ее завтра.

В кабриолете Дмитрий закрыл глаза и попытался успокоиться. Говорят, самое страшное в жизни — это неизвестность. Сейчас он как будто бы знал все. Но знание это было слишком необычным, страшным и мистическим.

Всю дорогу до замка Дмитрий лихорадочно перебирал в голове возможные варианты своего дальнейшего поведения и самым рациональным и честным нашел, что он не станет красть картину, а расскажет все Элизабет и Уолтеру. Они хорошие люди. Они все поймут.

…Старый Мирча, шаркая растоптанными сапогами, вновь прислуживал за ужином.

— Орден Дракона, Орден Дракона, — наморщил лоб Уолтер. — Что-то я об этом слышал… Минутку… — Он вышел из гостиной и вернулся с пухлым блокнотом. — Мои путевые заметки, — пояснил он, листая. — Вот! Я услышал эту

историю в Италии. Орден Дракона существует, и зародился он еще в средние века. Это… Ха! Это организация дьяволопоклонников!

Дмитрий испуганно посмотрел на Элизабет. Но и на его рассказ, и на сообщение Уолтера та отреагировала вполне сдержанно, если не сказать скептически.

— Та-ак, тут написано, что, по преданию, в шестнадцатом веке действительно были созданы магические картины… «Семь смертных грехов»… — Уолтер хлопнул себя по лбу. — Вспомнил! Когда-то эта история захватила меня своей экзотичностью! По дьявольскому наущению служители Ордена под пытками заставили написать эти семь картин самого талантливого художника того времени…

— Ладжози? — угадал Дмитрий, вспомнив имя, произнесенное Перуцци.

— Да-да, его звали именно так! Вот, гляньте, тут так и написано: «Барон Фабио Да Ладжози»! И краски его при этом замешивались на крови грешников…

— Меня посещала эта страшная догадка! — сокрушенно заметил Дмитрий. — Действительно, в краске присутствует некая добавочная чужеродная субстанция. Конечно же, это кровь!

— Так вот, после завершения всех семи картин служители Ордена должны были совершить некий обряд, принеся в жертву троих чистых душой бедолаг, и врата ада тогда разверзлись бы, и дьявол явился бы на землю. Но в последний момент Ладжози чудесным образом исчез из темницы, прихватив с собой одну из картин… Вот так-то! — Уолтер с хлопком закрыл блокнот, бросил его на стол и, радостно потерев руки, достал сигару.

— Красивая легенда, — кивнула Элизабет. — Но, я надеюсь, вы, просвещенные люди двадцатого столетия, не принимаете ее за истину. На мой взгляд, вас, Дмитрий, как человека свойственного русским романтического склада, просто-напросто попытались облапошить и бесплатно заполучить драгоценную картину. Мою, между прочим.

— Может быть, вас подвергли гипнозу? — предположил Уолтер.

Дмитрий поднялся из-за стола.

— Пойдемте со мной, — бросил он собеседникам. — Я знаю, как все проверить.

Они поднялись в мансарду и подошли к картине. Дмитрий взял со столика скальпель и, помедлив, решительно погрузил его в полотно. Закрыв глаза, он отдернул руку. Мелькнула

мысль, что его скудного жалования не хватит расплатиться за этот безумный шаг. Он открыл глаза. Картина была цела и невредима.

— Она неуязвима, — прошептал Уолтер. Сигара выпала из уголка его рта. — Постойте, в моем блокноте было еще кое-что, я не-дочитал…

Он поспешил вниз, а Элизабет и Дмитрий продолжали молча, как завороженные, смотреть на полотно.

Уолтер вернулся. Порывшись в своих записках, он сообщил:

— Вот. В пятнадцатом веке главой Ордена Дракона в Румынии был граф… Граф Влада! — выкрикнул он, — по прозвищу Дракул… А «дракул» по-румынски — «дракон».

— Влада… То есть Дракул — мой предок? — Элизабет выглядела неприятно удивленной. — Пойдемте-ка отсюда, — предложила она. — Я что-то неуютно себя чувствую рядом с этим холстом. Лучше бы мы его и не находили.

В гостиной Уолтер заметил:

— Подробности о ваших предках может знать Мирча.

— Мирча! — позвала Элизабет. Но старик словно сквозь землю провалился.

Глянув в окно, Дмитрий в свете догорающего

заката увидел Мир-чу, скачущего на лошади прочь от замка.

— Вот он!

— Это моя лошадь! — возмущенно воскликнул Уолтер. — Все ясно! Он шпионил за нами! Где мой карабин?!

Сдернув со стены гостиной ружье, он долго целился в уменьшающуюся фигурку всадника.

— Нет, уже не достать… — рыжеусый топнул от досады и опустил ствол.

— Да, он шпионил за нами, — согласился Дмитрий. — Теперь понятно, откуда Перуцци узнал, что вы хотите увезти картину.

— Выходит, он понимает по-английски! А я-то мучился с этим проклятым румынским произношением…

— Это очевидно, — кивнула Элизабет. — Завтра же следует отправляться домой. Прочь из этой ужасной страны!

— Завтра? — криво усмехнувшись, переспросил Уолтер. — Не уверен, что нас отпустят так просто. Думаю, надо готовиться к осаде. Приближается ночь. Возможно, скоро они придут…

Уолтер и Элизабет торопливо собирали вещи. Внезапно погас свет. Элизабет, зажигая свечу, выругалась:

— Проклятая страна!

— Что-то мне это не нравится, — тихо сказал Уолтер Дмитрию и, взяв со стола карабин, добавил: — Пойду вниз, проверю, как там наши запоры.

Но не успел он сделать и шага, как снизу раздался грохот выстрелов и крики.

— Они здесь! — рявкнул Уолтер и, выскочив на площадку, сделал несколько выстрелов, скорее для устрашения, нежели надеясь попасть в кого-то из тех, кто пытался взломать парадную дверь. Затем, присев к пулемету, крикнул: — Дмитрий, позаботьтесь об Элизабет! Быстрее в мансарду, пока они не ворвались! Там есть выход на пожарную лестницу.

— А вы?! — крикнул Дмитрий.

— Я поднимусь позже! Сверните картину!

Дмитрий схватил Элизабет за руку, и они, пробежав мимо Уолтера, устремились вверх по лестнице. Позади них раздался треск пулемета.

Оказавшись в мансарде, Дмитрий распорядился:

— Займитесь картиной. Выньте из рамы и сверните изображением наружу.

— А вы?

— Я помогу Уолтеру. Но вы должны оставаться

здесь.

— Ни за что!

— Но вы безоружны!

— Мужчины! — презрительно воскликнула Элизабет, достала из-за корсажа припрятанный перочинный ножик и бросилась к двери. — Занимайтесь картиной сами!

— Это безумие! — кинулся за ней Дмитрий.

Но в этот миг треск пулемета смолк, а еще через несколько мгновений в мансарду ворвался Уолтер.

— Все! — закричал он, запираясь. — Они прорвались. Тащите сюда вещи, что потяжелей!

Едва они успели забаррикадировать дверь, как нападавшие принялись бить снаружи чем-то увесистым.

— За мной! — скомандовал Уолтер и бросился в дальний угол мансарды к дверце в половину человеческого роста. Повозившись с засовом, он распахнул ее.

— Проклятие! — выругался он. И не зря. В свете огней факелов, окружавших замок, по пожарной лестнице уже лезли враги.

Он торопливо захлопнул дверцу и задвинул засов. Осажденные растерянно переглянулись. Путь к отступлению был отрезан.

— Мы в ловушке, — констатировал Уолтер.

Внезапно Дмитрий увидел, что прислоненная к стене картина начала излучать магический золотистый свет. Чувствуя непреодолимое влечение, он подошел к ней вплотную. Ощущение реальности вновь, как и в кабинете Перуцци, оставило его… На полотне не было портрета гневного рыцаря! Его поверхность искрилась ровной золотистой гладью. Дмитрий дотронулся до холста рукой. И рука, словно в жидкость, провалилась. По полотну разошлись маслянистые круги.

— Сюда! — окликнул Дмитрий остальных. — Здесь выход!

— Это?! — воскликнула Элизабет озадаченно и тоже сунула руку в картину. — Не может быть!

— Не время искать рациональное объяснение тому, что нам неведомо, — хладнокровно изрек Уолтер. — Быстрее туда! Это единственный шанс на спасение.

3.

— Тогда я первая, — заявила Элизабет и шагнула внутрь прямоугольника. За ней последовал Дмитрий.

Вот рука его осталась без кисти. Вот тело без руки. А вот и тело исчезло, и осталось только

сознание. А потом исчезло и сознание, оставив только воспоминание о каких-то красочных феерических и калейдоскопичных зеркалах, сменяющих друг друга…

Возвращение чувств было резким и внезапным. Дмитрий приземлился на ноги, но не удержался и упал на гладкий холодный пол. Испуганно озираясь, он обнаружил рядом поднимающуюся Элизабет. Они оказались в мрачном, освещенном факелами подземелье, стены и потолок которого были расписаны фресками в стиле Босха, а по углам расставлены какие-то непонятные приспособления. Созерцание прервал Уолтер, мешком упавший откуда-то сверху.

— Где мы? — опомнившись, испуганно прошептала Элизабет.

Бряцая кандалами и жестикулируя, из тени вышел заросший волосами человек и, всплеснув руками, воскликнул: «Quod erat demonstrandum!»

— «Что и требовалось доказать», — перевел пришедший в себя Уолтер.

Узник продолжал что-то быстро говорить и активно жестикулировать.

— Это итальянский, — сообщил Уолтер. — Он просит, чтобы мы освободили его.

— Кто он такой? — спросил Дмитрий.

— Я, кажется, догадалась! — воскликнула Элизабет. — Наверное, это тот самый художник.

— Помилуйте! — возмущенно возразил Уолтер. — Откуда ему взяться в двадцатом веке?

— Или это мы — в шестнадцатом? — неуверенно предположил Дмитрий.

— От Рождества Христова! — бодро заявил бородатый узник по-английски, но с сильным акцентом. — Я узнал ваш язык. Вы англосаксонские варвары. Хотя… — Он остановил взгляд на Элизабет.

Та, смутившись, старательно оправила платье.

— Я не знал женщин тридцать три года, три месяца и три дня, — заявил узник. — Освободите же меня скорее от оков!

— Не надо! — пискнула Элизабет. — Я чувствую: он опасен!

— Нет-нет, — уверил художник, — я не причиню вам вреда. — Затем, обернувшись к мужчинам, потребовал: — Да скорее же! В любую минуту здесь могут появиться люди Перуцци.

— И здесь?! — возмутился Уолтер. — Стоило ли бежать?

— Я могу вывести вас отсюда. Так вы поможете мне или нет?!

— Что нужно делать? — поспешно согласился

Уолтер.

— Возьмите инструменты, — художник кивнул на орудия пыток.

Уолтер и Дмитрий, прислушиваясь к командам художника, выбрали подходящие предметы и начали расковывать его. Убедившись, что они все делают правильно, он тут же вновь переключил свое внимание на Элизабет.

— Позвольте представиться, — узник чувственно посмотрел на нее, — барон Фабио Да Ладжози.

— Я так и знала, что вы Ладжози, — любезно ответила Элизабет.

— Вам знакомо мое имя?! — пораженно посмотрел на нее художник.

— Еще бы, — кокетливо кивнула она и, сделав книксен, представилась сама: — Графиня Влада.

— Элизабет! — даже приостановил работу Уолтер, — тебя же всегда смешил этот нелепый титул!

— Всему свое время, — холодно отозвалась та.

— Удивительно! — продолжал поражаться Ладжози. — Насколько я знаю, Перуцци сделал все для того, чтобы мое имя не осталось на скрижалях истории.

— На скрижалях и не осталось, — подтвердил Уолтер. — Известно только, что вы отсюда удачно

бежали.

— Это хорошо! — обрадовался Ладжози. — Значит, все идет по плану. Вышло так, как я и задумал! Тридцать три года я ждал этого часа, изображая все эти мерзости!..

Дмитрий внимательно оглядел подземелье и только сейчас заметил на стенах те самые картины, которые показывал ему Перуцци. Элизабет, проследив за взглядом Дмитрия, открыла от удивления рот.

— Силой своего искусства я заложил в последнюю картину особое свойство, — продолжил Фабио. — Через нее сюда должны были проникнуть трое, имеющие чистые сердца и благие помыслы.

— Почему именно трое? — пробормотал Уолтер, возясь с кандалами.

— Ну-у, — протянул Фабио. — Один должен держать замок цепи, другой — бить по нему, а третий… третья, — поправился он, — призвана освободить из заточения мой пылкий дух.

— Не дождешься, — пробубнил Уолтер, словно бы сам себе.

— А дальше? — Элизабет обернулась к Фабио. — Что с нами будет дальше?

— Вернетесь в свое время, — заверил женщину

Ладжози и добавил, пристально глядя ей в глаза. — Если, конечно, захотите.

— Захотим, захотим… — продолжал разговаривать сам с собой Уолтер.

— А каким образом мы вернемся? — спросил Дмитрий.

— Через эту же картину, — пояснил Фабио. — Однако есть одно условие: ее нужно доставить и спрятать туда, где она была найдена в ваше время.

— В Румынии, — подсказала Элизабет. — Картина была найдена в Румынии.

Ладжози непонимающе посмотрел на нее:

— Не знаю такой земли.

Уолтер нахмурился, припоминая названия из старинных географических карт.

— Валашское княжество, — пояснил он.

— Далеко, — покачал головой Фабио. — Очень далеко!

Его задумчивость прервал звук падающих на пол оков.

— А почему бы нам прямо сейчас не вернуться в свой мир, — спросил Уолтер. — Если это так просто?

— Если картину не спрятать там, где она была найдена, история мира будет развиваться

несколько иначе. Появится новая реальность. А два разных мира в одном месте Господь не потерпит. Произойдет грандиозный взрыв, и Вселенная исчезнет…

— Хорошенькую перспективу вы нам нарисовали, — невесело заметил Уолтер, но тут же приободрился. — А почему бы, дружок мой милый, не сделать так: мы возвращаемся домой, а вы тащите картину в нужное место.

— Один? — переспросил Фабио, глянув на Элизабет.

— Рисковать нельзя, — вмешался Дмитрий. — А вдруг он не справится? Исчезнет мир, и мы вместе с ним. Мы должны помочь Фабио.

— К сожалению, вы правы, — согласился Уолтер. — Тогда — вперед! Прочь из этой дыры! — он рванулся было, но Ладжози остановил его:

— Одну минуту, синьор! — Фабио снял картину с мольберта, свернул ее и уложил в сумку с кистями и красками. — Без нее у Перуцци ничего не получится! Впрочем, и у нас тоже.

Вместе они бросились по лестнице вверх. Массивная дверь темницы была заперта. Уолтер, бормоча проклятия, приставил к замочной скважине карабин. Передергивая затвор, он сделал несколько выстрелов. Фабио в испуге заткнул

уши. Когда дверь под натиском Дмитрия и Уолтера тяжело, с гулким скрипом открылась, Ладжози с величайшим интересом указал на карабин в руках Уолтера.

— Кто это изобрел?

— Порох — китайцы, а оружие сделано Смитом и Вессоном, — просветил его Уолтер.

— Они, очевидно, великие ученые! — восхищенно отметил Ладжози.

— Не думаю, — усмехнулся Уолтер. — Кто они по сравнению с изобретателями периодической системы или электрической лампочки…

— Вы должны мне рассказать! — Похоже, Фабио всерьез собрался прослушать лекцию обо всех научных открытиях минувших четырехсот лет. Он опустил на пол сумку и даже забыл об Элизабет.

— Ну что же вы?! — окликнула она, возвращаясь. — Мы ведь собирались бежать!

— Отличный план! Об открытиях мы поговорим попозже, — Ладжози схватил сумку и первым поднялся вверх по лестнице. Остальные проследовали вслед за ним, стараясь производить как можно меньше шума.

Но уйти незамеченными беглецам не удалось. Дорогу преградили четверо монахов в лиловых фесках и со шпагами. Дмитрий, Уолтер и Фабио

беспомощно посмотрели друг на друга. Кинув на мужчин презрительный взгляд, Элизабет достала из-за корсажа свой перочинный ножичек и, тоненько визжа, ринулась на монахов. Те, ожидавшие чего угодно, только не нападения женщины, отпрянули.

— А?! — торжествующе обернулась Элизабет к спутникам.

Но тут один из монахов, свирепо усмехнувшись, сделал шаг вперед и достал из-под сутаны огромный палаш. Элизабет, продолжая размахивать ножичком, отступила. А едва монах поднял палаш, Элизабет бросила ножик и с визгом спряталась за спины мужчин.

Уолтер выставил перед собой карабин и навел его на монаха. Тот с нескрываемым презрением смотрел на диковинную «шпагу». Раздался выстрел, и нападавший с изумленным выражением лица осел на пол. Уолтер демонстративно дунул в ствол карабина.

Спустя несколько минут Дмитрий, Уолтер и Фабио уже торопливо натягивали на себя балахоны плененных монахов. Те боязливо жались друг к другу, сидя на полу в исподнем.

— А я? — суетливо оглядывая себя, спросила Элизабет. — Фабио! Разве моя одежда не вызовет

подозрений у ваших современников?

Ладжози остановился, оценивающе оглядел ее и сообщил:

— О нет, синьорита. Правда, вам придется выдавать себя за женщину особого сорта.

Элизабет возмущенно фыркнула и отвернулась.

— Не беспокойтесь, — продолжил Фабио. — Как и следовало ожидать, у служителей дьявола оказались полные карманы денег, и мы купим вам одежду. А те люди, к которым я поведу вас сейчас, не посмеют притронуться к знатной даме, чем бы она ни занималась.

В одежде монахов они беспрепятственно выбрались из темницы. Ладжози споро вел беглецов за собой, то и дело оборачиваясь назад и ища в толпе горожан лиловые фески. Погони не наблюдалось.

Дмитрий и Уолтер проснулись от приглушенного грохота выстрелов. Облаченные в одежду простолюдинов, они лежали в рыбацкой хижине при свете сального светильника. Тут же вповалку спали мужчины, женщины, дети и домашние животные.

Уолтер огляделся.

— Нет Фабио и Элизабет! — сообщил он, вска-

кивая. — И пропал мой карабин.

Они выбежали на берег реки как раз тогда, когда к нему подплыла лодка. Ладжози, тоже переодетый рыбаком, с карабином в руке, соскочил по колено в воду, привязал лодку к мостку, а затем галантно взял на руки одетую в длинный сарафан Элизабет. Перенеся ее на берег, он, словно не желая расставаться с прелестным грузом, сделал еще несколько шагов.

— Чем вы с ней занимались?! — вскричал Уолтер. Фабио, не обращая на него внимания, осторожно поставил Элизабет на землю и, склонившись, поцеловал ей руку.

— Я познал истинное наслаждение, — сообщил он.

— Если бы вы попросили Уолтера, он справился бы с моей задачей намного лучше, — ответила она жеманно.

Дмитрий с интересом покосился на Уолтера.

— Хм!.. — покрутил ус тот.

— Синьор Ладжози попросил меня показать, как работает карабин, — пояснила Элизабет остальным. — И чтобы не беспокоить поселок выстрелами, мы отплыли подальше в море.

— Это восхитительное оружие, — сообщил Фабио, протягивая карабин Уолтеру. — С ним мы в

полной безопасности!

Уолтер взял карабин, оттянул затвор и заглянул внутрь. Затем, скривившись, заявил:

— Были в безопасности. Пока вы не расстреляли все патроны.

И, размахнувшись, бросил карабин в море.

Телега, запряженная волами, двигалась по загородной дороге. Элизабет, ойкая и извиняясь, брила уже постриженного Фабио. Уолтер, тяжело вздыхая, угрюмо на них поглядывал.

— Итак, мы отправляемся в вашу мастерскую? — уточнил Дмитрий.

— Да, в мои роскошные апартаменты, — мечтательно улыбнулся Фабио.

— Но что нам это даст?

— В молодости я построил летательный аппарат, — сообщил Ладжози. — Он поможет нам быстро и безопасно, аки ангелы по небу, перелететь через море в Валахию.

— Летательный аппарат? — поразился Дмитрий. — Первый летательный аппарат, если мне не изменяет память, был создан в девятнадцатом веке…

— А тот, что построил Леонардо Да Винчи, так и не взлетел, — мрачно добавил Уолтер.

— Леонардо?! — Ладжози отстранил руку Эли-

забет и разразился такой экспрессивной тирадой на итальянском, что нетрудно было догадаться — это отборная брань. Путники с нескрываемым интересом выслушали его. Наконец Фабио остановился и гневно бросил: — Он выкрал мои черновики!

— Значит, и мы не взлетим, — саркастически кивнул Уолтер, — раз у него по вашим чертежам ничего не вышло.

— У меня плохой почерк, — отозвался Фабио и многозначительно подмигнул.

— Все старинные мастера имели обыкновение зашифровывать свои записи, — пояснил Дмитрий.

— Неужели вы и вправду знакомы с Леонардо Да Винчи?! — восхищено смотрела на Ладжози: Элизабет.

— Знакомы?! — скривился Фабио. — Много лет назад его отец, синьор Да Винчи, привел ко мне этого несмышленого юношу. Если бы не деньги его отца, я никогда не взялся бы за обучение столь бестолкового отрока.

— Не смейте так говорить о величайшем ученом! — наконец-то нашел, за что обрушиться на соперника, Уолтер. — Он изобрел металлургическую печь, ткацкий станок и землеройную

машину!

В приступе дикого хохота Фабио скорчился и рухнул на дно повозки. Затем резко замолчал, сел и с издевкой спросил:

— Может быть, и «Джоконду» он написал?

Перуцци сидел в карете и, приоткрыв дверцу, вслушивался в вопли женщин и детский плач. Всадники Ордена Дракона, спешившись, обыскивали рыбацкий поселок, грубо выволакивая жителей из хижин.

В одном из жилищ служители Ордена нашли три сутаны. Выведя из хижины хозяина, его дочь и подростка-сына, они, угрожая расправой, потребовали сказать, куда направились беглецы.

Рыбак испуганно указал направление. Но поселок это не спасло. Один из «монахов» подпалил хижину факелом. Огонь легко перебросился на соседние постройки и охватил поселок. Перуцци закрыл дверцу кареты, и она тронулась, а остальные служители Ордена поскакали в указанном направлении верхом.

Фабио шел впереди, Уолтер, Элизабет и Дмитрий — поодаль, в толпе, движущейся к городским воротам. Протиснувшись к стражнику, Ладжози что-то быстро сказал ему, затем, отдав пару монет, позвал остальных взмахом руки. Стражники,

пропуская их, чему-то довольно ухмылялись, явно отдавая свои симпатии Элизабет и усиленно подмигивая ей.

— Что бы мы делали без него! — восхищенно воскликнула Элизабет. — Он умеет представить женщину в наилучшем свете! В шестнадцатом веке мужчины еще оставались мужчинами!..

— Мерзавец сказал, — сердито сообщил Уолтер, — что ведет новую наложницу для герцога, а мы — сопровождающие евнухи.

— Негодяй! — взвизгнула Элизабет и поспешила вперед, чтобы обрушиться на Фабио. Но тут, оглянувшись, она увидела в толпе позади лиловые фески. — Быстрее, тут люди из подземелья!

Все ускорили шаг и сумели в сутолоке оторваться от преследователей, которые так и не заметили их.

Элизабет сменила гнев на милость:

— Как ни досадны мне те гадости, которые наговорил про меня синьор Ладжози, если бы не его находчивость, мы бы давно уже были в лапах Ордена!

Вечерело. Поднялся ветер и заморосил дождь. Четверка беглецов плелась по грязной улице среди трущоб и остановилась возле входа в ночлежку.

— Фабио! — воскликнула Элизабет, закрыв нос платком и морщась от зловония. — Вы обещали, что я смогу принять ванну и что мы будем спать на чистых простынях.

— Но тогда, о моя восхитительная госпожа, я еще не знал, что Орден не потерял наш след. В приличном месте нас сразу найдут. Тем более, что такую очаровательную особу, как вы, не заметить просто невозможно.

— Он прав, — пробурчал Уолтер и сделал шаг за порог.

— Но я не могу…

— Очаровательнейшая синьорита, — приложил Ладжози руки к сердцу, — поверьте, мне очень жаль. Но потерпите еще чуть-чуть. Скоро мы доберемся до моего прекрасного дома, и уж там-то вы получите все, что только захотите: комфорт, уют, ванну с теплой водой и мягкую постель…

— Вы обещаете? — страдальчески улыбнулась Элизабет.

— Я клянусь.

— Ну ладно, — махнула рукой Элизабет и шагнула вслед за Уолтером. Фабио обернулся к Дмитрию и тихо, так, чтобы не слышала Элизабет, сказал:

— Более привередливой особы я еще не встречал.

Они прошли внутрь. Дмитрий с омерзением оглядел нищих, лежащих вповалку на соломе.

— Между прочим, — тихо продолжал Фабио, — после тридцати трех лет в подземелье, мне и тут кажется, что я попал в рай.

Дмитрий не мог заснуть. Кто-то все время кусал его в самые уязвимые места, и он непрерывно почесывался. Наконец, не выдержав, он сел и увидел, что не спит и Фабио.

— Эй, — тихо позвал он.

— Слушаю тебя, мой любезный друг и потомок.

— Фабио, по профессии я специалист в живописи. И я уже давно хочу спросить вас о той технике, которую вы используете. Она кажется мне не только совершенной, но и абсолютно невозможной. Ваши картины неуязвимы…

— Я тут ни при чем, — скорбно ответил Ладжози. — Я просто хороший художник. Очень хороший. — И добавил, расправив плечи: — Возможно, лучший из всех, какие были и будут. Мои ранние работы потрясали тех, кому я их показывал. Но слуги дьявола использовали мое мастерство в собственных целях. Они заставили меня изобразить все самое гнусное, что хранится

в тайниках человеческой души, все то, что и составляет в совокупности образ дьявола: зависть, похоть, гордыню, алчность, праздность, чревоугодие и гнев. Обряды и заклинания дьяволистов в сочетании с моим даром и дали тот результат, о котором вы сказали…

— А седьмая картина? Та, что у нас? Что она олицетворяет и почему обладает особенными свойствами?..

— Гнев. За тридцать три года заточения его скопилось во мне столько… Но это был праведный гнев — гнев по отношению к моим мучителям, к мучителям Христа, к врагам рода человеческого. Они просчитались еще и в том, что жертва, бедняга Винченцо, на крови которого замешивал я краски для этой картины, также пылал гневом праведным, гневом, обращенным на слуг дьявола и его истязателей. И я смог, рисуя эту картину, вложить в нее не только их, но и его, и собственную волю. Вот так я и вызвал вас.

— Что вы будете делать, когда мы вернемся обратно в двадцатый век?

— Могу сказать только одно: я больше никогда не притронусь к кисти. Дьявольский дух пропитал меня насквозь. Я должен уйти от мира и остаться в безвестности.

Под утро в ночлежку ворвалась группа солдат с пиками и факелами. Громко ругаясь, они пинками стали будить нищих.

— В чем дело?! — спросонья спросил Уолтер.

— Приказ герцога, — тихо объяснил Фабио. — Не хватает работников на каменоломне, и туда сгоняют всех бездомных.

— И женщин? — забеспокоилась Элизабет.

— Для женщин найдется другая работа, — ответил Ладжози.

Как раз в этот момент один из стражников бесцеремонно полез Элизабет под корсаж. Она, визжа и кусаясь, стала отбиваться от негодяя. Уолтер, Дмитрий и Фабио бросились к ней на выручку, и вскоре началась настоящая драка, в результате которой сначала Уолтер, а затем Дмитрий и Фабио были жестоко избиты и связаны.

Под конвоем всех четверых доставили в местную тюрьму.

— Из каменоломен мы еще могли бы бежать, — заключил Фабио, потирая отшибленный бок, — а из тюрьмы герцога есть только один путь. — Он выразительно посмотрел на небо.

— Вы хотите сказать, что я должна была терпеть хамские выходки этого мужлана? — вспыхнула грязная и растрепанная Элизабет. — Да дворянин

ли вы?! Я начинаю сомневаться…

— Не будь я дворянином, синьорита, разве кинулся бы я на защиту вашей чести?! — укоризненно блеснул глазами Ладжози.

— Честь, дворянство… — пробормотал Уолтер разбитыми губами, — а жить-то хочется.

— Что касается меня, — сообщил Фабио, — то я предпочел бы заточению смерть. Уж очень сидеть надоело.

— У нас отнимут картину, — обреченно заметила Элизабет.

Мужчины переглянулись.

— А вот этого допустить нельзя, выразил общую мысль Уолтер. — Вот что, любезный, — обратился он к Фабио, — пока не поздно, вам следует спрятать ее.

— Куда?! — огляделся тот.

— Не куда, а как. Вам нужно поверх полотна сделать другой рисунок. Да такой, чтобы никто не позарился.

— Вспомнил! — воскликнул Дмитрий озаренно. — Ведь поверх этой картины, когда ее нашли, был намалеван портрет какого-то чванливого вельможи! Именно его-то вы и должны исполнить.

— Если я покрою картину краской, вы не сможе-

те пройти через нее… — возразил Фабио. — Хотя… Главное, чтобы я изобразил именно то, что вы видели в будущем. Если я сделаю это один раз, и нам посчастливится выбраться отсюда, я всегда смогу стереть краску, а потом нанести ее заново. У меня прекрасная память.

— Так приступайте! — скомандовал Уолтер.

Ладжози судорожно принялся за дело.

— Для начала надо загрунтовать…

Он и не заметил, что за его действиями кто-то внимательно наблюдает через глазок в двери.

Поутру начальник тюрьмы пребывал в прекрасном расположении духа. Сегодня к нему в гости пожаловал сам герцог. Начальник тюрьмы с подобострастием прислуживал ему, поднося тарелки и напитки. Однако невыспавшийся герцог был явно сердит и находил утро изрядно испорченным.

— Так что это за особенные нарушители порядка содержатся у тебя, ради которых ты посмел меня беспокоить? — спросил герцог, жуя.

— Учти, если ты потревожил меня зря, тебе несдобровать. А я уверен, что это так. Я думаю, их нужно просто вздернуть, а не возиться, тратя мое драгоценное время. А тебе всыпать с десяток горячих. На всякий случай.

Начальник тюрьмы подумал, что утро, возможно, и не столь прекрасное, как ему казалось.

— Во-первых, ваше высочество, — начал он, — они англичане. И, по-моему, высокородные. Я даже побоялся поместить их в обычную камеру.

— Вздернуть, — заявил герцог.

— Во-вторых, — у них есть деньги.

— Вздернуть, — повторил герцог. — А деньги — в казну.

— В-третьих, один из пленников — прелестная женщина.

— Да-а? — протянул герцог. — Ладно. Остальных — вздернуть.

— Еще один — пускает изо рта дым, а третий превосходно рисует.

— Рисует? Гм-гм, — герцог неодобрительно посмотрел на тюремщика и, утерев салфеткой жирный рот, смилостивился. — Ладно. Давай взглянем. Или я не прославленный меценат?

Очередная идиотская рожа, которую Фабио изобразил на загрунтованном полотне, вновь не удовлетворила Уолтера.

— Да нет же, нет! — закричал он. — Опять не то! Ну что, разве среди ваших знакомых не было еще большего урода?!

— Куда уж больше? — возмутился Фабио. — Ей

Богу, так меня не истязали и в застенках Ордена!

Он тут же углем сделал другой набросок.

— Нет! — не унимался Уолтер. — Рожа должна быть жирная и тупая!

— Если бы вы показали мне этого человека хотя бы на миг, я бы выполнил то, что вы требуете! Я же говорю, у меня феноменальная память. Но не могу же я поочередно рисовать всех идиотов, которых когда-либо видел…

— Почему всех? — распалялся Уолтер. — Я же говорю: рожа жирная и тупая!

Дверь со скрипом открылась, и на пороге возникли тюремщик и герцог.

— Вот она! — истерически закричал Уолтер, тыча пальцем герцогу в лицо.

Спустя час беглецы оказались в замке герцога, и вскоре, умытые, сытые и переодетые они уже мило беседовали с хозяином, расположившись в беседке его сада. В первую очередь, герцог осведомился, возьмется ли Фабио написать его портрет, и тот вызвался приступить немедленно. Пока он готовил к работе кисти и чистый холст (перенести изображение герцога на заветную картину «Гнев» ему по памяти не составит труда), переводчиком для Дмитрия и Элизабет стал Уолтер:

— Он приносит извинения за дурное обраще-

ние с нами его людей в тюрьме. Он говорит, что сам он без труда распознал бы в нас знатных англичан, а вот слуги его туповаты. Он просит нас быть его гостями и обещает прекрасное обращение, а вам, — он кивнул Элизабет, — свое просвещенное общество.

Элизабет старательно изобразила благодарность.

— Он обещает вам почитать свои стихи, — добил Уолтер. — Этот хам собирается читать вам их и день, и, между прочим, ночь.

Мило улыбаясь, Элизабет спросила:

— Уолтер, вы уверены, что он не знает английского?

— Абсолютно.

С лучезарной улыбкой на лице, она обернулась к герцогу и ласково защебетала:

— Ах ты, старый жирный сукин сын. Засунь свои стихи себе в задницу и заткни ее своим титулом.

Уолтер слегка замялся, а затем что-то «перевел» герцогу, и тот весело засмеялся и дружески похлопал Уолтера по плечу.

— Полный идиот, — с выражением великой признательности на лице сообщил Уолтер остальным.

Фабио приступил к работе. Герцог, вдохновенно позируя, по памяти читал свои вирши Элизабет. Уолтер переводил.

Шли дни.

— Подобно пчелке, подлетевшей к прелестному цветку, — с мрачным лицом монотонно бубнил Уолтер, — вы, Элизабет, подлетели к этому старому хрычу. Цветок уже было хотел завянуть, но вы, между прочим, вернули его к жизни и цветению.

— Браво, — помахивая веером, благосклонно улыбнулась Элизабет, сидевшая напротив.

Дмитрий отвернулся, чтобы спрятать улыбку, в то время как Уолтер продолжал «переводить»:

— Как мне надоели все эти пчелки и прочие насекомые. Скорей бы, что ли, осень наступила, и все эти цветочки усохли. Хочу домой, дружочек мой. Вот его стих заканчивается, закругляюсь и я, а то, как бы он…

Герцог с особой страстью произнес последнюю строчку, и Уолтер с подъемом, взмахнув рукой, закончил:

— Чего неладного не заподозрил!

Элизабет похлопала в ладоши. Герцог разразился пламенной тирадой.

— О! — воскликнул Уолтер. — Это что-то новое.

Он сказал, что завтра, по окончании работы над портретом, он устраивает бал, на котором покажет картину и вас своим знатным друзьям. Вы будете королевой бала.

Элизабет мило улыбнулась герцогу:

— И все-таки в этой надутой жабе что-то есть…

Выставленная на балу картина вызвала восхищение у приглашенных. Дамы ревниво рассматривали Элизабет и при любом удобном случае льстили герцогу и вились вокруг него. В исполнении струнного квинтета звучал менуэт, и Элизабет, не обращая внимания на настырных итальянок, поочередно танцевала со всеми знатными мужами, чувствуя себя в этом обществе, как рыба в воде. Не терялся и Фабио, лихо отплясывая с какой-то юной жеманной особой.

— Вы уверены, что завтра мы сможем покинуть это место? — улучив минуту и выйдя из залы на веранду, спросил у Уолтера Дмитрий.

— Если Элизабет будет так беззастенчиво кокетничать, он может и не отпустить ее.

Они понимающе переглянулись.

— Честно говоря, — продолжил Уолтер, — у меня какое-то неприятное предчувствие. В конце концов, за нами погоня. И мне не верится, что мы сумели замести следы.

— Пока что нам везет, — заметил Дмитрий. — Всюду мы ускользали от опасности в самый последний момент…

Словно в подтверждение его слов послышалось цоканье копыт, и во двор замка въехала запыленная карета в сопровождении всадников.

— Взгляните! — тихо произнес Уолтер. — Неужели опять?

Из кареты вышли Перуцци и перепуганный насмерть начальник тюрьмы. Дмитрий и Уолтер присели, спрятавшись за перила, а Перуцци, словно чувствуя их близкое присутствие, поднял глаза и бросил пристальный взгляд на балкон. Одного движения его бровей было достаточно, чтобы всадники спешились и заняли все выходы из замка.

Дмитрий и Уолтер кинулись в залу. Танец закончился, и гости рассаживались за накрытым столом. Элизабет с Фабио уселись по левую руку от герцога. Уже с порога Дмитрий и Уолтер попытались знаками привлечь их внимание, но те смотрели в сторону. В этот миг слуга что-то шепнул на ухо герцогу. Тот, изменившись в лице, извинился перед гостями, поднялся и двинулся к выходу из залы.

— Попались, — обреченно пробормотал Уолтер

себе под нос.

— Спокойно, — возразил Дмитрий. — Идем как ни в чем не бывало.

Они тронулись навстречу герцогу и мило улыбнулись, поравнявшись с ним. Затем почти бегом подскочили к столу, и Дмитрий уселся рядом с Элизабет на место герцога. Гости, пораженные таким вопиющим нарушением этикета, уставились на него.

— Они здесь, — процедил Дмитрий сквозь зубы. — Делаем ноги.

— Но как? — нахмурилась Элизабет.

— О-о… — внезапно простонал Фабио, возведя глаза к потолку, и схватился за живот.

Вторя ему, Дмитрий торопливо подцепил с тарелки баранью ножку, отгрыз кусок и проглотил, почти не жуя. И тут же, сморщившись, отодвинул тарелку. Элизабет, прикрыв рот платком, поднялась из-за стола первой. Уолтер заботливо подхватил ее под руки и повел из залы. Извинившись перед гостями, за ними, держась за животы, гуськом двинулись к выходу и Дмитрий с Фабио.

Гости недоуменно обнюхали яства и, морщась, отодвинули их.

Вскоре четверо беглецов были уже во дворе герцогского замка. Уолтер подкрался к карете

Ордена и, сбросив кучера мощным ударом в ухо, занял его место. Остальные поспешно забрались внутрь. Карета помчалась через ворота, оставив позади себя валяющихся в пыли служителей Ордена.

Привлеченный шумом, Перуцци выглянул в окно кабинета герцога и гневно ударил кулаком по столу:

— Мы снова упустили их! Где картина?! — рявкнул он на герцога.

— Они увезли ее?! Конечно же, увезли, — сказал он уже, скорее, сам себе, — но наглецам не уйти. Они поплатятся за все, тебе не спасти их! — погрозил он небу кулаком.

Находившийся тут же начальник тюрьмы испуганно переглянулся с герцогом.

— Синьор Пе-перуцци, — заикаясь, обратился тот. — Она висела в за-за… — Он собрался с духом. — В зале! Не думаю, что они могли ее взять.

— Проверьте, — не веря в успех, бросил Перуцци герцогу, и тот поспешно покинул кабинет. — Вы точно знаете, что он писал портрет поверх другого изображения? — обратился Перуцци к начальнику тюрьмы. Тот, онемев от страха, только мелко закивал головой.

— Она здесь! Здесь! — с выпученными глазами

ворвался в кабинет герцог. Слуги тащили картину за ним.

— Поставьте ее сюда! — встрепенулся Перуцци. — И убирайтесь! Убирайтесь все!

Кабинет мгновенно опустел. С торжествующей улыбкой Перуцци вынул кинжал и шагнул к полотну. Он осторожно поскреб поверхность портрета и изменился в лице. Поскреб еще… Еще!.. Но под верхним слоем краски не было ничего. Перуцци в ярости замахнулся кинжалом… Однако остановился.

— Герцог! — позвал он.

Толстяк моментально вырос перед ним. Перуцци усмехнулся и только теперь несколькими ударами кинжала раскромсал портрет на куски. Герцог попытался что-то сказать, но вместо этого издал только ряд нечленораздельных звуков.

— Велите подать карету, — бросил ему Перуцци. — Орден будет весьма признателен вам. — И вернул кинжал в ножны.

Уолтер что было силы погонял лошадей. Из города они выбрались без помех. Стражники у ворот, заметив на карете лиловый герб, отошли в сторону и лишь проводили ее настороженным взглядом. Наконец, отъехав на приличное расстояние от города, Уолтер остановил лошадей

на развилке.

— Куда теперь? — утерев пот со лба, спросил он Фабио. — Где ваши роскошные апартаменты?

Ладжози вышел из кареты и внимательно посмотрел по сторонам.

— Туда! — наконец указал он на какую-то точку горизонта. Но в голосе его чувствовалась неуверенность.

Уолтер недоверчиво посмотрел на него и указал в другую сторону:

— А может, туда? — спросил он язвительно.

Фабио, повернувшись в указанном направлении, радостно вскрикнул:

— Вон моя мастерская! Видите высокую башню?! Мастерская рядом!

На его крик из кареты выглянули Дмитрий и Элизабет.

— Это не башня, — возразил Дмитрий. — Это печная труба. Из нее идет дым.

— Так куда мне править?! — раздраженно спросил Уолтер.

— Туда, — указал Фабио третье направление и с обиженным видом сел в карету. — Тридцать три года…

Уолтер, выругавшись, свернул влево, и карета двинулась по дороге к морю.

Вставало солнце. Карета медленно ехала по узкой дорожке. То и дело на пути встречались небольшие нарядные особнячки и домики. Почти у каждого Уолтер спрашивал: «Этот?». И всякий раз получал отрицательный ответ. Когда же они поравнялись с убогим, ветхим, заросшим кустарником двухэтажным строением, Уолтер даже не удосужился спросить.

— Стойте! Вот он — мой прекрасный дом, — выпрыгнув из кареты, радостно сообщил Фабио.

Внутри жилище выглядело еще хуже, чем снаружи. Беглецы, отряхивая с головы пыль и обрывая с одежды паутину, поднялись по скрипучим ступенькам на второй этаж.

Большая комната наверху оказалась сплошь завалена всяческими конструкциями, чертежами и картинами. Фабио, забыв обо всем, кидался от одной своей работы к другой.

— А где мы будем спать? — спросила Элизабет жалобно.

— Вы собираетесь спать? — с упреком сказал Фабио.

— Вы обещали уют…

— Да-а, — задумчиво потер бритый подбородок Ладжози и тут же воспрял. — С прекрасной женщиной — везде уют. Особенно, если она возьмется

за уборку.

— Какая уборка?! — вскричал Уолтер. — Сюда вот-вот нагрянет Орден!

— Верно! — согласился Фабио. — Уолтер, Дмитрий, помогите мне.

Втроем они вытащили из кладовки какие-то невероятных размеров шкуры, сшитые между собой.

— На этом мы будем спать, — обреченно кивнула Элизабет.

— На этом мы будем летать, душа моя! — с подъемом возразил Фабио.

— Летать?..

Дмитрий осмотрел шкуры и без энтузиазма констатировал:

— Так это воздушный шар…

Услышав догадку Дмитрия, Уолтер бросил свой конец шкуры на пол.

— Я на этом не полечу, — заявил он. — Да мы и не поднимемся в воздух. Я путешествовал на воздушных шарах и знаю, как они устроены. Чтобы поднять эту рухлядь, нужно столько гелия, сколько нам не добыть и за год.

Фабио, хитро прищурившись, успокоил:

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите, но догадываюсь. Уверяю вас, друг мой, что тот

газ, который использую я, способен поднять не только всех нас, но и еще пару человек..

Сморщенные шкуры медленно наполнялись. Элизабет штопала места, из которых со свистом вырывался воздух, Уолтер ремонтировал корзину, а Дмитрий укладывал сумки с провизией и подвесил балласт.

— Скорее! Скорее! — торопил их Фабио, разжигая горелку. — У нас совсем мало времени.

— Мы и так спешим, — обиженно заметила Элизабет. — Даже слишком. Я уже все пальцы себе исколола. Кто проделал все эти отверстия?

— Крысы, — лаконично объяснил Фабио.

Элизабет подавленно замолкла.

Наконец дыры были заштопаны, и шар, если, конечно, можно назвать шаром гигантскую шкуру, стал нехотя приобретать форму. Вид его был столь плачевен, что Уолтер изрек:

— Стоило ли спешить, если эта рухлядь развалится, едва поднявшись в воздух.

— Ничего подобного случиться не может, — уверенно заявил Фабио, — лезьте в корзину. Вы мне сами говорили, что, по легенде, мне удалось скрыться. Значит, ничего иного не стоит и предполагать.

— Ваша теория неверна, — осадил его Уолтер. —

Хотите, я разобью ее в пух и прах? Слышали ли вы про закон сохранения материи?

— Конечно. Я открыл его сам. «Ex nihilo nihil fit». Ничто не возникает из ничего. Но к чему это нам?

— Да ведь мы своим появлением тут уже нарушили состояние мира…

— Вы своим появлением спасли его!

Возражение Уолгера прервал крик Дмитрия:

— Они рядом! Вон, на пригорке! Они заметили нас!

Словно услышав его слова, всадники на холме на миг остановились. Минуту спустя их нагнала карета, и весь кортеж в ускоренном темпе двинулся к дому Фабио.

— Лезьте все! — воскликнул Фабио и добавил в горелку своего загадочного порошка. — Мы еще можем успеть!

— Не вы ли сейчас утверждали, что ничего дурного с нами случиться не может?! — пискнула Элизабет, присев рядышком.

— Это теория, синьорита, — вкрадчиво промолвил Фабио, — только теория. А если она окажется ошибочной?

Шар медленно поднимался в воздух. Приподнялась и корзина, но ее удерживали веревки.

Однако и с этой высоты приближающееся облако пыли стало видно отчетливо.

— Тогда рубите канаты! — возопила Элизабет. — Теоретик!

— Рано, — хладнокровно ответил Фабио, — они натянуты еще слишком слабо, и мы будем волочиться по земле…

Он добавил в горелку порошка, и тот начал пузыриться, выделяя огромное количество газа.

— Эх, где мой карабин! — сокрушенно воскликнул Уолтер, поглядывая на приближающихся преследователей. А служители Ордена были уже совсем рядом. Они добрались до изгороди и, вооружившись пиками, стали спрыгивать с лошадей.

— Пора! — решил Фабио и обрубил веревки. Воздушный шар чуть приподнялся.

Служители Ордена, выскочив с другой стороны дома, бросились к летательному аппарату. Но шар приподнялся еще.

— Мы спасены! — радостно закричала Элизабет.

И действительно, шар уверенно начал подниматься все выше и выше.

— Мы спасены! — повторила Элизабет. — Что, съели?! — крикнула она преследователям, беспо-

мощно потрясающим копьями внизу.

Все облегченно посмотрели друг на друга.

— Возблагодарим же Господа, друзья мои! — воскликнул Фабио.

— Куда мы направляемся? — спросил Дмитрий, когда шар набрал достаточную высоту.

— Сейчас мы покинем Апеннинский полуостров, — уверенно сообщил Ладжози, — перелетим Средиземное море и совершим посадку в Валахии. Если получится, то прямо у стен вашего замка.

— Странно… — задумчиво почесал затылок Дмитрий.

— Что странно? — насторожился Фабио.

— Странно, как мы попадем туда. Ведь нас несет совсем в другом направлении.

— О, diabolo!!! — вскричал Ладжози, схватившись за голову. — Как правы те, кто говорит, что за ошибки юности нам приходится расплачиваться в старости! Тридцать три года назад я собирался сделать этот снаряд управляемым, но, придя к выводу, что без особого труда могу это сделать, сразу же охладел к этой затее…

Они вновь переглянулись, но на сей раз растерянно.

…Дмитрий проснулся от пробирающего до костей холода. Зябко поеживаясь, он огляделся

вокруг. Закутанная в костюмы мужчин Элизабет мирно посапывала, уткнувшись лицом в плечо Уолтера. Тот спал в обнимку с мешком провизии, а Фабио, словно древнее изваяние, замер у горелки.

— Где мы находимся? — растирая затекшие ноги, спросил у него Дмитрий.

Тот молча показал пальцем вниз. Дмитрий выглянул из Корзины и увидел море.

— Адриатика, — сообщил Фабио. — Нам повезло. Ветер переменился, и мы летим на восток. И довольно быстро.

Он достал и развернул полотно, на котором еще в тюрьме им была намалевана дурацкая рожа.

— Пока у нас есть время, помогите мне очистить картину, потом нам может быть дорог каждый миг. Вы ведь умеете?

Дмитрий кивнул. Вместе они соскребли верхний слой краски, обнажая картину «Гнев». В процессе работы Дмитрий старался не смотреть на нее, но все равно настроение его стало подавленным.

— Сколько у нас времени? — поинтересовался он, чувствуя облегчение от того, что Ладжози вновь свернул картину. — Скоро мы достигнем цели?

— Не знаю, — ответил Фабио уклончиво.

— Ну хотя бы приблизительно?

— Не знаю… — вздохнул Фабио. — У нас топливо кончается.

— Порошок?

— Нет. Порошка еще есть немного, а вот жечь его скоро будет не в чем. А он улетучивается… Щелей наоставляли…

— Что же делать?

— Надеяться на волю Всевышнего… Какое-то время мы еще удержимся на этой высоте. Потом сбросим балласт. Глядишь, и дотянем до берега.

С самыми скверными предчувствиями Дмитрий прикрыл глаза. И, несмотря на ощущение опасности, все-таки уснул снова.

Истошный крик Фабио: «Проснитесь! Мы падаем в море!» — разбудил всех.

Шар опускался. Небо хмурилось от приближающихся грозовых туч.

— Нужно освободиться от балласта! — проорал Фабио сквозь рокот штормовых волн. Путешественники принялись спешно отвязывать от краев корзины мешки с песком. Балласт был сброшен, и шар начал медленно подниматься. Но вдруг замер вновь.

— Что еще случилось?! — воскликнул Уолтер.

— Погасла горелка! — выкрикнул Фабио. — У нас кончилось топливо!

— Конец? — обреченно спросил Дмитрий, но его, скорее всего, не услышали.

— Одежда! — закричал Фабио. — Сбрасывайте одежду!

— Может быть, не надо?! — зябко кутаясь, крикнула ему в ухо Элизабет. — Одежда весит совсем мало! Какой смысл ее сбрасывать?! Лучше уж утонуть одетыми!

— Не вниз, а с себя сбрасывайте! — .прорычал Фабио. — Нам нужно чем-то топить горелку!

Мужчины быстро сорвали с себя одежду, оставшись в нижнем белье. Элизабет продолжала смущенно медлить.

— Рвите на куски! — скомандовал Фабио. Борясь с грозовым ветром, он с трудом разжег горелку и кинул в нее остатки порошка. Воздушный шар, зависший было над прибрежными скалами, вновь стал медленно подниматься.

Решившись, принялась раздеваться и Элизабет.

— Синьорита! — попытался остановить ее Фабио. — Это не обязательно. Порошка уже нет все равно!

— Ах так! — заявила Элизабет сердито. — Снова

мужчины делают себя героями, оставляя женщину в стороне! Ну уж нет! — она закончила раздеваться, оставшись в соблазнительном кружевном белье, и демонстративно выбросила платье вниз.

Налетевший порыв ветра внезапно качнул корзину, и все повалились с ног.

— Что это?! — взвыл Уолтер.

Фабио что-то прокричал в ответ, но за ревом бури его не было слышно. Воздушный шар неумолимо падал. Но уже не в море, а на сушу.

Одетые в рубище, обросшие и исцарапанные, брели они по разбитой дороге вдоль реки, один за другим минуя крестьянские дворы.

— Я больше не могу, — взмолилась Элизабет. — Мы тащимся по этим забытым Богом землям уже почти месяц!

— Потерпи, дорогая, — отозвался Уолтер. — К закату мы должны быть на месте.

— К закату? — невесело усмехнулась Элизабет. — О прошлом закате, Уолтер, вы говорили то же самое. Кстати, — заметила она, — уже и закат. Значит, мы пришли. — И со вздохом опустилась на траву.

Повалились рядом с ней и остальные.

Некоторое время молчали.

— Я не понимаю, куда мог подеваться мой замок, — вдруг заплакала Элизабет. — Он ведь должен быть где-то здесь.

— Перестаньте, — жалобно попросил ее Фабио, — я не видел женских слез тридцать три года, и это зрелище невыносимо для меня.

— Может быть, мы что-то напутали со временем? — мрачно предположил Уолтер. — Может быть, Бренд еще не построен?

— Если не лжет завещание, он построен уже двести лет назад, — отодралась Элизабет, вытирая слезы и беря себя в руки. — Если, конечно, оно не лжет, — повторила она скептически.

Дмитрий поднялся и двинулся к ближайшему строению.

— Куда вы? — окликнул его Уолтер.

Дмитрий продолжал идти молча и не оборачиваясь.

— А-а, — понял Уолтер. — Логичнее было бы подойти к реке. Вода к воде…

— А я потерплю, — заявил Ладжози.

— И я потерплю, — согласился Уолтер. — До постоялого двора. Не тут же мы будем ночевать.

— А я могу и сутки терпеть, — доверительно сообщил Фабио. — У меня мочевой пузырь крепкий.

Элизабет неожиданно взбеленилась:

— А вам не кажется, что в присутствии дамы вы могли бы и не делиться такими милыми интимными подробностями своей физиологии?! Мужлан.

Фабио и Уолтер посмотрели друг на друга. И вдруг, разразившись диким хохотом, стали, корчась, кататься по траве. Элизабет вскочила на ноги и, уперев руки в бока, смерила их долгим презрительным взглядом. Но они продолжали ржать, не обращая на нее ни малейшего внимания.

— Ах так! — рявкнула Элизабет в ярости. Но не привлекла их внимания к себе и этим. — Ах так! — повторила она и огляделась по сторонам. А затем сердито заявила: — Между прочим, идиоты, вот он — мой замок.

Мужчины хохотали, пропустив ее заявление мимо ушей. Элизабет повернулась к ним спиной и двинулась в сторону, противоположную той, в которую ушел Дмитрий. Уолтер и Фабио уже не смеялись, а тихо стонали. Затем они сели и недоуменно посмотрели вслед Элизабет. Уолтер, довольный тем, что может наконец сказать грубость, сообщил Фабио:

— Тоже приспичило!

Фабио хотел было рассмеяться вновь, но Элизабет резко остановилась, обернулась и холодно, с расстановкой сказала:

— Я все прекрасно слышу, Уолтер. Вы ошибаетесь. Просто я иду домой. — И она указала на замок и мостик перед ним. Узнать его было действительно сложно. Сейчас он представлял собой лишь небольшую крепость с заросшей травой дорогой. По-видимому, множество пристроек было сделано позже. Но знакомые очертания все же угадывались.

Мужчины оторопело поднялись. Дмитрий со всех ног бежал к ним.

Однако они не пошли туда сразу. Не хватало еще погибнуть от рук предков Элизабет, нынешних владельцев Бренда, слывших отнюдь не самыми добрыми на свете людьми. Дождались темноты.

— Теперь вы должны указать мне, где была найдена картина, — возбужденно прошептал Фабио, когда они пробрались за ограждение.

— Ее нашли в часовне, — сообщил Уолтер. — Но я не вижу здесь никакой часовни. Нам что, придется ждать, пока ее построят?

— Она была найдена в фундаменте часовни, — припомнила Элизабет.

— Где находилась часовня? — спросил Фабио.

— Тут, справа от парадного входа, — указал Уолтер на покосившиеся деревянные ворота.

На указанном месте они обнаружили следы строительных работ — груды отесанных камней, деревянные сваи…

— Все совпадает, — благоговейным шепотом отметил Фабио. — Фундамент возведен. Самое время прятать.

— Поспешим? — предложил Дмитрий.

— Одну минуту, — вмешался Уолтер. — В какой момент времени мы вернемся в будущее? В тот самый, когда исчезли оттуда?

— Конечно! — утвердительно заявил Фабио.

— Но тогда мы убегали от смертельной опасности. Вернувшись, мы просто-напросто погибнем! Сделайте же так, чтобы мы появились в будущем чуть раньше!

Фабио беспомощно развел руками.

— Но если мы вернемся в тот же момент, — настаивал Уолтер, — служители Ордена убьют нас, завладеют картиной и свершат свой дьявольский обряд. Зачем же вы вызвали нас сюда — в прошлое?

— Во-первых, предусмотреть все — не в моих силах, — сказал Фабио. — Во-вторых, если бы вы

не пришли, обряд был бы свершен уже сейчас. Вы дали Вселенной отсрочку на целых четыреста лет.

— А дальше?

— Дальше все зависит только от вас.

— Так может, не возвращаться? — предложила Элизабет.

Фабио со вздохом посмотрел на нее.

— Вы не представляете, синьорита, как я был бы счастлив, если бы вы остались… Но нет. Не вернуться вы не можете. Иначе петля времени не замкнется, и мир исчезнет.

— Когда мы вошли в картину в двадцатом веке, у меня хотя бы карабин был, — мрачно заметил Уолтер. — Почему мы раньше не подумали об этом?

— У нас есть выбор? — риторически спросил Дмитрий.

Все удрученно промолчали. Фабио огорченно пожал плечами. Он развернул картину, разостлал ее по земле, и она тут же вспыхнула магическим светом. Все зачарованно уставились на полотно. Изображение гневного рыцаря исчезло, и поверхность холста искрилась золотом, ка, к когда-то в мансарде.

— Она зовет вас, — сообщил Ладжози. — Это

знамение. Я чувствую, все должно кончиться хорошо. Хотя вряд ли мои предчувствия и успокоят вас.

Первым решился Уолтер.

— Прощайте, — сказал он, пожал руку Фабио и, словно в омут, шагнул в картину. Его тело медленно, словно в зыбучий песок, погрузилось в переливающуюся субстанцию. Остальные переглянулись.

— Теперь я, — явно храбрясь, заявила Элизабет и, осыпав лицо Фабио быстрыми поцелуями, вошла в картину следом.

Дмитрий, опустив голову, спросил:

— Мы все сделали правильно?

— И я уверен, вам многое еще предстоит, — кивнул ему Фабио нарочито бодро.

— Ладно, — вздохнул Дмитрий. — Не забудьте запечатлеть герцога… — И он последовал за остальными.

Вывалившись из картины в мансарду, Дмитрий увидел, что Уолтер и Элизабет уже пленены служителями Ордена. Его друзья ждали своей участи, лежа со связанными руками и ногами. Чья-то тяжелая ладонь опустилась на плечо Дмитрия, но не успел он и обернуться, как был скручен и тоже повален на пол.

Заткнув рты кляпами, их бросили на дно повозки и куда-то повезли по тряской дороге. Самым мучительным для Дмитрия было даже не то, что происходило с ним, а стоны — Уолтера и особенно Элизабет. Фабио ошибся, окончательно уверился Дмитрий. Их всех ожидает смерть, а дьявольский обряд будет совершен.

Их выволокли из повозки, развязали ноги и тычками заставили спуститься по лестнице. Дмитрий узнал ее. Это была лестница в кабинет Перуцци под антикварной лавкой в Бухаресте. В комнате теперь не было письменного стола, вместо него под картинами Дмитрий увидел жертвенный алтарь. Спустя некоторое время в подземелье внесли седьмую картину и поместили ее на стену рядом с шестью остальными.

Вошел Перуцци в черной мантии и лиловой феске. Он остановился возле алтаря и подал знак своим подручным. Четверо монахов сдернули с картин завесы, а затем освободили пленников от кляпов.

— Мы не смогли… Ничего не смогли сделать, — прошептал Уолтер.

Элизабет озиралась вокруг заплаканными глазами.

Монахи затянули зловещее заклинание.

Перуцци обнажил нож. Служители Ордена, не прекращая петь, развязали Уолтера и повели его к алтарю. Он попытался вырваться, но силы были неравны. Его силком поставили на колени, и, держа за волосы, возложили его голову на алтарь. Перуцци приблизился. Монахи смолкли.

— Amen, — произнес Перуцци нараспев и полоснул Уолтера ножом по горлу. Тот захрипел, и кровь из раны хлынула на алтарь, стекая по желобкам в подставленную чашу.

Элизабет закричала, но ее крик заглушило возобновившееся пение монахов.

Перуцци поднял чашу с пола и, зачерпывая ладонью, обошел картины, кропя их кровью. И полотна вспыхнули. Но не тем золотистым, зовущим светом, который Дмитрий видел раньше, а пурпурным сиянием, исходившим откуда-то из глубины.

Дмитрий почувствовал, что волосы на его голове зашевелились. Картины оживали. Страшные твари, изображенные на них, гнусно оскалились и потянулись к чаше. Но что-то не позволяло им выйти наружу. Казалось, их сдерживает какая-то невидимая преграда — податливая, но в то же время упругая и прочная. И Дмитрий понял. Одной жертвы было недостаточно.

Монахи двинулись к Элизабет.

— Нет! — закричал Дмитрий. — Оставьте ее! Возьмите меня!

Но никто не обращал на него внимания, обряд вершился по своему сценарию, на который не могло повлиять ничто.

Сперва Элизабет кричала и брыкалась, но внезапно затихла, обмякнув. Бесчувственную, ее поднесли к картинам и положили голову на залитый кровью алтарь.

— Amen! — вновь произнес Перуцци…

И вновь чаша наполнилась пенящейся кровью. И вновь Перуцци окропил ею холсты…

Дмитрий увидел, что изображения на картинах изменились, они обрели глубину и перспективу. Уродливые фигуры теперь уже тысячами толпились в них, словно пытаясь прорваться наружу, алчно косясь друг на друга завистливыми глазами, раздирая друг друга на части, набивая зловонные рты кусками плоти и тут же, в лужах крови, совокупляясь друг с другом…

Но нет, они еще не могли вырваться наружу, даже навалившись на невидимую преграду всей массой своих гниющих тел.

И тогда наступила очередь Дмитрия. Он не сопротивлялся. Отчаяние охватило его. Он и не

согласился бы жить в таком мире, каким тот должен был скоро стать. Ему хотелось умереть. Он сам встал на колени и положил голову на алтарь.

— Amen! — услышал он голос Перуцци и повернул голову навстречу этому звуку. Время замедлилось, словно растянувшись. Лезвие ножа неотвратимо приближалось… Дмитрий зажмурился.

И тут… Открыв глаза, он увидел, что перед ним стоит человек.

— Не понял, — пробормотал он и пришел в себя окончательно, разглядев, что его непрошеный гость держит в руке огромный тесак. Румын! И припомнил Дмитрий предостережение Николая Андреевича: «Вы с этими румынами-то поосторожнее. Лихой народец…»

Выкрикнув, словно заклинание, какие-то слова, человек сделал шаг вперед и замахнулся. Но как раз в этот миг тошнота, которую Дмитрий уже давно испытывал, стала нестерпимой. Содержимое его желудка выплеснулось на пол купе и на штаны румына.

От неожиданности и брезгливости тот, вместо того чтобы нанести удар, отшатнулся назад и, стукнувшись ногами о полку, грузно сел. Попы-

тался встать, но Дмитрий, схватив первое, что ему попалось под руку — бутыль из-под шампанского, — бросил ее прямо в лицо нападающему.

На миг румын потерял контроль над ситуацией: выставив руки, чтобы защититься, он вновь осел на полку и выронил нож прямо к ногам Дмитрия. Тот, наклонившись, поднял его. Румын, придя в себя, с ревом бросился вперед… И напоролся на неумело, двумя руками выставленный тесак.

Поднявшись, Дмитрий с удесятеренной от шока силой завалил румына на столик, а затем выпихнул бьющееся тело в открытое окно. Бутыль отправилась следом за румыном. Свесившись из окна, он еще раз опорожнил свой желудок, а затем без сил рухнул на постель.

Утром Дмитрий то ли проснулся, то ли вышел из обморока от легкого стука в дверь его купе. Из-за двери был слышен голос Элизабет:

— Мистер Полянов!.. Мы подъезжаем!

Держась за раскалывающуюся голову, Дмитрий сделал попытку ответить, но из его рта вырвался только хриплый стон. Сев, он непонимающим взглядом окинул свое роскошное купе «люкс»… И все вспомнил. В ужасе наклонился, ища на полу лужу крови, но увидел на нем лишь следы рвоты.

— Одну минуту, мисс Влада, я только переоденусь! — крикнул Дмитрий и, сдернув с себя шелковую сорочку, принялся лихорадочно вытирать ею пол. «Именно «переоденусь», а не «оденусь»! Какая гнусность! — думал он. — Мало того, что завалился в одежде, еще и напачкал… Дворянин… Благо, без соседей еду, со стыда сейчас сгорел бы…»

Американка из-за двери кокетливо спросила:

— Может быть, вы не один?

— Я? — переспросил Дмитрий и недоуменно огляделся вокруг. — Я совершенно один, — произнес он, скорее, себе.

Запихав испачканную сорочку под полку, он сбросил мятую одежду, надел чистую рубашку, нацепил галстук-бабочку, поспешно облачился в свой любимый костюм, купленный им по случаю в Париже, во время пребывания на международном конгрессе реставраторов, и приоткрыл дверь.

— Простите, мисс Влада… Я что-то дурно себя чувствую, — извинился он и жестом показал, что сейчас выйдет. Достав из-под столика кофр с инструментами и роскошный саквояж из крокодиловой кожи, он с облегчением выскользнул из купе, быстро прикрыв за собой дверь. Тяжело

вздохнув и покачав головой, он пообещал:

— Никогда больше не буду пить. Мне приснился нынче абсолютно кошмарный сон. Будто бы я, представьте себе, зарезал ножом какого-то румына. И все было так реалистично!..

Элизабет рассмеялась и, коснувшись лба Дмитрия, заключила:

— Я посоветовала бы вам пить почаще, мистер Полянов. Тогда вам станут сниться по-настоящему мужские сны…

Сперва кабриолет двигался через город, который был больше похож на огромный сад. Нарядные горожане прохаживались по ухоженным тротуарам, тут и там разгуливали солдаты в пестрых парадных мундирах и звучала праздничная музыка, исполняемая небольшими оркестриками. Затем кабриолет выехал за город. Всюду были разбиты виноградники, изобилующие цветами и фруктами сады. Улыбчивые крестьяне приветственно махали им.

Перебравшись по мостику через небольшую речушку, кабриолет подъехал к расположенному на холме старинному мрачноватому замку.

— Добро пожаловать в Бренд! — воскликнула Элизабет, соскакивая на землю.

По широкой лестнице с сигарой в зубах спу-

стился… «Уолтер»,

— всплыло имя в сознании Дмитрия. Он наморщил лоб.

— Вас зовут… — сказал он, протягивая руку, — вас зовут Уолтер?

Элизабет озадаченно посмотрела на Дмитрия, а Уолтер по-домашнему похлопал ее по спине и сказал:

— Как приятно узнать, что вы рассказывали обо мне…

— Мне никто ничего не рассказывал, — покачал головой Дмитрий.

— Но у меня такое чувство… есть такое психическое заболевание. Французы называют его «дежа вю»…

Приглядевшись к Дмитрию, Уолтер изменился в лице, и сигара выпала у него изо рта.

— Похоже, я тоже болен этой болезнью… — сказал он озадаченно.

— Ваша внешность кажется мне до боли знакомой… По-моему… Точно! Вы снились мне сегодня ночью… Дмитрий? — его лицо окончательно вытянулось.

Элизабет удивленно, почти испуганно смотрела на них. Пауза затягивалась.

— Что-то мне нездоровится с дороги, — нару-

шил тишину Дмитрий. — Пожалуй, я немного отдохну…

Уолтер, пристально глядя на Дмитрия, спросил:

— А может быть, вы сначала посмотрите картину?

— Да! — воскликнул Дмитрий. — Все дело в ней! Я хочу осмотреть ее немедленно!

Дмитрий взял одной рукой край ткани, которым был укрыт холст.

— Я знаю, что там изображено, — сказал он. — Портрет глупого жирного герцога.

Он сдернул покрывало. Но на холсте было совсем другое — благородное и одухотворенное лицо пожилого человека с мудрыми глазами и легкой усмешкой на губах.

— Не то! — воскликнул Дмитрий пораженно.

— Ну, слава Богу, — облегченно вздохнула Элизабет. — А я уже начала бояться, что вы нездоровы…

— Но этого я тоже знаю… — перебил ее Дмитрий.

— Его зовут Фабио, — вторил ему Уолтер, и они уставились друг на друга.

— Ой! — вскрикнула Элизабет. — Я, кажется, тоже больна.

Мужчины перевели взгляды на нее.

— Я его помню тоже… Он снился мне. — И тут она побледнела. — А еще я вспоминаю жуткую сцену из этого сна. Как вам, Уолтер, перерезал горло ножом какой-то страшный человек… — Пошатнувшись, она присела на ажурный плетеный стул.

— Перуцци, — отозвался Уолтер и побледнел.

— Не пойму, откуда, — сказал Дмитрий, — но я знаю точно, что под этим портретом есть еще одно изображение. Вы позволите мне снять первый слой?

— Вы уверены? — жалобно спросила Элизабет.

— Да, — подтвердил Уолтер.

— Но, мне кажется, эта картина очень хороша, и мне не хотелось бы терять ее, — возразила Элизабет.

— Я уверен, — настойчиво отозвался Дмитрий, — что под этим портретом нечто намного более важное.

— А как посоветуете мне вы? — взглянула Элизабет на Уолтера.

— Пусть он немедленно сделает это, — откликнулся рыжеусый, пытаясь дрожащими руками прикурить сигару.

Элизабет кивнула, и Дмитрий, натянув пер-

чатки и взяв в руки инструменты, приступил к работе. Почти сразу его догадка подтвердилась.

— Так и есть, — возбужденно сообщил он. — Там имеется что-то другое!

— Что? — срываясь на крик, спросил Уолтер.

Дмитрий расчистил участок величиной с монету.

— Буквы… Какие то письмена.

— Письмена?! — поразилась Элизабет. — Расчищайте дальше!

— Постойте! — воскликнул Уолтер. — У меня же есть фотографический аппарат. Давайте запечатлим этот портрет, пока вы не испортили его окончательно.

— Прекрасная идея! — согласился Дмитрий, и пока Уолтер бегал за камерой, сообщил Элизабет: — Мне действительно жаль уничтожать это лйцо. Я знаю точно, этому человеку мы обязаны очень многим.

Фотография была сделана, и Дмитрий расчистил картину полностью. Надпись, которую они обнаружили там, гласила:

Любезнейшие мои друзья из будущего — Дмитрий, Уолтер и несравненная Элизабет. Спустя много лет после того, как вы ушли из моей жизни, я, уединясь в бенедиктинском монастыре,

посредством долгих размышлений и изучений философских трудов пришел к выводу, что был не прав. Изменения в прошлом приведут к изменениям в будущем, а вовсе не к его уничтожению. Пути Господни неисповедимы, но не двойственны. И тогда я забрал проклятую картину из тайника. Живите счастливо и вспоминайте своего друга, барона Фабио Да Ладжози. Уничтожить картину я не могу, но я спрятал ее в надежном месте и унесу эту тайну с собой в могилу…

С глаз присутствующих словно бы спала пелена.

— Значит, это правда? — спросил Уолтер. — Теперь я помню множество снов… И все они были правдой? И наше проникновение в прошлое, и Фабио, и служители, а?..

— Но как же наша смерть? — полушепотом спросила Элизабет. —

Ведь, теперь я отчетливо помню. Мы погибли…

— Все ясно, дорогая, — заявил Уолтер, — Фабио Да Ладжози изменил прошлое, и то, что когда-то было реальностью, теперь — только сон.

— Трудно в это поверить, однако дело обстоит именно так, — согласился Дмитрий.

Эпилог

Дмитрий ехал к Аннушке на недавно приобретенном черном «паккарде» с открытым верхом. Его лицо становилось то озабоченным и напряженным, то прояснялось: он любовался Санкт-Петербургом, по которому в Румынии успел порядком соскучиться. Столичные мостовые кишели роскошными выездами и сверкающими никелем автомобилями. Невский проспект стал нынче куда привлекательнее и красочнее Пикадилли или Трафальгарской площади.

Город на Неве вместе со всей Россией хорошел с каждым годом. Да и было с чего. Вот уже более десяти лет страна жила в мире. Тихая и спокойная Россия с ее патриархальным укладом и незыблемыми верой в царя и Бога становилась еще и мощнейшей индустриальной державой.

Дмитрий остановил авто у роскошного двухэтажного особняка. В холле старый и верный слуга Ивашка Елисеев помог ему снять щегольской плащ и калоши. С криком: «Дмитрий Александрович вернулись!» — Ивашка проводил его на второй этаж.

— Анна Николаевна! — заполошно закричала горничная. — Ухажер ваш из стран заморских

возвернулся! — И, весело подмигнув Дмитрию, скрылась в одной из бесчисленных комнат…

Навстречу вышел Николай Андреевич. Весь его вид излучал довольство, а закрученные усы делали его улыбку лихой и бравой. Он заключил Дмитрия в объятия.

— «Из дальних странствий воротясь», — процитировал он классика.

— Митя! — с тихой радостью и смущением произнесла Аннушка, появившись в проеме двери.

Единственного взгляда на нее хватило Дмитрию для того, чтобы понять, что именно сегодня, и ни днем позже, он наконец решится и сделает ей предложение руки и сердца. Раньше ему казалось, что торопиться некуда, что впереди еще так много счастливых лет и, пока это возможно, не грех наслаждаться свободой от семейных обязанностей. Но в последнее время его постоянно преследовала мысль о зыбкости и вариативности сегодняшнего доброго мира.

Николай Андреевич, поймав его взгляд, многозначительно изрек:

— Раз так, пойду пока налью водочки! Подходите в столовую, когда освободитесь.

— Но одна мысль не дает мне покоя, — завершал Дмитрий свой рассказ, сопровождаемый

недоверчивым покашливанием Николая Андреевича, — мысль о том, что в момент изменения прошлого пришельцами из будущего, то бишь нами, Вселенная, возможно, разделилась на две альтернативные ветви — в одной победу одержали эти безумцы в шапочках, и мир там полон зла. А в другой ветви находимся мы с вами…

Наконец Николай Андреевич не выдержал и перебил его:

— Полноте вам, Дмитрий! Это уже слишком! Вот уж не ожидал от вас подобных фантазий! Английского сказочника Уэллса начитались? Или же нашего доморощенного — господина Федорова? Ваша гипотеза о двух смежных мирах не укладывается ни в какие естественнонаучные рамки! Да вдумайтесь только сами, что вы тут нагородили! Будто бы в той несуразной реальности Россией правят большевики! Это же крайняя нелепость. Кто бы их стал избирать? Зловредность этой террористической секты внутри коммунистического движения была очевидна даже слепцу! Недаром секта эта вовремя разоблачена и обезврежена. А коммунисты… не спорю, у них мощная организация, но ведь они не занимаются политикой. Они лишь собирают деньги в помощь христианам всего мира. Они исповедуют социальную

общность, и это правильно, это противостоит западнической философии индивидуализма, и именно баланс меж этими крайностями и ведет Россию по верному пути. Многих коммунистов я знаю лично — прекраснейшие, честнейшие и очень набожные люди.

— А Ленина… То есть Владимира Ульянова вы случайно не знаете? — поинтересовался Дмитрий.

— А как же! Что касается Володи, так это и вовсе форменный бред. Я коротко знаком с его братом Сашей, когда-то мы даже вместе учились в гимназии, и я неоднократно чаевничал у них дома. Да, правду говоря, Володя был тогда весьма склонен к резким суждениям. Но нынче он — отличный семьянин, отец пятерых детей. Его старший служит при дворе Его Величества Государя Николая Второго… Короче говоря, советую вам, Дмитрий, съездить куда-нибудь в другое место, а не в эту глухую Румынию…

— Но…

— Никаких «но»! — поморщился Николай Андреевич. — Давайте-ка лучше чай пить. Дуняша, подавайте.

— Но…

— А ежели вы, милостивый государь, будете

настаивать на своих невежественных бреднях, я еще подумаю: отдавать ли за вас Аннушку… Чуда вам захотелось? Душа мается? Так ведь мир наш как раз полон чудес! Его Императорское Величество подписали проект строительства водяной электрической станции на Днепре, это ли вам не чудо?! Вот на что вам, молодежи, следует направить свою фантазию и энергетику… Или уж на крайний случай хотя бы увлечься книжками этого калужского старика Циолковского. Бредни, конечно, но фантазию будоражат.

— Папа, — вмешалась Аннушка. — А не допускаешь ли ты мысли, что в Митином рассказе есть толика правды?

— А я и не думаю, что он лжет. Но я ученый и привык доверять только фактам, а не сновидениям. И во всем, что тут услышал, я вижу только одну загадку: как трем разным людям могло присниться одно и то же? Однако современная психология располагает сведениями и о более удивительных явлениях. Так стоит ли драматизировать?..

— А как быть с этим? — Дмитрий достал из внутреннего кармана пиджака фотографию с портретом Фабио Да Ладжози.

Николай Андреевич взял снимок, подслепо-

вато прищурился, надел пенсне и вгляделся в изображение.

— Хороший портрет, — сказал он. — Славно исполнен. Жаль, если вы его испортили… Сдается мне, что вся эта ваша трансформация картины в засекреченный текст — не более, чем фокус, непонятно с какой целью произведенный над вами экстравагантной американкой.

Дмитрий хотел было возмутиться, но вспомнил об угрозе Николая Андреевича и перевел взгляд на Аннушку. И неожиданно обнаружил, что та готова вот-вот заплакать.

— Что ты, милая? — коснулся он ее руки.

— Мне… — сморгнула она слезу, — мне жалко ту меня, которая так и не дождалась своего Митю…

— Ах-ха-ха! — ударил себя ладонями по коленкам Николай Андреевич так, что пенсне соскочило у него с носа и повисло на ниточке. — Вот они, барышни! Им только намекни, они и рады нюни распустить. Нет, дочка, — продолжал он успокоительно и одновременно строго, — нет на свете того неприглядного мира, который обрисовал нам тут наш фантазер-путешественник. Нет и не будет! Ибо, если мы будем следовать заповедям Господним, то и Он не оставит нас.

Дмитрий Володихин

ПРИЗЫВАЯ КЛИО

Э. Геворкян в статье «Последний Бастион» («Если» № 2, 2000 г.) сделал любопытное предположение: в недалеком будущем возникнет «клановая», «узкоцеховая» НФ, получат собственную НФ генетики, геологи, военные и т. п. Московский критик и профессиональный историк Д. Володихин попытался выяснить, что же такое историческая фантастика и в чем ее принципиальное отличие от других направлений НФ.

Поначалу я предположил: исторической фантастикой стоит называть те работы фантастов, в которых есть точное воспроизведение какого-нибудь пласта исторической реальности.

Но потом понял, что определение, построенное на словах «точное воспроизведение реальности», саму эту реальность не отражает. По большому счету, на протяжении всей краткой, но бурной истории постсоветской фантастики вышло только два заметных произведения, которые могут

претендовать на «точное воспроизведение» от начала и до конца. Это роман Андрея Валентинова «Дезертир» (1997) и трилогия Андрея Мартьянова — «Вестники времен» (1998), «Творцы апокрифов» (1999, в соавторстве с М. Кижиной), «Низвергатели легенд» (2000).

В первом случае автор опирается на очень солидное знание эпохи Великой Французской революции, представляет, как одевались в те времена, как готовили кофе, по какому календарю жили и где в революционном Париже располагались те или иные правительственные учреждения. А. Валентинов, сам профессиональный историк, добросовестно освоил специальную историческую литературу «по широкому фронту». Но можно говорить и о философском влиянии: чувствуется, что писателю близка позиция блистательного консервативного историка и философа Томаса Карлейля.

В случае с Андреем Мартьяновым все значительно проще. Фактологической основой трилогии стала научно-популярная книга И. В. Можейко (он же Кир Булычев) — «1185 год». На нее, как на стержень, нанизываются добавки из прочей литературы о европейском средневековье. Работа И. Можейко — это умная и профессиональная

популяризация исторических знаний, к тому же оригинальная по форме и, понятно, великолепно написанная. Соответственно, и производная от нее вышла недурная… если закрыть глаза на художественный уровень последователя (особенно второй и третьей книг).

Видимо, не сложилось еще особого жанра исторической фантастики. В этой сфере не существует единого комплекса книг, где соблюдались бы сюжетные, структурные, стилистические каноны, где был бы некий единый метод изложения — иными словами, все то, что называется жанром. На сегодняшний день об исторической фантастике имеет смысл говорить только как о хаосе весьма разнородных литературных произведений, где массированно используется исторический антураж (действительный, а не фэнтезийный). Возможно, на этой почве когда-нибудь и вызреет некая жанровая общность, но до этого далеко.

Когда автор этих заметок попытался собрать историческую фантастику, выросшую из отечественного материала (древнерусской, старомосковской, петербургско-имперской и советской истории), у него ничего не вышло. Парадоксально: в 90-х годах никого не заинтересовало

классическое русское средневековье, галантный XVIII век и даже громокипящее XIX столетие. На одном конце хронологической шкалы в судьбе России — славяно-киевская эпоха, породившая океан фэнтези. У этого океана очень хорошо вычерчено побережье: не позднее середины XI столетия, когда правил Ярослав Мудрый.

На другом конце — Серебряный век, революции, войны двадцатого столетия. Советскую и предсоветскую эпохи «эксплуатировали» много и со вкусом.

Посередине же — колоссальный пробел.

Не нужны оказались фантастам времена Александра Невского и Дмитрия Донского, обошлось без опричной тьмы Ивана Грозного и кровавого пира Смуты, оставлены в стороне кипение петровских десятилетий, изящная пора «веселой царицы Елисавет», а с ними вместе и «век золотой Екатерины».

Казалось бы, какое обилие человеческих трагедий, какой пестрый мир отваги, жестокости, святости и предательства, какое богатство политических сюжетов! Ан нет, не надобно. Почему?

Отвечая на этот вопрос, легче всего начать с того, что оказалось востребованным.

Что касается славяно-киевской фэнтези, то

она в большинстве случаев может быть названа «исторической фантастикой» лишь с изрядной натяжкой, поскольку фантазии авторов чаще всего преобладают над исторической реальностью. Правда, в конце 90-х произошел сдвиг в сторону «историзма», фактологической точности. На форзацах романов появились карты, где довольно точно показано расположение восточнославянских племен и древнерусских городов (например, серия «Княжий пир», основанная «Центрполиграфом»), видны скрытые цитаты из исторических источников. Сейчас уже почти позабыты истоки славяно-киевской фэнтези. Многим представляется, что она родилась после 1991 года наподобие взрыва сверхновой. Это заблуждение. Корни жанра уходят значительно глубже — они в так называемой «русской богатырской повести»

XVIII века. В этом жанре плодотворно работали Лев-шин, Попов. Уже в советские времена повести и рассказы о волхвах, витязях, князьях и богатырях появлялись на страницах молодогвардейских ежегодных сборников «Фантастика». Классический для славянокиевской фэнтези роман С. Плеханова «Заблудившийся всадник» вышел в 1989 году. И знание исторических реалий Киевской Руси у Плеханова было на порядок вы-

ше любого из современных авторов. Двенадцать — пятнадцать лет назад «Молодая гвардия», надо полагать, пыталась сформулировать целую философию национального неоязычества, подводя под нее серьезную историческую базу. Заметим: весь огромный период древнерусской истории с середины IX века до смерти Ярослава Мудрого умещается в несколько десятков страниц летописи, несколько страниц иностранных источников, не очень обильный археологический, мифологический, этнографический материал и считанные единицы архитектурных памятников, дошедших до наших дней. Все подвиги и походы князей киевских, все язычество с Перунами и Мокошами, все градостроительство и вся государственная деятельность отражены на ничтожном пространстве реальных исторических источников. «Молодогвардейцы» вычерпывали подчистую все или почти все. Лет семь после них те же самые сюжеты, подходы, концепции эксплуатировались по нисходящей: вместо живого источника авторы стали черпать материалы из монографий Б. А. Рыбакова, знаменитого романа «Русь изначальная» В. Иванова и какой-то убогой популярщины.

Во второй половине 90-х к славяно-киевской

фэнтези стали относиться серьезнее. Огромная часть современного лагеря патриотов ставит на «национальную идею», при этом отрицая страшненький национализм, основывающийся на чистоте «крови», то есть на голой принадлежности к русскому этносу. Следующий шаг, по логике, — укрепить и облагородить идею «крови», разбавив ее идеей исторической культуры, или «почвы». А «почва» породила только две исторические культуры — язычество и христианство. Христианство в настоящий момент находится в поле мощнейшей полемики; принять или отвергнуть христианство в наши дни — значит принять или отвергнуть множество знаковых элементов истории, нравственности, да и той же политики. Иными словами, сделать очень ответственный выбор. Язычество до последних лет почти не замечали: ну, есть чудинка такая на Руси, не относиться же к нему серьезно. А для национального самоутверждения вроде бы даже приятно: арии мы, да и культура у нас была ого-го! Все попы проклятые порушили, да еще иноземцы. Вот неоязычество и набралось сил — проросло молодогвардейское зернышко, посеянное задолго до 91-го… А поднялся росточек на хорошо удобренной почве страшно ущемленных

национальных чувств и вековечной благоглупости «не будем преувеличивать»…

Язычество пало в раннем средневековье. С XI столетия у него уже не было ни малейших шансов. До Батыева нашествия в середине XIII века, быть может, стоит говорить о некотором соперничестве двух религиозных традиций, а после него — исключительно о языческих вкраплениях в христианское мировоззрение, христианскую культуру, христианский социум. Поэтому и писать об огромном периоде с XI–XIII до XIX столетия неудобно. Встает та же самая проблема выбора: если принять нашу историю тех столетий со всеми ее триумфами и кошмарами такой, какова она есть, значит, принять и христианство (речь не идет о крещении, имеется в виду ценностная система) и еще очень много связанных с ним вещей… А если отвергнуть, то и отказываться придется от многого. Отношение к этим эпохам — как индикатор, моментально показывает, кто ты такой, с кем сидишь на одной скамейке. Возможно, поэтому и не пишут: страшновато…

Не исключено, что автор этих строк несколько преувеличил. Может быть, просто нет среди современных фантастов порядочных знатоков русской старины. Работа с историческим антура-

жем требует больших дополнительных усилий. Кир Булычев еще в 80-х играючи справлялся с такими задачами («Похищение чародея», «Царицын ключ»), но у него — подготовка профессионального историка.

Еще одна большая группа фантастических произведений, в которых используется исторический антураж, относится к так называемой «альтернативной», «параллельной» или криптоистории. Различие незначительное. Вот несколько моделей параллельно-альтернативной истории: мировой исторический процесс шел-шел и вдруг раздвоился или растроился… или «на самом деле все было не так», или «а что было бы, если бы…» (у историков-профессионалов это называется контрфактическим моделированием), или мировых исторических процессов с незапамятных времен было вообще два (три, пять, кто больше?). Забавно: несколько шарлатанов вроде А. Фоменко и М. Аджиева тоже претендуют на самоназвание «альтернативная история», хотя они занимаются отнюдь не фантастикой, а обряжением исторических знаний в шутовские наряды на потеху непритязательной публике.

В российской фантастике 90-х крипто-альтернативно-параллельная история главным образом

паслась на тучных нивах XX века и в меньшей степени XIX-го. К ней можно отнести знаменитую эпопею Кира Булычева «Река Хронос», роман Василия Звягинцева «Одиссей покидает Итаку» (а также несколько менее удачных продолжений), роман Л. Вершинина «Первый год Республики» и его же повесть «Сага воды и огня», два романа А. Лазарчука и М. Успенского («Посмотри в глаза чудовищ», «Гиперборейская чума»), скандальную повесть С. Абрамова «Тихий ангел пролетел». В меньшей степени сюда относятся роман В. Рыбакова «Гравилет «Цесаревич», дилогия Г. Л. Олди «Маг в законе», а также повесть Е. и Л. Лукиных «Миссионеры». В еще меньшей степени — «Человек напротив» того же В. Рыбакова. И разумеется, нельзя не назвать Андрея Валентинова — бесспорного лидера отечественной «альтернативной истории».

Из приведенного списка легко увидеть: наше время само водило рукой фантастов. Добрая половина его, так или иначе, связана с главным переломом в российской истории последнего столетия — Октябрем 1917 года. Когда представления об этих годах, принятые в советское время, оказались анахронизмом, фантасты попытались ответить на два вопроса (и, пожалуй, преуспе-

ли в этом больше самих историков): что это было на самом деле (Кир Булычев, А. Лазарчук, М. Успенский, В. Звягинцев, В. Рыбаков) и как повернулась бы судьба страны, не случись того, что случилось? Иногда два больших историософских вопроса перекашивало этаким задором — перемонтировать биографию России, как пленку с боевиком. Особенно грешил этим В. Звягинцев. Но если бы некая виртуальная конференция выставляла оценки за теоретическую смелость, то фантастам досталось бы намного больше баллов, нежели историкам. Никакой связной концепции, отвечающей на первый или на второй вопросы, в современной исторической науке не существует. А у фантастов — несколько вполне цельных концепций… Они оказались оперативнее.

Что касается других социальных катаклизмов, прежде всего Великой Отечественной войны и превращения СССР в РФ, то им уделено куда меньше внимания. Наверное, боязно… все-таки боязно… Тронь войну — и рискуешь получить клеймо мерзавца на всю оставшуюся жизнь. Та боль еще не пережита и не отболела. Видимо, рано еще совать палец в эту рану: пойдет кровь… Так, по мнению многих, С. Абрамов сильно поторопился, и это самое мягкое, что можно сказать…

По поводу перестройки риск не меньший. Ведь это — сунуться в политику. А значит, не избежать пинков со всех сторон.

Зачем понадобился фантастам исторический антураж? Когда и для чего они его применяют?

Чаще всего цель фантаста, решившего поработать с историческим материалом, может быть названа либо философской, либо публицистической, либо дидактической. С последним все просто: А. и Б. Стругацкие когда-то назвали «дидактической» фантастику Жюля Верна и Хола Клемента: те обстоятельно знакомили читателя с законами физики или новинками техники, а увлекательный сюжет служил литературной подпоркой для просветительской работы. К такого рода литературе следует отнести сериал А. Мартьянова. Основное содержание его романов — все то же самое просветительство, но только в отношении средневековой европейской истории. Как у Клемента физика подавила фантастику, так и у Мартьянова история не оставила от фантастики мокрого места.

Публицистикой занимался прежде всего В. Рыбаков в «Гравилете…». Роман представляет собой размышления о судьбе России на историческом материале. О несложившейся судьбе… То же

можно сказать и о повести С. Абрамова, правда, значительно более экстравагантной по манере исполнения. В обоих случаях по тексту щедро рассыпаны авторские отступления на «глобальные» темы: о политике, экономике, культуре в макрокатегориях. Как ни странно, озорная книга А. Лазарчука и М. Успенского «Посмотри в глаза чудовищ» причалила в том же порту. Этот роман называли образцом криптоистории, но, видимо, он в большей степени публицистика, слегка обряженная в одежды гуманитарной НФ. Мировой исторический процесс представлен как результат деятельности эзотерических сообществ темных и светлых оттенков. Получилось нечто среднее между «Маятником Фуко» Умберто Эко и традиционалистскими сочинениями Александра Дугина. Сакральная политология, геополитическое религиоведение… Во всех трех случаях и история, и фантастика придавлены авторскими концепциями. Они исправно тянут пехотную лямку, а мимо них проходят блестящие гвардейские колонны авторских тезисов…

«Миссионеры» Л. и Е. Лукиных и «Первый год Республики» Л. Вершинина тяготеют к третьей группе. В обоих случаях авторы иллюстрировали парадоксы исторического развития, прозвучав-

шие, скорее, как его законы, как его внутренняя философия. Здесь история и фантастика не «толкаются», сосуществуя вполне гармонично. У Г. Л. Олди историческая канва едва намечена. В романе «Маг в законе» приметы Российской империи XIX столетия понадобились для того, чтобы создать образ тоталитарной громады, нависающей над носителями свободы. Андрей Валентинов предлагает читателям образ жизни, условно названный «дезертирским». Герой бежит из мира жестокости, ненависти и крови, отказывая в своей шпаге и своем опыте противоборствующим сторонам. Если у Олди фантастические элементы преобладают над исторической реальностью, то у Валентинова они едва видны и могут быть безболезненно изъяты из повествования.

Нередко историческая беллетристика становится фантастикой, поскольку у автора есть знакомства в мире издателей фантастики: он хочет продать роман подороже и увидеть его изданным порядочным тиражом. Иными словами, один род литературы успешно мимикрирует под другой. В других случаях фантастике дарит воздушные поцелуи политика — как, например, обстоит дело со славяно-киевской фэнтези.

Сейчас кое-что из этих симулякров может быть

прибыльным, но в дальнейшем способно оказать гибельное воздействие на судьбу фантастики. Если у массового читателя возникнет впечатление, что под маркой фантастического романа можно приобрести Бог весть что, этот сектор книжного рынка размоется. И, естественно, ужмется. Выводы сделать нетрудно…

Видимо, последняя, философская, ветвь «исторической фантастики», самая пестрая и непредсказуемая, разрешающая любую мыслимую пропорцию фактов и фантазии, перспективнее прочих. По сути, она представляет собой историософию, выраженную всем арсеналом изящной словесности. Если суждено когда-нибудь сложиться самостоятельному жанру на основе «исторической фантастики», то путь к нему начинается в этих местах. □

Евгений Харитонов

ГЛАВНЕЙШИЙ ИЗ ВСЕХ ВОПРОСОВ...

В обзоре, посвященном читательским откликам и пожеланиям («Фантариум», «Если» № 6, 2000), мы пообещали нашим читателям, что время от времени будем рассказывать о незаслуженно забытых именах и книгах российской и зарубежной фантастики. Сегодня вас ждет этюд об одном из родоначальников жанра «альтернативная история».

Точно неизвестно, кому из фантастов первому пришла в голову безумная идея изложить реальные исторические события в сослагательном наклонении. Большинство исследователей НФ ищут истоки «альтернативной истории» в англо-американской литературе. Между тем элементы жанра обнаруживаются уже в повести Осипа Сенковского «Ученое путешествие на Медвежий остров», появившейся еще в начале XIX века. Впрочем, в данном случае приходится говорить об «эмбриональном» состоянии популярного ныне направления.

Это может показаться странным, но фантасты вообще очень долго не рисковали ставить вопрос ребром: «А что было бы, если?..» Возможно, потому, что туманное Будущее привлекало сочинителей фантазий куда больше, чем не менее туманное Прошлое. Если же фантасты и отправляли своих героев по реке Времени назад, то, грубо говоря, с крайне ограниченным кругом художественных задач: оправдать использование сочинителем машины времени или доказать, например, что пришельцы из космоса уже когда-то посещали нашу планету. В ранней фантастике Прошлое нередко оказывалось еще и одним из вариантов Утопии — пассеистической (т. е. устремленной не в будущее, а как раз наоборот); в устоях минувших веков некоторые утописты видели идеальное государство будущего.

Так или иначе, фантасты не стремились серьезно осмыслить (не говоря уже о том, чтобы переосмыслить) события давно минувших дней, дабы обнаружить там истоки актуальных проблем современности. Исторические реалии, хоть и приправленные художественным вымыслом, не подвергались серьезной «препарации». Как было уже сказано, затруднительно в истории мировой фантастики отыскать пионера «аль-

тернативной истории». Но вот с датой рождения жанра в российской литературе разногласий, вероятно, не будет. Это произошло в 1917 году, когда московский «Журнал приключений» опубликовал повесть Михаила Первухина «Вторая жизнь Наполеона». Что было бы, если бы Наполеону удалось сбежать с острова Святой Елены — места последней его ссылки? По сюжету, ему не только удается покинуть остров, но и существенно повлиять на дальнейшее развитие мировой истории, создав новую могущественную империю в Африке.

Вряд ли случайно «Вторая жизнь Наполеона» появилась на свет именно в 1917 году, когда заново переписывалась история отдельно взятой страны.

Имя писателя и журналиста Михаила Константиновича Первухина (1870–1928) после 1917 года было вычеркнуто из русской литературы. Сегодня оно известно разве что литературоведам и знатокам фантастики. А между тем это был один из самых одаренных фантастов начала XX века, автор свыше 20 НФ-произведений.

М. Первухин родился в Харькове, здесь же закончил реальное училище и девять следующих лет отдал службе в Управлении Курско-Севасто-

польской железной дороги. Но в 1900 году из-за осложнений со здоровьем он был вынужден перебраться в Крым. Здесь и началась его литературная деятельность. Он организовал газету «Крымский курьер», которую возглавлял до 1906 года, и издал первый свой сборник рассказов «У самого берега Синего моря» (1900). В 1906 году он покидает Россию и в поисках лечения уезжает жить в Италию, однако не прекращая активного сотрудничества с российской прессой. В Италии он начинает писать научно-фантастические рассказы и повести, которые с 1910 года регулярно появляются (часто под псевдонимами М. Волохов, К. Алазанцев, М. Де-Мар) на страницах «Вокруг света», «На суше и на море», «Мир приключений», «Природа и люди» — основных изданий, публиковавших в те годы фантастическую и приключенческую прозу.

Тематика ранних рассказов и повестей Первухина вполне традиционна для фантастики той поры: лучи смерти, путешествие на автомобиле к Северному полюсу, загадочные обитатели морских глубин, необычные изобретения. И все-таки эти произведения резко выделялись на общем фантастическом фоне уже в силу литературной одаренности автора.

«Вторая жизнь Наполеона» по понятным причинам стала последней публикацией Михаила Первухина на родине. Избранный писателем художественный метод анализа исторических событий (а на деле — анализ современности) противоречил учению марксизма-ленинизма. Но в 1924 году в Берлине вышла главная книга писателя — историко-фантастический роман «Пугачев-победитель». Обращение к одному из самых сложных периодов российской истории не было случайным. «Что было бы, если бы в свое время Пугачев победил? — написано в предисловии к первому изданию книги. — Этот вопрос не однажды приходил в голову нам, русским, судьбой обреченным увидеть нашу Россию побежденной вторым «университетским Пугачевым», который кроме «свободы» и «власти бедных», этих старых испытанных средств затуманивать разум народный, принес с собой яд много сильней — учение Карла Маркса, то зелье, каким, по счастью для тогдашней России, еще не располагал Емельян Пугачев».

В 1994 году, спустя 70 Лет, усилиями уральского знатока и библиографа фантастики И. Г. Халымбаджи, «Пугачев-победитель» был переиздан. Книга не устарела — ни по языку, ни по тематике.

Она и сегодня — образец качественной литературной фантастики. Но вот парадокс времени: при явном интересе современной жанровой критики к «альтернативным историям» роман пионера жанра не попал в поле зрения обозревателей; не проявляют интереса и издатели к переизданию Других произведений незаслуженно забытого писателя (а такие попытки предпринимались), — слишком рискованно делать ставку на неизвестные имена. И творчество русского фантаста по-прежнему остается достоянием узкого круга знатоков. □

Рецензии

Стивен ДОНАЛЬДСОН
ЗЕРКАЛО ЕЕ СНОВИДЕНИЙ
Москва: АСТ, 2000. — 608 с.
Пер. с англ.
(«Золотая серия фэнтези»).
12 000 экз.

В высшей степени парадоксальная книга. Начало вполне традиционное — закомплексованная американка Териза Морган внезапно оказывается в средневековом мире, раздираемом войнами, в том числе и магическими. Чтобы спасти королевство Мордант, юный Джерадин, кандидат в Гильдию воплотителей, отправляется сквозь зеркало за неким могучим воином, дабы тот пришел и спас. Но то ли по ошибке, то ли волею судьбы он вламывается в квартиру Теризы…

И вот она во дворце короля Джойса. Странное

место и странное время — король то ли свихнулся, то ли притворяется безумным, маги-Мастера все силы и время тратят на интриги. Один из них в основном занят сексуальными домогательствами по отношению к Теризе, но каждый раз у него ничего не выходит — и отнюдь не по ее вине. Другой снюхался с врагами. Третий, самый сумасшедший, тайно помогает Теризе… Полкниги девушка ничего не понимает, вторую половину пытается что-то делать, но это ведет к изрядной ломке дров. А когда искомого воина все же вытаскивают из «правильного» зеркала, то получается совсем нехорошо. Заговоров, интриг и предательства тоже хватает, однако действие идет медленно, тягуче. Перенасыщенность деталями, масса побочных линий, а схватки и поединки чрезвычайно редки… как это было бы в реальном мире.

Ближе к финалу ожидаешь, что вот сейчас… что вот тут-то…

Ан нет! Все обрывается на самом интересном месте. Любопытно, что роман, в общем-то, читается не без некоторой приятности. Написанный в особом ключе (назовем его историко-фэнтезийным реализмом), роман Дональдсона ориентирован на читателя взыскательного. Есть некоторые маркеры, позволяющие обнаруживать у автора (или приписывать ему) отсылки к мировой классике — от «Поминок по Финнегану» Джойса до «В поисках утраченного времени» Пруста. Впрочем, у Дональдсона, филолога по образованию, это прописано весьма тонко, ненавязчиво и с немалым мастерством. Читателю, правда, от этого не легче.

Павел Лачев

Павел ФАЕНКО
УЖАС СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
Новосибирск: Russia, 2000. — 320 с.
(Серия «Библиотека остросюжетной фантастики»).
5000 экз.

Павел ФАЕНКО
ВИРУС СМЕРТИ
Новосибирск: Russia, 2000. — 320 с.
(Серия «Библиотека остросюжетной фанта-

стики»).
5000 экз.

Идет судебное разбирательство. Астронавта обвиняют в уничтожении корабля с экипажем. Он оправдывается — на корабль пробралась злобная неуязвимая тварь, она-то и уничтожила экипаж, а ему пришлось подорвать корабль, чтобы избавиться от нее. Нет, это не знаменитый «Чужой», это эпизод из романа П. Фаенко «Вирус смерти». Правда, обвиняемый астронавт — не бой-баба Хелен Рипли, а мужчина; тварь — другой астронавт, только мутировавший под действием инопланетного вируса, — еще один устойчивый мотив подобного рода фантастики.

Астронавты столкнулись с разумной планетой, которая подвергла их малоприятным испытаниям. Нет, это не «Солярис», это повесть Фаенко «Врата Вселенной». Правда, в этом случае суперорганизм выступает в роли отборочной комиссии при эдаком межзвездном «ОВИРе», выдавая избранным пропуск в чужие миры. Современный американец чудом переносится в прошлое и попадает в глухое средневековье.

Нет, это не «Янки при дворе короля Артура», это роман Фаенко «Ужас средневековья». Правда, янки на этот раз по профессии кинорежиссер, а в прошлое он переносится после удара током и спасает мир от смертоносной чумы. В сущности, произведения Фаенко представляют собой чистой воды «космическую оперу». Беда или, напротив, преимущество этого жанра в том, что в нем снова и снова обыгрываются все мифологемы фантастики. Без узнаваемого сюжета, без героя — спасителя человечества, без романтической любви и Ужаса-Из-Космоса этот жанр обойтись не может. Как и без предельной американизации (стоит только сделать главным героем Ваню Пупкина или Муню Трахтенберга, как вся присущая жанру патетика непозволительным образом испаряется). Американизация достигается следующими способами:

а) именами героев (Стив, Джон, Алекс);

б) единицами мер и весов — дюйм, миля, галлон;

в) нейтральным и одновременно высокопарным языком, смахивающим на перевод «Звездных королей» Гамильтона («Я обязан узнать всю правду! — билась в его голове лихорадочная мысль. — Это не простое совпадение, этого не

может быть! Не должно существовать, как не существует Ада!»).

Космическая опера весьма вольно обращается с законами природы, мешая в одну кучу телепатию, ясновидение, переселение душ, черные дыры, субсветовые скорости и смертоносные вирусы, а странствия бравых астронавтов по степени условности недалеко ушли от путешествий Синдбада («Вместо Магеллановых облаков нас окружали какие-то незнакомые уродливые созвездия»). Казалось бы, этот гибрид жесткой фантастики и фэнтези обречен, как и многие гибриды, на бесплодие — жанр начал чахнуть еще при рождении, отойдя в маргинальную сумеречную зону комиксов и развлекательных кинофильмов. Ан нет, он еще держится — и весьма резво! И даже размножается — впрочем, довольно бесхитростно; то ли делением, то ли почкованием, как и положено простейшим.

Мария Галина

Дмитрий СКИРЮК
ОСЕННИЙ ЛИС
СПб.: Северо-Запад пресс, 2000. — 480 с.
(Серия «Перекресток миров»).
10 100 экз.

Жил да был в Хоратских горах травник Жуга, маг и чародей, слабо различающий красный и зеленый цвета, из-за чего колдовство его порой приобретало комический оттенок: то поленница дров взлетит в небеса вместо того, чтобы возгореться, а то игральные кости обозначения потеряют — в самый ответственный момент.

Но пропала из деревни первая красавица села — вот и выгнали по навету злопыхателей травника Жугу (предварительно избив до полусмерти), и пошел он странствовать по миру в поисках любимой девушки. В пути, как и положено, происходят разные приключения. В городе Гаммельн Жуга пытается избавить горожан от крыс, потом забывает отключить волшебный кашеварный горшочек. В следующей части повествования наш лекарь уже бьется с небезызвестным ведьмаком Геральтом… Есть в книге и по-настоящему страшные персонажи. Например, злой маг Тотлис, который ворует молоденьких девушек и готовит из их крови эликсир молодости, коим продляет жизнь толстосумам и престарелым князькам. Как вы уже догадались, перед нами

достаточно вольный пересказ нескольких популярных легенд, прочно вошедших в сознание рядового читателя сказочной и фэнтезийной литературы.

Портит дебютную книгу молодого пермского автора отсутствие редактуры. Обновленное издательство «Северо-Запад пресс» широковещательно заявляло, что рукописи отныне правиться не будут вовсе и все публикации пойдут в авторской редакции. К чему приводят подобные «благие» намерения, можно судить по таким цитатам: «Мы всё когда-нибудь умрем и всё когда-ни-будь воскреснем» или «стиснул зубы и задышал ртом». У нашего героя есть таинственный браслет, к которому прикреплены девять загадочных фигурок. Для совершения очередного большого подвига одной из фигурок приходится жертвовать. А так как к концу книги «Осенний лис» далеко не все они пущены в ход, то следует ожидать еще не один том продолжений странствий мага-дальтоника.

Сергей Соболев

Орсон Скотт КАРД
КСЕНОЦИД
Москва: АСТ, 2000. — 640 с.
Пер. с англ. А. Жикаринцева —

(Серия «Золотая библиотека фантастики»). 10 100 экз.

Статью об этом писателе в июльском номере «Если» критик Вл. Гаков озаглавил очень точно — «Проповедь-бестселлер». Вот и новый (для нас) роман посвящен прежде всего нравственным проблемам. Автор, словно составитель каверзного задачника, помещает героя в невыносимые условия (обычно так и поступает с нами жизнь), чтобы вынудить его найти единственное правильное решение. Таким решением всегда является не общая модель, а реальный поступок.

Когда Эндрю Виггину было одиннадцать, земной флот под его командованием уничтожил цивилизацию жукеров, сберегая Землю. Теперь, когда Эндеру шестьдесят, он чувствует себя обязанным защитить от уничтожения спасенную им королеву жукеров (баггеров), а заодно цивилизацию свинксов с Лузитании, человеческую колонию на Лузитании и «виртуальное существо» по имени Джейн, уже знакомое читателям журнала. Кредо Эндера — действовать так, чтобы потом не пришлось стыдиться своих поступков.

Ключом здесь является вопрос об ответственности. Никто не возлагает на героя обязанность противостоять флоту Звездного конгресса. Он сам делает выбор, принимая на себя этот груз. Как полагает автор, свобода — это и есть ответственность человека перед самим собой.

Из тем, проходящих красной нитью сквозь лучшие произведения американской фантастики, для краткости укажем здесь на две: во-первых, взаимоотношения с национальными и культурными меньшинствами; во-вторых, роль физиологических факторов в структуре духовной деятельности человека. У последней темы несколько вариаций, в том числе гротескная — образ правителей планеты Дао, в которых принципы «Дао Дэ-цзин» закодированы на генетическом уровне.

Отличие религиозной научной фантастики Карда от фэнтези не в том, что чудеса объясняются с помощью законов физики. Отличие в том, что к описанию нравственных и религиозных чувств автор подходит не менее серьезно, чем к изложению принципов действия ансибля. Религиозно-философское измерение романа так же глубоко и богато, как его образный ряд. И завораживающе парадоксально. Достаточно сказать, что «мир идей» Платона и «вечное возвращение» Ницше существуют одновременно, не противореча друг другу. Экспедиция в мета-вселенную оборачивается для Эндера сюрпризом, о котором читатель узнает к концу романа. Нужно лишь отметить, что в оригинале Питер Виггин, старший брат и злой гений, использует псевдоним Локк — в честь английского философа, автора концепции разделения властей. Правда, переводчики транскрибируют его как Локи — в честь скандинавского бога.

Сергей Некрасов

Владимир ИЛЬИН
500 ЛЕТ ДО КАТАСТРОФЫ
Москва: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 480 с.
(Серия «Абсолютное оружие»).
12 100 экз.

Повесть «500 лет до катастрофы», вошедшая в новую книгу Владимира Ильина, может быть названа антиутопией. Трудно сказать что-то принципиально новое в этом жанре, и повесть тому подтверждение.

Сюжетная канва незамысловата. Ученые обнаружили несущуюся к Солнечной системе черную дыру, которая через пятьсот лет прилетит и все уничтожит. Перед человечеством встает вопрос: что делать? Одни хотят строить для эвакуации потомков космический флот, другие полагают, что жить надо сегодняшним днем, а потомки уж сами как-нибудь разберутся. Начинается всепланетная склока, и в итоге побеждают радетели о будущем. Далее — глобальное строительство, естественным путем устанавливается казарменный социализм, цивилизация дичает… Конец открытый.

Здесь нет не только новых идей, но и того, что называют художественной литературой. Сюжет распадается на ряд эпизодов, связанных между собой лишь хронологически. Язык повести откровенно слаб, и создается ощущение, будто в печать

попали даже не черновики, а рабочие конспекты. Персонажи существуют в тексте лишь затем, чтобы озвучивать общую концепцию. Автор не уточнил и ряд важнейших моментов. Например, на чем основаны космические полеты. Если фотонная тяга, то релятивистские эффекты делают невозможными предварительные поиски новой планеты, а если уже освоено подпространство и прочая деритринитация, то возникают иные логические неувязки.

Законы жанра неумолимы, science fiction не терпит подобных натяжек.

То же самое можно сказать и о романе «Нельзя идти за горизонт». Ни новых идей, ни художественного уровня… Правда, имеется связный сюжет. В мире далекого будущего воюют между собой могущественные группировки сверхлюдей — «превенторы», «экстроперы», «Когниция». Все они по-своему хотят блага обычным людям, запертым в «хомоценозах» (резервациях, окруженных силовыми полями). Там, под колпаком, жизнь уютная, но скучная. Главный герой пытается разобраться с несправедливым мироустройством. Много беготни, крови и интриг… Но автор не сумел свести воедино сюжетные линии и поставил точку «посреди чистого поля».

Жаль. Автор, если судить по ранним его книгам, несомненно, способен писать лучше. Но, видимо, в данном случае ему нужно было не лучше, а быстрее. Что и получилось.

Виталий Каплан

Томас ПИНЧОН
ВЫКРИКИВАЕТСЯ ЛОТ СОРОК ДЕВЯТЬ
СПб: Симпозиум, 2000. — 408 с. Пер. с англ. Н. Махлаюка, С. Слободюнюка, А. Захаревич — (Серия «Ex Libris»).
5000 экз.

«Аукционист прочистил горло. Эдипа уселась поудобней и стала ждать, когда начнут выкрикивать лот 49». Так заканчивается роман Томаса Пинчона, одного из самых авторитетных писателей Америки.

Несмотря на относительно низкую продуктивность (за сорок с лишним лет писательского труда Пинчон издал всего пять романов), его влияние на американскую литературу вообще и жанр научной фантастики в частности несомненно. Известно, с каким пиететом относятся к нему

писатели-киберпанки, которые считают Томаса Пинчона одним из своих предтечей.

Отличительной чертой произведений автора является юмор: такой черный, что ночью его, пожалуй, не разглядишь. Используя разнообразную стилистику и плетя замысловатые сюжеты, Пинчон сохраняет верность излюбленной тематике — исследованию энтропии как меры неопределенности и возрастания хаоса любой системы. Энтропия является той средой, в которой развивается действие романа «Выкрикивается лот сорок девять». В лабиринте неопределенности, отвергающей однозначные ответы, и невозможности существования непреложных истин его героиня Эдипа Маас пытается упорядочить собственную жизнь. Подобно своему царственному тезке, она задается вопросами, важнейшим из которых для нее является вопрос о достоверности грандиозного Заговора с многовековой историей.

Реально ли его существование или это лишь розыгрыш, фарс, устроенный в ее честь покойным миллионером Пирсом Инверэрити?

Установить это нет никакой возможности. Нет доказательств, подтверждающих существование Заговора, а значит, и скрываемого за его ширмой тезиса о всесилии причинно-следственных связей и упорядоченности бытия; нет и доказательств обратного, свидетельствующих в пользу хаоса и случайностей. Истина же, как всегда, лежит где-то посередине, между историей, изложенной в многотомных ученых трудах, и той историей, которая началась, когда «однажды летним вечером миссис Эдипа Маас вернулась домой…»

Сергей Шикарев

ВЕК ОЖИДАНИЯ

Пролистывая эту книгу, я уподобляюсь маске Мома: одной стороной лица улыбаюсь, другой плачу. Улыбаюсь потому, что на русском языке появилась книга одного из самых важных и почтенных писателей. А плачу из-за того, что книга могла — и должна была — выйти в России 80 лет назад.

Но вот — вплоть до последнего часа писатель был у нас совершенно неизвестен. Советская власть боялась сказочников, тем более титулованных.

Итак, Эдвард Дансейни, «Рассказы сновидца», выпущенные петербургским издательством «Амфора» в серии «Личная библиотека Борхеса».

Полное имя писателя: Эдвард Джон Мортон Драке Планкетт восемнадцатый барон Дансейни (1878–1957). Он родился в Лондоне, образование получил в Итоне, воевал в англо-бурской и первой мировой войнах. Жил в Ирландии и Англии, титул у него ирландский (в зарубежных изданиях на обложке его книг значится «Лорд Дансейни»). Писать начал довольно поздно: лишь в 1905 году за свой счет выпустил первую книгу — «Боги Пе-

ганы». Но с тех пор, как замечает в предисловии к последнему изданию цикла «Пеганы» в США (1998) С. Т. Джоши, Дансейни «был, возможно, одним из самых широко публикуемых английских писателей, он печатался во всех мыслимых журналах; выпустил 13 романов, 17 сборников рассказов, 41 пьесу, 8 сборников поэзии». Не только по-читательски, но и по-человечески обидно, что мы о нем ничего не знали.

Да, но почему о нем так уж обязательно знать? Дансейни был превосходным писателем с неистощимой выдумкой и богатейшим, прозрачным языком. Это первое. А второе: читая его, мы обнаруживаем, что в начале века он писал настоящую — и прекрасную — фэнтези. Позволю себе напомнить, что явление фэнтези миру связывают с именем Дж. Р. Р. Толкина. После публикации «Властелина колец» этот жанр начал энергично теснить научную фантастику, «отработавшую» к тому времени все мыслимые и немыслимые сюжеты. Резонанс эпопеи о героических хоббитах был так велик потому, что Тол кин сконструировал — сфантазировал целый мир с его историей и даже с историей его творения. Так вот, читая сейчас «Богов Пеганы», я испытал настоящий шок, ибо фантазия лорда Дансейни создала историю

сотворения сказочного мира, во многих чертах похожую на историю, рассказанную в 1-й книге «Сильмариллиона». Но доподлинно известно, что Толкин начал сочинять свой мир, минимум, на пять лет позже «Богов Пеганы» — иными словами, можно думать, что эта книга послужила краеугольным камнем огромного замка современной фэнтези.

И еще одно совпадение: в самом конце XIX века Г. Уэллс закладывал основу научной фантастики XX века — и отбросил свой свет на творчество Дансейни. Читая в этой книге рассказ «Чудесное окно»[8], вы услышите за голосом Дансейни неторопливую, ироничную интонацию Уэллса.

Впрочем, Х. Л. Борхес писал, что рассказы Дансейни «нельзя свести ни к Эзопу, ни к Г. Дж. Уэллсу». Фантазия Дансейни, его мягкая, пастельная палитра, его взгляд на судьбы людей и богов, то снисходительный, то неожиданно беспощадный, как взгляд самой Судьбы, — все это совершенно своеобразно. Он интересен, но особенным образом и, наверное, не для всех. Не каждый согласится блуждать по лабиринту с феерически изукрашенными, местами полупрозрачными

---

[8] Примечания: 8
Первая публикация: «Если» № 5–6, 1993 г. (Прим. ред.)

стенами, не ведая, какая картина засияет за поворотом, на каком шагу оборвется лабиринт и стихнет его музыка. Нам, русским читателям, надо встроить этого нового (только для нас!) автора в привычный дом Литературы. Разумеется, в такой ситуации «Рассказы сновидца» — книга пробная. Соответственно и подобран ее состав. В нее вошли вещи, написанные в разное время: «Боги Пеганы» целиком, часть сопредельного сборника «Время и боги», часть сборника «Рассказы сновидца» и роман «Дон Родригес».

Книгу открывает предисловие еще одного из отцов современной фантастики — Хорхе Луиса Борхеса. И составители включили в томик только те вещи, что были упомянуты Борхесом в этом предисловии (добавив, правда, рассказ из «Книги чудес»).

Александр МИРЕР

Банк идей

Полгода назад, подводя итоги очередного этапа конкурса, мы предложили читателям новую загадку, опубликовав экспозицию рассказа известной американской писательницы. По нашему мнению, для решения этой задачи требовалось не только знать ее условия, но была необходима сама авторская интонация, образный ряд, атмосфера рассказа. Те, кто желает освежить в памяти текст, могут перевернуть несколько страниц и прочесть начало произведения.

Вопрос был один: *ЧТО ПРОИЗОШЛО С ГЕРОИНЕЙ РАССКАЗА ДО ТОГО, КАК ОНА ОКАЗАЛАСЬ В ГОРОДЕ?*

На подсказки, хотя и косвенные, мы не поскупились, предложив читателям не заниматься поисками сверхъестественных сил или инопла-

нетного вмешательства, а также не усматривать в происходящем результаты некоего материального эксперимента. Несмотря на это, многие конкурсанты последовательно обошли все наши предостережения. В письмах хватало вампиров, юных богинь и пробудившихся фей; немало поработали также пришельцы из ближнего и дальнего космоса. Ну а что касается материального эксперимента — засекреченной, лаборатории, занимающейся изменением генома человека, либо клонированием, либо проблемами геронтологии, либо искусственным сном — то это оказалась едва ли не самая популярная версия.

Отложим подобные решения для будущих рассказов. Займемся теми версиями, которые укладываются в заданное направление поиска.

I вариант

Может быть, героиня — визитер из ПАРАЛЛЕЛЬНОГО МИРА? Ведь, как известно, провалиться в иную вселенную можно буквально где угодно — было бы желание и соответствующие условия. Ну а какова там, в параллели, продолжительность жизни, доподлинно не известно никому, так что внешне юной Джеделле действительно 65 лет. И кстати, таинственная усадьба в лесу подозри-

тельно смахивает на перевалочную станцию между нашими мирами… Эту версию (с теми или иными нюансами) почему-то особенно охотно разрабатывают москвичи — К. Каленов, М. Селивестров, И. Жуковский, Н. Кулагина.

II вариант

А вот жители поселков и небольших городов, также соглашаясь с тем, что героине вполне может быть 65 лет, видят ответ в ОБЩЕНИИ С ПРИРОДОЙ. О. Загудаев (п. Пышма, Свердловская обл.) в доказательство приводит известный тезис: «Вы больны настолько, насколько далеки от природы» и вспоминает библейских патриархов. Возможно, Джеделла — член закрытой общины, издревле поселившейся в лесу вдали от людских соблазнов и пороков. Благотворное влияние природы усматривают Ю. Индюков (г. Задонск, Липецкая обл.), Л. Степанова (г. Верея, Московская обл.), Р. Туров (г. Железноводск, Ставропольский край).

III вариант

Ну, раз нельзя про фей и вампиров, то можно про КИБОРГОВ и АНДРОИДОВ. Героиня уж очень похожа на персонаж из этой братии. Она, правда, ест и пьет, но знатоки полагают, что для многих

моделей это естественно. Различные типы искусственных созданий, сбежавших из закрытого института в лесу или появившихся из будущего, конструируют Д. Уткин (Рязань), В. Голубев (С.-Петербург), Н. Короленко (Киев), В. Пузанов (г. Токмак, Запорожская обл.) и другие читатели.

IV вариант

Путаница с годами, на которые выглядит и которые присваивает себе девушка, естественным образом приводит к решению, связанному с проблемой ВРЕМЕНИ. Вполне возможно, перед нами заблудившаяся в веках путешественница. Эта идея захватила воображение А. Макаровой (Москва), Т. Калюжного (Краснодар), Д. Лодкина (Казань) и других конкурсантов.

V вариант

С проблемой времени, точнее, с теорией относительности, связана КОСМИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ, предложенная рядом читателей: Б. Груздевым (Новосибирск), Г. Треплевым (С.-Петербург), М. Осмоловой (Самара) и другими. А вдруг где-то неподалеку приземлился корабль, и девушка — единственный выживший член экипажа. Взрослые погибли, об окружающем мире она знает немногое и упрямо пытается втолковать

жителям города, что ей 65 лет (по земному исчислению), хотя субъективно ей всего лишь 18.

VI вариант

Несколько читателей предложили ЗЕРКАЛЬНУЮ версию происходящего, выбрав в качестве источника беспокойства не героиню, а сам город. Наиболее подробно и основательно эта версия разработана в письме А. Михалько (г. Новокубанск, Краснодарский край). Перед нами мир будущего, в котором люди достигли практического бессмертия, а город — своеобразный заповедник, жестокий аттракцион для тех, кто не желает жить вечно, и для тех «туристов», кто из «егерского дома» (усадьбы) наблюдает за ними. Героиня рассказа — журналист, ведущий расследование этого страшноватого полу подпольного шоу… В подобной логике рассуждают Д. Кононов (С.-Петербург) и В. Томилин (Нижний Новгород).

Назовем имена двух из пяти победителей конкурса, чьи версии показались нам наиболее интересными и близкими — эмоционально — к авторскому замыслу. Правда, и в первой, и во второй версии есть оттенок фэнтезийности, но не будем педантами.

Постоянный участник «Банка идей» П. Хныкин из Екатеринбурга предложил поэтическое решение задачи. Для конкурсанта «ключом» послужило то, что герой, писатель, от лица которого ведется повествование, называет Джеделлу своей музой.

Представьте себе общину молодых писателей и художников, укрытую, от мира в лесной усадьбе. По уставу, им не важны признание, почести и слава — сам процесс творчества является высшей наградой. (Попытки создания подобных литературных сообществ предпринимались неоднократно — вспомним, например, наиболее ярых последователей «Озерной школы» или японскую традицию смены имени и ухода из мира.) Но для творчества нужна Муза, и веселые «серапионовы братья» выбирают вполне реальную девушку, «назначая» ее вдохновительницей собственного творчества.

Для них это своего рода игра, по крайней мере поначалу, но сама девушка, ощущая направленные на нее энергетику, ожидания творческого озарения, преклонение и восторг, начинает действительно чувствовать себя музой. Молодые творцы взрослеют и, утомившись игрой, возвращаются в мир; их место занимают новые

поэты — но музы, как известно, не стареют. Роль становится сутью, и психологическая задача оказывается сильнее физиологии.

Решение другого постоянного конкурсанта Б. Артемьева из г. Жердевка Тамбовской обл. близко к нашему «зеркальному» варианту. Читатель обратил внимание на возраст героини — 65 лет, то есть среднестатистический возраст жителей городка. В таком случае Джеделла — материализованный фантом, возникший в результате подспудных желаний жителей заброшенного города. Ведь само это местечко мало чем отличается от таинственной усадьбы: оно существует словно вне времени и пространства, по каким-то своим внутренним законам. Итак, каждый из жителей видит в ней нечто свое: Люк — прекрасную, но недоступную женщину, Абигайль — жертву, беглянку, Кросс — музу, старики — символ юности… И Джеделла выглядит той, которую ждут.

И наконец, три победителя, разгадавшие неожиданное решение автора. Это ветеран конкурса И. Пинк из Тулы, Н. Осояну из Кишинева, второй раз принимающая участие в «Банке идей», и, кажется, новое для нас лицо — В. Лунин из Таганрога. Кстати, Наталья Осояну, сообщив о том, что она студентка юридического факультета, не

сообщила обратный адрес. Если будущий юрист участвует в конкурсе лишь из любви к интеллектуальной игре, то мы это только приветствуем, но если отсутствие адреса вызвано забывчивостью — приз ждет лауреата.

А читателей ждет рассказ. И ключевая фраза в экспозиции, которую заметили победители, — мы набрали ее курсивом.

Танит Ли

ДЖЕДЕЛЛА-ПРИЗРАК

Тем осенним утром Люк Бейнс, ночевавший у бабушки на холме, возвращался в город через лес. Прошло около часа после восхода солнца, и ровный мягкий свет пронизывал багряно-красную и медово-желтую листву. Пели птицы, белки перебегали через тропинку. Выйдя на высокий речной берег, Люк взглянул на долину. Поднимался туман, тронутый солнцем, похожий на фату невесты, и он увидел девушку. Она шла со стороны реки в этом тумане, словно призрак. Он сразу понял, что девушка чужая в наших местах, и была она молодой, бледной и худой, в старомодном длинном темном платье. Волосы у нее тоже

были темными и длинными, они спускались по спине, как у ребенка. Когда она подошла ближе, он увидел, что ей не больше восемнадцати. Она взглянула прямо на него — не дерзко или вызывающе, а с живым интересом. Люк снял шляпу и произнес: «С добрым утром». А девушка, кивнув, спросила: «Здесь есть где-нибудь поблизости дом?»

Люк ответил, что, следуя прямо по дороге, девушка выйдет в город. Она снова кивнула и поблагодарила. У нее оказался замечательный голос — музыкальный и уносящийся ввысь. Девушка присела на пень, оставшийся от спиленного дерева. Теперь она смотрела не на Люка, а вверх, на ветки деревьев, как будто говорить было уже не о чем. Он спросил, не может ли ей чем-то помочь. Она быстро ответила: «Нет, спасибо». И Люк ушел, хотя не был уверен, что поступает правильно. Но она не казалась расстроенной или обиженной.

— Престранные были у нее глаза, — заметил Люк, рассказывая мне о встрече.

— Глаза? — удивился я. Люк не принадлежал к числу людей, обращающих внимание на глаза кого бы то ни было.

— Глубокие, как сам лес.

А потом мы пошли к Милли пить кофе с пи-

рожками.

Я не сомневался, что Люк действительно видел ту девушку, но думал, что, возможно, он несколько приукрасил встречу. Поскольку я писатель, люди иногда пытаются говорить со мной в таком духе: «О, Джон Кросс, вас непременно это должно заинтересовать». А у меня довольно и своих идей.

Около десяти я вернулся домой, сел за работу и не выходил до трех.

А потом я тоже увидел эту девушку. Она стояла на площади под старыми мшистыми деревьями и смотрела на белую колокольню церкви, вслушиваясь в бой часов. Прохожие поглядывали на нее с любопытством, и даже старики, сидевшие на скамейке у конюшни, рассматривали ее. Она была грациозна, как лилия.

Когда часы перестали бить, она повернулась и огляделась по сторонам. Кто еще мог так смотреть? Люди озираются тревожно, подозрительно или, напротив, самоуверенно. Она же смотрела, как ребенок — открыто и, возможно, не вполне спокойно, но без настороженности. А потом она увидела — да, она явно увидела — стариков на скамейке: Уилла Маркса, Хоумера Айвори и Ната Уоррена. Она замерла, вперившись в них

взглядом. Те забеспокоились, а Нат, которому перевалило за девяносто, возмущенно отвернулся.

Я пересек площадь и встал между нею и стариками.

— Добро пожаловать в наш город. Меня зовут Джон Кросс.

— А меня Джеделла.

— Счастлив познакомиться. Чем могу вам помочь?

— Я потерялась, — сказала она.

Я не сразу нашелся с ответом. Заблудившиеся говорят не так.

Джеделла произнесла:

— Видите ли, я всю жизнь прожила в одном месте, а вот теперь я здесь.

— У вас здесь родственники?

— Родственники? — переспросила она. — У меня нет родственников.

— Простите, но, может быть, кто-то…

— Нет, — сказала она. — Ах, я устала. Я хотела бы попить. И посидеть.

Я отвел ее прямо к Милли и усадил за стол в большой комнате. Когда принесли кофе, девушка его выпила. Казалось, кофе ее устраивает, и это меня удивило, поскольку я начал подозревать, что ей незнакомы блага цивилизации.

Ханна вернулась, чтобы налить нам еще кофе. От еды Джеделла отказалась. Когда Ханна уходила, Джеделла проводила ее взглядом. Глаза Джеделлы были, как реки Аида — печальные и темные.

— Что с ней? — спросила девушка.

— С кем?

— С женщиной, которая принесла кофе.

Ханна была сорокалетней женщиной плотного сложения, женой Абеля Сорренсена и матерью пятерых детей, розовощеких и горластых. Хорошая, счастливая женщина. Я никогда не видал ее ни больной, ни усталой.

— С ней все в порядке.

— Но… — начала Джеделла. Она взглянула на меня, потом ее глаза расширились и стали неподвижными. — О-о, а эти мужчины на улице…

— Старики на скамейке? — переспросил я.

Джеделла сказала:

— Простите, я не хотела быть дерзкой.

Расправив плечи, я произнес:

— Я думаю, вам следует поговорить с доктором Макайвором. Он, наверное, знает, с чего надо начать.

У меня сложилось впечатление, что она немного не в себе. Мне было любопытно, что она ответит

на замечание о враче.

Но Джеделла улыбнулась мне, и улыбка сделала ее красавицей. На мгновение я увидел в ней свою музу. Я подумал: а что если я влюблюсь и стану питать ее тайной свое творчество. Писатели часто бывают эгоистичны. Но в свое оправдание могу сказать: я сразу понял, что передо мною нечто редкое, бесценное — и странное.

— Конечно, я поговорю с ним, — ответила она. — Мне не к кому и некуда идти. Вы очень добры.

Что происходит, когда заболевает врач? Конечно, песенка старовата. Но доктор Макайвор уехал в другой город к племяннице, ожидавшей появления на свет первенца. Это знали все, кроме меня. Но тогда я прожил в городе только пять лет.

Признаться, мне очень не хотелось отдавать Джеделлу с ее летейскими глазами и божественной улыбкой в руки закона, поэтому я отвел ее в пансион, где жил сам, и нам навстречу выплыла Абигайль Эн-кор в своем пурпурном платье.

— Я могу поселить ее в той маленькой комнате в западном крыле, — проговорила Абигайль. — Эта девушка — беглянка. Я знаю.

— Вы так думаете? — спросил я.

— О-о, уверена. У нее, наверное, жестокий отец.

Может, хочет выдать ее замуж насильно. Хотя не мне судить. Разумеется, мистер Кросс, вы знаете больше, чем говорите.

— Я не знаю ничего, миссис Энкор.

— Что ж, дело ваше, мистер Кросс.

Этим же вечером мы встретились с Люком Бейнсом в таверне.

Мы пили пиво. Глядя на меня, он усмехался.

— В городе идут разговоры. Твоя милая остановилась у мамаши Энкор.

— Твоя и моя. Ты ее первым увидел.

Люк спросил:

— Ты что-нибудь о ней знаешь?

— Ничего. Абигайль приютила ее исключительно по доброте душевной. Ее имя Джеделла.

— Мне кажется, — проговорил Люк, — она ненастоящая. Она, наверное, призрак.

— Я держал ее за руку, — возразил я. — Она не менее настоящая, чем ты или я.

— Тогда что с ней?

— Я думаю, она не в своем уме. Слегка помешанная. Возможно, скоро кто-нибудь за ней приедет. Она не могла забраться далеко.

— Но она замечательная, — сказал Люк.

— Да. Недоступные женщины всегда замечательны.

— Больно уж ты умный, — проговорил Люк. — Я намерен приударить за ней.

— Не вздумай. — Я хмуро уставился на дно своей кружки. — Не вздумай.

Прошло две недели, и Джеделла все еще жила в западном крыле пансиона миссис Энкор. Она не причиняла никаких хлопот, а я договорился с Абигайль о плате. Абигайль помогла Джеделле со всеми необходимыми вещами, и вскоре мне представили счет. Мое ремесло приносило мне некоторый доход, так что я не возражал.

С другой стороны, я не видел причин вмешиваться в жизнь Дже-деллы. От Абигайль я узнал, что девушка не особенно стремится выходить из дому, но, казалось, ей было неплохо. Пищу она принимала у себя и пользовалась всеми услугами, которые предоставлял пансион. Время от времени я замечал Джеделлу у окна, она глядела на улицу. Однажды я помахал ей, но она не ответила.

Разумеется, в городе шли разговоры о неизвестной молодой женщине. Ко мне тоже приставали, но что же я мог ответить?

Люди сошлись на том, что Джеделла сбежала из усадьбы в лесу, о которой никто ничего толком не знал, но слышали о ней даже наши старожилы,

так что, казалось, она была в лесу вечно. Девушка лишь раз в разговоре со мной обмолвилась о каком-то «доме», где все время менялись люди, а потом внезапно «все ушли».

Пытался ли я выяснить что-нибудь еще? Нет, скорее, я сторонился Джеделлы. Реальная жизнь часто разочаровывает. И с другой стороны, если кто-то узнает чужую тайну, имеет ли он право на предательство, облекая ее в литературную форму? Я предпочитаю вымысел.

Люк попробовал познакомиться с девушкой. Однажды он принес ей цветы, в другой раз — коробку конфет. Но Джеделлу это лишь удивило. Он был разочарован — к большому облегчению двух или трех молодых дам, возлагавших на него надежды.

В пятницу второй недели, как раз когда я закончил длинный рассказ, сидя у Милли, я узнал о том, что Хоумер Айвори скончался у себя в постели. Ему должно было вскоре исполниться восемьдесят (для нашего города этот возраст не считался критическим), и его дочь, казалось, пребывала в трансе, потому что любила его и уже планировала юбилейный обед.

Все собирались на похороны, которые были назначены на вторник. Я с чувством печали и

утраты глядел на свой черный костюм. Отец однажды предупреждал меня: *«Джон, ты никогда не почувствуешь смерти, не осознаешь ее как следует, пока не ощутишь, что твоя собственная не так уж далека».* Ему было пятьдесят, когда он это сказал, а два года спустя он умер, так что я не мог оспаривать его утверждение. Но мне казалось, что смерть Хоумера — вопиющая несправедливость по отношению к нему и его дочери, которой самой исполнилось шестьдесят и у которой десять месяцев назад лихорадка унесла мужа.

В понедельник вечером я сидел дома и просматривал книги, прибывшие с почтой, когда раздался легкий стук в дверь.

Это, очевидно, была не Абигайль, которая стучала оглушительно, и не Люк, который просто врывался. Открыв дверь, я узрел видение по имени Джеделла — все в том же темном платье. Волосы у нее были уложены.

— Добрый вечер, мисс Джеделла. Чем могу служить?

— Мистер Кросс, — сказала она. — Завтра должно что-то произойти?

— Завтра? Вы имеете в виду похороны бедного Хоумера?

— Да, — проговорила она, — миссис Абигайль

называет это так.

— А как же еще это называть? — удивился я. — Похороны, погребение.

Она посмотрела мне прямо в глаза. Потом произнесла спокойно и тихо:

— Что это такое?

У Абигайль были свои правила, но ведь сейчас еще не стемнело. Я впустил Джеделлу в комнату, оставив дверь слегка приоткрытой.

Я усадил девушку в самое удобное кресло — свое.

— Что вы имеете в виду, мисс Джеделла?

На мгновение она как будто растерялась, но потом ее бледное лицо приняло обычное выражение.

— Они говорят: тот человек — умер.

— Так и есть.

— Он один из тех трех мужчин, которых я видела на площади? — Да.

— У него какая-то ужасная болезнь? — Она рассеянно оглядела комнату. — Я права?

Это меня взволновало: я ничего не мог понять. Я вспомнил, что счел ее слегка помешанной, и тихо сказал:

— К несчастью, он был стар. Но прошу вас, поверьте, он не страдал никаким серьезным

недугом. Насколько мне известно, он мирно отошел во сне.

— Но что это значит? — спросила она.

— Он мертв, — ответил я, — это иногда случается. — Я намеревался быть ироничным, но она взглянула на меня с такой болью, что я устыдился, словно оскорбил ее. Я не знал, что сказать. Она заговорила первой:

— А похороны — что это?

— Джеделла, — твердо произнес я, — вы хотите сказать, будто не знаете, что такое похороны?

— Нет, — ответила она, — не знаю.

Будь я года на три моложе, то, пожалуй, подумал бы, что меня разыгрывают. Но в моем возрасте изумление — редкий гость.

Я пересел в другое кресло.

— Когда человек умирает, мы укрываем его землей.

— Землей, — произнесла она. — Но как же он может встать? Это такое наказание?

— Он мертв, — ответил я с каменной твердостью. — Он не знает, что оказался в земле.

— Разве он может не знать?

В окне начал меркнуть свет дня. И мне вдруг почудилось, как бывало иногда в детстве, что, возможно, это конец и Солнце никогда не вернется.

Через десять минут мальчик, прислуживающий Абигайль на кухне, должен был ударить в гонг, чтобы все собрались к столу. Джеделла к общему столу не выходила.

— Джеделла, — сказал я, — я не могу вам помочь. Наверное, нужно попросить священника зайти к вам?

— Почему?

— Возможно, он тот человек, который вам необходим.

Она проговорила, глядя на меня с выражением сострадания и недоумения, словно вдруг поняла, что я и весь мир сумасшедшие:

— Ваш город — ужасное место. Я хотела бы вам помочь, да не знаю как. Неужели вы способны, мистер Кросс, быть свидетелем подобных страданий?

Я криво улыбнулся.

— Согласен, это нелегко. Но дело в том, что все мы, в конце концов, приходим к этому.

Она сказала:

— К чему?

Прозвонил гонг. Может быть, немного рано, или мне так показалось… Я проговорил:

— Джеделла, вы еще очень молоды. — Некоторый отзвук слов моего отца.

Но Джеделла продолжала смотреть на меня своими летейскими глазами. Без выражения она произнесла:

— Что это значит?

— Ну, это уже глупо. Почему вы все время меня спрашиваете? Я просто сказал, что вы молоды. Наверное, вам шестнадцать.

Признаюсь, я пытался польстить, дав ей немного меньше. С женским возрастом всегда надо обращаться осторожно. В те дни пограничной чертой было шестнадцать, теперь стало побольше — двадцать.

Но Джеделла, которую Люк считал призраком, взглянула на меня с удивлением. Мои слова ей не польстили.

— Конечно, нет.

— Шестнадцать, восемнадцать, что-нибудь в этом роде.

За дверью постояльцы пансиона уже начали спускаться к ужину. Они наверняка услышат наши голоса и поймут, что у Джона Кросса в комнате женщина.

Джеделла встала. Последние лучи света как бы обволакивали ее, и поэтому она вдруг показалась изможденной. Должно быть, именно Абигайль убедила ее зачесывать волосы наверх. Она ка-

залась тенью, и сквозь эту тень я вдруг словно увидел кого-то другого. Но кого?

— Мне шестьдесят пять лет, — произнесла она.

Я рассмеялся, но то был смех испуга. Словно вместо нее я действительно мог увидеть пожилую женщину, на пять лет старше дочери Хоумера.

— Я иду ужинать, Джеделла. Хотите присоединиться?

— Нет, — ответила она.

Она повернулась и сделала шаг вперед — из коридора на нее упал свет лампы. Ей было восемнадцать. Она вышла на площадку и стала подниматься по лестнице.

Не имею представления, что мы ели в тот вечер. Кто-то — Кларк, я думаю, — развлекал нас шутками, и все хихикали, кроме мисс Пим и Абигайль, которые его шуток не одобряли. Я тоже посмеивался, Бог знает, почему. Я даже не слышал, что говорили за столом.

В конце ужина мы вспомнили: завтра Хоумер ляжет в могилу, и, тогда воцарилась тишина. Я помню, как Абигайль зажгла свечу в окне — трогательный жест, старое суеверие, но доброе и милое — чтобы привести душу к дому.

Я никому не рассказывал, что услышал от Джеделлы, и никто не отважился спросить у меня, о

чем мы с ней говорили.

Придя домой, я долго бродил по комнате, потом зажег лампу, принес книги и отложил их в сторону.

В западном крыле дома была она — эта темноволосая девушка, появившаяся, словно призрак из утреннего тумана.

Ради Бога, о чем она говорила? Чего она хотела?

Наконец я добрался до постели и лежал в темноте, в мягком уединении своего убежища. Однако сон не шел. Она сказала, что не знает, что такое похороны, она спрашивала, как вынесет Хоумер, когда его зароют в землю. Она сказала, что ей шестьдесят пять лет.

Она была безумна. Она вышла из реки, и она была безумна.

Мне приснилось, что я на похоронах своего отца, но там больше никого не было, кроме Джеделлы. Она смотрела в темноту могилы и говорила мне: «Неужели ты оставишь его там?»

Я проснулся в слезах. Я не хотел оставлять его там, моего отца, такого хорошего и любящего, который многое мне дал. Но разве там, внизу, во тьме, лежал мой отец?

Пришел рассвет, я поднялся с постели и сел

у окна. Город был спокоен и тих, пели птицы. Далеко за сосновым лесом над очертаниями гор я отчетливо видел прозрачное сияние зари.

В половине десятого утра я постучал в дверь Джеделлы и, когда она открыла ее, спросил:

— Не пойдете ли погулять со мной? — Я больше не хотел тайных встреч в доме.

Похороны назначили на два. Улицы казались необычно пустыми. Листва на деревьях светилась всеми красками осени. Лавки были открыты, одна-две собаки бежали по улице, принюхиваясь к земле. Джеделла смотрела на все это молча и печально. Она напоминала мне вдову.

Мы вышли на площадь, сели на пустую скамью под раскидистым деревом.

— Джеделла, я хочу, чтобы вы мне открыли, откуда вы пришли. Если захотите.

— Из-за леса. Там, в горах среди сосен был дом.

— Как далеко отсюда? — Я был обескуражен.

— Не знаю. Мне потребовался день, чтобы добраться до этого города. День и предыдущая ночь.

— Почему вы пришли сюда?

— Мне больше некуда было идти. У меня не было цели, я просто шла.

— Почему вы оставили дом — дом в соснах?

— Они все ушли, — ответила она. На мгновение в ее глазах мелькнуло выражение, какое бывает у людей только перед лицом величайшего несчастья — крушения поезда, ужасов войны. То, о чем она говорила, вызывало в ней беспредельный страх, он причинял ей невыразимую боль, но в нем не было логики.

— Кто ушел?

— Люди, которые были со мной. Правда, они часто уходили, но не все одновременно. Я отчаялась и увидела, что в доме пусто.

— Расскажите мне о доме.

Тогда она улыбнулась. Это была чудесная лучезарная улыбка. Воспоминание сделало ее счастливой.

— Я была там всегда.

Она сидела на скамейке, и я отстраненно осознал, что в своем старомодном платье она чем-то похожа на пожилую даму — дочь Хоумера или Элси Бейнс, словом, на любую немолодую женщину из нашего города. Воздух был прохладен и прян, и лето умерло. Я попросил:

— Хотелось бы послушать.

— Это большой белый дом, — начала она, — и в нем много комнат. Я обычно бывала наверху, хотя и вниз тоже спускалась. Вокруг стояла высо-

кая белая стена, но из-за нее виднелись верхушки деревьев. Внутри, в саду, тоже росли деревья, и я каждый день гуляла, даже зимой. Зимой лежал снег, и было очень холодно.

— А кто жил в доме с вами?

— Много людей. О-о, масса людей, мистер Кросс. Они присматривали за мной.

Я с любопытством спросил, словно приободряя ребенка:

— Кого вы любили больше всех?

— Мне все нравились, но видите ли, они не оставались там надолго. Никто никогда не оставался. — Она снова погрустнела, но теперь в ее печали сквозили нежность и мягкость. Она действительно была, как ребенок. Вот что я наконец увидел — ребенок в платье пожилой женщины, которое ему идет. — Когда я была девочкой, — произнесла она, странным образом уловив мои мысли, — я часто из-за этого грустила. Из-за того, что они уходили. Но потом я просто знала, что так должно быть.

— Почему так должно было быть? — в недоумении спросил я.

— Так они жили. Но я оставалась. У меня была другая жизнь.

— Расскажите еще о доме, — попросил я.

— Ну, просто дом. Я там жила. Некоторые комнаты были огромными, а некоторые маленькими, например, моя спальня.

— А что вы там делали?

— Я читала, рисовала. И я играла на пианино. Всегда находились занятия.

— А ваши отец и мать? — спросил я.

Джеделла взглянула на меня с удивлением.

— Что вы имеете в виду?

Солнце согревало мне лицо и руки, но воздух уже был холодным. От церковной колокольни на землю падала синяя тень. Теперь меня что-то удерживало, я решил вернуться немного назад. И сказал:

— Ну что ж, расскажите теперь о том, что вам больше всего нравилось делать?

Она засмеялась — прелестным, юным, искренним смехом.

— Очень многое. Обычно я воображала всякие места, где никогда не бывала — города с башнями, реки и моря — все из книжек. И конечно, зверей. Ведь есть медведи, и львы, и тигры, правда?

— Конечно, есть.

— Вот и я так думаю. Вы когда-нибудь их видели?

— В клетках, — признался я.

На миг она забеспокоилась, но затем отбросила от себя эту мысль, словно опавший лист.

— Я так хотела их увидеть, а они говорили «когда-нибудь».

— Они не говорили, когда?

— Нет, я думаю, предполагалось, что сейчас. После того, как я покинула дом.

— Они говорили, что вы когда-нибудь покинете дом?

— О, нет. Но когда они все ушли, двери остались открытыми. И большая дверь в стене тоже.

Теперь я изо всех сил старался не спугнуть ее каким-нибудь вопросом или замечанием. Я вспомнил, что когда я заговорил о ее рождении, Джеделла приняла вид гостя на вечере, который не понимает, о чем вы говорите, но из вежливости не возражает.

— А раньше дверь никогда не открывалась?

— Никогда.

— А вы не спрашивали, почему?

— Нет, не спрашивала, я ведь так жила. Мне больше ничего не было нужно.

Она была молода — впрочем, действительно ли молода? — и ею должны были владеть какие-нибудь желания, например, — увидеть зверей из книжек. Неясная мысль мелькнула у меня в

голове, и я спросил:

— Вы видели в книгах картинки, на которых изображены львята?

— О, конечно, — проговорила она.

— А когда были ребенком?

— Конечно.

Над головой у нас начали бить часы. Наверное, они уже били раньше. Сейчас был полдень.

Джеделла огляделась вокруг.

— Здесь есть что-то очень неправильное. Вы не можете сказать, что?

— Это наша жизнь, мы так живем.

Она вздохнула, заговорила, и в ее голосе чувствовалось нечто, наполнившее меня первобытным страхом.

— И так везде?

Я ответил:

— Да, Джеделла.

Потом она сказала:

— Абигайль Энкор дала мне несколько книг. Она хочет мне добра. Но я их не понимаю.

— Что именно?

— То, что происходит в этих книгах… Ведь этого не бывает.

Я мог бы заметить, что это справедливо по отношению ко всей плохой литературе. Но ясно,

что она подразумевала другое.

— У вас в доме были книги, — сказал я. — Вы все в них понимали?

— Там некоторые части были вырезаны, — сказала она. Я промолчал, но, словно в ответ на мои слова, она добавила: — Я часто спрашивала, куда делись эти куски, но мне отвечали только, что книги здесь очень давно, и все.

Так же, как раньше, почти наугад я спросил:

— Например, там шла речь о львятах, и они выросли во взрослых львов, но вы не знали, откуда взялись львята? — Она молчала. Я продолжал: — И сколько живут львы, Джеделла? В книгах об этом говорилось?

Джеделла-призрак обратила на меня темные глаза. Она больше не пробуждала во мне желания, мне больше не хотелось видеть в ней свою музу. Она произнесла:

— Всегда, конечно. Жить значит жить.

— Вечно?

Она не ответила и не пошевелилась. Я чувствовал, что мое сердце бьется в бешеном ритме, и вдруг эта мирная площадь, этот город, где я ощущал такое спокойствие, стали разваливаться на куски. Потом все кончилось. Сердце успокоилось.

— Вы пойдете, — спросил я, — на похороны Хоумера?

— Если вы думаете, что мне следует.

Я встал и предложил ей руку.

— Мы позавтракаем у Милли, а потом пойдем.

Ее рука почти ничего не весила, как жухлый лист.

Она была тиха и неподвижна в продолжение всей церемонии, и хотя взглянула на старое, морщинистое, отрешенное лицо, прежде чем закрыли крышку гроба, не проявила никаких чувств.

Однако когда все было кончено и мы стояли одни на дорожке, она сказала:

— Я часто наблюдала за белками, как они играют в деревьях. Это были черные белки. Я бросала им кусочки бисквита. Однажды я увидела белку, лежавшую на траве в саду. Она не шевелилась, и я даже погладила ее по спинке. Тут из дома кто-то вышел, кажется, это был Орлен. Он поднял белку и сказал мне: «Бедняжка, она упала и теперь оглушена. Иногда с белками это случается. Не расстраивайся, Джеделла. Я отнесу ее к дереву, и она поправится».

По газону шла дочь Хоумера, опираясь на руку сына. Она утирала глаза, сердито бормоча что-то

насчет мясных блюд и сладкого пирога, которые собиралась стряпать к отцовскому дню рождения. Ее сын шел, прижав шляпу к груди и склонив голову, озабоченный, как мы часто бываем озабочены горем, которому не в силах помочь.

— Так белка была оглушена? — переспросил я.

— Да, а потом он показал ее мне, когда она скакала с ветки на ветку.

— Та же самая белка?

— Он так сказал.

— И теперь вы думаете, что Хоумер просто оглушен, а его положили в землю и сейчас зароют, так что он не сможет выйти.

Со стороны мы просто стояли и разговаривали — двое приличных, хорошо воспитанных людей. Но один из нас готовился принять то, что отрицало все его существование.

— Джеделла, вы можете мне описать со всеми подробностями путь, который проделали от дома в соснах?

— Если хотите…

— Это может нам очень помочь, — проговорил я. — Я хочу туда поехать.

— Я не могу вернуться, — ответила она.

Мне подумалось, что она, как Ева, изгнанная из Рая за то, что отведала запретный плод.

— Нет, я не собираюсь заставлять вас возвращаться. Но я хочу поехать сам. Я должен найти какую-то разгадку всему этому.

Она не спорила со мной. Она начала осознавать свое полное отличие от других людей, свое поражение. Она, как и я, стала догадываться, что с ней что-то произошло.

Когда я впервые приехал сюда, то часто гулял или ездил верхом в этих лесистых местах. Потом я засел за работу и почти прекратил прогулки. Для меня не было наказанием выехать из дому этим холодным ясным утром, хотя я чувствовал некоторое напряжение, и, как предполагал, вскоре должен был ощутить еще большее. Ехал я на красивой кобыле, которую звали Мэй. Мы тщательно следовали по пути, описанному Джеделлой. Она даже нарисовала — девушка явно умела обращаться с карандашом — приметы, которые могли бы мне помочь. Когда дорога кончилась, мы въехали в лес, взобрались на холм под названием Сахарная Головка и углубились в сосновый бор.

К вечеру мы поднялись достаточно высоко, чтобы почувствовать дуновение ветра с отдаленных гор, покрытых снегом. Разбивая лагерь, я думал, что услышу перекличку волков на вершинах, но

здесь не было ничего, кроме тишины и роя звезд. Эти места отмечены печатью великого покоя. Некоторые люди могут жить только здесь, но, что касается меня, я чувствовал бы себя затерянным. День или два такой близости к небу, и с меня довольно. На рассвете мы снова тронулись в путь.

Раз или два я видел своих знакомых — траппера с ружьем и еще одного человека гораздо дальше, у реки. Оба заметили меня и помахали мне, а я им. Из остальных — диких — обитателей леса мы встречали дикобраза, оленя, птиц и насекомых. Мэй мягко перебирала копытами, а ее шерсть сияла, как пламя. Бремя от времени я с ней разговаривал и спел ей несколько песен.

Я без труда нашел дом после полудня этого второго дня. Либо Джеделла шла быстрее меня, либо она потеряла счет времени.

Отсюда горы были видны очень хорошо, гигантские белые укрепления, вздымавшиеся над рядами сосен. Но здесь лес был таким густым, что нам приходилось через него продираться. Дом стоял на поляне, как и говорила Джеделла, окруженный со всех сторон высокой белой стеной. Выглядел он довольно странно, как будто строитель не руководствовался никаким стилем. Такой дом соорудил бы из кубиков ребенок, но

ребенок, лишенный воображения.

Ворота были открыты. Солнечный свет проникал вниз сквозь деревья, и в его лучах я увидел человека, стоявшего на дорожке. На незнакомце был белый костюм, и он курил сигарету. В своем городе я привык к трубкам да жевательному табаку. Во мне шевельнулось смутное предчувствие. Я заметил, что это глубокий старик, но держался он прямо, был стройным, с густой гривой седых волос и черными, как уголь, бровями.

Заметив меня, он поднял руку. То не был небрежный приветственный жест траппера или человека с реки. Я видел, что он ждал меня или кого-то еще. Может быть, он нарочно вышел меня встречать?

Я спешился и подошел к незнакомцу.

— Джеделла живет в нашем городе, — начал я.

— Не думал, что она сможет далеко уйти, — безразлично сказал старик.

— Я надеялся, — проговорил я, — что вы приедете и заберете ее.

— Нет, я не могу этого сделать. У меня уже нет времени. Это должно кончиться, и теперь ей надо во всем разобраться самой. В любом случае она бы меня даже не узнала. Она видела меня в течение пяти или шести лет, когда была ребенком, а мне

тогда было едва за двадцать.

— Это делает ее довольно старой.

— Ей шестьдесят пять.

— Так она говорит.

— И конечно, — заметил он, — это невозможно, потому что ей восемнадцать или девятнадцать, совсем девочка.

За моей спиной Мэй замотала янтарной головой, как бы о чем-то предупреждая, и мимо ствола дерева промелькнула птица.

— Я приехал сюда, — сказал я, — чтобы все это выяснить.

— Да, я знаю. И я скажу вам. Я Джедайя Гесте, и теперь этот дом мой. Не желаете ли зайти?

Я пошел за ним по дорожке, ведя в поводу Мэй, которую привязал потом на солнечном месте. Внутри ограды росли деревья. Деревья, в которых резвились черные белки. Я был поражен его именем — скандинав, наверное, и созвучием его имени с именем Джеделлы. Джедайя — имя отца и феминизированная форма от него — имя дочери, Джеделла. Неужели все так просто? Да, если ему тогда было за двадцать, сейчас старику почти девяносто, а ей должно быть шестьдесят пять.

Он привел меня в просторную комнату с белыми стенами, довольно приятную, с картинами

и украшениями, а также с большим камином, в котором горело несколько коряг и пней. На столе стоял горячий кофе. Неужели он знал час моего приезда? Нет, это было бы слишком фантастично. Во мне шевельнулось подозрение, что сейчас я должен быть не менее внимательным, чем когда пробирался через нагромождения поваленных сосен.

Из комнаты широкая лестница вела наверх, на галерею. Я заметил, что там стоит еще один человек. Джедайя Гесте сделал ему знак рукой, и тот ушел.

— Мой слуга. Он нам не помешает.

— Это Орлен? — спросил я.

— О, нет, Орлен давно ушел. Но, я помню, Орлен был любимцем Джеделлы, когда она еще не вышла из детского возраста. Жаль, что им всем приходилось ее покидать. Сначала она плакала. Она плакала, когда я ее покинул. Но мне говорили, что позднее она научилась относиться к этому философски. Она привыкла.

Я в свою очередь ему представился, а он воспользовался привилегией своего возраста и сразу стал называть меня Джон. Мы уселись в большие бархатные кресла, я стал пить кофе, горячий, сладкий и крепкий.

Он проговорил:

— Я вернулся сюда умирать. Мне здесь удобно, здесь есть все, что мне нужно. Несколько месяцев, не более того.

— И вы не хотите провести их вместе с ней? — спросил я.

— Строго говоря, ей был предоставлен выбор. Она могла остаться, хотя, я думаю, этого бы не захотела. Если бы, вернувшись, я нашел ее здесь, то, скорее всего, притворился бы кем-то другим. Хотя даже тогда шок…

— От вашего возраста, — перебил я. — Но причина, по которой ей позволили выйти отсюда — ваша смерть?

— Да. Я не могу больше управляться со всеми этими делами. Эксперимент окончен.

— Эксперимент, — повторил я.

— Ну, давайте же, Джон, — подбодрил меня хозяин, я уверен, вы уже уловили суть.

— Я довольно много читал, — начал я. — Несколько лет назад я наткнулся на легенду о Будде. — Гесте скрестил руки на груди и улыбнулся, показав еще крепкие зубы. — Будда был рожден принцем, — продолжал я, — и его решили держать в неведении обо всех безобразных вещах — о нищете, болезнях, старости и смерти.

Он видел только красоту. Но в один прекрасный день что-то пошло не так, и он узнал правду.

Джедайя Гесте сказал:

— Видите ли, Джон, я начал задумываться об этом еще в молодости. С самого начала, даже когда нам лгут, факты все равно стоят у нас перед глазами. И наступает момент, когда мы их осознаем. Старая дама в лиловом платье с руками, скрюченными ревматизмом. Мертвая собака, которую переехала повозка. Дичь, убитая для стола. В средние века в Европе над дверью церкви вешали человеческий череп. А под черепом было написано: «Помни, и ты станешь таким, как я». — Он откинулся на спинку кресла. Глаза у него были темные, как у нее, но бледнее, подернутые дымкой старости. — Как учится ребенок? — продолжал он. — Он подражает звукам, которые становятся языком. Жестам, превращающимся в манеры. Суждениям, которые он позднее принимает или отвергает. Он постигает то, что солнце встает и заходит, и то, что с течением лет он взрослеет, меняется. Все вокруг учит нас тому, что мы достигаем расцвета, но потом наступает упадок. С этой вершины дорога ведет только вниз. К слабости и болезням, к первым морщинам и складкам, к дряхлости и немощи. Вниз, к

согбенной спине, потере зубов, зрения и слуха. Вниз, в могилу, и это ждет нас всех. Помни, и ты станешь таким, как я. Нас учат этому с самого начала, напоминают снова и снова.

— И Джеделле, — проговорил я, — никогда не говорили о старости и смерти. О болезни по некоторым причинам упоминалось, но как о чем-то уже не существующем. Из книг вырезали страницы. В доме всегда были только молодые и здоровые люди, а когда они начинали стариться, их отсылали. Когда под окном умерла белка, Орлен сказал ей, что она оглушена, а потом показал ей другую белку, прыгающую в ветвях.

— В городе ко мне приходила девушка, — сказал Джедайя Гесте. — К ее ужасу, она от меня забеременела. Она не хотела этого ребенка, поэтому ей заплатили, а ребенка я взял себе. Это и была Джеделла. Совсем дитя, моложе Будды, которому, как мне кажется, было двенадцать. Слишком маленькая, чтобы что-ни-будь знать. Джон, ничего лучше и пожелать было нельзя, а я располагал средствами. Я привез ее сюда и на эти первые годы стал ей другом. А потом в силу необходимости я ушел, и мою работу продолжали другие. Они были умны, им хорошо платили. Ни одной ошибки. Она выросла в мире, где никто

не болел, не старился и не умирал. Где ничто не умирало. Она не принимала в пищу убитых животных. Даже листья на деревьях оставались вечно живыми.

Это было правдой, она видела только сосны — обновление, но не очевидное старение. А потом она вышла через открытую дверь и спустилась в осенний лес, где рубиновая, желтая и бурая смерть слетает с каждого дерева.

— Но теперь она это видит, — сказал я. — И считает чем-то, не имеющим смысла. Мистер Гесте, она уже постигает ужасный факт, что все в мире смертно.

— Вспомните, — возразил он, — ей шестьдесят пять лет, а она девочка. Слишком много уроков ей давали, можно ли было их не усвоить.

Я встал. Я не чувствовал злости. Я не знаю, как назвать то, что я испытывал. Но я не мог больше ни сидеть в кресле перед камином, ни пить душистый кофе, ни смотреть в это старческое лицо, где читались такие сила и уверенность.

— Вы разыгрывали из себя Бога, мистер Гесте.

— Неужели? Разве нам дано знать, как поступал Бог или как Он намеревался поступить?

— Вы полагаете, что дали ей вечную юность. Думаете, что сделали ее бессмертной.

— Может быть, — произнес он.

Я ответил ему:

— В этом мире, где все приходит к концу, что с нею будет?

Теперь вы станете о ней заботиться, — непринужденно и мягко проговорил он. Ваш тихий маленький городок. Хорошие люди. Добрые люди.

— Но боль! — воскликнул я. — Ее боль!

Джедайя Гесте посмотрел на меня ее глазами. Он был так же невинен, как была невинна она. Против такой наивности невозможно бороться.

— Боль, я думаю, несомненная юрисдикция Господа. Никогда не поверю, что человечество при всех его грехах могло изобрести такую страшную и сложную вещь.

— Она никогда не задавала вопросов? — спросил я.

— Вопросы порождаются сомнениями. Теперь она, наверное, спрашивает.

В огне треснуло полено. Я ощутил небольшую ломоту в спине, которой еще год назад не чувствовал.

— Джон, я был бы счастлив, если бы вы согласились провести ночь у меня в доме.

Я поблагодарил его и отказался под благовид-

ным предлогом. Даже тогда, даже там правила вежливости, которым меня научил отец, мне не изменили. Эти первые уроки.

У дверей Джедайя Гесте сказал мне на прощание:

— Я рад, что она нашла к вам дорогу.

Но она не нашла дороги ни ко мне, ни к кому-либо еще. Она не нашла своей дороги.

Проходят годы, и наш город остается верен Джеделле. Мы оберегаем ее от всего, как только можем. Она живет в собственном маленьком доме за церковью, у нее есть пианино, которое мы привезли ей из большого города, краски, книги — теперь разные книги. Она читает целыми днями, читает своими чистыми темными глазами. Иногда она читает мне, когда даже очки не помогают мне справиться с мелким шрифтом.

С годами в городе появляется все больше чужих людей, и для них Джеделла остается загадкой, к которой они, в основном, безразличны. Эти создания нового мира слишком поглощены собой, и у них часто отсутствует любопытство, которое было столь естественно для нас. Но, в конце концов, войны и страх войны, и эти удивительные изобретения, причиняющие столько бед и беспокойства и производящие столько шума, меняют

и нас, детей другого мира.

Люк погиб на войне. Многих мы потеряли, многие потеряли себя. Но их места занимают другие. Даже я целый год был знаменитостью, путешествовал по разным городам и странам, потом устал и вернулся домой. И городок встретил меня все той же туманной утренней тишиной, которую даже эта новая какофония не вполне способна истребить.

То было осеннее утро, с расцвеченными листьями деревьев, а в новом ресторане, построенном на месте заведения Милли, мыли стекла.

Но сегодня этот ресторан стал уже старым и знакомым, и я часто прохожу мимо, к домику Джеделлы, а она выходит и знает, что я зайду к ней на часок выпить кофе и поесть шоколадного торта, которым она по праву гордится.

По этой дороге я хожу с осторожностью, потому что теперь по ней иногда носятся мотоциклы, и когда я иду, я вижу, как она ждет меня — бледная и стройная девушка с короткой стрижкой и слегка тронутыми помадой губами.

Однажды у дверей она коснулась моей руки.

— Смотри, Джон, — сказала она.

Глаза у меня уже не те, но там, на ярком солнечном свету я всматривался изо всех сил. Она

указала на щеку, потом одним пальцем на волосы.

— Ты имеешь в виду пудру, Джеделла? Да, прическа у тебя превосходная.

А потом, когда она стояла передо мной, улыбаясь, а ее глаза были полны утра, нового начала всех вещей, я увидел то, что она показывала мне с такой гордостью. Крошечную морщинку на щеке. Один-единственный серебряный волос.

Перевела с английского Ирина МОСКВИНА-ТАРХАНОВА

Для следующей задачи потребуется некоторая предварительная информация, известная пользователям Интернета. Именно в глобальной сети проблема SETI (поиск внеземных цивилизаций) приобрела «всенародный» масштаб. Каждому пользователю предлагается потратить некоторое время на общение с братьями по разуму: то есть, руководствуясь специальной программой, отслеживать фликер-сигнал (или «белый шум», как говорят астрофизики): а вдруг здесь найдется что-нибудь содержательное… Кстати, некоторые сотрудники журнала добросовестно потратили свое компьютерное время на это благое дело, но

пока втуне…

Итак, условия задачи американского писателя, уже выступавшего в «Банке идей». Для особо пытливых заметим: постскриптум к одной из публицистических статей, опубликованных в журнале за последнее время, был взят именно из этого рассказа.

Повествование ведется от лица героя, техника, не очень-то разбирающегося в науке. Однажды в баре он встречается с человеком, весьма расстроенным тем, что его любимое дело под угрозой исчезновения. Дикинсон (так зовут специалиста) работает на федеральную программу по использованию старых радиотелескопов для связи с орбитальными станциями. В прошлом как раз на этих радиотелескопах он искал внеземные цивилизации. Но эти проекты теперь собираются окончательно закрыть, потому что за долгие годы так ничего существенного и не было обнаружено. Герой не очень понимает, о чем говорит разгоряченный выпивкой собеседник; краем уха он слышит какие-то слова о «первичном бульоне», о девяностобитовых «ключах» и тому подобное…

Герою еще раз предстоит встретиться с Дикинсоном. Только теперь за ученым гоняются спецслужбы Америки. Впрочем, они еще не пред-

ставляют, что натворил этот энтузиаст-одиночка. Пытаясь оказать помощь расследованию, герой попадает в компьютерный центр Дикинсона и замечает пляшущую на экранах мозаику пятен — словно гипнотическое внушение, столь популярное у экстрасенсов. Дикинсон на глазах героя стремительно стареет и погибает, так что рассказчик остается один на один с жутковатой проблемой…

Как уже поняли будущие конкурсанты, в условиях задачи пропущено одно логическое звено. Вам предлагается восстановить его. А условия конкурса предполагают три варианта от каждого читателя, так что в одном из трех вы непременно попадете в мишень. Но учитывая, что разыгрывается пять призов, победителями станут те, кто первым пришлет правильный ответ на два вопроса:

ЧТО ПРЕДПРИНЯЛ ДИКИНСОН? и К ЧЕМУ ПРИВЕЛИ ЕГО ДЕЙСТВИЯ?

Ждем ваших ответов до 20 декабря 2000 года.

Удачи!

Николай Ютанов:

«ПРЕКРАСНЫЕ ЛЮДИ И ОТЛИЧНЫЕ КНИГИ»

Мы продолжаем знакомить читателей с планами и проблемами издательств, выпускающих фантастику. Слово — директору «Terra Fantastica», одного из первых издательств в стране, профессионально занявшихся выпуском фантастической литературы.

— Николай, так случилось, что вы совмещаете две ипостаси: писателя и издателя. Но те, кто внимательно следит за эволюцией вашего творчества, а равно и за деятельностью «Terra Fantastica», считают, что издатель сильно помешал писателю, и наоборот. Это правда или злопыхательство?

— Я очень небыстрый писатель. Все, что пишется, пишется годами. При этом, естественно, никакого дохода… Вот и приходится зарабатывать на марсельский бублик со сметаной. Это может показаться диким, но недописанный роман уже пошел на третий год работы.

— Так все же, кем вы себя считаете — писателем, который кормится книгоизданием, или же издателем, время от времени ностальгически вздыхающим о славных добрых (или темных и злых) временах, когда каждая публикация была праздником жизни?

— Издателем. Я считаю, что профессионально занимаюсь масскуль-том. Равно как и зона литературного эксперимента (или, как ее выспренно называют, Высокая литература), так и масскульт расслаивается на откровенную макулатуру, шлак, «деревянную прозу», литературу, как прием, спинномозговые тексты, зону роста и собственно живую прозу. Ради двух последних кругов литературы мы и работаем. При этом не принципиально — к литературному эксперименту или к конвейеру это относится. По прежним временам я, действительно, вздыхаю. И ностальгически. Потому что там остались люди, с которыми я не смогу больше поговорить: Борис Штерн, Сергей Александрович Снегов, Аркадий Натанович… Ну а «Золотой век», с моей точки зрения, всегда находится в начале системы координат по Зельдовичу-Новикову: на точке Ю, то есть на настоящий момент. И книги новые пишу. Как показывает опыт, раз в пять лет у меня что-то

издается. Ну, а попаду ли я в «боевые списки», писатели и читатели (у каждого список свой) решат сами. Без меня.

— Что ж, с издателя и спрос другой, по всей, так сказать, строгости… Автор отвечает за свой текст только перед самим собой, а вот тот, кто его тиражирует, по идее, должен нести большую ответственность не только за качество продукта, но и за последствия его воздействия на широкие читательские массы. Послужной список «TF» тех лет вызывает уважение — откровенного хлама практически нет. Но, может, именно это интеллигентское чистоплюйство, отягощенное питерской гордыней, и привело к некоторому вашему застою в издательском процессе?

— Изначально «TF» установила внутреннюю планку: издаваемые книги должны быть не хуже, чем на твердую «тройку». Собственно, определение этой «тройки» и дает уровень качества книжного конвейера, а соответственно, уровень читательской любви. В начале 90-х действительно ходила издательская формула: цветная обложка, а внутри чистый бред. Издавалось немереное число любительских переводов (это не оценка — они так и назывались ФЛП). Я бы

это интерпретировал так: «фантастически любительский перевод». Было очень большое число воинствующих апологетов ФЛП. Книги пеклись за один день. «Издатели» либо никогда не слышали слова «корректор», либо вычитывали все сами. Все вековые традиции русского книгоиздания были отправлены в канализацию. В одном из бесчисленных «амберных» переводов принц Корвин умирал «далеко-далеко на перемотке», а у принца Корума запрашивали «Каково житие твое, благий Корум?» Это не редакторский «бармаллярий», это взято из ИЗДАННЫХ книг… Так что — да: чистоплюйство и гордыня, воплощенные в книгах без ошибок (в рамках нормы ГОСТа, в тех книгах, которые нравились НАМ САМИМ). Ну а доходы… Можно вспомнить Лоутона Льюиса Бэрдока: «Взгляните правде в глаза: если бы преступления себя не окупали, преступников можно было бы пересчитать по пальцам»… Мы всегда проигрывали в деньгах пиратам-Ьооканьерам (в терминологии Силверберга), бесплатным переводам и самопальным макетировщикам. Но, как говорила блистательная Фаина Раневская: «Деньги кончатся, позор останется».

— Все это очень благородно, но, сохранив свою издательскую лилейность, вы тогда

уступили поле деятельности прагматикам от книжного бизнеса. Издавая книги, которые нравились вам самим, вы естественным путем опередили количество «единокнижников», так сказать… Мне почему-то кажется, что «TF» в те годы стала своего рода шахтерской канарейкой, вехой, поворотным пунктом отечественного книгоиздания — не тогда ли резко упали тиражи книг вообще, а хороших — в частности? Тем не менее вам удалось выжить. За счет чего?

— За канарейку — отдельное спасибо. Но что значит «те годы»? Имеется в виду эпоха «вялотекущей гиперинфляции» 1991–1994 гг.? Первый финансовый крах «TF» совпал со знаменитым «мертвым апрелем» 1994-го. Сложилось множество факторов: безответственная политика руководства, стремление сбытовых структур к самовыражению и общая «усталость металла». А самое главное — перестали покупать книги после четырехмесячной общероссийской задержки зарплаты. Хлеб и аптека задушили книгу. Было все, но мы выжили. И выжили за счет команды, которая как была лучшей, так и осталась лучшей по сей день. Это моя точка зрения (странно, если бы она была другой!), и я никого не хотел обидеть…

«TF» вернулась «в гараж» и запустила проект-долгострой «Библиотека мировой литературы». Мы по-прежнему пребывали в твердой уверенности, что выпускать можно только хорошие книги. А еще лучше — отличные. За счет этого и выжили: прекрасные люди и отличные книги.

— Но чем вы отличаетесь от других — ведь любое издательство считает себя самым-самым?..

— «Terra Fantastica» изначально создавалась как компания, специализирующаяся на издании русской фантастики. Она была создана на базе редакционной группы литературно-редакционного агентства «Астрал», выпустившего в свет серию «Новая фантастика», сразу выдавшую «на гора» трех авторов: Андрея Столярова («Изгнание беса»), Вячеслава Рыбакова («Очаг на башне») и Андрея Лазарчука («Опоздавшие к лету»). А когда издание перешло в Ленинград-Санкт-Петербург, то у нас свои дебютные книги в твердом переплете выпустили Сергей Лукьяненко («Рыцари сорока островов») и Сергей Иванов («Крылья гремящие»). Ну а вышедший сборник «Аманжол-90» дополнил литературное пространство и другими именами: Андрей Измайлов, Эдуард Геворкян, Александр Щеголев, Александр Тюрин.

Мы издавали книги Стругацких, планировали повести Владислава Крапивина, Любови и Евгения Лукиных, Виктора Пелевина, Святослава Логинова. Но… И все-таки продвижение русской фантастики на рынке дешевой американской НФ оставалось сложной задачей. Тогда было найдено достаточно очевидное, но очень непростое решение: мы решили привлечь ведущих русских писателей-фантастов к созданию цеховой литературной премии, которая вручается писательским жюри. В 1994 году были вручены первые «Странники». О героях литературного фронтира заговорили не только любители фантастики. Любые соревнования всегда интересуют и журналистов, и читателей. Заработали газеты, радио, телевизор. «Странник» стал одним из факторов, обеспечивших бум русской фантастики 1996 года. Проект «Странник» превратился в постоянный, ежегодный Конгресс фантастов России, на который съезжаются крупнейшие русские писатели. И я им за это безмерно благодарен. Приезжают и иностранные коллеги: Роберт Шекли, Пол Андерсон, Чарлз Браун и Брюс Стерлинг из США, Ооно Норихиро и Ояма Хироси из Японии. В этом году ждем в гости Лоис Макмастер Буджолд и Дэна Симмонса. Подводя некий итог, могу сказать, что

поколение 80-х стало знаменитым. И надеюсь, что мы ему в этом помогли. Сейчас «TF» готовит проект под условным названием «Поколение-2000». Что из этого получится — увидим.

— И все же — почему «TF» не занимает подобающего ему места в издательском ранжире?

— К началу 1995 года у нас сложилась парадоксальная ситуация: было подготовлено гигантское количество книжных проектов, которые мы не могли реально осуществить. Просто не хватало оборотных средств. И мы на «военном совете» приняли кардинальное решение: «TF» уходит из книжной торговли. Термин «packaging» на Западе существует довольно давно. В России издательские агентства в разной степени формализма продавали проекты, которые не могли или не хотели реализовать сами. «TF» выставила на продажу весь пакет своих проектов, почти полностью перейдя в режим пэкеджинговой компании. В качестве первого покупателя, а затем и постоянного компаньона выступила московская «Издательская группа АСТ». Сотрудничество с АСТ и обусловило небывалый бум русской фантастики 1996 года. В когорту наших авторов влились Ольга Ларионова, Михаил Успенский, Далия Трускиновская, Ант Скаландис, Г. Л. Олди, Андрей

Валентинов, Марина и Сергей Дяченко, Сергей Щеглов, Степан Вартанов и многие другие замечательные писатели. Наконец мы издали книгу Бориса Штерна. Удалось реализовать и один из самых сложных и долгих наших проектов: «Миры братьев Стругацких», куда помимо произведений классиков вошли и сборники «Время учеников», и двухтомная энциклопедия, и том переводов… Проект почти завершен, издано практически все, написанное Аркадием и Борисом Стругацкими. Вместе с издательством «Азбука» мы выпустили семикнижие Андрея Лазарчука «Опоздавшие к лету». Сделали книги Далии Трускиновской и Наталии Ипатовой. И завершили многолетнюю работу по переводу «Янтарных хроник».

— Но судя по некоторым вашим проектам, вы не брезгуете и откровенно коммерческой литературой?

— Мы продолжаем активно заниматься масскультом. И мне кажется, на этом поле удается реализовать весьма любопытные проекты. Например, серия «X — files». Начатая развеселыми «Людьми в черном», к которой чуть-чуть приложил руку и ваш покорный слуга, серия дает литературную версию телевизионного сериала. В качестве опоры используются как сама серия,

так и ее западная романизация, но чтобы было интересно ее читать, книги поднимаются на более высокий уровень: добавляется психология, прописываются научная или мифологическая основы, даже формируется бытовой фон. Поэтому спецагенты Малдер и Скалли в книгах «живее всех живых». В каком-то из московских изданий проскочила фраза о том, что в сериале «X-files» работают либо несостоявшиеся литераторы, либо начинающие. Таким образом в их число попали Андрей Лазарчук, Андрей Столяров, Вячеслав Рыбаков. А сейчас к ним собирается присоединиться Андрей Измайлов. С нами сотрудничают Андрей Легостаев, Елена и Антон Первушины и еще много замечательных писателей. «Секретные материалы» дают чудесный плацдарм для хорошей фантастически-детективной литературной игры. И абсолютно аналогичная ситуация с новым проектом «TF» — книжным сериалом «Звездные войны». Для воплощения миров Галактической Империи и Старой Республики пришлось призвать главного специалиста по транспонированию культур — Ян Юа. Он вернулся спустя семь лет. Первые книги уже на прилавках. Этот проект «TF» делает совместно с издательством ЭКСМО.

Наш корр.

КУРСОР

Очередной «Еврокон»

состоялся 2–6 августа в польском городе Гдыня. Конвент получил название «Tricity-2000» и объединил сразу три конвента: «Еврокон», «Балткон» и «Полкон». Наверное, поэтому слет получился столь представительным: в работе приняли участие делегации двадцати европейских стран, в Гдыне собралось более тысячи человек.

Лучшим европейским журналом фантастики был признан российский журнал «Если», опередивший в финале известный английский журнал «Вектор».

Англичане «отыгрались» в номинации «Лучший писатель года». По итогам голосования им был назван молодой, но стремительно набирающий популярность шотландский фантаст Кен Маклеод. Российский писатель Сергей Лукьяненко стал вторым, уступив британскому автору совсем немного баллов.

Представители Польши, что было предсказуемо, тоже не остались без наград: художник

Войтек Сьюдмак и ежемесячный фэнзин «Вид с высокого замка» стали победителями в соответствующих номинациях. Помимо вручения наград, центральными событиями конвента стали выступления Кира Булычева и Анджея Сапковского, собравшие огромное количество слушателей.

В последний день конвента развернулась острейшая борьба за право проведения «Еврокона-2002» (место следующего конвента уже было определено — Румыния). В конечном итоге победила Чехия: то есть три раза подряд хозяйками конвента будут страны Восточной Европы. Наша делегация пока не претендовала на эту роль, но, учитывая растущие позиции российской фантастики и серьезный к ней интерес, можно надеяться, что в недалеком будущем гостей будем принимать мы.

Своими впечатлениями поделился с читателями «Если» почетный гость «Еврокона» Кир Булычев:

«Главное ощущение — маятник поехал обратно. Европейцы наелись американской фантастики. Никто не отрицает ее заслуг, но все хорошо в меру. Когда европейские журналы и издательства на 90 процентов отданы американцам — это уже

перебор. Кажется, мы осознали это первыми, и потому столь велик интерес к российской литературе. Со мной беседовали польские, болгарские, чешские издатели, стремясь выяснить, что же у нас на самом деле происходит, куда двигается наша фантастика. Ну а разговоры с фэнами — тут я чувствовал себя просто среди своих… И кстати, здесь мы серьезно проигрываем многим европейским странам, в которых фэндом организован и люди имеют возможность общаться. В одной маленькой Чехии 60 клубов любителей фантастики! У нас клубное движение разрушено, и пока не видно, чтобы кто-то пытался этим заняться, кроме журнала «Если».

Терминатор возвращается.

Почти весь старый состав актеров удалось собрать продюсерам крупного голливудского проекта «Терминатор-3». Напомним: когда стало ясно, что режиссер первых двух фильмов Джеймс Камерон отказался принимать участие в продолжении одной из самых популярных фантастических кинодилогий XX века, вслед за ним отказались как Арнольд Шварценеггер, так и бывшая жена Камерона Линда Гамильтон — исполнители главных ролей в первых лентах. Однако продюсерам все-таки удалось уговорить

Шварценеггера и почти уговорить Линду сняться в третьем фильме. Режиссером станет знаменитый Ридли Скотт. Кроме того, уже подписал контракт на участие в съемках повзрослевший Эдвард Ферлонг, исполнитель роли юного Джона Коннора. А вот увидим ли мы снова жидкометаллического Т-1000 Роберта Патрика, пока неясно. Ведь нынешний персонаж Патрика, агент ФБР Джон Доджетт, с нового сезона сериала «Секретные материалы» начнет потихоньку вытеснять агента Малдера (Дэвид Духовны снимется только в половине серий сезона) с поста партнера агента Скалли.

Новая эхоконференция

появилась в FidoNet, самой распространенной в мире некоммерческой компьютерной сети. Называется конференция ru.esli, и обсуждаться в ней будет журнал «Если», а также новости сервера www.rusf.ru. Стоит отметить, что ни редакция «Если», ни издательство к созданию этой конференции касательства не имеют — она создана любителями фантастики и поклонниками журнала.

В ноябре 2000 г.

в США выходит из печати новый роман идеолога киберпанка Брюса Стерлинга «Zeitgeist» («Дух времени»). Начинаясь как реалистичная сатира о буднях современного шоу-бизнеса, повествование вскоре превращается в фантасмагорию. Оказывается, что «Проблема-2000» распространяется на людей: те, кто принадлежит XX веку в миг наступления 2000 года, будут автоматически стерты. Действие, происходит в 1999 году. Пытаясь спастись, одни эмигрируют в захолустье страны, другие скупают сверхсовременную технику. Текст скорее напоминает фантазию культуролога, чем художественное произведение. Сам Стерлинг заявил, что это фэнтези-технотриллер о злоключениях антигероя Легги Старлица (Старлиц появлялся ранее в нескольких рассказах Стерлинга, таких, как «Голливудский Кремль», «Самый маленький шакал», «Вы для 86?» и других), который обрел наконец свою собственную книгу.

Второй конвент «Фэндом-2000»,

организованный энтузиастами КЛФ «Солярис» на базе библиотеки им. Пушкина, состоялся 25–30 июля в Перми. В виду немногочисленности гостей (Уфа, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Яйва) фестиваль прошел в домашней спокойной обста-

новке. Более всего заинтересовали участников викторины по литературным произведениям; также были зачитаны доклады по НФ-литературе; состоялась пресс-конференция с ведущим пермским фантастом Е. Филенко и молодым писателем Д. Скирюком, дебютная книга которого вышла в издательстве «Северо-Запад Пресс». Лауреатом премии «Фэндом-2000» за лучший фэнзин стал липецкий журнал «Семечки» (ред. С. Соболев и А. Караваев).

По осени сосчитаем.

В сентябре-октябре ожидается появление новых периодических изданий, посвященных фантастике. В Москве готовится к выпуску иллюстрированный журнал «Фантом», где на первое место выйдет не текст, а изобразительный ряд (по прогнозам организаторов, издание будет стоить около 70 рублей). В Санкт-Петербурге группа энтузиастов организует сетевой критико-информационный журнал под названием «Фантоматика»; предполагается, что со временем он будет выходить и в печатном виде. В США несколько наших бывших соотечественников, среди которых известный в прошлом переводчик и не столь известный писатель, решили реанимировать идею выпуска журнала «Analog» на

русском языке: по замыслу организаторов, готовиться он будет в Америке, а печататься в России. Литовский журнал «Империя», возможно, организует выпуск и на русском языке… Какие из этих проектов будут реализованы, читатели сумеют узнать уже к моменту выхода этого номера «Если» в свет.

Подарок

любителям творчества Дж. Р. Р. Толкина преподнесут мастера документального кино. Кинокомпания «Assassin Films» приступила к съемкам большого документального фильма о жизни и творчестве автора «Властелина колец». Новозеландский продюсер Марк Морган и британский режиссер Дэвид Перри планируют взять обстоятельное интервью у дочери Толкина, Присциллы, а также побывать в доме Профессора.

Литературные чтения

памяти Аркадия Стругацкого состоялись 26 августа в Москве. Их организатором стала литературно-философская группа «Бастион». В залах «Галереи Нагорная», где проходили чтения, собрались московские писатели, критики, переводчики, представители прессы и телевидения. С докладами о творчестве братьев Стругацких

выступили историк Г. Елисеев и критик А. Ройфе, а критик и публицист Вл. Гаков, хорошо знавший Аркадия Натановича, поделился с аудиторией своими воспоминаниями.

После выступлений и последовавшей за ними дискуссии состоялось вручение новой профессиональной премии «Филигрань», учрежденной журналом «Если», МЦОС ЮНЕСКО, издательством «Мануфактура» и сетевым журналом «Русский Удод». Эта премия вручается по результатам голосования жюри, в состав которого входят исключительно критики, работающие в жанре. Согласно Положению о премии, ежегодно должна происходить ротация членов жюри, однако его состав не может быть менее 9 и более 13 человек. Премия присуждается по единственному критерию — литературное мастерство. Рассматриваются книги, выпущенные в предыдущем году, и оцениваются по балльной системе. Автор, завоевавший первое место, награждается «Большой Филигранью»; второе — «Малой». В этом году первую премию получил Эдуард Геворкян за книгу «Темная гора», вторая была вручена Александру Громову за роман «Шаг влево, шаг вправо».

Агентство F-пресс

Андрей Саломатов

ВСЕ УЖЕ ПОЗАДИ

«Все еще впереди...»
(Песня такая есть)

07.07.2100 Москва

Папуля, здравствуй, дорогой!

Наговорил письмо и отправляю по электронной почте, потому что в видеосвязи тебе наотрез отказали. Говорят, политическим не положено. И черт тебя дернул вывести в своей книжке Председателя домового комитета. Доигрался. В 147 лет мотать пятнашку — не Бог весть какая радость, но сам виноват. В твоем возрасте пора бы стать посерьезнее.

Кстати, твою книгу изъяли из всех библиотечных систем. Правильно сделали. Может, так быстрее забудут.

Пап, я делаю все, что в моих силах. Вчера в окружном департаменте детской литературы обещали замолвить за тебя словечко. Дома при-

шлось дать на лапу секретарю Председателя подъездного комитета, а заодно — Ответственному за этаж. Хорошо хоть не побрезговали. Обещали написать на тебя положительную характеристику, но ты же знаешь, против своего непосредственного начальника они не пойдут. Разве что тебе смягчат режим. О снижении срока речи пока не идет. Сказали, что лет через пять можно будет подать прошение в муниципалитет, а пока терпи. Понимаю, трудно. Вчера Начальник службы безопасности подъезда сказал, что ты еще легко отделался. Журналист с 94-го этажа за меньшее получил двадцатку. Что поделать, времена не выбирают. Мне всего 116, а я уже ощущаю какую-то вселенскую усталость.

Позавчера пытался добиться для тебя анабиоза, хотя бы года на три. Ты помнишь Сережу Шестакова? К младшему столоначальнику главного управления лагерей и тюрем он открывает дверь ногой. Однако и Сергей ничего не смог сделать. Оказывается, анабиоз разрешен только после 150-ти. Придется тебе года три подождать. Но и здесь особо не обольщайся. Не хочу тебя пугать, но в ближайшее время возрастную планку могут поднять до 160-ти. Крепись, старик!

У нас все нормально, если не считать, что

взятки сильно подорвали семейный бюджет. Мама выращивает себе новые волосы и зубы. Две недели назад на Американских островах сняли карантин. Туда и летала — там дешевле. Твой правнук, Григорий, пошел на пенсию. А его внук Васька — помнишь, конопатый, с родинкой на ухе? — нарастил руку и снова уехал воевать в Африку. Битому неймется.

Погода у нас вполне приличная. В конце июня снег все же растаял, и немного подтопило нижние этажи. А вчера была гроза и очень ветрено. Блочный дом на углу Мичуринского и Никулинской не выдержал. Помнишь, старый такой? Его все равно собирались сносить. Погибли 208 человек. Уже к вечеру кучу мусора раскатали бульдозерами и поставили табличку: «Строительство многоквартирного дома для малоимущих».

Пап, посылаю тебе грелку. Настоящий ректификат. Только сразу все не пей. Растяни хотя бы дня на четыре. Клонирование печени все время дорожает. А ты уже третью поменял. Пиши лучше книгу, все быстрее время летит.

Николай — твой прапраправнук, сын Алексея, младшего праправнука Игоря — вернулся с Луны. Его фактически выперли. Вначале перестали пускать в Азиатский сектор, затем в Европей-

ский, а потом предложили уволиться. Два года строил-строил и на тебе. Аннулировали контракт и лишили участка. Сколько денег вбухал! Он, кажется, и у тебя занимал? Но ты себя не вини. У Кольки слишком длинный язык, болтает, что надо и что совсем уж не следует, вот и поплатился.

Да, звонила некая Марина Сергеевна, спрашивала, будешь ли ты на ее 105-летии? Я дал твой электронный адрес. Пап, ты бы держал своих девиц подальше от дома. Сам понимаешь, мама нервничает.

Я еще держусь на работе, но каждый день жду увольнения. Пока помогает знакомство с Уховым. Помнишь? Он служит вторым заместителем Председателя дворового комитета на Мичуринском. Если меня выгонят, придется идти на пенсию. А с ней, сам понимаешь: два кило макарон и два пакета сублимированного мяса в месяц. Разве что ты новую книжку наговоришь. Не ленись, папуль.

Пока все. Держись, пап. Не падай духом. Твой сын Андрей.

Здесь тебе Владимир Михайлович хочет что-то сказать.

Андрей Васильевич, привет!

Что же ты, голова садовая, все никак ума-разу-

ма не наберешься? Помнишь, сразу после третьей мировой меня чуть не засадили за вполне безобидную, в общем-то, рецензию на роман П.? Ну так это ж после войны! А сейчас-то… И чем ты только думаешь? В детскую книжку вставил такого уважаемого человека, да еще и вывел в глупом виде! Крайне непредусмотрительно. Я, между прочим, сразу после суда зашел в Департамент досмотра за детскими писателями и сказал им, что это посягательство на свободу слова. Что мы сто лет назад своими руками эту демократию устанавливали. Говорил им: мол, он художник, просто пошутил. А секретарь столоначальника сует мне в лицо Уголовный кодекс и показывает: статья 741, «Оскорбление должностного лица в особо извращенной форме». А потом еще процитировал 782 статью. Не знаешь такую? «Попустительство и укрывательство субъекта, оскорбляющего должностное лицо в особо извращенной форме». На десять лет тянет…

Ладно, не отчаивайся! Я здесь уже кое-что пытаюсь предпринимать. У меня знакомый есть в Главном управлении предприятий общественного питания. Очень влиятельный человек. Сам понимаешь, на макаронах сидит. Он обещал посодействовать, чтобы тебя перевели из лежачей

камеры в обычную. С сорок шестого подземного на двенадцатый. Туда и воздуха больше доходит, и вода бывает, а главное, там ты сможешь ходить: два шага — туда, два обратно. Все-таки полегче.

Андрей Васильевич, посылаю тебе грелку. Домашняя, свекольная. Только не пей все сразу. Растяни хотя бы дня на три.

Ну все, пока. Как решится с твоим переводом, напишу.

Вот здесь твой праправнук рвется…

Здорово, дед!

Как ты там? Небось все бока уже отлежал? Держись, дед!

Три дня назад я в Рим мотался к бабе Вике. Старушка держится молодцом. Дал ей твой электронный адрес. Обещала написать, как только добьется разрешения в отделении муниципальной жандармерии. У них там тоже домкомы лютуют. Ивана Нечипайло помнишь? Мой одноклассник. Сел в Милане за саботаж. Не вышел на воскресный вечерник, а там как раз сам Председатель дворового комитета заявился после урагана расчищать завалы. Сосед по квартире настучал. Пять лет «лежачей» без права апелляции.

Дед, баба Вика передала тебе три настоящие сигареты — чилийские, контрабанда. Честно

говоря, даже не хочется тебе их передавать. Бросал бы ты курить. Легкие сейчас дороже почек и поджелудочной вместе взятых. А здесь еще слух прошел, что скоро запретят клонирование внутренних органов для политических заключенных. Поостерегся бы.

Дед, я пошел на пенсию. Теперь добиваюсь разрешения на открытие своего дела. Хочу в Австралии купить макаронную лавочку. Там на западном побережье полоску в сто километров объявили зоной особого благоприятствования. Говорят, какой-то эксперимент. Но боюсь, что пока я буду раскачиваться, «вручную» собирать документы, туда сбежится шушера со всего света. А в моем возрасте, сам понимаешь, трудно найти нормальную работу.

Дед, посылаю тебе грелку. Как ты просил. Только умоляю тебя, не пей сразу все. Растяни хотя бы на два дня.

Вот, бабушка говорит, что она тоже приготовила тебе гостинец — бутылку соевого пива. Обещала прислать, как только кончится моя грелка.

Кстати, вчера читал своим правнукам твою последнюю книжку. Я включил ее и почти сразу уснул, а они дослушали до конца. Так что давай,

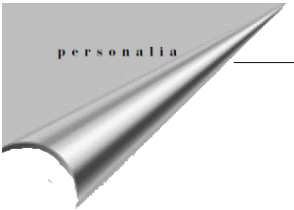
работай. Детям нравится.

Ну пока, дед. Вот тут праправнук мой, Алешка, хочет тебе пару слов сказать. Три года сорванцу, первый класс закончил. Ты его видел на дне рождения у Маши. Машу помнишь? Это правнучка Виктора, второго сына моего младшего.

Крепись, дед. До скорого!

Дедуль, здравствуй!

Дедуль, а ты кто? □



PERSONALIA

БРИН, Дэвид

(См. биобиблиографическую справку в № 8, 1996 г.)

Нет правил без исключений, и Дэвид Брин — яркий пример исключения сразу из множества правил. Критики привыкли повторять одну и ту же оценку: мол, начиная с 1960-х годов, научная фантастика изрядно перекипела, выпустив весь пар, и авторы, которые пришли в этот жанр позже, тусклым взглядом окидывают вселенные, созданные мастерами «космической оперы». Те самые построенные фантастами лестницы в небо, по которым человечество будет карабкаться к звездам — если, разумеется, его туда будет так же тянуть, как и раньше… Действительно, такие ав-

торы, как Дилэни, Диш, Вулф или Желязны, явно не желали тратить время на завоевание космических далей. И этот факт как будто подтверждает правильность вышесказанного. Однако Дэвид Брин как фантаст не менее ярок, чем все перечисленные. И тем не менее он в своей главной серии о Восхождении (или Возвышении) так лихо «разобрался» с целой галактикой, что впору говорить о втором рождении Эдварда «Дока» Смита!»

Джон Клют. «Иллюстрированная энциклопедия научной фантастики».

БУРКИН Юлий Сергеевич

Родился в Томске в 1960 году, по образованию филолог, по профессии журналист. Дебютировал новеллой «Пятна грозы» (в сокращении) в минском журнале «Парус» в 1988 году: по итогам читательской почты рассказ был признан лучшим произведением, опубликованным в журнале за год. Печатался в журналах и сборниках. Автор НФ-книг «Бабочка и василиск», «Королева полтергейста», «Остров Русь» (в соавторстве с Сергеем Лукьяненко). Роман Буркина «Цветы на нашем пепле» номинировался на премию «Русский Букер». Наибольшей известностью пользуется его книга, написанная в соавторстве с К. Фадеевым,

«Осколки неба, или Подлинная история «Битлз». Кстати, сам Буркин известен и как музыкант: вышли его альбомы «Vanessa io», «Королева белых слоников», «New & Best», где он же является и автором песен. А недавно писатель показал себя и хорошим организатором: вместе с К. Фадеевым провел фестиваль фантастики «Урания» в Томске. Любимые литературные произведения: «Винни Пух и все-все-все», «Орден Желтого дятла», «Над пропастью во ржи», «Малыш», «Сто лет одиночества», «Мастер и Маргарита», «Дюна». В поэзии — стихи Артюра Рембо.

КЛАРК, Сюзанна

(CLARKE, Susanna)

Молодая американская писательница Сюзанна Кларк родилась в 1964 году. Первый НФ-рассказ напечатала в 1996 году— «Леди должны прощаться тактично». С тех пор Кларк опубликовала несколько рассказов и три коротких повести в жанре фэнтези. С последней из них, «Миссис Мабб», читатели «Если» смогли ознакомиться в этом номере. Эта повесть вошла сразу в несколько антологий фэнтези. Критики отмечали классический стиль автора и умение «создать атмосферу

одновременно реальную и сказочную».

КУДРЯВЦЕВ Леонид Викторович

(См. биобиблиографическую справку в № 2, 1996 г.)

- В каком жанре вы предпочитаете работать: фэнтези или НФ?

— Чаще всего я, пишу на стыке этих двух жанров. Другими словами, почти в каждой моей книге явно или не очень явно присутствуют элементы как фэнтези, так и НФ. А также частенько и элементы других жанров: детектива, приключенческого романа, иногда — с оттенком сюрреализма. Мне кажется, будущее все-таки за книгами, написанными на стыке жанров, поскольку это дает больше возможностей выразить свои мысли, больше свободы.

ЛАФФЕРТИ, Рафаэль Алоизиус

(См. биобиблиографическую справку в № 8, 1993 г.)

В сборнике «Писатели-фантасты XX века» Р. А. Лафферти (именно так он предпочитает подписывать все свои произведения) сообщил о своем отношении к романам и рассказам: «Мои

романы, которые я писал с большой натугой, вызвали гораздо больше внимания критиков, чем мои рассказы, которые сочинялись как бы сами по себе, без моего участия… Тем не менее рассказы представляются мне куда значительнее.

Я исповедую теорию (считая ее безусловно истинной), что хорошие рассказы пишутся сами, или, другими словами, они являются независимыми и представляют собой какие-то сущности (или даже живые существа), которые время от времени являются людям. Иногда эти люди обладают свойством резонировать со всем необычным, что им является; как раз с помощью таких людей эти неведомые нам сущности проявляют себя — и остальные тоже узнают об их существовании. Вы уже догадались, что эти «резонантные» люди называются писателями.

В жизни каждого человека случается не так уж много действительно ярких встреч с чем-то совершенным. Я лишь однажды встретился «лицом к лицу» с горной львицей — и это стало для меня открытием. Лишь однажды видел, как кит выпрыгивал из океанских волн. Лишь раз наблюдал за рогатым горным козлом на краю скалы. Лишь раз любовался розовым фламинго в полете… И лишь раз встречался с каждой из тех

сотен удивительных историй, которые и стали впоследствии моими рассказами. Они приходили ко мне столь же неожиданно и непредсказуемо — и производили в моей душе такой же переворот, как и львица, и фламинго».

МУН, Элизабет

(MOON, Elizabeth)

Американская писательница Элизабет Мун родилась в 1945 году и дебютировала в. научной фантастике рассказом «По дешевке» (1986). Прежде чем заняться фантастикой, Мун прослужила некоторое время… в морской пехоте! Может быть, полученный там специфический опыт определил дух и реалии первой фэнтезийной серии писательницы — «Паксенаррион», героиней которой стала эдакая «нездешняя» святая Жанна-воительница. Серию составили романы «Фермерская дочка» (1988), «Расколотый союз» (1988), «Клятва на золоте» (1989) и другие. В дальнейшем Мун писала как научную фантастику, так и фэнтези, и особенно преуспела в длинных сериалах— «Офелия», «Царствующие династии», «Ирета». Кроме того, она вместе с Джоди Линн Най активно участвовала в межавторских сериях,

в частности, написала несколько продолжений к романам Энн Маккеффри.

НАЙ, Джоди Линн

(NYE, Jody Lynn)

Дебютом американской писательницы Джоди Линн Най (родилась в 1957 году) стали романы из межавторской серии «Перекрестки приключений»; в нее входили произведения, действие которых разворачивалось в том или ином известном фантастическом мире, созданном кем-то из мэтров научной фантастики. Джоди Линн Най опубликовала романы на тему циклов Энн Маккеффри о планете драконов Перне и Пирса Энтони о Ксанте; Най, кстати, является автором «Энциклопедии Ксанта» (1987), «Иллюстрированного справочника по Ксанту Пирса Энтони» (1989; в соавторстве с самим Энтони) и аналогичного «Справочника для любителей драконов Перна» (1989). Писательница продолжала соавторство с Энн Маккеффри и вне серии, результатом его стали продолжения сразу нескольких популярных циклов: «Сассинак», «Дууна», «Поющий корабль» и другие.

Кроме того, Най является автором романа

«Если королю не нравится пьеса» (1993), на сей раз примыкающего к Миру Реки Хозе Филипа Фармера, «фэнтезийной» трилогии «Мифология» (1990–1992) о «малом народце» и еще нескольких внесерийных романов, а также более десятка рассказов, не имеющих отношения ни к одной из серий.

ТРУСКИНОВСКАЯ Далия Мейеровна

Писательница и журналист Далия Трускиновская родилась в 1951 году в Риге, где проживает и сегодня. Окончила филологический факультет Латвийского университета им. П. Стучки. В 1974 году начала сотрудничать с газетой «Советская молодежь», и с тех пор журналистика, по словам самой Трускиновской, — основное средство к существованию. Участница семинаров ВТО МПФ. Первое появление на литературной сцене состоялось в 1981 году: это была историко-приключенческая повесть «Запах янтаря», опубликованная в журнале «Даугава». В 1984 году увидел свет первый авторский сборник Трускиновской, название которому дала дебютная повесть. К фантастике обратилась в 1983 году, написав повесть «Бессмертный Дим» (сборник «Хрустальная медуза»). Однако известность как

писателю-фантасту ей принесла небольшая повесть в жанре «городской фэнтези» — «Дверинда» (1990). Далия Трускиновская — автор 10 книг, написанных в разных жанрах: иронические детективы (в конце 80-х была экранизирована ее повесть «Обнаженная в шляпе»), фэнтези (романы «Королевская кровь», «Монах и кошка», «Шайтан-звезда»), историко-фэнтезийная и историко-приключенческая проза, чистая НФ (роман «Люс-А-Гард»). Неизменным остается главное: великолепное чувство стиля, склонность к стилизациям и ирония. С любимыми авторами — проблема: или нужно оглашать список в полтораста позиций, или объяснять, что каждый год у нее другие любимцы. Но фантастов среди них нет. Зато никаких проблем у писательницы с другими предпочтениями, которые носят по преимуществу «мужской» характер: верховая езда, бодибилдинг, боевые искусства, стрельба.

ФАДЕЕВ Константин Васильевич

Родился в Томске в 1970 году. Окончил строительный институт. Выступал актером студенческих театров, затем стал писать для них. Один из авторов томской команды КВН «Дети лейтенанта Шмидта». Первая опубликованная фантастическая работа — роман «Осколки неба, или Подлинная история «Битлз», написанный в соавторстве с Юлием Буркиным. В 1999 году вышла его сольная книга юмористики «Мечта идиота». Рассказ «Страшная история» из сборника юмористической фантастики «Капуста без кочерыжки» рецензентом журнала «Если» назван «украшением сборника». Один из организаторов фестиваля фантастики «Урания» в Томске. Любимые авторы: Азимов, Желязны, Маркес, Сэлинджер.

Подготовил Михаил АНДРЕЕВ